

- [Святитель Иоанн Златоуст ](#)

- [Беседа 1](#)
- [Беседа 2](#)
- [Беседа 3](#)
- [Беседа 4](#)
- [Беседа 5](#)
- [Беседа 6](#)
- [Беседа 7](#)
- [Беседа 8](#)
- [Беседа 9](#)
- [Беседа 10](#)
- [Беседа 11](#)
- [Беседа 12](#)
- [Беседа 13](#)
- [Беседа 14](#)
- [Беседа 15](#)
- [Беседа 16](#)
- [Беседа 17](#)
- [Беседа 18](#)
- [Беседа 19](#)
- [Беседа 20](#)
- [Беседа 21](#)
- [Беседа 22](#)
- [Беседа 23](#)
- [Беседа 24](#)
- [Беседа 25](#)
- [Беседа 26](#)
- [Беседа 27](#)
- [Беседа 28](#)
- [Беседа 29](#)
- [Беседа 30](#)
- [Беседа 31](#)
- [Беседа 32](#)
- [Беседа 33](#)
- [Беседа 34](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [*](#)
- [-](#)

Введение

Изложенное по записям, после его смерти, Константином, пресвитером антиохийским.*

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#) [13](#) [14](#) [15](#) [16](#) [17](#) [18](#) [19](#) [20](#) [21](#) [22](#) [23](#) [24](#) [25](#) [26](#) [27](#) [28](#) [29](#) [30](#) [31](#) [32](#) [33](#) [34](#)

Предисловие

1. В послании к Римлянам блаженный Павел говорит: «как Апостол язычников, я прославляю служение мое, не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти» ([Рим. 11:13–14](#)); и в другом месте также (говорит): «содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников» ([Гал. 2:8](#)). Итак, если (Павел) был апостолом язычников, – как и в деяниях Бог говорит ему: «иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам» ([Деян. 22:21](#)), – то какое было ему дело до евреев? Для чего он написал к ним послание? При том же (евреи) питали к нему вражду, и это можно видеть из многих мест. Так, послушай, что говорит ему Иаков: «видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев... А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея» ([Деян. 21:20–21](#)); и много искушений часто было ему по этому поводу. Почему же, спросит кто-нибудь, (мужа) сведущего в законе, – а он изучал закон при ногах Гамалиила и имел к этому делу великую ревность, – и потому имевшего возможность с

особенною силою опровергать (противников), Бог не послал к иудеям? Потому, что они из-за этого особенно и стали бы противиться ему. Поэтому Бог, предвидя, что не примут его, говорит ему: «иди к язычникам, ибо (иудеи) не примут свидетельства твоего о Мне²», и он отвечает: «Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его» ([Деян. 22:19–20](#)). Это самое, (говорит), служит знаком и доказательством, что они не поверят ему. И действительно, так обыкновенно бывает: когда кто отступает от какого-нибудь народа, то, если он из людей низших и ничего не значащих, это не очень оскорбляет тех, от которых он отступает; если же он из людей значительных, весьма ревностных и единомышленных с ними, это весьма огорчает и крайне раздражает их, так как отступивший от них своим присоединением к другим весьма сильно ниспровергает их учение. Была, кроме того, и другая причина неверия. Какая? Та, что Петр и другие (апостолы) обращались со Христом, видели знамения и чудеса (Его); а он не был свидетелем ничего такого, но, находясь на стороне иудеев, вдруг отступил от них и сделался одним из апостолов; это в особенности служило доказательством превосходства нашего учения. О тех могли думать, что они свидетельствуют пристрастно, и иной мог сказать, что они из любви к Учителю так проповедуют; а он слышал только один глас (Господа), и свидетельствует о воскресении. Поэтому, как видишь, (иудеи) столь сильно и враждовали против него, возмущались и употребляли все меры к тому, чтобы умертвить его. Но по таким причинам враждовали против него неверные; а почему уверовавшие (из иудеев)? Потому, что он, будучи обязан проповедовать язычникам, проповедовал чистое христианство, и, когда ему случалось находиться, в Иудее, также не стеснялся. Петр и другие с ним, проповедовавшие в Иерусалиме, где была великая ревность (о законе), принуждены были заповедовать – соблюдать закон, а он был совершенно свободен. Его (ученики) были больше из язычников, нежели из иудеев, так как находились вне (Иудеи); потому они и ослабляли закон, не питали к нему такого благоговения, что (Павел) во всем проповедовал чистое (учение). Действительно, за это, как видно, его и осуждали перед народом, когда говорили: «видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев». Потому они и ненавидят и отвращаются, что «о тебе наслышались они, что... учишь отступлению от Моисея.» ([Деян. 21:20–21](#)). Почему же он, не будучи учителем иудеев, пишет к ним послание? И где находились те, к кому он пишет? Мне кажется, в Иерусалиме и в

Палестине. Как же он пишет? Точно так же, как он и крестил, не получив заповеди крестить: я, говорит он, не был послан крестить ([1 Кор. 1:17](#)), однако же не было это и запрещено, он делал это сверх должного. Да и как он не стал бы писать к тем, за которых желал быть отлученным ([Рим. 9:3](#))? Потому он и говорит им: «Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас» ([Евр. 13:23](#)), – так как тогда он еще не был взят под стражу. Два года он прожил в Риме в узах; потом был отпущен; потом ходил в Испанию; потом путешествовал в Иудею, где и виделся с иудеями. Затем он опять прибыл в Рим, где и был лишен жизни по приказанию Нерона. Следовательно это послание написано прежде послания к Тимофею; там он говорит: «Ибо я уже становлюсь жертвою»; и еще там же говорит: «При первом моем ответе никого не было со мною» ([2 Тим. 4:6, 16](#)). Он часто разделял с ними страдания. Так в послании к Фессалоникийцам он говорит: «Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее» ([1Фес. 2:14](#)); и в послании к ним самим говорит: «расхищение имения вашего приняли с радостью» ([Евр. 10:34](#)). Видишь, как они страдали? Если (иудеи) так поступали с апостолами не только в Иудее, но и тогда, когда находились между язычниками, то чего не делали с (прочими) верующими? Потому-то, как видишь, об этих верующих он особенно заботился. Когда он говорит: «иду в Иерусалим, чтобы послужить святым» ([Рим. 15:25](#)); также когда убеждает коринфян к благотворительности, сообщая, что македоняне уже собрали подаяние ([2 Кор. 8:4](#)), и когда говорить: «если прилично будет и мне отправиться» ([1 Кор. 16:4](#)), он выражает это самое; и когда, говорит: «только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности» ([Гал. 2:10](#)), выражает то же; и когда говорит: «подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам *идти* к язычникам, а им к обрезанным» ([Гал.2:9](#)), выражает то же. Говорит он это о тамошних бедных не напрасно, но чтобы и мы также участвовали в благотворительности. Мы, говорит, разделили между собою проповедь, чтобы нам *идти* к язычникам, а им к обрезанным, но не разделили таким же образом попечения о бедных. И везде видно, что Павел имел великое о них попечение, – это и справедливо. Между другими народами, где находились и иудеи и язычники, не было ничего подобного; а там, где (иудеи) думали еще иметь власть и самостоятельность и исполняли многое по собственным законам, – так как правление еще не установилось и еще не совершенно перешло в руки римлян, – не удивительно, что они позволяли себе делать великие притеснения. Если и в других городах, как например в Коринфе, они били начальника синагоги

пред судилищем проконсула, и Галлион нисколько об этом не беспокоился ([Деян. 18:17](#)); то чего не (делали они) в Иудее?2. В других городах, как видишь, они приводили (верующих) к начальникам и имели нужду прибегать к их помощи и к народу, а здесь они нисколько не заботились об этом, но сами составляли синедрион и убивали, кого хотели. Так они убили Стефана, так подвергли бичеванию апостолов, не отводя их к начальникам; так они хотели убить и Павла, если бы не вступился тысяченачальник ([Деян. 22:29, 30](#)). Это было потому, что еще существовали священники, еще цел был храм с богослужением и жертвами. Сам Павел, смотри, подчиняется суду первосвященника и говорит: «я не знал, братия, что он первосвященник», и притом при начальнике ([Деян. 23:5](#)), – потому что они еще имели тогда большую власть. Представь же, какие гонения должны были терпеть (верующие), жившие в Иерусалиме и Иудее. Итак, удивительно ли, если тот, кто желал быть отлучен за (иудеев) еще не уверовавших, и так служил верующим, что готов был и сам идти в случае нужды, и всегда имел о них великое попечение, увещевает и утешает их посредством писания, а падающих и лежащих исправляет? И действительно, они уже изнемогали и отчаивались от множества скорбей. Это он выражает в конце (послания), когда говорит: «Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени» ([Евр. 12:12](#)); и еще: «ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит» ([Евр. 10:37](#)); и еще: «Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» ([Евр. 12:8](#)). Так как они были иудеи и от отцов своих научились ожидать доброго и злого немедленно, в настоящей жизни, а между тем тогда было напротив – доброе в надежде после смерти, а злое в настоящей действительности, и многие из них, претерпевая многое, неизбежно впадали в малодушие, то он и оказывает великое о них попечение. Впрочем, об этом мы скажем пространнее в свое время; а теперь заметим только, что ему необходимо было писать к тем, о которых он имел такое попечение; причина, почему он не был послан к ним, очевидна, но она не препятствовала ему писать к ним. А что они впадали в малодушие, это он выражает, когда говорит: «Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось» ([Евр. 12:12, 13](#)); и еще: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви» ([Евр. 6:10](#)). Душа, подвергающаяся многим искушениям, часто отпадает от веры. Потому он увещевает их внимать слышанному и не иметь сердца злого и неверного. Для того же он, в этом особенно послании, много беседует о вере и в конце представляет многие примеры того, что и тем (древним) не

были дарованы блага, обещанные немедленно. Кроме того, чтобы они не считали себя отверженными, делает им два внушения: первое – мужественно переносить все случающееся, второе – несомненно ожидать воздаяния, потому что Бог не презрит Авеля и последующих праведников, не получивших воздаяния. Утешает их тремя способами: во-первых, тем, что претерпел Христос, так как сам Он говорит: «раб не больше господина своего» ([Иоан. 15:20](#)); во-вторых, благами, которые уготованы верующим; в-третьих, бедствиями. И подтверждает это не только будущим, что было еще не так убедительно, но и прошедшим, – тем, что случилось с отцами их. Так поступает и Христос, внушая: «раб не больше господина своего», и еще: «В доме Отца Моего обителей много» ([Иоан. 14:2](#)), и угрожая неверующим бесчисленными бедствиями. Много также говорит (апостол) о новом и ветхом завете, потому что это весьма нужно было ему для уверения в истине воскресенья. Чтобы они, слыша о страданиях (Господа), не стали сомневаться в воскресении, он подтверждает это пророчествами, и доказывает, что заслуживает уважения не иудейское учение, а наше, и так как тогда еще и храм стоял и были жертвы, то он и говорит: «Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» ([Евр. 13:13](#)). Но и это самое не благоприятствовало ему; иные справедливо могли сказать: если это – тень, если это – образ, то почему не прошло и не прекратилось при появлении истины, а еще продолжается? Он внушает, что мало-помалу исполнится и это в свое время. А что они уже давно приняли веру и терпят скорби, это он выразил в следующих словах: «Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями» ([Евр. 5:12](#)); еще: «Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного» ([Евр. 3:12](#)); и еще: «дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования» ([Евр. 6:12](#)).

**Святитель Иоанн Златоуст **

Толкование на послание к Евреям¹

Беседа 1

[Евр.1:1-2](#). Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил.

1. Поистине «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» ([Рим. 5:20](#)). Это выражает блаженный Павел и здесь, в начале послания к Евреям. Так как они, вероятно, были огорчены и изнурены бедствиями и, судя по этим обстоятельствам, считали себя ниже всех других (людей), то (апостол) внушает, что они получили гораздо большую и превосходнейшую благодать, и таким образом ободряет слушателей самым началом речи. Потому и говорит: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне». Почему он не противопоставляет пророкам самого себя? Он был тем больше их, чем больше было вверено ему, – однако он не делает этого. Почему же? Во-первых, потому, что он не хотел говорить о себе что-нибудь великое; во-вторых, потому, что слушатели еще не были совершенными; и в-третьих, потому, что он желал более возвысить их и показать великое превосходство (нового завета пред ветхим). Он как бы так говорит: что великого в том, что (Бог) посылал к отцам нашим пророков? К нам Он послал самого Сына своего едиnorodного. Хорошо он начал речь словами: «многократно и многообразно», выражая, что и сами пророки не видели Бога, а Сын видел. Выражения: «многократно и многообразно» значат: различно. «Я..., – говорит (Бог), – умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи.» ([Ос. 12:10](#)). Таким образом, превосходство (нового завета пред ветхим) не только в том, что к тем были посылаемы пророки, а к нам Сын, но и в том, что никто из них не видел Бога, а Сын едиnorodный видел. Впрочем (апостол) не тотчас высказывает это, но объясняет в дальнейших словах, когда говорит об (Его) человечестве: «Ибо кому когда из Ангелов сказал Бог: Ты Сын Мой»; и: «седи одесную Меня» ([Евр. 1:5, 13](#))? И заметь великую его мудрость: он наперед доказывает это превосходство пророчествами, а потом, когда сделал такую истину несомненною, сам объясняет, что тем Бог глагодал чрез пророков, а нам чрез Едиnorodного. Если же тем (Бог говорил) и чрез ангелов, – ведь и ангелы беседовали с иудеями, – то и в этом мы имеем преимущество, так как с нами говорил Владыка, а с теми рабы, – потому что и ангелы и пророки – равно рабы. Хорошо он сказал: «в последние дни»; это ободряет их

и утешает отчаявшихся. Как в других местах он говорит: «Господь близко. Не заботьтесь ни о чем» ([Фил. 4:5–6](#)); и еще: «Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали» ([Рим. 13:11](#)), – так и здесь. Что же означают слова его? То, что всякий, изнуренный в подвигах, услышав о конце подвигов, несколько ободряется, видя, что настает конец трудов и начало отдыха. «В последние дни сии говорил нам в Сыне». Вот опять говорит: «в Сыне», (т.е.) «через Сына», вопреки утверждающим, что это принадлежит Духу. Видишь, что «в» употребляется вместо «через?» А слова: «издревле» и «в последние дни» означают еще нечто другое. Что же такое? То, что по истечении долгого времени, когда мы были наказываемы, когда оскудели (духовные) дарования, когда не было надежды на спасение, когда отовсюду мы ожидали худшего, тогда и получили лучшее. И смотри, как мудро он выразил это: не сказал: «говорил Христос», хотя Он был «говоривший», но, так как души слушателей были еще слабы и не могли слышать о Христе, то он говорит: «говорил нам в Сыне». Что говоришь ты? Бог говорил чрез Сына? Да. В чем же преимущество? Здесь ты показываешь, что и новый и ветхий заветы принадлежат одному и тому же (Богу); следовательно между ними нет важного преимущества. Потому далее он и объясняет эти слова, говоря: «говорил нам в Сыне». Заметь, как Павел обобщает это и уравнивает себя самого с учениками: «говорил, – говорит, – нам». Хотя Он говорил не ему, но апостолам и чрез них прочим, но Павел возвышает иудеев и внушает, что Бог говорил и им, а вместе с тем некоторым образом и укоряет их, потому что почти все, которым говорили пророки, были порочны и развратны. Впрочем, он теперь еще не распространяется об этом, а говорит наперед о дарах, ниспосланных от Бога. Потому и продолжает: «Которого поставил наследником всего». Здесь он указывает на воплощение (Христово), подобно как и Давид во втором псалме говорит: «проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе» ([Псал. 2:8](#)). Теперь уже не Иаков – часть Господня, и не Израиль – наследие Его, но все. Что значит: «Которого поставил наследником всего»? Т.е. сделал Его Господом всех, как и в Деяниях сказал Петр: «Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса» ([Деян.2:36](#)). Название же «наследник» (апостол) употребляет для того, чтобы выразить два понятия: истинность сыновства и неотъемлемость господства Его. «Наследником всего», т.е. всего мира. Затем он опять обращает речь к прежде бывшему: «через Которого и веки сотворил».

2. Где те, которые говорят: было (время), когда (Его) не было? Далее (апостол) постепенно изрекает о Нем гораздо важнейшее этого: «Сей, – говорит, – будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом

силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя» ([Евр. 1:3, 4](#)). О, мудрость апостольская! Или лучше сказать, нужно удивляться здесь не мудрости Павла, но благодати Духа, потому что он изрек это не от собственного разума, и не от себя произнес такую премудрость, – как ожидать этого от скобели, от кожи, от мастерской? – но от божественной силы такие изречения. Подлинно, такие мысли произошли не от его разума, который прежде был так мал и бессилен, что нисколько не превосходил (разума) простолудинов, – как ожидать иного от преданного заботам о купле и кожах? – но от благодати Духа, которая, чрез кого хочет, чрез того и являет свою силу. Подобно тому, как если кто хочет возвести малое дитя на какое-нибудь высокое место, достигающее до самой высоты небесной, то делает это постепенно и мало-помалу возводит его с низших ступеней на высшие; потом, когда, поставив его вверху и приказав посмотреть вниз, увидит, что оно смущается, страшится и чувствует головокружение, то берет его и опять низводит на место более низкое, доставляя ему возможность отдохнуть; а после, когда оно отдохнет, опять возводит, и затем опять низводит, – так точно поступает и блаженный Павел и с евреями, и везде, научившись этому от своего Учителя. Ведь и сам (Христос) поступал так же, то возводя слушателей на высоту, то низводя их, и не допуская их долго оставаться на одной и той же степени. Посмотри же, как здесь (апостол), проведши слушателей чрез несколько ступеней и поставив их на самой высоте благочестия, прежде нежели они смутились и почувствовали головокружение, опять низводит их ниже и дает отдохнуть: «говорил, – продолжает, – нам в Сыне», и потом: «Которого поставил наследником всего». Имя «Сына» есть общее (имя); но когда разумеется истинный (Сын Божий), то оно выше всех; как бы то ни было, здесь (апостол) внушает и доказывает, что Он – высок.

Смотри же, как он наперед поставляет их на низшей степени, говоря: «Которого поставил наследником всего», – потому что «поставил наследником» означает не высокое дело, – потом на более высокой, присовокупляя: «чрез Которого и веки сотворил», затем на, самой высшей – такой, после которой уже нет другой: «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его». Здесь он возводит их поистине к неприступному Свету, к самому сиянию. Но прежде, нежели (ум их) помрачился, смотри, как он опять мало-помалу низводит их: «и держа всё, – говорит, – словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте». Непросто сказал: сидел, но: после очищения «воссел».

Напоминает о воплощении, и говорит опять об уничиженном. Потом, снова, сказав нечто высокое в словах: «одесную престола величия на высоте», говорит опять нечто смиренное, присовокупляя следующее: «будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя». Здесь он говорит о домостроительстве во плоти, потому что слова: «будучи столько превосходнее» указывают не на существо, единое с существом Отца, – оно не было, а родилось, – но на существо плоти; это – было. Впрочем, он говорит теперь не о происхождении существа; но, подобно тому, как Иоанн говорил: «Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» ([Иоан. 1:15](#)), выражая, что Он почтеннее и славнее, так и Павел здесь словами: – «будучи столько превосходнее Ангелов» – выражает, что Он выше и превосходнее, – «сколько славнейшее пред ними наследовал имя». Видишь, что это сказано по отношению к плоти (Христовой)? Имя: «Бог-Слово» Он имел всегда, а не наследовал впоследствии, и не тогда Он стал превосходнее ангелов, когда совершил очищение грехов наших, но всегда был превосходнее и несравненно превосходнее. Следовательно, это сказано по отношению к плоти. Так и мы обыкновенно, рассуждая о человеке, говорим о нем и низкое и высокое. Когда, например, мы говорим: человек – ничто, человек – земля, человек – пепел, то относим все это к низшей его части; а когда говорим: человек – существо бессмертное, человек – разумен, сроден горным (силам), то относим все это к высшей его части. Так и Павел о Христе говорит иногда с низшей стороны, а иногда с высшей, желая объяснить домостроительство и сказать о нетленном существе Его.

3. Итак, если Он совершил очищение грехов наших, то постараемся остаться чистыми и не принимать никакой нечистоты, но ту красоту и то благолепие, которые Он сообщил нам, будем тщательно соблюдать настолько неповрежденными и неприкосновенными, чтобы в нас не было никакой скверны или нечистоты, или чего-нибудь подобного. Ведь и малые грехи – нечистота и скверна, как напр. злословие, поношение, ложь; а лучше сказать, и эти грехи не малы, но весьма велики, – так велики, что они лишают царствия небесного. Как и каким образом? «А Я говорю вам..., – говорит (Господь), – брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.» ([Мф.5:22](#)). Если же так виновен называвший брата своего глупцом, – что кажется незначительнее всего и свойственно детской беседе, – то называющий его злонравным, злодеем, завистником, и осыпающий другими бесчисленными оскорблениями, какому не предан будет суду и наказанию? Что может быть ужаснее этого? Но внимайте, прошу вас,

словам моим. Если творящий «одному из сих братьев Моих меньших» творит Ему самому, и не творящий «одному из сих меньших» не творит Ему самому ([Мф. 25:40, 45](#)), то не то же ли самое бывает и со злословием и поношением? Злословящий брата своего злословит Бога, и воздающий честь брату своему воздает честь Богу.

4. Будем же приучать язык свой говорить доброе: «Удерживай, – говорит (Псалмопевец), – язык свой от зла» ([Псал. 33:14](#)). Бог не для того нам дал его, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали друг на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что благодать внушает слушающим, что (служит) к назиданию, к пользе. Ты сказал о ком что-нибудь худое; какую же ты получаешь пользу, причиняя вред вместе с ним и себе самому? Ведь ты заслуживаешь название поносителя. Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевавшем, а не обращалось и на причиняющего зло; так, например, завистливый по-видимому строит козни другому, но наперед сам вкушает плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей ненависти; любостяжательный лишает имущества других, но вместе с тем лишает и себя самого любви, или лучше, заслуживает всеобщее порицание. Хорошая слава гораздо лучше богатства; её лишиться не легко, а потерять богатство легко; или лучше сказать, когда его нет, то не имеющий не терпит никакого вреда, а когда её нет, то человек подвергается осуждению и осмеянию, делается врагом и ненавистным для всех. Также гневливый наперед наказывает себя, терзаясь в себе в самом, а потом уже того, на кого гневается. Подобным образом и злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорит худо; или даже не может и этого достигнуть, но сам заслуживает название человека дурного и ненавистного, а того делает еще более любимым. В самом деле, если тот, о ком он говорит худо, не оплачивает ему тем же, но хвалит и превозносит его, то воздает похвалу не ему, а себе самому. Как поношение ближних обращается наперед, как я прежде сказал, на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим. Делающий добро и зло непременно сам первый испытывает последствия; как вода, истекающая из источника, либо горькая, либо вкусная, и наполняет сосуды приходящих, и не уменьшает производящего её источника, так точно зло и добро, от кого происходит, того и радуется или губит. Это бывает здесь.

А какое будет там добро или, зло, кто может выразить словом? Никто не может. (Тамошние) блага превышают всякий ум, не только слово; а противное им, хотя выражается словами обычными для нас, – там,

говорится, огонь, мрак, узы, червь нескончаемый, – но они означают не только то, что выражают, а нечто другое, гораздо ужаснейшее. Чтобы ты убедился в этом, обрати теперь же внимание прежде всего на следующее. Если (там) огонь, то, скажи мне, каким образом (там же) и мрак? Видишь ли, что тамошний огонь гораздо ужаснее здешнего? Он не имеет света. Если (там) огонь, то каким образом он сжигает непрестанно? Видишь ли, что он гораздо ужаснее здешнего? Он не угасает, почему и называется неугасаемым. Представим же, какое мучение – быть сжигаемым непрестанно, находиться во мраке, испускать бесчисленные вопли, скрежетать зубами и не быть услышанным. Если здесь человек, воспитанный благородно, попавши в темницу, только чувствовать зловоние, находиться во мраке и содержаться вместе с убийцами считает ужаснее всякой смерти, то представь, каково быть сжигаемым вместе с убийцами вселенной, ничего не видеть и не быть видимым, но среди такого множества людей считать себя одиноким. Действительно, мрак и отсутствие света не позволит нам распознавать даже ближних, но каждый будет в таком состоянии, как будто бы он страдал один. Если же мрак сам по себе тяготит и смущает наши души, то что будет, когда к мраку присоединятся такие мучения и сожигания? Потому, прошу, будем постоянно содержать это в своей памяти и переносить скорбь от слов, чтобы не испытать наказания на деле. А всё это непременно исполнится, и тех, кто совершит дела, достойные тамошних наказаний, не избавит никто, ни отец, ни мать, ни брат, хотя бы кто имел и великое дерзновение, и великую силу пред Богом. «Брат не избавит, – говорит (Писание), – избавит ли человек» ([Псал. 48:8](#))? Сам (Бог) воздаст каждому по делам его, – и чрез них только можно и спастись и подвергнуться мучению.

«И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным» ([Лук. 16:9](#)). Будем же повиноваться, – это заповедь Господня; будем избытки богатства разделять нуждающимся; будем творить милостыню, пока это в нашей власти, – это и значит творить «себе друзей богатством»; будем расточать богатство на бедных, чтобы истощить тамошний огонь, чтобы погасить его, чтобы там иметь дерзновение. Там не они (друзья) примут нас, но дела наши. А что не просто одно только приобретение друзей может спасти нас, видно из самого добавления. Почему в самом деле (Господь) не сказал: «приобретайте себе друзей, чтобы приняли вас в вечные селения», но добавил и то, каким образом (сделать это)? Сказав: «богатством неправедным», Он выразил, что надобно приобретать друзей посредством имущества, и внушил, что одна только дружба не защитит нас, если мы не будем иметь добрых дел, если не расточим праведно

богатства, собранного неправедно. Такая заповедь нам о милостыне относится не к богатым только, но и к бедным; хотя бы кто питался, выпрашивая у других, и к нему относится эта заповедь, – потому что нет, истинно нет ни одного такого бедняка, как бы он ни был беден, чтобы у него не нашлось «две лепты» ([Мк. 12:42](#)). Следовательно, можно и дающему из малого малое превзойти имеющих много и дающих много, как и было с тою вдовою. Величина милостыни измеряется не мерою подаваемого, но произволением и усердием подающих. Так везде нужно произволение, везде любовь к Богу. Если мы будем делать все по её побуждению, то, хотя бы мы давали немного, имея немного, – Бог не отвратит лица Своего, но примет и малое, как великое и необыкновенное. Он смотрит на произволение, а не на то, что дается; если видит, что оно велико, то обращает на него свое решение и приговор, и делает (подающих) участниками вечных благ, которых да сподобимся все мы достигнуть, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 2

[Евр.1:3](#). Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте.

1. Всегда нужно иметь благоговейное расположение духа, особенно же когда мы говорим или слушаем что-нибудь о Боге, потому что ни язык сказать, ни ухо услышать не может ничего, соразмерного (величию) Божию. Что я говорю – язык и ухо? Самый ум, который много превосходит их, не может ничего постигнуть в точности, когда мы хотим сказать что-нибудь о Боге, потому что если «мир Божий превосходит всякий ум» ([Фил. 4:7](#)), и если уготованное любящим его не возшло на сердце человека ([1Кор. 2:9](#)), то тем более сам Бог мира, Создатель всего, несравненно превосходит наше разумение. Потому должно принимать все с верою и благоговением и, когда слово становится слабым и не может в точности выразить предлагаемого, тогда в особенности и прославлять Бога, за то, что мы имеем такого Бога, который превосходит наш ум и слово. Многие из того, что мы думаем о Боге, не можем выразить словом, и многое, что выражаем словом, не можем представить умом; например, мы знаем, что Бог (присутствует) везде, но каким образом, этого не разумеем; мы знаем, что существует некоторая бестелесная сила, виновница всех благ, но каким образом она существует, не знаем. Это мы говорим, но не разумеем; я говорю, что Бог везде, но не понимаю; говорю, что Он безначален, но не постигаю; говорю, что Он рождает из Себя самого, но опять не знаю, как понимать это. А иное невозможно выразить словами, – т.е. ум представляет, а язык выразить не может. А чтобы ты знал, как и сам Павел был не в состоянии (выразить), как подобия, приводимые им, не точны, и чтобы ты после того ужаснулся и ничего не искал более надлежащего, послушай: сказав о «Сыне» и назвав Его «Творцом», что он присовокупляет? «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его». Это надобно принимать с благоговением, а нелепые мысли отвергать. «Сияние, – говорит, – славы». Смотри, в каком смысле он принимает это, и сам принимай точно также, т.е., – что из Него (Сын – из Отца), что бесстрастно, что без уменьшения или унижения; а есть люди, которые выводят из этого подобия некоторые нелепости. «Сияние», – говорят они, не самостоятельно, имеет (основание) бытия в другом.

Но ты, человек, не принимай этого, не впадай в болезнь Маркелла и

Фотина. (Апостол) тотчас же предлагает тебе врачевание и не позволяет тебе принять такой мысли и впасть в такую пагубную болезнь. Что же говорит он? «и образ ипостаси Его»; этим прибавлением он выражает, что как Отец самостоятелен и не имеет ни в ком нужды для того, чтобы быть самостоятельным, так точно и Сын. Здесь он доказывает безразличие их (по существу) и, указывая тебе на соответственный образ первообраза, учит, что и Сын самостоятелен сам по себе. Сказав выше, что Им Бог сотворил все, здесь он приписывает власть Ему самому. Что же говорит он? «Держа все словом силы Своей». Отсюда мы научаемся, что (Сын) не только есть образ ипостаси (Отца), но и всем управляет совластно. Видишь, как то, что свойственно Отцу, принадлежит и Сыну. Потому он не просто сказал: держа все, не сказал также: силою своею, но: «словом силы Своей». Как прежде (апостол) мало-помалу то восходил с нами, то нисходил, так и теперь он, как бы по ступеням, то восходит на высоту, то опять нисходит, когда говорить: «и веки сотворил». Посмотри, как он и здесь пролагает два пути: предостерегая нас от новшеств Савеллия и Ария, из которых первый отвергал остальное (различие лиц) в существе Божиим, а второй расторгал единое существо неравенством (Сына Отцу), он сильно опровергает то и другое. Как же он делает это? Попеременно говорит и то и другое – чтобы не думали, что (Сын) безначален, или чужд Богу. Не удивляйся сказанному, возлюбленный; ведь если и после таких доказательств находятся люди, которые почитают (Сына) чуждым (Отцу), дают Ему другого отца и даже говорят, что он противодействует (Отцу), то чего не говорили бы они, если бы не сказал этого? Когда требуется врачевать заблуждающихся, то он находит нужным сказать нечто уничиженное. Именно: «Которого, – говорит, – поставил наследником всего», и еще: «через Которого и веки сотворил». А потом, чтобы не нанести вреда в другом отношении, он переходит от выражений, означающих уничижение, к выражениям, означающим власть, и показывает, что (Сын) равночестен Отцу, и так равночестен, что многие считали Его за Отца. И посмотри на великую мудрость (апостола): наперед он излагает первое и твердо доказывает это; когда же доказал, что Он есть Сын Божий и не чужд Отцу, тогда уже без опасения предлагает и всё высокое, что хотел предложить. Так как, предлагая о Нем высокое, можно было навести многих на вышесказанную мысль, то (апостол) наперед излагает уничиженное, а потом без опасения восходит на высоту, на какую хотел; сказав: «Которого поставил наследником всего», и: «через Которого и веки сотворил», он далее присовокупляет: «держа все словом силы Своей». Кто одним словом управляет всем, тот не может иметь в ком-

нибудь нужды, чтобы произвести все.

2. И что это действительно так, смотри, как (апостол) в дальнейших словах приписывает Ему власть и уже не говорит: «через Которого». Сказав, что (Бог) чрез Него сотворил, что хотел, он потом оставляет это выражение и говорит: «в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих» ([Евр. 1:10](#)); уже не говорит: «через Которого», т.е., что чрез Него сотворил века. Но как же, разве не Им они сотворены? Правда, но не так, как ты говоришь, не так, как ты представляешь, не как чрез орудие, и не так, что Он не сотворил бы их, если бы Отец не подал Ему руки помощи. Как «Отец... не судит никого», но судит, сказано, через Сына ([Иоан. 5:22](#)), потому что родил Его Судиею, так и творит чрез Него, потому что родил Его Творцом. Если Отец есть начало Его, то тем более (начало) сотворенного Им.

Итак, когда (апостол) хочет показать, что (Сын) из Него, то по необходимости говорит уничиженное; а когда желает говорить высокое, то наносится удар Маркеллу и Савеллию. Но Церковь избегла крайности тех и других и идет средним путем. Не останавливается на уничиженном, чтобы не нашел убежища Павел Самосатский, и не ограничивается одним только высоким, а вместе с тем показывает великую близость (Сына к Отцу), чтобы не возражал Савеллий. Когда он сказал: «Сына», то немедленно восстает Павел Самосатский и говорит, что Он такой же Сын, как и многие. Но (апостол) нанес ему смертельную рану, присовокупив: «наследником всего». Но тот все еще бесстыдствует вместе с Арием; именно слова: «Которого поставил наследником всего» – они оба принимают, первый утверждая, что (эти слова) означают бессилие, а второй стараясь перетолковать и дальнейшие (слова). Павел сказал: «через Которого и веки сотворил», и тем решительно ниспровергнул бесстыдного Павла Самосатского; но Арий по-видимому еще держится крепко. Посмотри же, как (апостол) ниспровергнул и его, сказав далее: «Сей, будучи сияние славы». Но вот еще восстают Савеллий, Маркелл и Фотин. Всем им (апостол) нанес один удар, сказав: «и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей». Здесь он поражает также Маркиона, – хотя не слишком сильно, однако же поражает. Вообще во всем послании он их опровергает. Он назвал Сына, как я сказал, сиянием славы, – и хорошо. Сам Христос, послушай, что говорит о Себе: «Я свет миру» ([Иоан. 8:12](#)). Для того (и апостол) назвал Его сиянием, чтобы показать, что и там сказано то же самое, т.е., что (Сын от Отца) как свет от света. Впрочем не только это здесь показывается, но и то, что Он просветил наши души. Словом: «сияние» (апостол) выражает равенство по существу и близость к

Отцу. Посмотри, какая тонкость в словах: именуя единое существо, названное ипостасью, он доказывает, что (Сын и Отец) две ипостаси, подобно как он делает и в отношении к Духу. Как он говорил, что одно ведение у Отца и Духа ([1Кор. 12:4, 5](#)), которое действительно одно и несколько не различно само в себе, так и здесь он употребляет одно слово для доказательства двух ипостасей. При этом присовокупляет: «и образ». Образ – нечто отличное от первообраза, впрочем, отличное не совершенно, но в отношении к самостоятельности; так и здесь «образ» означает безразличие от Того, чей образ, сходство с Ним во всем. Если же Он называется подобием и образом, то что скажут на это (еретики)? И человек, скажут, называется образом Божиим ([Быт. 1:26](#)). Но так ли, как Сын? Нет, скажут, но (отсюда и видно), что образ не означает сходства. Напротив, когда человек называется образом ($\epsilon\acute{\iota}\chi\acute{\omega}\nu$), то означает сходство (его с Богом), сколько возможно человеку. Что Бог на небе, то человек на земле, т. е. по владычеству; как он обладает всем на земле, так Бог обладает всем на небе и на земле. А с другой стороны, человек не называется таким же образом ($\chi\alpha\rho\alpha\kappa\tau\acute{\eta}\rho$), не называется таким же подобием ($\mu\omicron\rho\phi\acute{\eta}$), не называется сиянием, чем означает существо, или сходство по существу. Как «образ раба» ([Фил. 2:7](#)) означает не что иное, как совершенного человека, так и образ Бога означает не что иное, как Бога. «Сей, будучи, – говорит, – сияние славы». Посмотри, как поступает Павел. Сказав: «Сей, будучи сияние славы», – он далее присовокупляет: «воссел одесную престола величия»; из всех употребляемых названий он не находит ни одного, которое выражало бы самое существо (Божие). Действительно, ни «величие», ни «слава» не выражают того, что он хочет сказать; вообще он не находит названия. Потому я и сказал в начале, что иное мы представляем в уме, но не можем выразить словом; и самое имя: «Бог» не есть название существа Его, так что совершенно невозможно найти название для выражения существа Его; Впрочем, что удивительного, если так в отношении к Богу, когда и в отношении к ангелу невозможно найти название, которое выражало бы существо его, и может быть, даже в отношении к душе: мне именно кажется, что это название (душа) означает не самое существо её, но способность дышать. Потому-то называют её и душою, и сердцем, и умом: «Сердце чистое, – говорит (Псалмопевец), – сотвори во мне, Боже» ([Псал. 50:12](#)). И не только так, но часто называется она и духом. «И держа все словом силы Своей». Видишь ли, что говорит (апостол)?

3. Как же, скажи мне, ты, еретик, указывая на слова Писания: «И сказал Бог: да будет свет» ([Быт. 1:3](#)), говоришь, что Отец повелевает, а Сын

повинуется? Вот и здесь Он сам творит *глаголом*: «держа, – говорит (апостол), – все», т.е. управляя, – сдерживая то, что может распасться. Держать мир не менее значит, чем и сотворить мир, или, если можно сказать нечто удивительное, даже более. Сотворить значить привести что-нибудь из небытия в бытие; а держать уже существующее, но готовое обратиться в ничто, соединять противоборствующее между собою, это – дело великое и удивительное, это – знак великой силы. Словом: «держа» он выражает также легкость этого дела (для Господа). Не сказал: «управляя», но употребил переносное выражение, заимствованное от движущих что-нибудь и обращающих одним пальцем. Вместе с тем выражает огромную великость создания, и то, что эта великость ничего не значит для Него. Далее опять выражает, что (для Господа) это дело не составляет труда, словами: «словом силы Своей». Хорошо сказал: «словом»; у нас слово бывает бессильно, а у Бога, говорит, оно не бывает бессильно. Сказав: «держа все словом», – он, однако, не прибавил, каким образом носить словом, потому что знать это – невозможно. Затем говорит о «величествии» Его. Так сделал и Иоанн: сказав, что Он – Бог, присовокупил и то, что Он – Создатель тварей. Что (Иоанн) выразил словами: «В начале было Слово», – и: «Все чрез Него начало быть» ([Иоан. 1:1, 3](#)), то же самое и Павел выражает, говоря: «словом», а также: «чрез Которого и веки сотворил», – выражает именно, что Он и Создатель и существует прежде всех веков. Итак, если об Отце пророк говорит: «от века и до века Ты – Бог» ([Псал. 89:3](#)) и о Сыне говорится, что Он существует прежде всех веков и есть Создатель всего, то что могут сказать (еретики)? Или лучше, если об Отце сказано, что Он есть «сущий прежде веков», и о Сыне говорится тоже самое? Как (Иоанн) сказал: «В Нем была жизнь» ([Иоан. 1:4](#)), выражая, что Он сохраняет твари, что Он есть жизнь всего, так и (Павел) говорит: «И держа все словом силы Своей»; а не так, как говорят язычники, которые лишают Его, сколько могут, и творчества, и промышленности, и ограничивают силу Его луною. «Собою, – говорит, – совершив очищение грехов наших». Сказав о делах удивительных и великих, самых высоких, (апостол) говорит потом и о попечении Его о людях. Хотя и вышесказанные слова: «держа все» относились ко всем, но эти означают гораздо более. Они также относятся ко всем, потому что, сколько от Него зависело, Он спас всех. Так и Иоанн, сказав: «В Нем была жизнь» и тем указав на промышление Его, говорит еще: «и свет» ([Иоан. 1:5](#)), выражая то же самое. «Собою, – говорит, – совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте». Здесь он представляет два величайших доказательств Его попечения: одно

в том, что Он очистил грехи наши, а другое в том, что сделал это Собою. И часто можешь видеть, как (апостол) восхищается не только тем, что совершилось примирение с Богом, но и тем, что оно совершено Сыном. Подлинно, этот великий дар стал еще больше потому, что (сообщен) Сыном. Сказав: «воссел одесную», и: «совершив Собою очищение грехов наших», и напомнив о кресте, (апостол) вместе с тем прибавляет о воскресении и вознесении. И посмотри на неизреченную мудрость его; не сказал: повелено Ему сесть, но: «воссел»; далее же, чтобы ты не подумал, будто Он стоял, присовокупил: «Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня» ([Евр.1:13](#))? «Воссел, – говорит, – одесную престола величия на высоте». Что значит: «на высоте»? Не ограничивает ли он Бога каким-нибудь местом? Нет, не для внушения нам такой мысли он сказал это; но как выражением: «одесную» он изображает не внешний вид Его, а показывает равночестность Его с Отцом, так и выражением: «на высоте» не заключает Его там, а означает, что Он выше всех и превзошел все, и как бы так говорит: Он достигнул до самого престола Отчего. Как Отец «на высоте», так точно и Он; и соседение означает не что иное, как равночестность. Если же (еретики) будут возражать: (однако же Бог сказал Ему «седи», то мы спросим их: что же, стоящему ли (Ему Бог сказал это)? Невозможно доказать. И с другой стороны, (апостол) не говорит, что Бог повелел или приказал, но: «сказал Бог: седи», и при том для того, чтобы ты не подумал, что он не имеет начала и причины (в Боге Отце). А что это действительно так, видно из места сидения; если бы нужно было выразить уменьшение, то было бы сказано не одесную, но ошуюю.

«Будучи, – говорит, – столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя» ([Евр.1:4](#)). Слово «будучи» здесь употреблено вместо: явившись; иначе можно сказать: есть. Далее (апостол) и подтверждает это. Чем? Именем. Видишь ли, что имя – Сын всегда означает истинное сыновство Его? Подлинно, если бы Он не был истинным Сыном, то не было бы так сказано. Почему? Потому, что бывает истинным (Сыном) не иначе, как получая бытие из самого (Отца). Потому (апостол) и приводит такое подтверждение. А если бы Он был Сыном по благодати, то не только не был бы преславнее ангелов, но был бы даже ниже их. Почему? Потому, что и люди праведные называются сынами (Божиими); и имя – Сын, если оно не означает истинного (Сына), не может доказывать превосходства Между тем (апостол), желая доказать, что есть некоторое различие между тварями и Творцом, послушай, что говорит: «Ибо кому когда из Ангелов сказал Бог: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя?» и опять: «Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном»

([Евр.1:5](#))? Здесь одно сказано о плоти (Христовой), именно слова: «Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном» – означают воплощение Его; а другое, именно: «Ты Сын Мой», означает не что иное, как то, что Он из самого (Отца). Как выражение: «сущий» употребляется о Боге в настоящем времени, потому что оно всего более прилично Ему, так выражение: «ныне», мне кажется, сказано здесь по отношению к плоти. Когда Он принял ее, то уже все подобное без опасения говорится о Нем. Плоть может получать возвышение, равно как Божество – унижение; и если Бог не возгнушался сделаться человеком, не отрекся от дела, то станет ли Он отрекаться от наименований?

4. Зная это, не будем стыдиться, не будем и превозноситься. Если Он, будучи Богом, Владыкой и Сыном Божиим, не отрекся принять «образ раба» ([Фил. 2:7](#)), то тем более мы должны делать все, хотя бы то было самое униженное. И чем, скажи мне, превозносишься ты, человек? Благами ли житейскими? Но они тотчас исчезают, как скоро являются. Духовными ли? Но и то есть одно из духовных благ, чтобы не превозноситься. Чем же ты превозносишься? Тем ли, что делаешь добрые дела? Но послушай Христа, который говорит: «когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» ([Лук. 17:10](#)). Богатством ли ты превозносишься? Но, скажи мне, почему? Разве ты не слышал, что мы наги вошли в жизнь, наги и отойдем ([Иов. 1:21](#))? Или лучше, разве ты не видишь, как другие отходят прежде тебя нагими и лишенными всего? Кто превозносится тем, что у него есть чужое? А кто хочет пользоваться этим для одного собственного наслаждения, тот лишается его и против воли, часто еще прежде смерти, а при смерти непременно. Но скажут: пока мы живы, мы пользуемся им, как хотим. Нет, – не скоро найдешь человека, который бы пользовался имуществом, как он хочет; а если бы кто и пользовался им, как хочет, то и это не важное дело, потому что время настоящее кратко в сравнении с бесконечными веками. Тем ли превозносишься, человек, что ты богат? Почему же? Богатство бывает и у разбойников, и воров, и убийц, и развратников, и прелюбодеев, и у всех людей порочных. Почему же ты превозносишься? Если ты употребляешь его, как должно, то тебе не следует превозноситься, чтобы не нарушить заповеди (Господней); если (употребляешь) не так, как должно, то тебе следует скорее сокрушаться о том, что ты сделался рабом имущества и богатства, которое обладает тобою. Скажи мне: если бы кто-нибудь, страдая горячкою, выпил много воды, которая на короткое время утоляет жажду, но потом воспламеняет огонь, то может ли он превозноситься

этим? Или если бы кто-нибудь хлопотал о многом напрасно, то может ли он превозноситься этим? Чем же, скажи мне, (превозноситься тебе)? Тем ли, что имеешь над собою много господ? Тем ли, что у тебя бесчисленное множество забот? Тем ли, что многие льстят тебе? Но это не что иное, как рабство. А чтобы ты убедился, что ты (в таком случае) делаешься рабом, выслушай внимательно следующее. Прочие страсти наши бывают иногда полезны; так часто бывает полезен гнев: «Не может, – говорит (Премудрый), – быть оправдан несправедливый гнев» ([Сир. 1:22](#)); следовательно, можно гневаться и праведно. И еще (Господь говорит): «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» ([Мф. 5:22](#)). Также ревность и похоть бывают добром; последняя тогда, когда служит деторождению, а первая, когда направлена к соревнованию в добрых делах, как и Павел говорит: «Хорошо ревновать в добром всегда» ([Гал. 4:18](#)), и еще: «Ревнуйте о дарах больших» ([1 Кор. 12:31](#)); следовательно, то и другое полезно. А гордость никогда не бывает добром, но всегда бесполезна и вредна. И если чем можно гордиться, то скорее бедностью, нежели богатством. Почему? Потому что кто может жить малым, тот гораздо лучше и выше того, кто не может.

5. Скажи мне: если бы какие-нибудь люди были приглашены в царственный город, и одни из них не требовали бы ни коней, ни рабов, ни шатров, ни гостиниц, ни одеяний, ни сосудов, но довольствовались бы только хлебом и водою из источников, а другие стали бы говорить: если не дадите нам колесниц и мягких постелей, то мы не можем прибыть; если у нас не будет множества провожатых, если не будет нам позволено часто отдыхать и находиться в дороге только малую часть дня, если не доставить нам коней и много другого необходимого для нас, то мы не можем (отправиться), – скажи: которые из них достойны нашего уважения, первые или последние? Очевидно, что те, которые ни в чем не имеют нужды. Так точно и здесь: одни для прохождения пути настоящей жизни требуют многого, а другие – ничего; потому и превозноситься скорее следовало бы живущим в бедности, если только следовало бы. Но, скажешь, бедный часто подвергается презрению. Нет, – не он (достоин этого), а те, которые презирают его; как в самом деле я могу не презирать людей, которые не хотят уважать то, что должно (уважать)? Живописец смеётся над всеми теми, которые, будучи сами невеждами, смеются над ним, и не обращает внимания на слова их, но довольствуется собственным своим свидетельством: почему же мы поставляем себя в зависимость от мнения других? Простительно ли это?

Мы в том случае достойны презрения, когда не презираем

презирающих нас за бедность и не считаем несчастными их самих. Не упоминаю о том, какие грехи происходят от богатства и какие блага от бедности; или лучше сказать, ни богатство, ни бедность не есть добро само по себе, но таковым бывает в зависимости от пользующихся. Добрый христианин обнаруживается более в бедности, нежели в богатстве. Почему? Потому, что в бедности он становится не горделивее, целомудреннее, честнее, смиреннее, благоразумнее; а в богатстве встречается множество к тому препятствий. Вспомним, что делает богатый, или лучше, злоупотребляющий своим богатством. Он похищает, лихоимствует, притесняет. И откуда происходят преступные привязанности, незаконные связи, волшебства, чародеяния и все другие роды зла, как не от богатства? Видишь ли, что в бедности гораздо легче быть добродетельным, нежели в богатстве? Не думай, что если богатые здесь не подвергаются наказанию, то они и не грешны; нет, – если бы можно было беспрепятственно подвергать богатых наказанию, то темницы наполнились бы ими. Кроме того, богатство заключает в себе еще то зло, что неправедно приобретший его, совершая грехи безнаказанно, никогда не перестает совершать их, получает раны неисцелённые, и никто не налагает на него узды. Бедность же, если угодно, может доставить нам гораздо больше поводов к удовольствию. Почему? Потому, что она свободна от забот, ненависти, вражды, зависти, браней и бесчисленных зол. Итак, не будем усиливаться стать богатыми, и не будем постоянно завидовать тем, которые имеют много; но если имеем богатство, будем употреблять его, как должно; если же не имеем, не будем скорбеть о том, а благодарить Бога за все, и за то, что Он даровал нам возможность – при малом труде получить воздаяние, равное богатым, или, если мы захотим, даже большее, и из малого извлечь великие плоды. Принесший два таланта был почтен и удостоен награды, равной с принесшим пять талантов. Почему? Потому что, хотя ему было вверено два таланта, но он со своей стороны исполнил все должное и возвратил вверенное в двойном количестве. Для чего же нам стараться получить многое, когда можно и посредством малого приобрести то же самое, или даже большее, когда при малом труде можно удостоиться награды, гораздо большей (чем труд). Бедный гораздо удобнее расстанется с собственностью, нежели богатый, обладающий слишком многим. Разве вы не знаете, что чем больше кто имеет, тем большего желает? Потому, чтобы нам не испытать этого, не будем искать богатства, не будем сетовать на бедность, не будем стремиться сделаться богатыми, но, даже имея (богатство), будем пользоваться им так, как заповедал Павел: «имеющие..., – говорит он, –

должны быть, как не имеющие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся» ([1 Кор. 7:29, 31](#)), чтобы нам получить обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 3

[Евр.1:6–8](#). Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божии. Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века; жезл царствия Твоего – жезл правоты..

1. Господь наш Иисус Христос называет пришествие свое во плоти исходом, – например, когда Он говорит: «вот, вышел сеятель сеять» ([Мф. 13:3](#)); И еще: «Я исшел от Отца и пришел в мир» ([Иоан. 16:28](#)) и во многих местах можно видеть это. А Павел называет пришествие Его входом: «когда, – говорит – вводит Первородного во вселенную», разумея под этим введением воплощение. Почему же они выражаются различно об одном и том же предмете, и для чего говорят так? Это видно из значения самих выражений. Христос справедливо называет пришествие свое исходом, потому что мы были вне Бога. Как узники, оскорбившие царя, находятся обыкновенно вне царских чертогов, и тот, кто желает примирить их (с царём), не вводит их внутрь (чертогов), но сам выходит наружу и беседует с ними, пока не сделает их достойными явиться пред взоры царя, так поступил и Христос. Он, вышедши к нам, т.е. приняв плоть и преподав нам угодное Царю, ввел потом нас, очистив от грехов и примирив (с Богом). Потому Он и называет (пришествие свое) исходом. А Павел называет его входом, заимствуя это переносное выражение из примера наследников, получающих во владение какое-нибудь имущество; сказать: «когда вводит Первородного во вселенную», значит показать, что (Бог) вручил Ему вселенную; Он тогда принял ее всю в свое владение, когда был познан. Это говорится не о Боге-Слове, но о воплотившемся Христе; и действительно, если Он «В мире был», – как говорит Иоанн, – «и мир чрез Него начал быть» ([Иоан. 1:10](#)), то как иначе он мог быть введен во вселенную, как не во плоти? «И да поклонятся Ему – говорит, – все Ангелы Божии». Намереваясь сказать нечто великое и высокое, он предуготовляет к тому слушателей и располагает к удобнейшему принятию (истины), представляя Отца вводящим Сына. И посмотри: выше он сказал, что (Бог) говорил нам не чрез пророков, но чрез Сына, и показал, что Сын превосходнее ангелов, доказав это как самим именем (Сына), так и тем, что сам Отец ввел Сына. А здесь он доказывает то же другим образом. Каким? Поклонением, которое показывает, насколько он превосходнее ангелов, насколько именно

Владыка превосходнее раба. Подобно тому, как если бы кто, вводя кого-нибудь в жилище царя, повелел предстоящим там тотчас поклониться ему, так поступает и апостол, говоря о пришествии в мир по плоти, и присовокупляя: «И да поклонятся Ему все Ангелы Божии». Неужели же только ангелы без прочих сил? Нет; послушай далее: «Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь». К Сыну же: «престол Твой, Боже, в век века». Вот величайшее различие: они созданы, а Он не создан. Почему об ангелах сказано: творящий, а о Сыне не сказано: творящий? Потому, что таким образом ясно выражается различие между ними. Потому об ангелах и говорится: «творящий Ангелами Своими духов»; а о Сыне хотя говорится: «Господь создал меня» ([Притч. 8:22](#)), и еще: «Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса» ([Деян. 2:36](#)), но ни то не говорится о Христе Господе Сыне, ни это – о Боге Слове, а относится к воплощению. Желая показать истинное между ними различие, (апостол) понимает не только ангелов, но и все горние служебные силы. Видишь ли, с какою ясностью он различает твари и Творца, служителей и Владыку, рабов и Наследника и истинного Сына? О Сыне говорит: «престол Твой, Боже, в век века»; вот знак царствия! «жезл царствия Твоего – жезл правоты»; вот еще другой знак царствия! Потом опять (обращается) к воплощению: «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой» ([Евр. 1:9](#)). Что значить: «Бог Твой»? Сказав великое, (апостол) опять смягчает речь.

Здесь он опровергнул и Иудеев, и последователей Павла Самосатского, и ариан, и Маркелла, и Савеллия, и Маркиона. Каким образом? Иудеев – тем, что показал в одном и том же (Христе) два существа – Бога и человека; вторых, т.е. последователей Павла Самосатского, – тем, что сказал о вечном бытии и несозданном существе Его, так как в противоположность выражению: «Ты творишь», присовокупил: «престол Твой, Боже, в век века»; ариан – тем же самым, равно и тем, что (Сын) не есть раб, а если бы Он был тварью, то был бы рабом; Маркелла и других – тем, что (Отец и Сын) суть два лица, различные ипостасно; маркионитов – тем, что помазуется не божество, а человечество (Христово). Далее говорит: «...более соучастников Твоих». Кто же эти причастники, как не люди? Т.е. «ибо не мерою» Христос получил «Духа» ([Иоан. 3:34](#)).

2. Видишь ли, как (апостол) с учением о несозданном Существе везде соединяет учение о домостроительстве? Что может быть яснее этого? Видишь ли, что не одно и то же – сотворение и рождение? Иначе он не

различал бы их; в противоположность выражению: «Ты творишь», он не прибавил бы: «о Сыне: престол Твой, Боже, (ὁ Θεός) в век века»; и не назвал бы имени – Сын преславнейшим именем, если бы оно означало то же самое (что и тварь). В самом деле, чем бы оно было преславнее? Если бы сотворение и рождение означали одно и то же, а ангелы сотворены, то (Сын) чем был бы их превосходнее? Вот опять употребляется о Нем слово: «Бог», с членом³. «И: в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся» ([Евр. 1:10–12](#)). Чтобы ты, слыша слова: «когда вводит Первородного во вселенную», не подумал, будто (Сыну) впоследствии было предоставлено это, как дар, (апостол) и выше предостерегал от такой мысли, и теперь, опять предостерегает, говоря: «в начале», не теперь, говорит, но издревле. Здесь он также опять наносит смертельный удар Павлу Самосатскому и Арию, приписывая Сыну то, что приписывается и Отцу. Вместе с тем он внушает нечто другое, важнейшее; именно, изображает изменение мира: «и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся»; подобно как и в послании к Римлянам он говорит, что (Бог) преобразит мир ([Рим. 8](#)). Желая выразить легкость этого дела (для Бога), говорит: «свернешь»; как человек свертывает одежду, так (Бог) свернет и изменит мир. Если же Он так легко совершит преобразование и изменение мира в лучшее и высшее состояние, то мог ли Он иметь нужду в ком-нибудь другом при низшем (первоначальном) образовании мира? Доколе вы не устыдитесь (говорить это)? Вместе с тем и весьма утешительно – знать, что мир не всегда будет в настоящем состоянии, но все получит преобразование и все изменится; сам же (Бог) пребывает всегда живым и беспредельно живущим. «И лета Твои, – говорит, – не кончатся. Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?» ([Евр. 1:12–13](#)). Вот, он опять ободряет (верующих) тем, что враги их будут поражены; а враги их те же самые, что и Христовы. И опять это – знак царствия, знак равенства, знак чести, а не бессилия (Сына), что Отец гневается за (оскорбления), причиняемые Сыну; это – знак великой любви и близости Отца к Сыну. И действительно, если Он гневается за Него, то как Он может быть чужд Ему? «Доколе положу врагов Твоих». Так и во втором псалме говорится: «живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение» ([Псал. 2:4–5](#)). И сам (Христос) говорит: «врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и

избейте предо мною» ([Лук. 19:27](#)). А что это Его слова, послушай, как Он говорит в другом месте: «сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» ([Лук. 13:34–35](#)); и еще: «отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его» ([Мф. 21:43](#)); и еще: «кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит» ([Мф. 21:44](#)). С другой стороны, если Он будет судить врагов там, то тем более они отдадут отчет за оскорбления, причиняемые Ему здесь. Таким образом слова: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» сказаны единственно к чести Сына.

«Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» ([Евр.1:14](#)). Удивительно ли, говорит, что они служат Сыну, если они служат и для нашего спасения? Видишь, как (апостол) возвышает умы слушателей и указывает на великую честь, оказываемую нам Богом, назначившим такое служение ангелам, которые выше нас – служение для нас; он как бы так говорит: ангелы употребляются на то, служение их состоит в том, чтобы служить Богу для нашего спасения. Таким образом дело ангелов – исполнять все к спасению братии. Хотя это дело самого Христа, но Он спасает нас, как Владыка, а они, как рабы; и мы, хотя рабы, но и сорабы ангелов. Что вы, говорит, удивляетесь ангелам? Они – рабы Сына Божия, всюду посылаются для нас, служат для нашего спасения; следовательно они – подобные нам рабы. Посмотрите, какое небольшое он полагает различие между тварями; хотя значительно различие между ангелами и людьми, но он поставляет их близ нас, и как бы так говорить: они трудятся для нас, всюду текут для нас, можно сказать – рабствуют нам. Служение их состоит в том, что они всюду посылаются для нас.

3. Таких примеров исполнен ветхий, исполнен и новый завет. Когда ангелы благовествуют пастырям, когда являются Марии, когда – Иосифу, когда сидят при гробе Христовом, когда посылаются сказать ученикам: «мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо?» ([Деян. 1:11](#)) – когда освобождают Петра из темницы, когда беседуют с Филиппом, – то не ясно ли, что они служат нам? Представь же, какая оказывается нам честь, когда Бог посылает ангелов служить нам, как друзьям своим, когда ангел является Корнилию, когда ангел освобождает из темницы всех апостолов и говорит: «идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни» ([Деян. 5:20](#)). Но что я говорю о других? Самому Павлу являлся ангел. Видишь ли, как они служат нам для Бога, и служат в делах весьма важных? Потому Павел и говорит: «или мир, или жизнь, или смерть, или

настоящее, или будущее, – все ваше» ([1 Кор. 3:22](#)). И Сын был послан, но не как раб, не как слугитель, а как Сын едиnorodный, как хотящий того же, чего хочет Отец; или лучше сказать, Он и не был послан, потому что Он не из места одного перешел в другое, но принял плоть, а они переменяют места, оставив одни места, в которых были, переходят потом на другие, в которых не были. Это говорит (апостол) для того, чтобы ободрить их. Чего (говорит) вы страшитесь? Ангелы служат нам. Сказав о Сыне, о делах домостроительства, сотворении и царствии, доказав равенство (Сына с Отцом) и то, что (Сын) господствует, как Владыка, не только над людьми, но и над горными силами, (апостол) далее увещевает их, внушая, что мы должны быть внимательными к сказанному, и говорит: «посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному» ([Евр.2:1](#)). Здесь он хочет сказать, что надобно внимать «особенно» закона, но умалчивает об этом; объясняет же это в доказательствах, а не в самом увещании или совете, – потому что так было лучше. «Ибо, если, – говорит, – через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими *от Него*» ([Евр.2:2–3](#))? Почему же нам должно быть «особенно» внимательными к сказанному? Прежнее не так же ли от Бога, как и настоящее? Здесь он заповедует быть внимательными или «особенно» закона, или весьма; но отнюдь не осуждает (закона), – нет. Так как (евреи) имели высокое мнение о ветхом завете за древность его, то, чтобы настоящий, как новый, не подвергался презрению, он усиленно доказывает, что последнему должно внимать еще более. Как доказывает? Как бы так говорит: хотя то и другое от Бога, но не одинаково. Впрочем это он объясняет нам после; теперь пока кратко указывает на это, а после излагает яснее, когда говорит: « Ибо, если бы первый *завет* был без недостатка», и еще: «ветшающее и стареющее близко к уничтожению» ([Евр. 8:7, 13](#)), – и многое другое подобное. Но в начале речи он не осмеливается сказать ничего такого, пока еще не приготовил и не расположил к тому слушателя многими доказательствами. Итак, почему, скажи, нам подобает «особенно» внимать? Да не когда, говорит, отпадем, т.е., чтобы нам не погибнуть, не отпасть. Здесь он показывает тяжесть отпадения, – как трудно отпавшее опять восстановить, когда это происходит от нерадения. А само выражение он заимствовал из Притчей: «Сын мой!, – говорит (Премудрый), – не упускай» ([Притч. 3:21](#)), выражая и легкость отпадения и тяжесть гибели, т.е., что преслушание не безопасно для нас. Самыми же доказательствами (апостол) внушает, что

наказание будет весьма велико. Впрочем это он оставляет предметом для исследования, а не дает в виде заключения. Такой образ речи делает обличение не столь резким, т.е. когда обличающий не везде сам от себя произносит решение, но оставляет на волю слушателя, чтобы он сам подал голос; это делает (слушателей) более благоразумными. Так поступает в ветхом завете пророк Нафан, а у Матфея Христос, когда говорит: «что сделает он с этими виноградарями?» ([Мф. 21:40](#)) – вызывая (учеников) самих произнести суд. В этом состоит величайшая победа. Далее (апостол), сказав: «если через Ангелов возвещенное слово было твердо», – не присовокупил: тем более глаголанное Христом; но, оставив это, сказал более кротко: «то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении». И смотри, как он делает сравнение: «если, – говорит, – через Ангелов возвещенное слово»; там – «Ангелы», а здесь – «Господом»; там – «слово», а здесь – «спасение». Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: разве то Христово, что говоришь ты, Павел? – он предупреждает это и доказывает достоверность сказанного, доказывает достоверность как тем, что он слышал это от Господа, так и тем, что и ныне Бог говорит это, не гласом, просто произносимым, как было при Моисее, но посредством знамений и удостоверяющих событий.

4. Что значит: «если через Ангелов возвещенное слово было твердо»? Подобным образом он говорит и в послании к Галатам: «преподан через Ангелов, рукою посредника» ([Гал. 3:19](#)); и в другом месте: «приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» ([Деян. 7:53](#)); и везде он говорит, что (закон) преподан чрез ангелов. Некоторые утверждают, что здесь разумеется Моисей, но это не основательно, потому что он называет здесь ангелов во множественном числе; при том говорит здесь об ангелах небесных. Что же сказать на это? То, что он или говорит об одних только десяти заповедях, – так как тогда Моисей говорил, а Бог отвечал, – или, что ангелы присутствовали, когда Бог преподавал заповеди, или говорит обо всём, сказанном и сделанном в ветхом завете, – так как ангелы принимали в том участие. Почему же в другом месте говорится: «ибо закон дан чрез Моисея» ([Иоан. 1:17](#)), а здесь: ангелы? Потому что (и Моисей) говорит: и «сошел» Бог во мрак ([Исх. 19:20](#)). «Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо». Что значит: «было твердо»? Значит – истинно и верно, потому что все сказанное сбылось в надлежащее время. Или это он говорит, или то, что слово было твердо и угрозы приведены в исполнение, или словом называет повеления, потому что многие повеления были преподаны без закона ангелами, посланными от Бога, как например на месте плача, при судиях, при Сампсоне ([Суд. 2:1](#),

[8:3](#)). Потому апостол и не сказал: закон, но: «слово». Мне кажется более вероятным, что он понимает здесь все, устроенное чрез ангелов. Что же мы скажем? То, что тогда присутствовали ангелы, которым вверен был народ (еврейский), которые и производили трубные звуки, огонь, мрак и прочее. «...и всякое, – говорит, – преступление и непослушание получало праведное воздаяние». Не так, чтобы одно получило, а другое нет, но: «всякое». Ничто, говорит, не осталось ненаказанным, но «получало праведное воздаяние», – («воздаяние») вместо – наказания. Почему же он так выразился? Павел обыкновенно не слишком строг в выборе выражений, но иногда употребляет безразлично менее точные вместо более точных, как, например, в одном месте он говорит: «пленяем всякое помышление в послушание Христу» ([2 Кор. 10:5](#)); и в другом месте он употребляет «воздаяние» вместо наказания, так же, как здесь называет наказание «воздаянием»: «ибо праведно, – говорит, – пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою» ([2 Фес. 1:6, 7](#)). Т.е. правда не потеряла свою силу, но Бог исполняет ее и подвергает согрешивших наказанию, хотя бывают явны не все грехи, а только те, которыми прямо нарушаются заповеди. Итак – «как, – говорит, – мы избежим, вознерадев о толиком спасении»? Этим он выражает, что прежде было не великое спасение; и потому хорошо присовокупил: «о толиком». Теперь, говорит, не от войны Бог избавит нас, не землю и земные блага даст нам, но будет разрушение смерти, погибель диавола, царствие небесное, жизнь вечная. Все это он кратко выразил в словах: «вознерадев о толиком спасении». Далее он говорит о достоверности сказанного: «быв сначала проповедано Господом», т.е. получило начало от самого источника, потому что не человек принес это (спасение) на землю, не сотворенная сила, но сам Единородный. «В нас утвердилось слышавшими от Него» ([Евр.2:3](#)). Что значит: «утвердилось»? Т.е. верно преподано, или приведено в исполнение; мы, говорит, имеем залог; оно не истребилось, не прекратилось, но сохраняется и одерживает победу; а причиною тому – действующая божественная сила. Что значит: «слышавшими»? Т.е. те самые, которые слышали от Господа, утвердили нас. Это – дело великое и достоверное. Подобным образом и Лука говорит в начале Евангелия: «как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова» ([Лук. 1:2](#)). Как же оно «утвердилось»? А что, скажут, если слышавшие от себя выдумали? Чтобы опровергнуть такую мысль и доказать, что эта благодать не от людей, (апостол) прибавляет: «при засвидетельствовании от Бога» ([Евр. 2:4](#)). Подлинно, Бог не свидетельствовал бы о них, если бы они сами измыслили что-нибудь. Они

свидетельствуют, – а вместе и Бог свидетельствует. Как Он свидетельствует? Не словом, не голосом, хотя и это было бы верно, – а как? «...знамениями и чудесами, и различными силами». Хорошо он сказал: «различными силами», выражая обилие дарований; у древних же не было таких и столь различных знамений. Мы поверили им не просто, но при свидетельстве знамений и чудес; следовательно поверили не им, а самому Богу. «И раздаянием Духа Святаго по Его воле». Как же это, когда и чародеи совершают знамения, и Иудеи говорили о Христе, что «Он изгоняет бесов силою веельзевула» ([Лук. 11:15](#))? Но они совершали не такие знамения; потому (Павел) и говорит: «различными силами». Те знамения – не сила, а бессилие, вымысел и пустые действия; потому об этих он и говорит: «...И раздаянием Духа Святаго по Его воле».

5. Здесь, кажется мне, (апостол) намекает еще на нечто другое; вероятно, там было немного людей, имевших духовные дарования, которые оскудели потому, что верующие стали менее ревностны. Потому, чтобы утешить их в этом и предохранить от падения, он приписывает все воли Божией: сам (Бог), говорит, знает, кому что полезно, и таким образом распределяет благодать. То же он говорит и в послании к Коринфянам: «Но Бог расположил члены, каждый в *составе* тела, как Ему было угодно» ([1 Кор. 12:18](#)) и еще: «Но каждому дается проявление Духа на пользу», по воле Его ([1 Кор. 12:7](#)), – доказывает, что дарования зависят от воли Отца. Часто многие не получали дарований за нечистую и нерадивую жизнь; а иногда не получали их и люди, проводившие хорошую и чистую жизнь; для чего же? Для того, чтобы они не преткнулись, чтобы не возгордились, чтобы не сделались нерадивыми, чтобы не стали слишком превозноситься. Ведь если и без дарований самое сознание чистой жизни может возбудить гордость, то тем более (это возможно), когда присоединятся благодатные дары. Потому они и были сообщаемы более людям смиренным и простым, а в особенности простым, пребывавшим, как говорит Писание, «в веселии и простоте сердца» ([Деян. 2:46](#)). Таким образом (увещание апостола) могло сильнее действовать на них и, если они были нерадивы, возбуждать их. Смиренный и не думающий много о себе делается более ревностным, когда получает дарование, как человек, получивший не по заслугам и считающий себя недостойным; а кто думает, что он оказал заслуги, тот считает дарование должным и превозносится. Потому Бог с пользою таким образом устраивает это дело. Это и можно видеть в Церкви: один имеет дар учительства, а другой не может даже открыть уст. Но никто пусть не скорбит из-за этого: «каждому дается проявление Духа на пользу». Если человек – домовладыка знает, кому что вверить, то тем

более Бог, который видит ум человеческий и знает все прежде исполнения. Одно только достойно скорби – грех, а все прочее – нисколько. Не говори: почему я не имею богатства? – или: если бы я имел, то раздавал бы бедным. Ты не знаешь, если бы ты имел, не сделался ли бы еще более любостыжательным; теперь ты говоришь это, а на самом деле получив, может быть, стал бы другим. Так, когда мы сыты, то думаем, что можем поститься; а, когда пройдет немного времени, то иные у нас рождаются мысли. Также, когда мы не пьяны, то думаем, что можем преодолеть эту страсть; а когда предадимся ей, то уже не (думаем). Не говори: почему я не имею дара учительства? – или: если бы я имел, то назидал бы многих. Ты не знаешь, если бы ты имел, не послужил ли бы он к твоему осуждению, и зависть или леность не заставили ли бы тебя скрыть талант. Теперь ты свободен от всего этого, и если не дашь меры муки, не подлежишь осуждению; а тогда ты провинился бы во многом.

Впрочем, и теперь ты не совершенно лишен дарования. Покажи в малом, каков был бы ты, если бы имел (большее): «неверный в малом, – говорит (Господь), – неверен и во многом ...кто поверит вам» ([Лук. 16:10, 11](#))? Покажи, как вдовица; она имела две лепты, и пожертвовала все, что имела. Ты ищешь богатства? Покажи, что ты презираешь малое (имущество), чтобы я мог вверить тебе и большое; а если ты не презираешь и первого, то тем более не будешь (презирать) последнего. Также и касательно дара слова покажи, что ты надлежащим образом употребишь его на увещание и убеждение. Ты не имеешь внешнего красноречия? Не имеешь обилия мыслей? Но общие (истины) ты знаешь; имеешь сына, имеешь соседа, имеешь друга, имеешь брата, имеешь родных; если ты не можешь произносить длинную речь пред народом в церкви, то можешь увещавать их наедине; здесь не нужно витийства и продолжительных, речей; покажи на них, что если бы ты имел дар слова, то не был бы нерадивым. Если же ты не оказываешь усердия в малом, то как я поверю тебе в великом? А что действительно каждый может делать это, послушай, как Павел заповедовал это и мирянам: «увещавайте, – говорит он, – друг друга и назидайте один другого» ([1 Фес. 5:11](#)); и еще: «Итак утешайте друг друга сими словами» ([1 Фес. 4:18](#)). Бог знает, сколько уделить каждому. Разве ты лучше Моисея? Но и он, послушай, как сетовал: «...разве я, – говорил он, – носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка?» ([Числ. 11:12](#)). Что же Бог? Он отделил от духа его и дал другим ([Числ. 11:17](#)), показав, что, если и прежде он руководил (евреев), то это было не от собственного его дарования, но от Духа. Если бы ты имел

дарование, то часто превозносился бы, часто падал бы; ты не знаешь себя самого так, как Бог знает тебя. Не будем же говорить: для чего это, и к чему это? – когда все устраивает Бог; не станем требовать от Него отчета; это крайне нечестиво и безумно. Мы – рабы, и рабы, далеко отстоящие от Владыки, не знающие даже того, что под ногами. Не будем же испытывать советов Божиих, но будем хранить то, что он даровал нам, хотя бы это было малое, хотя бы крайне малое, и тогда непременно мы заслужим похвалу; или лучше, (не будем считать) ни одного из даров Божиих малым. Ты сетуешь, что не имеешь дара учительства? Но скажи мне: какой дар кажется тебе большим, дар ли учительства, или дар исцелений? Конечно, последний. А давать зрение слепым не кажется ли тебе большим, нежели исцелять болезни? А воскрешать мертвых не кажется ли тебе еще большим? Что же, скажи мне: совершать это посредством тени и полотенцев не кажется ли тебе большим, нежели совершать это словом? Чего же ты желаешь, скажи мне, воскрешать ли мертвых посредством тени и полотенцев или иметь дар учительства? Конечно ты скажешь: воскрешать мертвых посредством тени и полотенцев.

6. Но если я докажу тебе, что гораздо больше этого дара другой дар, который ты можешь приобрести, и что, не приобретая его, ты справедливо лишаешься и прочих, – то что скажешь? При том такой дар можно приобрести не одному, или двум, но всем вообще. Знаю, что вы удивляетесь и изумляетесь, слыша, что вам можно иметь дар, гораздо больший дара воскрешать мертвых, давать зрение слепым и совершать то, что было при апостолах; быть может, вы даже считаете это неправдоподобным. Какой же это дар? Любовь. Поверьте мне; это – не мои слова, но слова Христа, вещавшего чрез Павла. Что именно говорит он? «Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» ([1 Кор. 12:31](#)). Что значит: «еще превосходнейший»? Слова его означают следующее: коринфяне превозносились тогда дарованиями и, имея дар языков, который есть самый меньший из даров, гордились пред прочими. Потому он говорит: желаете ли иметь дарования? Я покажу вам путь к дарованиям, не только лучший, но и превосходнейший. И далее говорит: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» ([1 Кор. 13:1, 2](#)). Видишь ли, (какой это) дар? Старайся же приобрести его. Он значит больше, нежели воскрешать мертвых; он гораздо выше всех прочих даров. А что это действительно так, послушай, что говорит Христос в беседе с учениками:

«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» ([Иоан. 13:35](#)). Объясняя, по чему узнают, не сказал: по чудесам, – но почему? «...если будете иметь любовь между собою». Также (в молитве) к Отцу Он говорит: «и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня» ([Иоан. 17:21](#)); и ученикам Он говорил: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» ([Иоан. 13:34](#)). Таким образом (человек любящий) превосходнее и славнее тех, которые воскрешают мёртвых, – и справедливо, – потому что последнее происходит всецело от благодати Божией, а первое вместе и от твоего усердия; первое свойственно истинному христианину, и доказывает, что он ученик Христов, распявшийся (для мира) и не имеющий ничего общего с землею; без этого самое мученичество не может принести никакой пользы, Чтобы тебе убедиться в этом, обрати внимание на следующее: блаженный Павел в двух отношениях достигнул высоты добродетелей, или лучше сказать, в трех, – в знамениях, в мудрости и в жизни; но без любви, говорит он, все это – ничто. А каким образом это ничто, я объясню: «И если я раздам, – говорит, – все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» ([1 Кор. 13:2, 3](#)), потому что и раздающий имение и расточающий деньги может не иметь любви. Об этом я достаточно сказал в том месте, где говорил о любви; туда и отсылаю желающих. Будем же, как я сказал, стараться приобрести этот дар, станем любить друг друга, и мы не будем иметь нужды ни в чем другом для преуспевания в добродетелях, но все будет для нас удобоисполнимо без усилий, все будет у нас совершаться с великим успехом. Но, скажете, мы и теперь любим друг друга; один имеет двух друзей, другой – трех, а иной – четырех. Но это не значит любить для Бога, а для того, чтобы самому быть любимым; кто любит для Бога, тот имеет не такое побуждение к любви, а бывает расположен ко всем, как к своим братьям, – единоверных он любит, как своих родных братьев, еретиков же, язычников и иудеев жалеет, как своих братьев по природе, только как недобрых и бесполезных, сокрушается и плачет о них. Мы можем уподобиться Богу тем, если будем любить всех, даже и врагов, а не тем, если будем совершать знамения; мы и Богу удивляемся, правда, и тогда, когда Он творит чудеса, но гораздо более тогда, когда Он оказывает человеколюбие и милосердие. Если же в Боге это особенно достойно удивления, то тем более в людях, и, следовательно, очевидно, что это доставляет нам особенное уважение. Будем же заботиться об этом, и тогда мы будем иметь несколько не меньше Павла, Петра и других, воскресивших множество мертвых, хотя бы мы и не могли исцелять

горячки; а без любви, хотя бы совершали знамения больше самих апостолов, хотя бы подвергали себя бесчисленным опасностям за веру, нам не будет никакой пользы. Это говорю не я, но сам питомец любви знает это; ему мы должны верить. Таким образом мы сможем получить и обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 4

[Евр.2:5–7](#). Ибо не Ангелам Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим; напротив некто негде засвидетельствовал, говоря: что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унизил его пред Ангелами.

1. Желал бы я достоверно знать, слушает ли кто-нибудь слова мои с надлежащим вниманием, не при пути ли мы бросаем семена; тогда я стал бы предлагать учение с большею ревностью. Конечно, хотя бы и никто не слушал, мы будем говорить по страху, внушаемому Спасителем. «Говори, – говорит (Господь), – к людям сим и если не послушают, ты сам будешь невиновен» (Иезек. 3). Но если бы я убедился в вашей усердии, то говорил бы не только по страху, но и с удовольствием делал бы это. Теперь же, – если никто не слушает, – хотя я сам не подвергаюсь опасности, как исполняющий свое дело, но этот труд бывает без удовольствия. Что в самом деле пользы, когда никто не назидается, хотя я и не подвергаюсь обвинению? А если бы вы были внимательны, то мы не столько бы извлекали выгоду из того, что не подвергаемся наказанию, сколько из вашего преспеяния. Каким же образом мне убедиться в этом? Заметив некоторых из вас, которые не очень внимательны, я буду спрашивать их особо, когда встречу с ними, и если найду, что они помнят нечто из сказанного, – не говорю всё, это для вас не очень удобно, но хотя немного из многого, – тогда, очевидно, не будет мне надобности беспокоиться о прочих. Мне следовало бы не говорить вам об этом предварительно и застать вас неприготовленными, но и то будет приятно, если таким образом я найду (помнящих сказанное); или лучше сказать, я и в таком случае могу застать вас неприготовленными. Ведь о том, что я спрошу, я говорю предварительно, а когда спрошу, этого не объявляю; может быть сегодня, может быть завтра, может быть чрез двадцать или тридцать дней, может быть менее, может быть более.

Так и Бог не объявил нам дня нашей смерти, не открыл нам, сегодня ли, или завтра, или чрез целый год, или чрез несколько лет Он придет, чтобы по неизвестности ожидаемого мы постоянно соблюдали себя добродетельными. О том, что мы умрем, Он сказал, а когда, – не сказал. Подобным образом и я о том, что спрошу, сказал вам, а когда, – не прибавил, желая, чтобы вы заботились об этом постоянно. Никто не говорит: я слышал это за четыре, за пять или больше недель и не могу

припомнить; я хочу, чтобы слушающий помнил так, чтобы никогда не забывал, не истреблял из памяти и не терял сказанного, так как я желаю, чтобы вы помнили не для того, чтобы пересказать мне, но чтобы получить пользу вам самим; вот о чем я забочусь. Впрочем, сказав то, что нужно было сказать для предостережения, необходимо уже начать беседу по порядку. О чем же предстоит нам говорить сегодня? «Ибо не Ангелам, – говорит (апостол), – Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим». Не говорит ли он о другой какой-нибудь вселенной? Нет, об этой самой: потому и прибавляет: «о которой говорим», чтобы не попустить уму заблуждающему искать какой-нибудь другой вселенной. Почему же он называет ее будущей? Как в другом месте он говорит: «который есть образ будущего» ([Рим. 5:14](#)), рассуждая об Адаме и Христе в послании к Римлянам и называя воплотившегося Христа будущим по отношению к временам адамовым, – потому что Христос имел придти, – так и здесь, сказав: «когда вводит Первородного во вселенную» ([Евр. 1:6](#)), чтобы ты не подумал, будто он говорит о другой вселенной, он многократно утверждает и иным способом, самым наименованием её будущей, – потому что вселенная имела явиться, а Сын Божий был всегда. Таким образом эту вселенную, имевшую явиться, Бог покорил не ангелам, а Христу. Очевидно, говорит, что о ней сказано Сыну, и никто не может утверждать, что ангелам. Далее он приводит и другое свидетельство: «засвидетельствовал, – говорит, – некто негде». Для чего он не назвал имени пророка, но умолчал о нем?

То же он делает и в других свидетельствах, как, например, когда говорит: «Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божии» ([Евр.1:6](#)); и еще: «Я буду Ему Отцем» ([Евр. 1:5](#)); и еще: «Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь». А о Сыне: «и: в начале Ты, Господи, основал землю» ([Евр. 1:7, 10](#)). Так и здесь говорит: «некто негде засвидетельствовал, говоря». Этим самым, что он умалчивает и не называет имени сказавшего свидетельство, но приводит его, как общеизвестное и несомненное, мне кажется, он показывает, что (слушатели его) были весьма сведущи в Писаниях. «Что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унижил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его» ([Евр. 2:6–8](#)).

2. Это, хотя сказано о человечестве вообще, но главное может относиться к Христу по плоти; именно слова: «все покорил под ноги его» относятся более к Нему, нежели к нам. Сын Божий посетил нас, существ

ничтожных, и, приняв наше (естество) и соединив с Собою, соделался превыше всех. «Когда же, – продолжает (апостол), – покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено» ([Евр. 2:8](#)). Значение слов его следующее: так как он сказал: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» ([Евр. 1:13](#)), и (слушатели) после этого могли еще предаваться скорби, то он, вставив потом несколько слов, приводит такое свидетельство, которым подтверждается прежнее. Чтобы они не говорили: как же Бог положил врагов под ноги Его, когда мы подвергаемся таким бедствиям? – он и прежде указывал на это самое, – именно выражение: «доколе» означает исполнение не немедленное, а впоследствии времени, и здесь подробнее раскрывает то же. Из того, что они еще не покорены, говорит, не заключаешь, что они не будут покорены. Что они должны быть покорены, это известно, потому что и в пророчестве сказано об этом: «Когда же, – говорит, – покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему». Отчего же не все покорено Ему? Оттого, что имеет быть покорено. Итак, если все должно быть покорено Ему, хотя еще не покорено, ты не скорби и не смущайся. Если бы уже пришел конец и все было покорено, а ты подвергался таким бедствиям, то справедливо ты мог бы скорбеть; теперь же мы еще не видим всего покоренным Ему, Царь еще не совершенно вступил во власть. Для чего же ты смущаешься, претерпевая страдания? Проповедь еще не над всеми возобладала; еще не наступило время – покориться совершенно. Далее (предлагается) еще иное утешение: Тот, кто имеет покорить всех, сам умер и претерпел бесчисленные страдания. «Видим, – говорит, – что за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами» ([Евр. 2:9](#)). Затем опять присовокупляет нечто вожделенное: «увенчан славою и честью». Видишь ли, как он относит всё – к Нему? И выражение: «не много» более может относиться к Тому, кто был только три дня во аде, нежели к нам, которые так долго подвергаемся тлению; равным образом и выражение: «славою и честью» гораздо более относится к Нему, нежели к нам. (Апостол) здесь опять напоминает о кресте, стараясь сделать два дела – доказать попечение Его и убедить их переносить все великодушно, взирая на Учителя. Если, говорит, Тот, кому поклоняются ангелы, потерпел умалиться «немного пред ангелами» для тебя, то тем более ты, который меньше ангелов, должен переносить всё для Него. Потом объясняет, что слава и честь – это крест, как и сам (Христос) называет его славою, когда говорит: «пришел час прославиться Сыну Человеческому» ([Иоан. 12:23](#)). Если же Он называет славою (страдания) ради рабов, то тем более ты

(называй так страдания) ради Владыки.

Видишь, каков плод креста? Не бойся же его; тебе он кажется прискорбным, но он производит бесчисленные блага. Этим (апостол) доказывает пользу искушений. Потом говорит: «дабы Ему по благодати Божией, вкусить смерть за всех» ([Евр. 2:9](#)). «Дабы – говорит, – по благодати Божией». И Он пострадал по благодати Божией к нам: «Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» ([Рим. 8:32](#)). Почему? Не потому, что должен был сделать это для нас, но по благодати. И еще в послании к Римлянам говорит: «то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих» ([Рим. 5:15](#)). «дабы Ему по благодати Божией, вкусить смерть»: не за верующих только, но за всю вселенную, – Он умер за всех. Что в том, что не все уверовали? Он исполнил свое дело; и потому (апостол) прямо говорит: «вкусить смерть за всех». Не сказал: умрёт, потому что Он как действительно вкусил (смерти), так и оставался в ней малое время, вскоре воскресши. Таким образом слова: «претерпение смерти» означают истинную смерть Христову; а слова: «превосходнее Ангелов» указывают на Его воскресение. Как врач, не имея нужды вкушать лекарств, приготовленных для больного, по своей заботливости об нем, наперед сам вкушает, чтобы убедить больного смело принять предлагаемую пищу, так и Христос, зная, что все люди боятся смерти, и желая убедить их смело идти на нее, сам вкусил её, не имея в том нужды. «Ибо идет, – говорит Он, – князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» ([Иоан. 14:30](#)). Таким образом, слово: «по благодати», равно и выражение: «вкусить смерть за всех», внушают это самое. «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания» ([Евр.2:10](#)).

3. Здесь он говорит об Отце. Видишь ли, как и в отношении к Нему употребляет выражение: «имже»? Он не сделал бы этого, если бы это было унижительно и приличествовало только Сыну. А смысл слов его следующий: Бог сделал, говорит, достойное своего человеколюбия, явив Первородного славнейшего всех и как бы ратоборца мужественного и превосходящего других, представив Его образцом для прочих. «...вождя спасения их», т. е. виновника спасения. Видишь ли, какое различие (между Им и нами)? Хотя и Он – Сын, и мы – сыны, но Он спасает, а мы спасаемся. Замечаешь ли, как (апостол) и соединяет нас с Ним и разделяет? «Приводящего, – говорит, – многих сынов в славу», – здесь соединяет; «вождя спасения их», – здесь напротив разделяет. «Совершил через страдания», – следовательно, страдания – совершенство и средство к

спасению. Видишь ли, что терпение страданий не есть знак отверженных?

Если же Отец почтил Сына прежде всего тем, что провел Его через страдания, то поистине принять плоть и претерпеть то, что Он претерпел, есть гораздо большее дело, нежели сотворить мир и привести его из небытия в бытие; и последнее есть дело человеколюбия, но первое – гораздо более, как и сам (апостол) объясняет это, когда говорит: «дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей», «... воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе» ([Еф. 2:7, 6](#)). «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания» ([Евр.2:10](#)). Надлежало, говорит, Ему, промышляющему о всем и приведшему все в бытие, дать Сына для спасения других, одного за многих. Впрочем он не сказал так, но говорит: «совершил через страдания», выражая, что страдающий за кого-нибудь не ему только приносит пользу, но и сам становится славнее и совершеннее. И это, говорит, для верующих, – для того, чтобы ободрить их. И Христос был прославлен тогда, когда пострадал. Впрочем, когда я говорю, что Он прославлен, то не подумай, будто Он получил приращение славы; ту славу, которая свойственна Ему по существу, Он всегда имел, нисколько ее не прибавляя. «Ибо и освящающий и освящаемые, все – от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями» ([Евр. 2:11](#)). Вот как опять он соединяет их (со Христом), воздавая им честь, утешая и называя их братьями Христовыми потому, что «все – от Единого»; но вместе с тем определяет (слова свои) и показывает, что он говорит о Христе по плоти, выражаясь так: «освящающий и освящаемые». Видишь ли, какое различие (между Им и нами)? Он освящает, а мы освящаемся. И выше Он назван начальником спасения их. «У нас один Бог Отец, из Которого все» ([1 Кор. 8:6](#)). «Поэтому Он не стыдится называть их братьями». Видишь ли, как опять показывает Его превосходство? Выражением: «не стыдится» он показывает, что все это зависит не от сущности предмета, но от милосердия и великого смиренномудрая того, кто не стыдится. Хотя и от единого, но Он освящает, а мы освящаемся. Великое различие! Он от Отца, как Сын истинный, т.е. из сущности Его; а мы, как твари, т.е. из ничего; следовательно между Им и нами великое различие. Потому (апостол) и говорит: «Он не стыдится называть их братьями, говоря: возведу имя Твое братьям Моим» ([Евр. 2:11–12](#)). Приняв плоть, Он принял и братство; вместе с плотью превзошло и братство. Это сказано правильно; но что означают следующие слова: «Я буду уповать на Него» ([Евр. 2:13](#))? И дальнейшие за ними (сказаны) не напрасно: «вот Я и дети, которых дал

Мне Бог»; в них Он называет себя отцом, как там называл братом, когда говорил: «возвещу имя Твое братьям Моим». Здесь опять выражается превосходство Его и великое различие (между Им и нами), равно как и в следующих словах: «А как дети причастны плоти и крови» ([Евр. 2:14](#)).

Видишь ли, в чем сходство? По плоти. «И Он также воспринял оные». Да устыдятся все еретики, да посрамятся утверждающие, будто Он пришел призрачно, а не истинно; (апостол) не сказал только: «Он также воспринял оные», и не остановился на этом, – хотя довольно было бы, если бы он так сказал, – но выразил еще нечто большее, присовокупив: «также». Не привидением, говорит, и не призраком Он явился, но истинно; иначе не должно бы быть выражения: «также». Показав братство Его с нами, (апостол) далее приводит и причину такого домостроительства: «дабы, – говорит, – смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола» ([Евр.2:14](#)). Здесь он выражает ту удивительную (вещь), что чем диавол побеждал, тем и сам побежден, и каким оружием он был силен против вселенной, тем и его самого поразил Христос; также означает и великую силу Победившего. Видишь ли, какое благо произвела смерть Его? «И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» ([Евр.2:15](#)). Для чего вы страшитесь, говорит, для чего вы боитесь упраздненной (смерти)? Она уже не страшна, – она поправа, презрена, стала ничтожною и ничего не стоящею. Что же означают слова: «которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству»? Что выражает ими (апостол)? То, что боящийся смерти есть раб и предпринимает все меры, чтобы не умереть; или то, что все люди были рабами смерти и, так как она еще не была побеждена, находились в её власти; или, если не это, так то, что люди жили в постоянном страхе: ожидая постоянно, что они умрут, и боясь смерти, они не могли чувствовать никакого удовольствия, потому что этот страх постоянно был в них, о чем и намекает (апостол) словами: «через всю жизнь». Здесь он показывает, что скорбящие, гонимые, преследуемые, лишаемые отечества, имущества и всех прочих благ проводят жизнь приятнее и свободнее, нежели те, которые постоянно живут в роскоши, не терпят ничего подобного и благоденствуют, – потому что последние во всю жизнь находятся под этим страхом и суть рабы его, а первые свободны от него и посмеиваются над теми, чего последние боятся. Подобно тому, как если бы кто-нибудь стал утучнять обильным кормлением узника, обречённого на смерть и постоянно ожидающего её, так точно и смерть в древности (поступала с людьми). А теперь происходит то, как если бы кто-нибудь, отогнав страх, побуждал подвизаться с удовольствием и,

предложив подвиг, обещал вести уже не на смерть, а на царство. Скажи же, в числе которых желал бы ты находиться, – тех ли, которые утучняются в темнице, ежедневно ожидая своего приговора, или тех, которые много подвизаются и трудятся добровольно, чтобы облечься диадемою царства? Видишь ли, как (апостол) возвышает их душу и возводит их горе? При том он внушает, что не только смерть упразднена, но через нее поражен и тот, кто постоянно восстает и ведет против нас непримиримую войну, т.е. диавол, потому что кто не боится смерти, тот находится вне власти диавола. Если «кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него» ([Иов. 2:4](#)), то кто решается пожертвовать и ею, тот чьим может быть рабом? Он не боится никого, не страшится никого, выше всех и свободнее всех. Ведь кто пренебрегает собственной душой, тот тем более (пренебрежет) остальным. Когда диавол находит такую душу, то он не может выполнить на ней ни одного из своих намерений. В самом деле, скажи мне, что (он может сделать с нею)? Будет, ли угрожать ей лишением имущества, бесчестием и изгнанием из отечества? Но все это маловажно для того, кто не дорожит даже собственной душою, подобно блаженному Павлу ([Деян. 20:24](#)). Видишь ли, что свергающий с себя тяжкую власть смерти сокрушает и силу диавола? Кто умеет безмерно любознательствовать о воскресении, тот будет ли бояться смерти, станет ли страшиться чего-нибудь другого? Потому не скорбите и не говорите: для чего мы терпим то-то и то-то? – потому что таким образом достигается славнейшая победа; а она не была бы славною, если бы (Христос) не разрушил смертью смерть. И удивительно то, что тем самым Он и победил её, чем она была сильна, явив везде и могущество свое и мудрость. Не предадим же сообщенного нам дара: «вы не приняли, – говорит (апостол), – духа рабства» ([Рим. 8:15](#)), «но силы и любви и целомудрия» ([2 Тим. 1:7](#)). Будем стоять мужественно, посмеиваясь над смертью.

5. Но мне приходится тяжело вздохнуть (при мысли), куда возвел нас Христос, и куда мы низводим сами себя. Когда я представляю вопли, раздающиеся на площади, рыдания, какие бывают по отшедшим от жизни, стоны и прочие бесчинства, – то, поверьте, я стыжусь язычников, иудеев и еретиков, которые видят это и решительно все смеются за это над нами, и что бы я ни говорил после того о воскресении, слова мои будут напрасным рассуждением. Почему? Потому что язычники обращают внимание не на то, что я говорю, а на то, что делается вами. Они тотчас скажут: сможет ли кто-нибудь из них когда-нибудь презирать смерть, если он не может видеть даже другого умершим? Прекрасно говорит Павел, прекрасно и достойно небес и человеколюбия Божия. Что же говорит он? «И избавить тех,

которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» ([Евр. 2:15](#)). Но вы не допускаете верить этому, опровергая слова его своими делами, хотя Бог употребил множество мер к тому, чтобы уничтожить ваш дурной обычай. Вот, скажите мне, что означают горящие светильники? Не провожаем ли мы умерших, как подвижников? Что (означают) песнопения? Не прославляем ли мы Бога, не благодарим ли Его, что Он наконец увенчал отшедшего, освободил от трудов, избавил от страха и принял его к себе? Не для того ли гимны, не для того ли песнопения? Все это свойственно радующимся: «Весел ли кто, пусть поет псалмы», – говорит (апостол) ([Иак. 5:13](#)). Но язычник смотрит не на это. Не указывая мне, говорит он, на того, кто любомудрствует, не подвергаясь скорби, – это нисколько не важно и не удивительно, – но укажи мне того, кто бы любомудрствовал среди самой скорби; тогда и я поверю воскресению. Не удивительно, когда поступают так мирские жены, хотя и это прискорбно, потому что и от них требуется любомудрие: «Не хочу же, – говорит Павел, – оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» ([1 Фес. 4:13](#)); он писал это не к монахам и не к посвятившим себя на всегдашнее девство, но к мирским женам, сочетавшимся браком, и к мирским мужам. Впрочем это еще не так прискорбно; а когда кто-нибудь, жена или муж, утверждающий, что распялся для мира, он рвет на себе волосы, а она рыдает неутешно, то что может быть непристойнее этого? Поверьте словам моим, что, если бы делать, как должно, то следовало бы отлучить таких людей на долгое время от порогов церковных. Если кто истинно достоин слез, то это те, которые еще боятся и трепещут смерти, которые не веруют воскресению. Но, скажешь, я не воскресению не верую, а следую обычаю. Для чего же ты, скажи мне, когда отправляешься в путь и предпринимаешь далекое путешествие, не делаешь этого? И тогда, скажешь, я плачу и рыдаю, следуя обычаю. Но там действительно ты следуешь обычаю; а здесь ты отчаиваешься в возвращении. Вспомни, что поешь ты в то время (при погребении)? «Возвратись, душам моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя» ([Псал. 114:6](#)); и еще: «не убоюсь зла, потому что Ты со мной» ([Псал. 22:4](#)); и еще: «Ты покров мой: Ты охраняешь меня от скорби» ([Псал. 31:7](#)). Вникни, какой смысл в этих песнопениях. Но ты не внемлешь им, а беснуешься от скорби. Будь внимателен и благоразумен хотя при погребении других, чтобы тебе найти врачество при своем (погребении). «Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя», – говоришь ты, и сам плачешь? Не притворство ли это, не лицемерие ли? Если ты действительно веришь тому, что

говоришь, то напрасно плачешь; если же ты притворяешься, лицемеришь и считаешь это баснею, то для чего и поешь? Для чего терпишь присутствующих? Почему не выгоняешь поющих? Но, скажешь, это свойственно беснующимся. А то еще более. Впрочем, я говорю теперь об этом между прочим, но впоследствии тщательнее разберу этот предмет, потому что я очень боюсь, чтобы таким образом не вкралась в Церковь какая-нибудь тяжкая болезнь. Это рыдание мы исправим после; а теперь говорю и объявляю богатым и бедным, женам и мужьям.

Дай Бог, чтобы все вы отошли от жизни без печали, чтобы по определенному закону престарелые отцы были погребены сыновьями, и матери дочерями, внуками и правнуками, в маститой старости, и чтобы никогда не случилось с вами преждевременной смерти; дай Бог вам это, о чем и я сам молюсь и предстоятелей и всех вас увещаваю молиться Богу друг о друге и возносить к Нему общую об этом молитву; если же, – чего да не будет и да не случится! – если постигнет кого-нибудь из вас тяжкая смерть, – называю ее тяжкою не по существу, потому что смерть уже не тяжка и нисколько не отличается от сна, но называю ее тяжкою по отношению к нашему чувству, – если она приключится и кто-нибудь наймет этих плакальщиц, то, поверьте словам моим, – я говорю не иначе, как должен говорить, а кто хочет, пусть гневается, – я отлучу такого от Церкви на долгое время, как идолослужителя. Если Павел называет лихоимца идолослужителем ([Кол. 3:5](#)), то тем более можно назвать так того, кто совершает над верным свойственное идолослужителям. И для чего, скажи мне, ты призываешь пресвитеров и певцов? Не для того ли, чтобы получить утешение? Не для того ли, чтобы почтить отшедшего? Для чего же ты оскорбляешь его, для чего бесчестишь, для чего бесчинствуешь, как бы на зрелище? Мы приходим, чтобы любомудрствовать о воскресении, чтобы воздаваемою ему честью научить всех, даже и тех, которые еще не подвергаются ударам (смерти), переносить мужественно, когда случится с ними что-нибудь подобное; а ты приводишь тех, которые разрушают наши действия, сколько это возможно для них?

6. Что может быть хуже такой насмешки и такого глумления? Что может быть тяжелее такой несообразности? Постыдитесь и образумьтесь; если же вы не хотите, то мы не потерпим, чтобы такие пагубные обычаи существовали в Церкви. «Согрешающих, – говорит (апостол), – обличай перед всеми» ([1 Тим. 5:20](#)). Потому мы чрез вас повелеваем тем жалким и презренным (плакальщицам), чтобы они никогда не приходили к погребению верных; иначе мы заставим их оплакивать собственные несчастья и научим сокрушаться более о своих бедствиях, нежели о

чужих. Так любвеобильный отец, имеющий беспорядочного сына, не только ему запрещает иметь общение с людьми порочными, но и тем угрожает. Подобным образом и я заповедую вам, а чрез вас и им, чтобы ни вы не приглашали их, ни они не приходили (на погребение). Дай Бог, чтобы одни слова наши принесли какую-нибудь пользу и одна угроза имела силу; если же, – чего да не будет! – слова наши будут оставлены без внимания, то мы наконец принуждены будем привести угрозу в действие, – наказать вас по законам церковным, а их так, как следует (поступить) с ними. Если же и после этого кто-нибудь из дерзких не образумится, то пусть он послушает Христа, который и ныне говорит: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь» ([Мф. 18:15–17](#)). Если (Господь) повелевает таким образом отвращаться от брата, согрешившего против меня, когда он не слушает обличений, то судите сами, как я должен поступать с тем, кто грешит против себя самого и против Бога, – вы ведь часто осуждаете нас, что мы не снисходительно обращаемся с вами. А кто презирает запрещения, налагаемые нами, того опять пусть научить Христос, который говорит: «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» ([Мф. 18:18](#)). Хотя мы и маловажны, и ничтожны, и достойны презрения, как и действительно мы таковы, но мы не за себя взыскиваем, не гневу своему удовлетворяем, а заботимся о вашем спасении. Постыдитесь же, увещеваю, и образумьтесь. Если всякий терпеливо переносит (укоризны) друга, нападающего на него даже более надлежащего, зная цель его и то, что он делает это по благорасположению, а не по гордости, то тем более должно терпеть обличения учителя, и при том учителя, который говорит не своею властью и не как начальник, но как попечитель.

Мы говорим это не для того, чтобы показать свою власть – можно ли (так думать), когда мы желаем, чтобы они даже и не испытали её? – но из сожаления и сострадания к вам. Простите же, и никто из вас пусть не презирает церковных запрещений, потому что ими связывает не человек, а Христос, даровавший нам такую власть, соделавший людей обладателями такой чести. Мы желали бы употреблять эту власть на разрешение, или лучше, не желали бы иметь нужду и в этом, потому что не хотим, чтобы кто-нибудь из нас был связанным, – мы еще не так жалки и презренны,

хотя и крайне ничтожны. Но когда мы бываем вынуждены, то простите: против собственной воли и желания мы налагаем запрещение, хотя сами скорбим более вас связываемых. А кто станет презирать это, для того настанет время суда и научит его. Не хочу говорить о последующем, чтобы не возмутить души вашей. Прежде всего мы молимся, чтобы нам не быть к тому вынужденными; когда же бываем вынуждены, то исполняем свое дело, налагаем запрещение. Если кто нарушит его, то я, сделавший свое дело, не виновен; а ты должен будешь отдать отчет Тому, кто повелел мне связывать. Ведь, если в присутствии царя кто-нибудь из предстоящих оруженосцев получит приказание связать кого-нибудь из находящихся в строю и наложить на него оковы, а этот не только оттолкнет его, но и разломает самые оковы, то не оруженосец получает обиду, а гораздо более царь, давший такое приказание. Подлинно, если (Господь) усвоит себе то, что делается верующему, то тем более, когда вы оскорбите поставленных на учительство, Он примет это за оскорбление Его самого. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто из находящихся в этой церкви подвергся необходимости быть связанным. Как хорошо – не грешить, так же полезно – переносить наказание (ἐπιτίσιον). Будем же переносить обличение и постараемся не грешить, а когда согрешим, то будем переносить наказание. Как хорошо – не получать ран, а когда это случится, то полезно – прилагать к ранам лекарство, так точно и здесь. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто нуждался в подобных лекарствах: «...мы надеемся, что вы в лучшем *состоянии* и держитесь спасения, хотя и говорим так». ([Евр. 6:9](#)). Мы предложили более сильное (обличение) для больного предостережения. Лучше мне почитаться от вас строгим, суровым и гордым, нежели вам делать неуютное Богу. Надеемся на Бога, что это обличение не будет бесполезно для вас и что вы исправитесь так, что слова наши послужат к вашей похвале и чести. Дай же вам Бог проводить жизнь согласно с волею Божией, чтобы всем нам удостоиться благ, обещанных Богом любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем.

Беседа 5

[Евр.2:16–17](#). Ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братьям.

1. Желая показать великое снисхождение Бога и любовь, какую Он имеет к роду человеческому, Павел после того, как сказал: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные» ([Евр. 2:14](#)), объясняет это место и говорит: «не Ангелов восприемлет». Не просто, говорит, выслушай сказанное и не почитай каким-нибудь обыкновенным делом того, что Он принял нашу плоть; ведь Он не удостоил этого ангелов. Потому и выражается так: «не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово». Что означают слова его? Не в ангельское, говорит, естество облекся Он, но в человеческое. А что значит: «восприемлет»? Не ангельское, говорит, естество принял Он, но наше. Почему же он не сказал: принял, но употребил такое выражение: «восприемлет» (ἐπιλαμβάνεται)? Он заимствует это выражение из примера бегущих за теми, которые уходят от них, и употребляющих все меры к тому, чтобы настигнуть убегающих и удержать удаляющихся. Так и Христос сам устремился и настигнул род человеческий, бежавший от Него и бежавший далеко, – мы ведь были, говорит (апостол), «без – Бога – были отчуждены... далеко и были безбожники в мире» ([Еф. 2:12, 13](#)). Здесь он показывает, что (Бог) сделал это единственно по снисхождению, любви и попечению об нас. Как выше, когда говорит: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» ([Евр.1:14](#)), он показывает любовь Его к роду человеческому и то, что Бог много печется о нем, так и здесь еще больше подтверждает это посредством сравнения, говоря: «не Ангелов восприемлет».

Подлинно, великое, чудное и изумительное дело, что наша плоть сидит на небесах и удостоивается поклонения от ангелов, архангелов, серафимов и херувимов. Представляя себе это, я часто удивляюсь и высоким предаюсь мыслям о роде человеческом, потому что вижу великие и светлые начатки и многое попечение Божие о естестве нашем. И не просто сказал (апостол): от людей приемлет, но, желая возвысить их и показать, как велик и почтенен род их, говорит: «но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братьям». Что значит: «во всем»? Он родился, говорит, воспитывался, возрастал, претерпел все, что следовало, и наконец умер: вот что означают слова: «во

всем уподобиться братьям». Так как он много говорил о величии и высшей славе (Христа), то теперь ведёт речь о домостроительстве Его; и посмотри, с какою мудростью и силою доказывает, что Он приложил большое старание, чтобы уподобиться нам; это – знак великого Его попечения об нас. Сказав выше: «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные» (апостол) и здесь говорит: «во всем уподобиться братьям», т.е. как бы так говорит: Тот, кто так велик, кто есть сияние славы и образ ипостаси, кто сотворил века и сидит одесную Отца, Тот восхотел и потщился сделаться нашим братом во всём, и для того оставил ангелов и горние силы, сошел к нам и принял нашу (плоть). И смотри, сколько Он доставил благ: разрушил смерть, освободил нас от власти диавола, избавил от рабства, почтил своим братством, и не только удостоил братства, но и других бесчисленных (благодеяний), – Он восхотел быть нашим первосвященником пред Отцом: «чтобы быть милостивым, – продолжает (апостол), – и верным первосвященником пред Богом». Он принял, говорит, плоть нашу единственно по человеколюбию, для того, чтобы помиловать нас. Нет другой причины такого домостроительства Его, кроме одной этой; Он видел, что мы повержены на землю, погибаем и подвергаемся насилию смерти, и умилился. «Для, – говорит, – умилования за грехи народа». Что значит: «верным»? Истинный, сильный, потому что один только Сын есть верный первосвященник, могущий избавить от грехов тех, которых Он первосвященник. Потому, чтобы принести жертву, которая могла бы очистить нас, Он сделался человеком. «Пред Богом» – присовокупляет (апостол), т.е. в отношении к Богу. Мы были, говорит, враждебны Богу, были осуждены, преданы бесчестию; не было никого, кто бы принес за нас жертву; Он видел нас в таком состоянии и умилился, не только доставив нам первосвященника, но сделавшись сам первосвященником верным. Потом (апостол) показывает, как Он верен, продолжая: «для умилования за грехи народа. Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» ([Евр. 2:17, 18](#)).

2. Это, по-видимому, весьма уничиженно, смиренно и недостойно Бога. «Ибо, как Сам, – говорит, – Он претерпел». Здесь он говорит о воплотившемся. Может быть, это говорится и для успокоения слушателей, и во внимание к их немощи. Смысл слов его следующий: (Христос), пришедши, самым делом испытал то, что мы терпим; теперь Ему не безызвестны страдания наши; он знает не только как Бог, но и как человек, познавши и испытавшей самим делом; Он много пострадал, потому может и нам сострадать. Хотя Бог бесстрастен, но здесь (апостол) говорит о

воплощении, и как бы так сказал: самая плоть Христова претерпела много страданий; Он знает, что такое страдание, знает, что такое искушение, и знает не меньше нас страждущих, потому что Он сам страдал. Что же значит: «может и искушаемым помочь»? Иначе сказать: Он с великою готовностью подаст руку помощи, будет сострадательен. Так как (евреи) думали иметь большое преимущество пред (верующими) из язычников, то (апостол) внушает, что они имеют преимущество в том, чем Бог несколько не унизил и (верующих) из язычников. Чем же именно? Тем, что от них спасение, что наперед к ним Он пришел, что от них принял плоть. «Не Ангелов восприимлет Он, – говорит, – но восприимлет семя Авраамово». Этим он и воздает честь патриарху, и показывает, что значит семя Авраамово, – напоминает им об обетовании, данном Аврааму в следующих словах: «ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки» ([Быт. 13:15](#)), намекая несколько и на близость (их к Нему) в том, что все произошло от одного. Но так как эта близость была незначительна, то он опять переходит к тому же (предмету), останавливается на домостроительстве Его во плоти и говорит: «для умилоствления за грехи народа». Самое желание – сделаться человеком есть уже знак великого попечения и великой любви, а теперь не только это, но и бессмертные блага дарованы нам от Него: «для, – говорит, – умилоствления за грехи народа». Почему он не сказал: (грехи) вселенной, но: «народа» (του λαού), тогда как поистине Он взял на себя грехи всех нас? Потому, что (апостол) пока ведет речь о них (евреях), как и ангел говорил Иосифу: «наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» ([Мф. 1:21](#)). Этому и следовало наперед совершиться, и для того Он пришел, чтобы спасти их, а потом чрез них и тех (язычников), хотя случилось напротив. Об этом и (другие) апостолы в самом начале говорили: «к вам первым послал Его благословить вас» ([Деян. 3:26](#)); и еще: «вам послано слово спасения сего» ([Деян. 13:26](#)). Так и здесь (апостол) показывает благородство Иудеев, когда говорит: «для умилоствления за грехи народа».

Так он теперь говорит. А что (Христос) отпускает грехи всех, это сам Он объяснил как при исцелении расслабленного, когда сказал: «прощаются тебе грехи твои» ([Мк. 2:5](#)), так и в заповеди о крещении: «научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» ([Мф. 28:19](#)). Когда Павел начал речь о плоти, то потом говорит (о Нем) все уничиженное, несколько не опасаясь; смотри именно, что говорит он далее: «Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа,

Который верен Поставившему⁴ Его, как и Моисей во всем доме Его» ([Евр. 3:1–2](#)). Намереваясь изобразить преимущества Его сравнительно с Моисеем, (апостол) ведет речь о законе касательно священства, потому что о Моисее все имели высокое мнение. И (здесь) он уже предрекает семя этого преимущества; но начинает с плоти, а потом переходит к божеству, в отношении которого не могло быть сравнения. Начиная сравнивать их по плоти, он говорит: «как и Моисей во всем доме Его». Не вдруг доказывает преимущество (Христа пред Моисеем), – чтобы слушатели не отшатнулись и тотчас же не заткнули ушей, – потому что, хотя они были верующие, но в душе своей еще много были преданы Моисею. «Который верен, – говорит, – Сотворившему Его». Что «сотворившему»? Посланника и первосвященника. Не о существе говорит он здесь, и не о божестве, но пока о преимуществах человеческих. «Как и Моисей во всем доме Его», т.е. в народе, или в храме. А употребляет это выражение – «во всем доме Его» – так, как иной выразился бы о домашних. Моисей был в народе, как попечитель и распорядитель в доме. Что здесь домом он называет народ, видно из прибавления: «дом же Его – мы» ([Евр. 3:6](#)), т.е. мы – создание Его. Затем (показывает) преимущество: «Он достоин тем большей славы пред Моисеем»; и опять (говорит) о плоти: «чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его» ([Евр. 3:3](#)).

3. И сам (Моисей), говорит, был из этого дома. Не сказал: он был раб, а тот – Владыка, но прикровенно выразил это. Если домом был народ, а сам (Моисей) был из народа, то следует, что он был из этого дома; так и мы обыкновенно говорим: такой-то происходит из такого-то дома. Здесь под домом (апостол) не понимает храма, потому что не Бог создал его, но люди, а «устроивший его», т.е. Моисея, есть Бог. Смотри, как он прикровенно показывает превосходство (Христа пред Моисеем): «верен, – говорит, – во всем доме Его», между тем как сам он был из этого дома, т.е. из народа. Большую имеет честь пред произведениями художник их, равно как и пред домом – устроивший его. «А устроивший все *есть* Бог» ([Евр. 3:4](#)). Видишь, что не о храме говорит, но о всем народе? «И Моисей верен во всем доме Его, как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить» ([Евр. 3:5](#)). Вот и другое преимущество Сына пред рабами! Видишь опять, как он указывает на близость (Христа к Богу-Отцу) наименованием Сына? «Христос – как Сын в доме Его» ([Евр. 3:6](#)). Замечаешь, как он отличает создание и Создателя, раба и Сына? Этот входит в отеческий дом, как Владыка, а тот, как раб. «Дом же Его – мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним

до конца» ([Евр. 3:6](#)). Здесь опять убеждает их стоять мужественно и не падать; мы будем, говорит, домом Божиим, подобно Моисею, если только упование и надежду, которою хвалимся, твердо сохраним до конца; а кто скорбит в искушениях и падает, тот не может хвалиться; кто стыдится и скрывается, тот не имеет дерзновения; кто печалится, тот недостойн похвалы. Вместе с тем и хвалит их, когда говорит: «если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца», выражая, что они начали (иметь дерзновение и упование); только нужно (сохранить) до конца, и не просто стоять, но содержать твердую надежду с несомненною верою, не колеблясь искушениями. Не удивляйся, что (о Христе) сказано нечто человеческое в словах: «быв искушен» ([Евр. 2:18](#)). Если об Отце, который не воплощался, в Писании говорится: «Господь с небес призрел на сынов человеческих» т.е. обстоятельно рассмотреть все ([Псал. 13:2](#)), и еще: «сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» ([Быт. 18:21](#)), и еще: «Господь не мог более терпеть злых дел ваших и мерзостей» ([Иер. 44:22](#)), где священное Писание выражает величие гнева Божия, – то тем более о Христе, который пострадал во плоти, может быть сказано то, что свойственно человеку. Так как многие люди считают опыт самым верным средством к познанию, то (апостол) хочет показать, что (Христос), который сам пострадал, знает, что терпит природа человеческая. «Итак, – говорит, – братия святые». Слово: «итак» – употребляет вместо: поэтому. «Участники в небесном звании».

Итак, не ищите ничего здесь, если вы призваны туда, – потому что там награда, там воздаяние. Что же далее? «Уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его». Что значит: «Который верен Поставившему Его»? Т.е. пекущегося, предстательствующего за своих и не допускающего им колебаться каким –нибудь образом. «...Как и Моисей во всем доме Его». Т.е. познайте, кто и каков первосвященник наш, и вы не будете иметь нужды в другом утешении или ободрении. Называет Его посланником потому, что Он был послан (от Бога-Отца); называет первосвященником исповедания нашего, т.е. веры. Хорошо сказано: «как и Моисей»; как тому был верен народ, так и Ему – предводительство народом, хотя высшее и в делах высших. Моисей был слуга, а Христос – Сын; тот имел попечение о (людях) чуждых, а этот – о своих. «Для засвидетельствования того, что надлежало возвестить». Что говоришь ты? Неужели Бог принимает свидетельство от человека? Конечно, так. Если Он призывает во свидетели небо, землю и холмы, когда

говорит чрез пророка: «Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит» ([Ис. 1:2](#)); и еще: «Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим» ([Мих. 6:2](#)), – то тем более – людей. Что значит: «для засвидетельствования»? Чтобы свидетельствовать, когда они сделаются бесстыдными: «Христос – как Сын в доме Его». Тот имел попечение о (людях) чуждых, а этот – о своих. «И упование, которым хвалимся». Хорошо сказано: «упование», – потому что все блага были еще в надежде; но эту надежду нужно сохранять так, чтобы хвалиться, как бы действительностью. Потому (апостол) говорит: «упование, которым хвалимся», и присовокупляет: «твердо сохраним до конца», – так как мы – «спасены в надежде» ([Рим. 8:24](#)). Если же мы спасаемся в надежде и ожидаем в терпении, то мы не должны скорбеть о благах настоящих и беспокоиться о тех, которые обещаны в будущем, так как «Надежда же, когда видит, не есть надежда» ([Рим. 8:24](#)). Если, говорит, эти блага велики, то мы не можем получить их здесь, в настоящей кратковременной жизни. Но для чего же (Бог) и предсказал нам об них, если не хотел даровать их нам здесь? Для того, чтобы обещанием привлечь наши души, чтобы надеждою укрепить наше усердие, чтобы ободрить и возвысить наше сердце. С такою именно целью сделано все это.

4. Итак, не будем смущаться; пусть никто не сетует, видя порочных людей благоденствующими. Здесь нет воздаяния ни пороку, ни добродетели; а если иногда и бывает (воздаяние) пороку и добродетели, то не по достоинству их, но слегка, как бы в предвкушении суда, чтобы неверующие воскресению образумились здесь хотя таким образом. Потому, когда мы увидим порочного богатым, не будем падать духом; когда увидим добродетельного страждущим, не будем смущаться, – потому что там венцы, там и наказания. При том нет такого порочного человека, который был бы совершенно порочным, но и в нем бывает нечто доброе; равно нет и такого добродетельного, который был бы совершенно добродетельным, но и у него бывают некоторые прегрешения. Итак, когда порочный благоденствует, то знай, что это – к погибели собственной головы его; он здесь наслаждается этим для того, чтобы, получив здесь воздаяние за свое малое добро, подвергнуться там полному наказанию. Тем более блажен тот, кто, получая наказание здесь, чтобы отдать долг за все грехи свои, отходит отсюда оправданным, чистым и неповинным. Этому поучает нас Павел, когда говорит: «От того многие из вас немощны и больны и немало умирает» ([1 Кор. 11:30](#)), и еще: «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» ([1 Кор. 5:5](#)). И пророк говорит: «ибо он от руки Господней принял

вдвое за все грехи свои» ([Ис. 40:2](#)), также Давид: «Посмотри на врагов моих, как много их, и *какою* лютою ненавистью они ненавидят меня ...и прости все грехи мои» ([Пс. 24:19, 18](#)); и еще иной: «Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас» ([Ис. 26:12](#)). Все это доказывает, что добродетельные получают здесь наказания за грехи свои. А где (говорится), что порочные получают здесь добро, чтобы там подвергнуться полному наказанию? Послушай Авраама, который говорит богатому: «чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое» ([Лук. 16:25](#)). Какое «доброе»? Употребляя выражение: «восприял еси», а не: «приял еси»⁵, он показывает, что оба они получали по заслугам, один благоденствие, а другой бедствия, и говорит: «ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь».

Итак, не будем скорбеть, когда видим здесь грешников благоденствующими, и когда сами страждем, будем радоваться, потому что это изглаживает наши грехи. Не будем искать спокойствия, потому что Христос возвестил скорби ученикам своим, и Павел говорит: «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» ([2 Тим. 3:12](#)). Никто из мужественных борцов во время борьбы не ищет бань и трапезы, обильной яствами и вином; это свойственно не ратоборцу, а человеку изнеженному; ратоборец терпит пыль, (умощение) елеем, жар солнца, многий пот, скорби и тяжесть подвигов. Таково – время борьбы, и, следовательно, получения ран, пролития крови и скорбей. Послушай, что говорит блаженный Павел: «бьюсь не так, чтобы только бить воздух» ([1 Кор. 9:26](#)). Будем считать всю жизнь предназначенною для подвигов, не станем никогда искать отдохновения, не станем смотреть на страдания, как на нечто чуждое, потому что и ратоборец, когда он совершает подвиги, не считает этого чуждым для себя. Для успокоения будет другое время; достигать совершенства нам следует посредством скорбей. Если и нет ни гонения, ни притеснения, то есть другие скорби, которые случаются с нами ежедневно; если мы не переносим последних, то едва ли перенесли бы первые. «Вас постигло искушение не иное, – говорит (апостол), – как человеческое» ([1 Кор. 10:13](#)). Будем же молиться Богу, чтобы не впасть в искушение, а когда впадем, то будем переносить мужественно. Людям благоразумным свойственно – не подвергать себя опасностям; а мужественным и любознательным свойственно – стоять твердо, подвергшись опасностям. Потому не будем подвергать себя (опасностям) без нужды, потому что это – знак дерзости; а когда нас вынуждают и когда требуют обстоятельства, не будем уклоняться, потому что это – знак робости; если нас призывает (евангельская) проповедь, то не будем отказываться; просто,

без причины без нужды и без пользы для благочестия, не будем стремиться, потому что это – хвастовство и пустое тщеславие; а если случится что-нибудь вредное для благочестия, то не будем никогда отказываться, хотя бы надлежало претерпеть тысячи смертей. Не вызывайся на искушения, когда дела благочестия идут по твоему желанию, – зачем навлекать на себя излишние опасности, не приносящие никакой пользы?

5. Говорю это из желания, чтобы вы соблюдали заповеди Христа, который повелевает молиться, чтобы не впасть в искушение, и вместе повелевает, взяв крест, последовать Ему. Эти (заповеди) не противоречат одна другой, но весьма согласны между собою. Итак, настрой себя, как храбрый воин, будь всегда с оружием, бодрствуй, трезвись, постоянно ожидай врага; впрочем, сам не производи браней, потому что это свойственно не воину, а бунтовщику. Когда призывает труба благочестия, то немедленно выходи, не жалея души, выступай с великою готовностью на подвиги, ниспровергай ряды противников, сокрушай лицо диавола, воздвигай трофей (победы); а когда благочестие не терпит никакого вреда, когда никто не искажает наших догматов, – разумею касающихся души, – и когда ничто не принуждает делать неудобное Богу, то не будь слишком рьян. Жизнь христианина должна быть полна крови, но не в смысле пролития чужой крови, а готовности – пролить собственную. Потому будем проливать собственную кровь, когда это нужно за Христа, с таким усердием, как будто бы мы проливали воду, – кровь и есть вода, протекающая в теле, – и свергать с себя плоть с такою готовностью, как будто бы мы снимали одежду. А это случится тогда, когда мы не будем привязываться к имуществу и к жилищам, когда не будем увлекаться пристрастием к (благам) настоящим. Если посвятившие себя военной жизни отказываются от всего и, куда призывает война, туда и отправляются, путешествуют и с охотою терпят все, то тем более нам, воинам Христовым, надобно быть так же готовыми и так же выходить на войну со страстями. Нет ныне гонения, и дай Бог, чтобы никогда не было; но есть другая брань, брань против любостыжания, против зависти и прочих страстей. Описывая эту брань, Павел говорит: «наша брань не против крови и плоти» ([Еф. 6:12](#)). Эта брань предстоит всегда; потому он желает, чтобы мы были всегда вооруженными: «Итак станьте, – говорит, – препоясав чресла ваши», – что может относиться и к настоящему времени, – и внушает, что нужно быть всегда вооруженными. Велика брань против языка, велика против очей, велика против пожеланий: будем удерживать их. Вот почему он с этого и начинает вооружать воина Христова: «Итак

станьте, – говорит, – препоясав чресла ваши – и прибавляет: истиною» ([Еф. 6:14](#)). Почему – «истиною»? Потому что пожелание есть обман и ложь, как и Давид сказал в одном месте: «ибо чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей» ([Пс. 37:8](#)). Оно не составляет удовольствия, но только тень удовольствия. Поэтому, говорит, «препоясав чресла ваши истиною», т.е. истинным удовольствием, целомудрием, честностью.

Он знал наглость греха, и потому увещевает ограждать все наши члены. «Не может быть – говорит (Премудрый), – оправдан несправедливый гнев» ([Сир. 1:22](#)); и потому (апостол) заповедует нам ограждаться броней и щитом. Гнев есть зверь, скоро нападающий на нас, и нужно нам много оград и оплотов, чтобы задержать его и преодолеть. Потому-то у нас преимущественно эту часть (грудь) Бог устроил из костей как бы из каких камней, положив ему преграду, чтобы он (гнев) когда-нибудь не расторгнул и, расторгнув, не погубил легко всего человека. Он есть огонь и великая буря, так что другой член (тела) не вынес бы его нападения. И врачи говорят, что для того под сердце подложены легкие, чтобы сердце, ударяясь об эти мягкие части, как бы об губку, могло успокаиваться, – чтобы оно, ударяясь в твердую и жесткую, грудь, не повредилось от частых потрясений. Поэтому нам нужна крепкая броня, чтобы всегда удерживать этого зверя в спокойствии. Нужен нам и шлем на голову, потому что в ней пребывает разум, и от ней можно и спастись, если она будет делать должное, можно и погибнуть, если – недолжное; поэтому (апостол) и говорит: «и шлем спасения» ([Еф. 6:17](#)). Мозг по природе своей мягок; потому он и покрыт сверху теменем, как бы какую черепицею; он бывает у нас виновником всего доброго и злого, смотря по тому, признает ли должное или недолжное. Также и ноги и руки наши имеют нужду в оружии, – не эти руки и не эти ноги, а тоже душевные, – чтобы одни исполняли должное, а другие шли, куда следует. Итак, вооружим себя таким образом, и мы будем в состоянии преодолеть врагов и украситься венцом победы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 6

[Евр.3:7–11](#). Почему, как говорит Дух Святой, ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моём, что они не войдут в покой Мой.

1. Упомянув о надежде и сказав, что «дом же Его – мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца», Павел далее доказывает, что должно иметь твердую надежду, и уверяет в этом свидетельством Писаний. Будьте же внимательны, потому что он высказал это несколько неясно и неудобовразумительно. Поэтому, сказав наперед все нужное с нашей стороны и кратко изложив вам всю сущность предмета, мы потом обратимся к тому, что написано; и как скоро вы узнаете намерение апостола, то уже не будете иметь в нас нужды. Он говорил о надежде и о том, что должно ожидать будущего и что трудившимся здесь непременно будет некоторая награда, возмездие и успокоение. Теперь он доказывает это свидетельством пророка. Что же говорит он? «Почему, как говорит Дух Святой, ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моём, что они не войдут в покой Мой». Он говорит, что есть три рода покоя: один – покой субботы, в который Бог успокоился от дел своих; другой – покой палестинский, когда иудеи (вступив в Палестину) должны были успокоиться от многих бедствий и трудов; трети и истинный покой – царство небесное, которого кто достиг, тот истинно успокаивается от трудов и скорбей. Таким образом он упоминает здесь о трех (родах покоя). Для чего же, рассуждая об одном, он упомянул о трех? Чтобы показать, что пророк сказал о последнем; не о первом сказал он, так как тот был уже давно; и не о втором, бывшем в Палестине, так как и этот уже окончился, а он говорит: «не войдут в покой Мой». Остается третий, о котором он и говорит.

Впрочем нужно рассказать эти исторические события, чтобы сделать слова более ясными. (Иудеи) вышедши из Египта, совершив длинный путь

и получив тысячи знамений силы Божией, в Египте, на Чермном море, в пустыне, пожелали послать соглядатаев для обозрения свойств (обетованной) земли. Когда же посланные, возвратившись, выразили свое удивление этой землей и сказали, что она обильно приносит превосходные плоды, но что ею обладают люди сильные и непобедимые, тогда неблагодарные и бесчувственные иудеи, вместо того, чтобы вспомнить о прежних благодеяниях Божиих и о том, как Он не только избавил их от опасности, когда они окружены были войсками египетскими, но и доставил им возможность овладеть добычею, также о том, как в пустыне Он рассек камень и даровал обильные потоки воды и ниспосылал манну и, вспомнив обо всех этих и других чудесах, которые Он совершил, иметь веру в Бога, – не подумали ни о чем этом, как будто ничего не было, и, предавшись страху, хотели возвратиться опять в Египет, говоря: вывел нас сюда Бог, чтобы погубить нас с детьми и женами ([Исх. 17:3](#); [Числ. 20:4](#)). Потому Бог, разгневавшись на то, что они так скоро забыли о прошлом, поклялся, что поколение, говорившее это, не достигнет покоя, – и действительно, все они погибли в пустыне. Если же Давид впоследствии, уже после этого поколения, говорил: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота», – для чего? – чтобы вам не потерпеть того же, что потерпели ваши праотцы, и не лишиться покоя, – то ясно, что он указывал в словах своих на какой-то другой покой. Если бы он говорил о достигнутом ими покое, то для чего стал бы опять говорить им так: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота»?

Какой же это другой покой, кроме царства небесного, которого образ и подобие есть суббота? Изложив все свидетельство, которое заключается в следующем: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой», – (апостол) говорит далее: «Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живаго» ([Евр. 3:12](#)). Неверие бывает от жестокости. Как отвердевшие и грубые тела не уступают усилиям врачей, так, и ожесточившиеся души не повинуются слову Божию. Вероятно, между ними были не веровавшие в истину сказанного; потому он и говорит: «Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живаго». Так как речь о будущем

принимается не с таким убеждением, как речь о прошедшем, то он напоминает им об исторических событиях, в которых также недоставало веры. Если, говорит, отцы ваши, не уповая так, как должно было уповать, потерпели такие бедствия, то тем более (потерпите) вы, потому что и к ним относится сказанное. Слово: «ныне» означает: «всегда», пока стоит мир. «Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне» т.е. назидайте друг друга, исправляйте себя, чтобы (и с вами) не случилось того же. «Чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом» ([Евр.3:13](#)).

2. Видишь ли, что грех производит неверие? Как неверие бывает причиной порочной жизни, так и наоборот, когда душа нисходит во глубину зол, то она делается непослушною, а сделавшись непослушною, не хочет и верить, чтобы заглушить в себе страх. «И сказали, – говорит (Писание), – не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев» ([Пс. 93:7](#)); и еще: «уста наши с нами; кто нам господин» ([Пс. 11:5](#))? и еще: «Зачем нечестивый пренебрегает Бога» ([Пс. 9:34](#))? и еще: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога». Они развратились, совершили гнусные дела» ([Пс. 13:1](#)); и еще: «нет страха Божия пред глазами его»; и еще: «ибо он льстит себе в глазах своих, будто отыскивает беззаконие свое, чтобы возненавидеть его» ([Пс. 35:2, 3](#)). И Христос выражает то же самое, когда говорит: «ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету» ([Иоан. 3:20](#)). Затем (апостол) продолжает: «Ибо мы сделались участниками Христу» ([Евр. 3:14](#)). Что значит: «сделались участниками Христу»? Мы сделались, говорит, причастными Ему; мы и Он стали одно; Он – Глава, а мы – тело Его, сонаследники и сотелесники; мы одно тело с Ним, от плоти Его и от костей Его. «Если только начатую жизнь твердо сохраним до конца». Что значит: «начатую жизнь»? Говорит здесь о вере, которою мы существуем, и рождены, и сделались, так сказать, единым существом (с Ним). Потом присовокупляет: «доколе говорится: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота»» ([Евр.3:15](#)). Здесь он делает переход; а далее говорит так: «Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим. Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших» ([Евр.4:1, 2](#)). «Доколе говорится: «ныне, когда услышите глас Его». Тут – «ныне» значит: всегда. Потом присовокупляет: «но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших» ([Евр.4:2](#)), – объясняя, почему слово не принесло им пользы, именно потому они не получили пользы, что не приложили (своей веры).

Далее желая устрашить их, выражает то же самое в следующих словах: «Ибо некоторые из слышавших возроптали; но не все вышедшие из Египта с Моисеем. На кого же негодовал Он сорок лет? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне? Против кого же клялся, что не войдут в покой Его, как не против непокорных? Итак видим, что они не могли войти за неверие» ([Евр. 3:16–19](#)). Повторив свидетельство, он присоединяет вопрос, чтобы сделать слова свои ясными. «Почему, как говорит Дух Святой – говорит, – ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота». О каких же ожесточившихся он напоминает, о каких неверовавших? Не об иудеях ли? Смысл слов его следующий: и те слышали, говорит, как мы слышим, но не получили никакой пользы.

Итак, не думайте, что получите пользу от одного слышания проповеди; и те слышали, но не получили никакой пользы, потому что не веровали. А Халев и Иисус (Навин), которые не смешались с неверовавшими, т.е. не были согласны, избегли наказания, постигшего их. И, вот, что замечательно: не сказано: не согласились, но: не смешались, т.е. не приняли участия в возмущении, тогда как все прочие единогласно восстали. Здесь, мне кажется, (апостол) намекает на какое-нибудь смятение. «А входим, – говорит, – в покой мы уверовавшие» ([Евр.4:3](#)). Потом подтверждает это, присовокупляя: «так как Он сказал: «Я поклялся в гнев Моем, что они не войдут в покой Мой», хотя дела Его были совершены еще в начале мира». Так как иной мог сказать, что эти (слова) показывают не то, что мы войдем, а что они не вошли, то как поступает (апостол)? Сначала он старается показать, что как первый покой не препятствовал другому называться покоем, так и этот не препятствует покою небесному; а потом желает показать, что (иудеи) не достигли покоя. А что он действительно так говорит, видно из следующего прибавления: «Ибо негде сказано о седьмом дне так: и почил Бог в день седьмый от всех дел Своих. И еще здесь: «не войдут в покой Мой» ([Евр. 4:4, 5](#)). Видишь, как первый не препятствовал быть второму покою? «Итак, – говорит, – как некоторым остается войти в него, а те, которым прежде возвещено, не вошли в него за непокорность, то еще определяет некоторый день, «ныне», говоря через Давида, после столь долгого времени, как выше сказано: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших"" ([Евр. 4:6, 7](#)). Что означают эти слова? Так как кто-нибудь, говорит, непременно должен войти, а те не вошли, то (Бог) определяет иной третий покой. А что должно войти и кто-нибудь непременно войдет, это он, послушаем, каким образом доказывает. (Доказывает) тем, что «после

столь долгого времени – Давид опять говорит: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших». Ибо если бы Иисус *Навин* доставил им покой, то не было бы сказано после того о другом дне» ([Евр. 4:7, 8](#)). Очевидно, он говорит так потому, что кто-нибудь получит будущее воздаяние. «Посему для народа Божия еще остается субботство» ([Евр. 4:9](#)). Откуда это видно? Из заповеди: «не ожесточите сердец ваших». Если бы не было иного субботства, то им не было бы заповедано и не было бы повелено не делать того же, чтобы и не потерпеть того же, если бы их не ожидала такая же участь. Как же могли бы потерпеть такую же участь обладающие Палестиною, если бы не было никакого другого покоя?

3. Хорошо (апостол) заключил речь; не сказал: покой, но: «субботство», употребил собственно такое название, которое радовало его слушателей и нравилось им. А под субботством он понимает царство. Как в субботу повелено было воздерживаться от всех злых дел и заниматься одними только делами служения Богу, которые были совершаемы священниками и доставляли пользу душе, и ничем другим, – так (будет) и тогда. Впрочем, он сказал не так, а как? «Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих» ([Евр. 4:10](#)). Как Бог почил, говорит, от дел своих, так (почивает) и вшедший в покой Его. Так как он говорил им о покое, и весьма было желательно услышать, когда будет этот покой, то он и заключает речь таким образом.

Слово: «ныне» – сказал он для того, чтобы они никогда не теряли надежды. «Но наставляйте⁶ – говорит, – друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне''' – т.е. согрешит ли кто, пусть имеет надежду, доколе есть «ныне». Пусть никто не отчаивается, пока находится в живых. Особенно же, говорит, «чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного»; если же и будет, то пусть никто не отчаивается, но исправляет себя, потому что, пока мы находимся в этом мире, «ныне» имеет место. Здесь он говорит не только о неверии, но и о ропоте. «Которых кости, – говорит, – пали в пустыне». Потом, чтобы кто не подумал, что тогда просто только не будет даровано покоя, он присовокупляет и наказание, говоря: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» ([Евр. 4:12](#)). Здесь он говорит о геенне и наказании. Слово Божие, говорит, проходит до сокровенных (убежищ) нашего сердца и проникает душу. Здесь будет уже не падение костей, не лишение земли, как там, но (потеря) царства небесного и предание вечной геенне, бесконечному наказанию и мучению. «Но наставляйте (утешайте) друг друга». Заметь кротость и

доброту его; не сказал: укоряйте, но: «наставляйте (утешайте)». Так нам должно поступать с удрученными скорбью! То же он говорит и в послании к Солунянам: «вразумляйте бесчинных»; относительно же малодушных не так, – но как? – «утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» ([1 Фес. 5:14](#)). Что значит: «утешайте»? Иначе сказать: не лишайте надежды, не приводите в отчаяние, потому что кто не утешает удрученного скорбью, тот приводит его в большее ожесточение. «Чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом». Здесь он или понимает обольщение от диавола, – потому что поистине обольщение – не ожидать ничего в будущем, думать, что наши дела не подлежат отчету, что мы не потерпим наказания за здешние дела свои, и что не будет воскресения, – или же здесь лесь означает беззаботность или отчаяние, – потому что в самом деле обольщение – говорит: что мне остается? я однажды согрешил и не имею надежды исправиться. Далее (апостол) внушает им надежду: «Ибо мы, – говорит, – сделались участниками Христу», – как бы так говорит: Тот, кто столько возлюбил нас, удостоил нас таких благ, что соделал нас своим телом, не презрит погибающих. Помыслим, говорит, чего мы удостоились: мы и Христос – едино. Не будем же питать неверия к Нему. Здесь он опять намекает на то, что сказал в другом месте: «если терпим, то с Ним и царствовать будем» ([2 Тим. 2:12](#)); это именно означают слова: «сделались участниками», т.е. мы имеем участие в том, что принадлежит Христу. Он заимствует убеждения то от предметов приятных: «сделались, – говорит – участниками Христу», то от прискорбных: «будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим», – потому что это достоверно и известно. «Искушали Меня, – говорит, – и видели дела Мои сорок лет». Видишь, что не должно требовать отчета от Бога, но веровать Ему, спасает ли Он от бедствий, или нет? И тех он укоряет теперь за то, что они искушали Бога. Ведь тот, кто желает получить доказательства силы, или промышления, или попечения (Божия), еще не верует, что Он всемогущ и человеколюбив. На это (апостол) намекает и в настоящем послании, так как они, быть может, желали получить удостоверение и доказательство Его силы и промышления о них в искушениях. Видишь, как от неверия всегда происходят раздражение и гнев? Что же он говорит (далее)? «Посему для народа Божия еще остается субботство». Заметь, каков порядок всей его речи. (Бог) поклялся, говорит, древним, что они не войдут в покой, – и они не вошли. Потом, спустя много времени после них, обращаясь к иудеям, сказал: «не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы

ваши». Отсюда видно, что есть другой покой, потому что не о Палестине здесь говорится, – они уже владели ею, – и не о седьмом дне, – речь не об этом дне, бывшем уже давно. Следовательно, он указывает на некоторый иной, истинный покой.

4. Действительно, это такой покой, в котором нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, в котором нет ни забот, ни трудов, ни скорбей, ни страха, поражающего и потрясающего душу, но есть один страх Божий, исполненный радости. Там не слышатся слова: «в поте лица твоего будешь есть хлеб», и: «терния и волчцы произрастит она тебе» ([Быт. 3:18, 19](#)); нет там терний и волчцов; не слышится: « в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое и он будет господствовать над тобою» ([Быт. 3:16](#)). Все там – мир, радость, веселье, сладость, благодать, кротость, правда, любовь. Нет там ни зависти, ни ненависти, ни болезни, ни этой смерти телесной, ни той – душевной, ни мрака, ни ночи; все там день, все – свет, все – наслаждение; нет ни утомления, ни пресыщения, но будет постоянное желание тех же благ. Хотите, чтобы я представил вам некоторое изображение тамошнего состояния? Это невозможно; впрочем, постараюсь изобразить вам его, сколько возможно. Обратим взоры на небо, когда оно, не омрачаемое никаким облаком, являет нам венец свой; потом, после долговременного созерцания красоты его, представим, что и под нами будет не такая земля, какая теперь, но во столько раз лучшая, во сколько золотой кров лучше глиняных; представим далее следующий затем еще высший кров, потом ангелов, архангелов, неисчислимы сонмы бесплотных сил, самое царское жилище Бога, престол Отца. Но невозможно, как я сказал, изобразить всего словом; нужно испытать и познать опытом. Скажите мне: как, полагаете, жил Адам в раю? А та жизнь будет во столько раз лучше этой жизни, во сколько небо лучше земли. Но поищем другого сравнения. Если бы случилось царствующему ныне овладеть всею вселенною, затем не иметь беспокойств ни от войн, ни от забот, а только принимать почести и наслаждаться, окружать себя множеством копьеносцев, отовсюду получать потоки золота, и быть в славе, то в каком состоянии, думаете вы, была бы душа его, если бы он увидел, что войны прекратились по всей земле? Нечто подобное будет и тогда. Впрочем и это еще не дает нам достаточного изображения (будущей жизни); потому надобно поискать другого (сравнения). Представь, что царскому дитяти, которое, доколе находится в утробе, ничего не чувствует, случилось бы, вышедши оттуда, внезапно вступить на царский престол и не постепенно, а вдруг получить все. Таково будет и тогдашнее состояние. Или (оно будет подобно состоянию) узника, который, потерпев множество

зол, вдруг был бы возведен на царский престол. Но и таким образом мы еще не представляем точного изображения, потому что здесь, какие бы кто ни получил блага, хотя бы самое царство, в первый день чувствует живую радость, и во второй, и в третий, с течением же времени, хотя радость еще остается, но не такая, от привычки она всегда уменьшается, какова бы ни была; а там (радость) не только не уменьшается, но еще увеличивается. Подумай же, какова она будет, когда душа, отойдя отсюда, не станет ожидать ни прекращения, ни изменения тех благ, а напротив, приращения, и (наслаждаться) жизнью, не имеющей конца, свободною от всякой опасности, от всякой заботы и скорби, исполненною удовольствий и бесчисленных благ. Если мы, вышедши в поле и увидев там палатки воинов, одетых покрывами, и копья, и шлемы, выпуклости щитов, сияющих блеском, приходим в восхищение от такого зрелища; если, удостоившись при том увидеть и царя, шествующего посреди их, или скачущего на коне с золотым оружием, думаем, что мы достигли всего, – то что, полагаешь ты, будет тогда, когда ты увидишь вечные кровы святых, утвержденные на небе, – ведь сказано: «приняли вас в вечные обители» ([Лук. 16:9](#)), – когда увидишь, что каждый сияет светлее солнечных лучей, не от меди и железа, но от той вечной славы, которой блеска не может видеть глаз человеческий? И это будет с людьми; а что сказать о тьмах ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолов, господств, начал, властей, которых красота неизъяснима и превосходит всякое представление? Впрочем, доколе мне усиливаться изображать непостижимое? «Не видел того глаз, – говорит (апостол), – не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» ([1 Кор. 2:9](#)). Потому нет достойнее сожаления тех, которые лишаются этих благ, и блаженнее тех, которые получают их. Да сподобимся же и мы быть в числе этих блаженных, чтобы нам получить вечные блага во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 7

[Евр.4:11–13](#). Итак постараемся войти в покой оный, чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность. Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет.

1. Великое и спасительное дело – вера; без неё спастись невозможно. Но она не может доставить (спасения) сама по себе, а нужна и – правая жизнь. Потому Павел и предлагает людям, уже сподобившимся таинств, такое увещание: «Итак постараемся войти в покой оный». «Постараемся», – говорит, потому что (одна) вера недостаточна, а нужно присоединить и (добрую) жизнь, нужно иметь великое тщание. Подлинно, нам нужно великое тщание, чтобы взойти на небо. Ведь если не удостоились (обетованной) земли потерпевшие столько бедствий в пустыне, если они не могли получить земли, потому что роптали и предавались блудодеянию, то как можем мы удостоиться небес, живя рассеянно и беспечно? Потому нам необходимо великое тщание. И смотри, не ту только (апостол) представляет опасность, что иначе мы не войдем (в покой), – не сказал: «постараемся войти в покой», чтобы не лишиться таких благ, – но присовокупил то, что особенно трогает людей. Что же именно? «чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность», – т.е. мы должны устремлять туда ум, надежду, ожидание, чтобы не пасть таким же образом. Пример (иудеев) показывает, что мы можем пасть. «По тому же примеру», – говорит он; а далее, чтобы ты, услышав выражение: «по тому же», не подумал, будто наказание нам будет то же самое, послушай, что он присовокупляет: «Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные». Здесь он внушает, что и (в древности) действовало то же слово Божие, что оно живет и не погибло. Потому, когда слышишь сказанное о слове, не думай о простом слове: оно «острее, – говорит, – всякого меча». Заметь, какое он делает приспособление, и отсюда научись, для чего и пророки имели нужду говорить об оружии, о луке и мече. «Если кто не обращается, – говорит (Псалмопевец), – Он изоцряет Свой меч, напрягает лук Свой» ([Пс. 7:13](#)). Если теперь, после столь долгого времени и такого преспения, (апостол)

не может тронуть одним именем слова, но имеет нужду в этих выражениях, чтобы сильнее представить сравнение, то тем более они нужны были тогда.

«Оно проникает, – говорит, – до разделения души и духа». Что это значит? Он выражает нечто страшное: или то, что оно отделяет дух от души, или то, что оно проникает самые бестелесные существа, не так, как меч, который (пронзает) только тело. Он показывает здесь, что оно и душу наказывает, и внутреннейшее испытует, и проникает совершенно всего человека. «И судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него». Этим он особенно устрашает их. А смысл слов его следующий: если, говорит, вы стоите в вере, но еще не с полным убеждением, то не предавайтесь спокойствию; оно судит сокровенное в сердце, потому что проходить и туда, чтобы испытывать и наказывать. Но что я говорю, продолжает он, о людях? Хотя бы ты указал на ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и на какие бы то ни было сотворенные существа, – все открыто пред очами Его, все явно и ясно, ничто не может укрыться от Него.

«Но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет» (тетραρῆλιςμένον), – сказал он, заимствовав это переносное выражение от кож, снимаемых с закалаемых жертв. Когда кто-нибудь, заклав жертву, снимает с животного кожу, тогда все внутренности открываются и делаются видными для наших глаз: так и пред Богом открыто все. Заметь, как часто (апостол) употребляет вещественные образы; это зависело от немощи слушателей. А что они были немощны, это он выразил, когда назвал их «неспособными слушать» («медлительными») ([Евр. 5:11](#)) и имеющими нужду в молоке, а не в твердой пище. «Все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет». Что же значит: «по тому же примеру не впал в непокорность»? Здесь он как бы объясняет причину, почему (иудеи) не увидели земли. Они, говорит, получили залог силы Божией, но, тогда как следовало верить, предались более страху, не подумали ничего высокого о Боге, впали в малодушие, и таким образом погибли. Можно сказать и нечто другое, именно: они, совершив большую часть пути и будучи уже при самых вратах, у самой пристани, потерпели кораблекрушение. Того же, говорит (апостол), я опасюсь и за вас. Вот что означают слова: «по тому же примеру не впал в непокорность». А что и они много терпели, об этом он свидетельствует после, когда говорит им: «Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий» ([Евр. 10:32](#)). Итак, пусть никто не предается малодушию, не отчаивается при конце подвига и не падает. А есть,

подлинно есть такие люди, которые сначала с живою ревностью устремляются на подвиги, потом же, не желая приложить к ним немногого, теряют все. Предки ваши, говорит, достаточно могут научить вас не впадать в то же, чтобы не потерпеть того же, что потерпели они. Это означают слова: «по тому же примеру не впал в непокорность». Итак, говорит, не будем ослабевать, как он говорит им и в конце: «Укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени» ([Евр. 12:12](#)). «Чтобы кто, – говорит, – по тому же примеру не впал в непокорность»; а это поистине значит – пасть. Потом, чтобы ты, услышав: «по тому же примеру не впал в непокорность», не разумел здесь той же смерти, какой подверглись те (иудеи), смотри, что говорит он: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого». Слово сильнее всякого меча поражает души таких людей, наносит тяжкие удары, причиняет смертельные раны. И ни доказывать это, ни подтверждать (апостол) не имеет нужды, представляя столь ясные события. Какая в самом деле война, говорит, какой меч погубил тех (иудеев)? Не пали ли они просто сами собою? Итак, не будем предаваться беспечности потому, что мы еще не потерпели того же: «доколе можно говорить: «ныне""", нам нужно быть осторожными. Но высказав такие (действия слова) на душу, чтобы слушатели не остались беспечными, он присовокупляет и (действия его) на тело; подобно тому, как царь поступает с начальниками, совершившими важные преступления, – сперва лишает их военачальства, потом снимает с них пояс и звание, и наконец, призвав глашатая, наказывает их, – так действует и меч духовный. После этого, чтобы сделать слова свои более поразительными, беседует о Сыне и говорит: «Ему дадим отчет», т.е. Ему мы отдадим отчет в делах. Итак, не будем падать и предаваться малодушию. Сказанного достаточно для вразумления; но он не довольствуется этим, а присовокупляет еще следующее: «имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия» ([Евр.4:14](#)).

2. А что действительно с такою целью он сказал это, видно из дальнейшего: «Ибо мы имеем, – прибавляет он, – не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших» ([Евр.4:15](#)). Для того же он и выше сказал: «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» ([Евр. 2:18](#)). Смотри, как и здесь он делает то же самое. Смысл слов его следующий: (Христос) прошел тем же путем, которым мы идем теперь, или даже труднейшим; Он испытал все человеческое. Когда (апостол) сказал: «И нет твари, сокровенной от Него», – то указывает на божество; а когда стал говорить о

плоти Его, то опять говорит нечто уничиженное: «Итак, имея, – говорит, – Первосвященника великого, прошедшего небеса»; – показывает великое Его попечение (о людях), о которых Он ходатайствует как о своих, и не хочет, чтобы они падали. Моисей, говорит, не вошел в покой, а Он вошел; и каким образом, это я объясню. Впрочем не удивительно, что (апостол) нигде прямо не выразил этого: он или для того, чтобы (евреи) не думали искать себе оправдания, включил (Моисея) в число других, или для того, чтобы не подумали, будто он порицает этого мужа, не выразился ясно, – потому что если они, хотя он не сказал ничего подобного, обвиняли его, будто он говорит против Моисея и закона, то гораздо более стали бы обвинять, если бы он сказал, что (покой есть) не Палестина, а небо. Впрочем, он не все приписывает Первосвященнику, но требует некоторого дела и от нас, именно: исповедания. «Итак, имея, – говорит, – Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания *нашего*». О каком исповедании говорит он? (Об исповедании того), что есть воскресение, воздаяние и бесчисленные блага, что Христос есть Бог, что (наша) вера – правая: это мы должны исповедовать, это содержать. Истинность всего этого очевидна из того, что первосвященник вошел (в небо) ([Евр. 9:24](#)). Итак, будем исповедовать, чтобы нам не отпасть; хотя этих благ (здесь) и нет, но мы будем исповедовать; если бы они были теперь же, то были бы ложью. Истинно и то, что они отложены, потому что Первосвященник наш велик: «мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших». Он не знает нашего состояния, как многие из первосвященников, которые не знают (не только) страждущих, но и того, что такое страдание. У людей невозможно знать страданий страждущего тому, кто сам не испытал и не прочувствовал их. А наш Первосвященник испытал все; для того Он наперед и испытал все, а потом восшел, чтобы смочь сопострадать. «Который, подобно *нам*, искушен во всем, кроме греха». Как выше (апостол) сказал: «также» ([Евр. 2:14](#)), так и здесь: «подобно *нам*», т.е., Он подвергся гонению, заплеванию, поношению, осмеянию, клевете, изгнанию, и наконец распятию. «Подобно *нам*, искушен во всем, кроме греха». Здесь внушает и нечто другое, именно то, что и находящемуся в скорби возможно быть без греха. Когда он говорит: «по подобию плоти», то говорит не в том смысле, будто (Христос принял) подобие плоти, а в том, что Он принял плоть. Почему же говорит: «по подобию»? Потому что имеет в виду греховную плоть; Его плоть была подобна нашей плоти; по естеству она была одинакова с нашей, а в отношении к греху не одинакова. «Посему да приступаем с дерзновением

к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи» ([Евр. 4:16](#)). О каком престоле благодати говорит он? О царском престоле, о котором сказано: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.» ([Пс. 109:1](#)). Он как бы так говорит: будем приступать с дерзновением, потому что мы имеем безгрешного Первосвященника, побеждающего вселенную: «мужайтесь, – сказал Он, – Я победил мир» ([Иоан. 16:33](#)); это значит – потерпеть все и быть чистым от грехов. Но, скажете, если мы находимся под грехом, а Он безгрешен, то как мы будем приступать к Нему с дерзновением? Так, что (престол Его) теперь есть престол благодати, а не суда.

Для того и будем приступать с дерзновением, чтобы получить милость, которой мы желаем; а это (желаемое нами) есть именно Его милость и царский дар. «И обрести благодать для благовременной помощи». Хорошо сказал: «для благовременной помощи». Если, говорит, приступишь теперь, то получишь и благодать и милость, потому что приступишь благовременно; а если приступишь тогда, то уже не получишь, потому что тогда приступать будет неблагоприятно; тогда (престол Его) уже не будет престолом благодати. Престол благодати существует дотолы, пока сидит на нем Царь, подающий благодать; а когда наступит кончина, тогда Он встанет на суд, потому что сказано: «Восстань, Боже, суди землю» ([Пс. 81:8](#)). Можно (здесь) сказать и нечто другое: «да приступаем, – говорит, – с дерзновением», т.е., не имея на совести ничего худого, не предаваясь сомнению, потому что таковой (сомневающийся) не может приступать с дерзновением. Поэтому и в другом месте сказано: «во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе» ([Ис. 49:8](#)). И теперь получаемое согрешающими после купели (прощение чрез) покаяние есть дело благодати. А чтобы ты, услышав, что Он – Первосвященник, не подумал, будто Он стоит (пред Богом, апостол) здесь же представляет Его сидящим на престоле; между тем священник не сидит, но стоит. Видишь ли, что первосвященство Его есть следствие не существа Его, а благодати, снисхождения и унижения? Это благовременно сказать теперь и нам: будем приступать и просить с дерзновением, принесём только веру, и Он подаст нам все. Теперь время дара; никто не отчаивайся. Время отчаяния тогда настанет, когда чертог заключится, когда царь войдет видеть возлежащих, когда лоно патриарха вместит тех, которые будут того достойны; а теперь еще нет, потому что подвиги еще не кончились, борьба еще продолжается, награда еще предстоит.

3. Поспешим же; и Павел говорит: «И потому я бегу не так, как на неверное» ([1 Кор. 9:26](#)). Нужно бежать, и неослабно бежать. Бегущий не смотрит ни на что, встречает ли он луга, или места бесплодные. Бегущий обращает внимание не на зрителей, а на награду: богаты ли они или бедны, смеется ли кто, или хвалит, поносит ли, бросает ли камни, расхищает ли дом его, увидит ли он детей, или жену, или что бы то ни было, – он никогда не обращается назад, но заботится только об одном – бежать и получить награду. Бегущий не останавливается нигде, – потому что, если покажет хотя малое нерадение, то потеряет все. Бегущий не только не ослабевает пред концом (бега), но тогда и старается бежать с особенною силою. Это я сказал против тех, которые говорят: в юности мы подвизались, в юности мы постились, а теперь состарились. Теперь-то особенно и нужно усилить благочестие. Не исчисляй мне своих старых подвигов; но теперь особенно и будь юным и цветущим. Кто занимается телесными подвигами, тот действительно, дожив до седины, уже не может бежать по-прежнему, потому что весь подвиг его был телесный.

Но ты почему уменьшаешь подвиги? Здесь нужна душа, бодрая душа; а душа в старости укрепляется, – тогда она более цветёт, тогда более возвышается. Как тело, когда бывает одержимо горячкою и другими болезнями, хотя бы оно и было крепко, изнуруется, а когда освободится от этой напасти, то опять приобретает свою силу, так и душа в юности бывает одержима горячкою, ею тогда особенно обладает любовь к славе, к пресыщению, к сладострастным наслаждениям и многим другим обольщениям; когда же наступает для неё старость, тогда все эти страсти отгоняются, одни временем, другие любомудрием. Старость, ослабляя силы тела, препятствует и душе (старцев) предаваться страстям, хотя бы она и желала, но укрощая их, как каких-нибудь врагов, поставляет её на месте, свободном от волнений, производит в ней великую тишину и внушает великий страх, так как если не кто другой, то старцы знают, что они умрут, и всячески стоят близко к смерти. Таким образом, когда с одной стороны возникают мирские пожелания, а с другой является ожидание судилища, укрощающее непокорность души, то она делается более внимательною, если захочет. Но не видим ли мы, скажешь ты, стариков, которые хуже юношей? Ты указываешь мне на крайнюю порочность: ведь и бесноватых мы видим, – как они сами, без всякого (постороннего) толчка, бросаются в пропасти. Так точно крайняя порочность, когда старик страдает болезнями юношей; он уже не имеет оправдания в (ссылке на) юность, не может сказать: «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай» ([Пс. 24:7](#)). Оставаясь порочным в старости, он показывает, что

в юности он был таким не по неведению, не по неопытности, не по (молодому) возрасту, а по нерадению. Только тот может сказать: «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай», кто поступает прилично старцу, кто в старости исправился; а кто и в старости бесчинствует по-прежнему, то можно ли такому человеку и называться старцем, когда он не почитает даже своего возраста? Ведь тот, кто говорит: «Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай», говорит это, как человек, живущий в старости правильно.

Потому делами старости не лишай себя прощения и во грехах юности. В самом деле, не нелепо ли, не выходит ли из пределов прощения то, что совершается? Старец упивается, сидя в корчемницах; старец спешит на конские ристалища; старец приходит на зрелища, бегая с толпою, как дитя! Поистине стыдно и смешно – по наружности украшаться сединою, а внутри иметь детский смысл. Если какой-нибудь юноша оскорбит его, то он тотчас ставит на вид свои седые волосы. Постыдишься же их наперед сам ты. Если же ты не стыдишься своей седины, и при том будучи старцем, то как требуешь, чтобы юноша стыдился твоих седых волос? Ты не чтешь седых волос своих, а позоришь их. Бог почтил тебя сединою, даровал тебе важное преимущество: почему же ты сам поступаешься своею честью? Как станет почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастию? Седина тогда почтенна, когда украшенный ею действует так, как прилично седине; а когда он бесчинствует подобно юношам, тогда бывает смешнее юношей. Как можете увещевать юношей вы, старцы, упивающиеся до бесчиния? Говорю это не с тем, чтобы укорять старцев, – да не будет, – но (чтобы исправить) юношей, потому что поступающие таким образом, кажется мне, суть юноши, хотя бы они вступили в сотый год своей жизни; равно как и юноши, хотя бы они были маловозрастными детьми, если ведут себя целомудренно, гораздо лучше старцев. Не мои это слова, но Писание полагает между ними такое различие: «ибо не в долговечности, – говорит оно, – честная старость и не числом лет измеряется» (Прем. Сол. 4:8, 9).

4. Мы почитаем седину не потому, что предпочитаем белый цвет черному, но потому, что она – знак добродетельной жизни; взирая на нее, мы заключаем от ней к седине внутренней. Потому те, которые совершают дела, недостойные седины, становятся еще более смешными. Мы почитаем царя, и его багряницу и диадему, потому что они – знаки власти; если же увидим, что он вместе с багряницею подвергается бесчестию, оскорбляется оруженосцами, притесняется, ввергается в темницу, терзается, то, скажи мне, будем ли мы почитать багряницу его и диадему?

Не будем ли напротив оплакивать самое его украшение? Так и ты не требуй себе почтения ради седины, когда сам подвергаешь ее бесчестью; она ведь тоже может потребовать от тебя отчета за то, что ты позоришь столь светлое и достоуважаемое украшение. Не о всех мы говорим это и не просто против старости направляем речь свою, – я не забылся до такой степени, – но против юных душ, позорящих старость; не о старцах мы с прискорбием это говорим, но о тех, которые бесчестят свою седину. Старец есть царь, если захочет быть им, и даже царь более облеченного в багряницу, если повелевает страстями, если низводит страсти свои в ряд оруженосцев. Если же он увлекается и низлагается с престола, если становится рабом любостяжания, тщеславия, щегольства, пресыщения, пьянства, гнева и сладострастия, если умащает волосы свои елеем и явно бесчестит возраст своими прихотями, то какого наказания не достоин такой (старец)? Впрочем, не будьте такими и вы, юноши; и вам непростительно, когда вы грешите. Почему? Как старец может оказаться в юности, как находящееся в старости бывают юношами, так и наоборот; и как там убеленные волосы не спасают никого, так и здесь черные волосы не служат препятствием. Если старца бесчестят дела, о которых я сказал, то тем более юношу; и юноше они не могут быть простибельны. Юноша может получить извинение, когда, призванный к управлению делами, окажется неопытным, когда будет иметь нужду во времени и опыте, но не тогда, когда он должен оказывать целомудрие и мужество, или когда должен воздерживаться от любостяжания. Есть дела, в которых юноша осуждается более старца. Этот имеет нужду в большем о себе попечении, потому что старость ослабляет силы его; а тот, имея силы, если захочет, удовлетворять своим потребностям, может ли получить прощение, когда он не хочет этого, когда похищает более старца, злопамятствует, презирает (других), не заботится (о них) более старца, говорит многое безвременно, обижает, злословит, упивается? Если он думает, что не может быть осуждаем за нарушение целомудрия, то и здесь, смотри, как много имеет он средств (к его сохранению), если захочет. Хотя похоть в нем возбуждается сильнее, нежели в старце, но есть многое такое, что он может исполнять легче старца, и укрощать этого зверя. Что же это такое? Труды, чтение, всенощные бдения, посты.

Но, (скажете) для чего ты говоришь это нам, не монахам? Мне вы говорите это? Скажите лучше Павлу, который говорит: «бодрствуя» во всяком терпении и молитве ([Кол. 4:2](#)), который говорит: «попечения о плоти не превращайте в похоти» ([Рим. 13:14](#)); а он писал это не монахам только, но всем, живущим в городах. Мирянин не должен ничем

отличаться от монаха, кроме одного только сожителства с женою; на это он имеет позволение, а на все прочее нет, но во всем должен поступать одинаково с монахом. И блаженства Христовы изречены не монахам только; иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога в жестокости. Если блаженства сказаны только для одних монахов, и мирянину достигнуть их невозможно, а между тем (Бог) дозволил брак, то Он сам погубил всех; если в брачной жизни невозможно исполнять свойственное монахам, то все исказилось и погибло, круг добродетелей стал тесен. Как будет «Брак у всех да будет честен» ([Евр. 13:4](#)), если она служит нам таким препятствием к добродетели? Что же следует сказать? Возможно, очень возможно и имеющим жен быть добродетельными, если пожелают. Каким образом? Если они, имея жен, будут, «как не имеющие», если не будут «радоваться» стяжаниям, если будут пользоваться миром, как не пользующиеся ([1 Кор. 7:29–31](#)). Если же некоторые находили в браке препятствие (к добродетели), то пусть они знают, что не брак служит препятствием, а воля, злоупотребляющая браком, подобно как не вино производить пьянство, но злая воля и неумеренное его употребление. Пользуйся браком умеренно, и ты будешь первым в царствии небесном и удостоишься всех благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 8

[Евр.5:1–3](#). Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить *жертвы* о грехах.

1. Теперь блаженный Павел намеревается показать, что этот (новый) завет гораздо лучше ветхого. Он делает это, развивая мысли издалика. Так как (в новом завете) не было ничего вещественного или образного, как-то: ни храма, ни святого святых, ни священника, облеченного в такие украшения, ни законных обрядов, но все высшее и совершеннейшее, не было ничего телесного, но все духовное, а духовное не так сильно действует на людей немощнейших, как телесное, поэтому (апостол) и предлагает все это учение. И посмотри на мудрость его: он начинает с первого священника, постоянно называя его архиереем, и на нем прежде всего показывает различие (между новым и ветхим заветами). Для этого он сначала определяет, что такое священник, показывает, какие свойства священника и какие знаки священства; и так как здесь встречалось недоумение в том, что (Христос) не был знатного рода, не происходил из священнического колена и не был на земле священником, и потому иные могли сказать: какой же Он священник? – то (апостол) поступает и теперь так же, как в послании к Римлянам. Там он, раскрывая неудобопонятную истину, что вера совершает то, чего не мог совершить труд законный и подвиг жизни, и желая доказать, что казавшееся невозможным исполнилось и оправдалось, указал на патриарха (Авраама) и всю речь обратил к тому времени ([Рим. 4](#)). Так точно и здесь он указывает другой путь к священству, представляя в пример тех, которые получали его прежде. Как в речи о наказании он ставит на вид не только геенну, но и то, что случилось с праотцами, так точно и здесь сначала подтверждает истину предметами настоящими. Хотя следовало бы доказывать земное небесным, но так как слушатели были немощны, то он делает наоборот. При этом он наперед представляет то, что есть общего (между Христом и священником), а потом показывает, в чём Он имеет преимущество, так как при сравнении преимущество усматривается тогда, когда видно, в чём сходство и в чём превосходство; а если этого нет, то не может быть и сравнения. «Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый»; это –

общее у Христа (с священником). «Для человека поставляется на служение Богу», и это общее. «Чтобы приносить дары и жертвы» за народ; и это (общее), хотя не вполне. Но остальное уже не таково. «Могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах».

Далее присовокупляет еще нечто иное, именно, что (священник получает священство) от другого, а не сам присваивает его себе; и это – общее: «И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон» ([Евр.5:4](#)). Здесь он предостерегает от другого (заблуждения) и показывает, что (Христос) был послан от Бога. То же часто говорил и сам Христос в беседе с иудеями: «Я от Бога исшел и пришел», и: «Я не Сам от Себя пришел» ([Иоан. 8:42](#)). Здесь, кажется мне, он также намекает на иудейских священников, как на неистинных священников, присвоивших себе (сан) и нарушавших закон священства. «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником» ([Евр.5:5](#)). Когда же, скажете, Он был рукоположен? Аарон был рукополагаем неоднократно, именно, при прозябении жезла и при нисшествия огня, истребившего тех, которые хотели присвоить себе священство; а здесь подобные люди не только не терпят ничего такого, а напротив пользуются доброю славою.

Откуда же (священство Христово)? Это он доказывает пророчеством, (Священство Христово) не имеет в себе ничего чувственного, ничего видимого; потому он и доказывает его пророчеством и, во времени будущем: «но Тот, Кто сказал, – говорит, – Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя». Сыну ли сказано это? Да, говорит, это сказано Сыну. Но способствует ли это к разрешению вопроса? И очень, потому что в этом заключается предуготовление к рукоположению от Бога. «Как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» ([Евр.5:6](#)). Кому сказано это? Кто по чину Мелхиседекову? Никто другой, как Он, потому что все другие были под законом, все соблюдали субботу, все обрезывались: никого другого, говорит, никто указать не может. «Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию» ([Евр.5:7–8](#)). Видишь ли, что объясняет здесь не что иное, как попечение и преизбыток любви (Христовой)? Что в самом деле значит: «с сильным воплем»? Евангелие нигде не говорит ни того, что (Христос) молясь плакал, ни того, что Он издавал вопль. Видишь ли, что этим означает Его

снисхождение? Потому (апостол) не нашел достаточным сказать, что Он молился, но и – «с сильным воплем». «И услышан был, – говорит, – за Свое благоговение». «Хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека» ([Евр.5:8, 9–10](#)). Пусть: «с воплем», но для чего: «с крепким»? «И со слезами принес... – говорит, – «и услышан был за Свое благоговение». Да устыдятся еретики, отвергающие действительность плоти (Христовой). Что говорит (апостол)? Сын Божий «и услышан был за Свое благоговение». Что же сказать о пророках? И какая последовательность в словах: «и услышан был за Свое благоговение», и дальнейших: «Хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию»? Кто может сказать это о Боге? Кто так безумен? Какой сумасшедший может утверждать это? «И услышан был, – говорит, – за Свое благоговение». «Хотя Он и Сын, однако страданиями навывк послушанию». Какому Он научился послушанию? Оказавши еще прежде этого послушание даже до смерти, как Сын Отцу, как Он после научился послушание?

2. Видишь ли, что это сказано о плоти? И почему, скажи мне, Он молился Отцу об избавлении от смерти, был прискорбен и говорил: «если возможно, да минует Меня чаша сия» ([Мф. 26:39](#))? О воскресении же Он никогда не молился Отцу, а напротив сам от Себя говорит: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» ([Иоан. 2:19](#)); и еще: «Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» ([Иоан. 10:18](#)). Что это значит? Почему Он молился? И в другом месте Он говорит: «вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет» ([Мф. 20:18–19](#)); а не говорит: воскресит Меня Отец. Почему же о том Он молился? Но о ком Он молился? О верующих в Него. Смысл слов (апостола) следующий: Он скоро бывает услышан. Так как (слушатели) не имели надлежащего о Нем понятия, то и говорит, что Он был «услышан», – как и сам Он в утешение ученикам говорил: «Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня» (Иоан., 14:28). Почему же не сам прославил Себя Тот, кто сам истощил Себя и предал Себя (на смерть)? Он ведь отдал «Себя, – говорит Писание, – за грехи наши» ([Гал. 1:4](#)); и еще: «предавший Себя для искупления всех» ([1 Тим. 2:6](#)). Что же это значит? Очевидно, что Он имел в виду плоть свою, когда говорит о Себе уничиженное. Так и здесь (апостол) говорит: «услышан был за Свое

благоговение», желая показать, что это было более Его заслугою, нежели делом благодати Божией. Таково, говорит, было Его благоговение, что и за это Бог почтил Его. «Навык, – говорит, – послушанию». Здесь он опять показывает, какова бывает польза от страданий. «И, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного». Если Он, будучи Сыном, получил пользу от страданий, научившись послушанию, то тем более (можем получить) мы. Видишь ли, как много (апостол) говорит о послушании, чтобы они были покорными? Мне кажется, что они часто оказывали непокорность и не следовали тому, что им говорилось; на это он намекает словами: «неспособны слушать». «Страданиями», говорит, Он постоянно научался повиноваться Богу. «И, совершившись», т.е. посредством страданий. Вот в чем состоит совершенство, вот чрез что следует достигать совершенства! И не только сам Он спасся, но и для других это обильно послужило во спасение.

«И, совершившись, – говорит, – сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека. О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать» ([Евр. 5:9–11](#)). Намереваясь говорить о различии священства, он наперед обличает их, внушая, что такой снисходительный образ речи есть млеко, что по младенчеству их он более занимается уничиженным учением о плоти и говорит о Нем, как о каком-либо праведнике. При том, смотри, он и не умолчал об этом совершенно, и не высказал всего; первое сделал для того, чтобы возвысить их ум, убедить их стремиться к совершенству и не оставаться в неведении высоких догматов, а второе для того, чтобы не обременить ума их. «О сем, – говорит, – надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать». «Трудно истолковать» потому, что не слушают. Кто имеет дело с людьми невнимательными и не понимающими преподаваемого, тот не может вполне объяснить им учения. Может быть, кто-нибудь из вас, стоящих здесь, смущается и считает несчастьем то, что (апостол) в евреях нашел препятствие преподавать совершеннейшее учение. Хотя и здесь, я думаю, за исключением немногих, немало таких же, так что и об вас можно сказать то же самое, все же я буду говорить и для немногих. Итак, точно ли он умолчал, или после объяснил, подобно тому, как он сделал в послании к Римлянам? Там он, заградив наперед уста прекословившим и сказав: «А ты кто, человек, что споришь с Богом?» ([Рим.9:20](#)), потом предложил разрешение. Так и здесь, кажется мне, он и не вовсе умолчал и не высказал всего, чтобы возбудить в слушателях усердие. Напомнив им,

что в словах его заключается нечто великое, смотри, как он вместе с похвалою соединяет обличение. Так всегда поступал мудрый Павел, смешивая неприятное с полезным. Например в послании к Галатам он говорит: «Вы шли хорошо: кто остановил вас» ([Гал. 5:7](#))? и еще: «Столь многое потерпели вы неужели без пользы» ([Гал. 3:4](#)); и еще: «Я уверен о вас в Господе» ([Гал. 5:10](#)). То же он говорит и им (евреям): «мы надеемся, что вы в лучшем *состоянии* и держитесь спасения» ([Евр. 6:9](#)). Таким образом он достигает двух целей: и не слишком напрягает (ум), и не позволяет им упасть (духом). Так и должно быть: если примеры других могут ободрить слушателя и возбудить в нём соревнование, то, когда кто находит пример в самом себе, когда повелевается ему соревновать с самим собою, тогда удобоисполнимость учения открывается гораздо более. Потому он внушает и это, не позволяет им падать (духом) от сильного обличения и не говорит им так, как будто они всегда были недобрыми, но выражает, что некогда они были и добрыми. «Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями» ([Евр.5:12](#)). Здесь он показывает что они уверовали уже давно, и потому, внушает, что они должны наставлять и других. Заметь, как он часто принимается говорить о первосвященнике и постоянно откладывает это; послушай именно, как он начал: «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса»; и не сказав, как – «великого», – далее говорит: «всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу»; и еще: «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником». Потом сказав: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека», опять откладывает речь об этом и говорит: «Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления».

3. Так как он столько раз отклонялся (от главного предмета), то, как бы оправдываясь, говорит: причина этого – в вас. Увы, какая несообразность. Те, которые должны были учить других, оставались не только учениками, но и последними из учеников. «Ибо, судя по времени, – говорит, – вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия». «Первым началам слова Божия» он называет здесь учение о человечестве (Христовом). Как во внешних науках прежде всего должно изучить письмена, так и в слове Божиим прежде должно узнать учение о человечестве. Видишь ли, по какой причине Павел говорит об уничиженном? Так он поступил и с афинянами, когда беседовал с ними: «оставляя времена неведения, – говорил он, – Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством

предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» ([Деян. 17:30–31](#)). Потому, если он что говорит о высоком, говорит кратко; а уничиженное рассеяно во многих местах послания. Таким образом открывается и высокое, потому что весьма уничиженное никак не может быть относимо к божеству. Точно так и здесь, соблюдая точность, он излагает уничиженное в отношении к человечеству; и причина в том, что слушатели его не могли воспринять совершенного. Это он особенно выразил в послании к Коринфянам, когда сказал: «Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы» (1 Кор, 3:3)? И посмотри на великую мудрость его, как он всегда обращается соответственно господствующим болезням. Там слабость происходила по большей части от невежества и еще более от пороков, а здесь не только от пороков, но и от постоянных скорбей; потому он употребляет и выражения такие, которые могут показать это различие, – там он сказал: «вы еще плотские» ([1 Кор. 3:3](#)), а здесь, где более было скорбей, говорит: «неспособны слушать». Те не могли принять, потому что были плотскими; а эти могли, – словами: «потому что вы сделали себя неспособны слушать», он выражает, что некогда они были здоровы, сильны, горели ревностью, и свидетельствует, что уже впоследствии они подверглись такой болезни. «И для вас нужно молоко, а не твердая пища». Молоком он везде называет уничиженное учение, и здесь и там. «По времени, – говорит, – вам надлежало быть учителями»; как бы так говорит: по тому самому, отчего вы особенно ослабели и сделали себя немощными, вы и должны быть особенно сильными – «по времени». А молоком он называет уничиженное учение потому, что оно приличествует немощнейшим; совершеннейшим же оно не нужно и долго останавливаться на нем им вредно. Потому теперь не должно привносить того, что было под законом, и не должно почитать (Христа) равным (священнику) потому, что и Он первосвященник, что и Он принес жертву и молился с воплем и слезами. И смотри, как это нам кажется неудобоприемлемым; а их тогда питало и несколько не казалось для них неудобоприемлемым. Таким образом слово Божие есть истинная пища, питающая душу.

А что слово (Божие) есть пища, это видно из следующего. «Пошлю, – сказал (Господь), – на землю голод, – не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» ([Амос. 8:11](#)). «Я питал вас молоком, а не *твердую* пищу» ([1 Кор. 3:2](#)). Не сказал: накормил (а: напоил), внушая, что это – не пища; выразился так, как бы о малых детях, которые не могут питаться хлебом, для которых это не питье, но пища служит им вместо питья. Так точно и здесь. Не сказал: имеете нужду, но: «для вас нужно

молоко, а не твердая пища», – т.е. вы хотели, вы сами довели себя до такого состояния, до такой нужды. «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец» ([Евр. 5:13](#)). Что значит: «в слове правды»? Здесь, мне кажется, он намекает и на образ жизни. Подобным образом и Христос сказал: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев» ([Мф. 5:20](#)). Так и он говорит: «несведущ в слове правды», т.е. неопытный в высшем любомудрии, не могущий вести высшей и совершенной жизни. Или здесь правдою он называет Христа и высокое о Нем учение. Сказав: «неспособны слушать», он не прибавил, отчего это, а предоставил им самим уразуметь, не желая сделать слова свои тягостными. В послании же к Галатам он выразил свое удивление и недоумение ([Гал. 1:6](#)), что гораздо более могло послужить к их утешению, когда то же случилось с ними, как бы сверх его чаяния, – в этом и состоит недоумение. Видишь ли, что есть другое младенчество и другое совершенство (кроме телесного)? Постараемся же быть совершенными этим совершенством; можно и в детском и в юношеском возрасте достигнуть этого совершенства, потому что оно – дело не природы, а добродетели. «Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» ([Евр. 5:14](#)). Что это значит? Разве они не имели изоощренных чувств и не знали, что добро и что зло? Не о жизни говорит он в словах: «к различению добра и зла», – знать это всякому человеку возможно и легко, – но о правых и высоких догматах, также неправых и низких учениях. Дитя не умеет различать худой и хорошей пищи, часто берет себе в рот грязь, принимает вредное и делает все без рассуждения. Но это – не совершенство. Таковы те, которые слушают все без различия и склоняют слух к нелепым учениям без рассуждения. Их он и обличает, как людей, непрестанно колеблющихся и предающихся то тем, то другим. На это он намекает и в конце послания, когда говорит: «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь» ([Евр. 13:9](#)). Вот что значит: «к различению добра и зла». Гортань вкушает яства, а душа уразумевает учения.

4. Итак, будем учиться и мы. Если ты услышишь, что (какой-нибудь еретик) – не язычник и не иудей, то не считай его тотчас же христианином, но узнавай и все другое: ведь и манихеи и все еретики принимали на себя эту личину, чтобы таким образом обольщать людей простейших. Если же мы будем иметь чувства души, навыком приученные к различению добра и зла, то будем в состоянии отличать их. А каким образом чувства наши делаются приученными? Непрестанным слушанием, упражнением в Писании. Если мы изложим их заблуждение,

если ты послушаешь сегодня и завтра, и узнаешь, что они нехороши, то всему научишься, все узнаешь; если не поймешь сегодня, поймешь завтра. «У которых, – говорит, – чувства навыком приучены». Видишь, что нам должно упражнять слух свой слушанием божественных (Писаний), чтобы не увлекаться странными новизнами? «Приучены, – говорит, – навыком», т.е. быть опытными. Один (еретик) говорит, что нет воскресения, другой не ожидает ничего в будущем, третий говорит, что есть иной Бог, четвертый, что (Христос) имеет начало от Марии. Посмотри, как все сразу впали в заблуждения от неумеренности, одни прибавив, а другие убавив (от правого учения). Так, первая из всех ересей, Маркионова, измыслила иного Бога, которого нет: вот прибавление! За нею следующая, Савеллиева, утверждает, что Сын и Отец и Дух – одно лицо. Потом Маркеллова и Фотинова проповедуют то же. Далее, Павла Самосатского, проповедует, что Он получил начало от Марии. Затем следует Манихейская, позднейшая ересь. А после них – Ариева. Есть и другие. Но мы приняли веру просто, так что не имеем нужды прилепляться к бесчисленным ересям и входить в исследования, но все то, что вздумают прибавить к ней, или убавить, считаем неправым. Как законодатели не заставляют изведывать тысячи мер, но повелевают держаться той, которая указана, так и в отношении к догматам. Но никто не хочет внимать Писаниям. Если бы мы внимали им, то не только не впадали бы в заблуждения, но и других заблуждающихся удерживали бы и избавляли от опасностей. Так, сильный воин может не только защищать себя, но оберегать и того, кто стоит подле него, и избавлять от нападения врагов. А ныне иные даже не знают, что есть Писания, между тем как Дух Святой принимал столько мер, чтобы они сохранились.

Обратитесь к древности, и вы увидите неизреченное человеколюбие Божие. (Бог) вдохновил блаженного Моисея, изваял скрижали, держал его сорок дней на горе, и еще столько же других, чтобы дать закон; потом посылал пророков, потерпевших бесчисленные бедствия; когда наступила война, в которую все были взяты в плен или истреблены, и книги сожжены, тогда Он опять вдохновил другого чудного мужа, т.е. Ездру, чтобы он изложил их, составив из остатков. После того Он устроил, чтобы они были переведены семьюдесятью (толковниками), которые и перевели их. Пришел Христос и принял их; апостолы же распространили их повсюду, после сотворенных Христом знамений и чудес. Что далее? После таких действий написали и апостолы, как Павел говорит: «описано в наставление нам, достигшим последних веков» ([1 Кор. 10:11](#)); и Христос сказал: «заблуждаетесь, не зная Писаний» ([Мф. 22:29](#)); и еще Павел

говорит: «терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду» ([Рим. 15:4](#)); и еще: «Все Писание богодухновенно и полезно» ([2 Тим. 3:16](#)); и еще: «Слово Христово да вселяется в вас обильно» ([Кол. 3:16](#)). Также пророк (сказал): «и о законе Его размышляет он день и ночь» ([Пс. 1:2](#)); и в другом месте: «всякая беседа твоя – в законе Вышнего» ([Сир. 9:20](#)); и еще: «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» – не сказал: «слуху моему», но: «гортани моей, слова Твои! лучше меда устам моим» ([Пс. 118:103](#)). Также Моисей (сказал): «и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая» ([Втор. 6:7](#)). И Павел в послании к Тимофею говорит: «О сем заботься, в сем пребывай» ([1 Тим. 4:15](#)). И множество (изречений) можно бы привести об этом предмете. Несмотря на то, есть люди, которые даже не знают, что существуют Писания. Оттого и не бывает у нас ничего здравого, ничего полезного. Когда кто хочет узнать военное искусство, то считает необходимым изучить военные законы; также, когда кто хочет узнать искусство кормчего или строителя, или какое-нибудь другое, то находит необходимым изучить все, относящееся к этому искусству; а здесь не видно, чтобы кто делал что-нибудь подобное, между тем как эта наука требует неусыпного изучения. Что это наука, требующая изучения, об этом, послушай, что говорит пророк: «Придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас» ([Пс. 33:12](#)). Следовательно страх Божий действительно требует изучения. И далее говорит: «Кто любит жизнь?» ([Пс. 33:13](#)). Здесь он говорит о (будущей) жизни. И еще: «Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов. Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним» ([Пс. 33:14–15](#)). Знаете ли вы, какой сказал это пророк, или бытописатель, или апостол, или евангелист? Не думаю (чтобы знал кто), кроме немногих; и об этих опять, если мы приведем свидетельство из другого места, можем сказать то же. Вот я приведу то же самое изречение, только выраженное другими словами; «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды» ([Ис. 1:16–17](#)), «удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов. Уклоняйся от зла и делай добро». Видишь ли, что добродетель требует изучения? Тот говорит: «страху Господню научу вас»; а этот: «научитесь делать добро».

Итак, знаете ли вы, где находятся эти (изречения)? Не думаю, (чтобы знал кто), кроме немногих. Между тем в каждую седмицу это читается вам два или три раза. Чтец, вышедши, сперва говорит, чья книга, какого именно пророка, или апостола, или евангелиста, а потом и произносит его изречение, чтобы вы лучше заметили их и знали не только содержание, но

и причину написанного и то, кто сказал это. Но все напрасно, все тщетно. Все ваше усердие направлено на дела житейские; о духовных же нет никакой заботы. Потому-то и те (житейские дела) идут не по вашему желанию и встречаются множество препятствий. Христос сказал: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» ([Мф. 6:33](#)). Всё прочее, говорит, будет дано в виде прибавки. А мы извратили порядок, ищем земли и благ земных, как будто те (блага небесные) будут даны нам в виде прибавки. Потому мы и не получаем ни тех, ни других. Образумимся же когда-нибудь, и станем стремиться к благам будущим; тогда приложится и все прочее. Невозможно, чтобы ищущий благ божественных не получил и человеческих: таково определение самой истины, сказавшей это! Итак, не будем поступать иначе, но станем соблюдать заповедь Христову, чтобы нам не лишиться всего; Бог же сам силен произвести в нас сокрушение и сделать лучшими, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 9

[Евр.6:1–3](#). Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном. И это сделаем, если Бог позволит.

1. Слышите ли, как Павел укоряет евреев за то, что они желали всегда учиться одному и тому же? И справедливо. «Ибо, судя по времени, – говорит, – вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия» ([Евр. 5:12](#)). Боюсь, чтобы и о вас не пришлось сказать того же: тогда как, судя по времени, вам надлежало быть учителями, вы даже звания учеников не удерживаете, но, постоянно слушая одно и то же и об одном и том же, находитесь в таком состоянии, как будто бы ничего не слышали; кто спросит вас (о слышанном), никто из вас не в состоянии отвечать, кроме весьма немногих, которые наперечет. А отсюда происходит немалый вред. Невнимательность учащихся часто не позволяет учителю, хотя бы он и хотел, перейти к дальнейшему, коснуться предметов более таинственных и высоких. Как при изучении грамматики, если дитя, постоянно слыша о буквах, не удерживает их в памяти, то необходимо бывает непрерывно повторять ему одно и то же, и учащий не перестает (говорить о них) до тех пор, пока (ученик) не усвоит их себе в точности, – весьма ведь было бы неблагоразумно, пока он не усвоил хорошо прежнего, переходить с ним к дальнейшему, – так точно и в церкви: если вы, несмотря на то, что мы постоянно говорим вам одно и то же, несколько более не научаетесь, то мы никогда не перестанем говорить вам об одном и том же. Если бы наше слово произносилось для славы и из честолюбия, то мы могли бы переходить от предмета к предмету и постоянно простирались вперед, несколько не заботясь о вас, а только о рукоплесканиях ваших; но так как мы заботимся не об этом, но все старания свои направляем к вашей пользе, то мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока вы не приложите этого к своей жизни. Много можно было бы сказать об языческом суеверии, о манихеях и маркионитах, и при помощи благодати Божией поражать их; но подобные беседы теперь несвоевременны. В самом деле, можно ли говорить о таких предметах тем, которые и своего собственного не знают надлежащим образом, которые еще не убедились, что любостяжание есть зло, – можно ли преждевременно переходить с ними к чему-нибудь

другому? Потому мы не перестанем говорить вам одно и то же, хотя бы вы слушали, хотя бы нет; только опасаемся, чтобы, часто повторяя вам одно и то же, если вы не будете слушать, не навлечь на неслушающих большого наказания. Не о всех я говорю это; я знаю многих, которые приходят сюда с пользой, и которые справедливо могли бы обвинять неслушающих за то, что последние задерживают их своим невежеством и невнимательностью. Впрочем, и первые от этого не терпят вреда, потому что и знающим полезно часто слышать об одном и том же: что мы знаем, то еще лучше усвоим, если часто будем слышать. Например, мы знаем, что смиренномудрие есть добродетель, и что Христос часто говорил о нем; но если мы выслушаем самые слова Его и будем размышлять о них, то они более подействуют на нас, хотя бы мы слышали их тысячу раз.

Итак, благовременно и нам сказать теперь вам: «оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству». А что значит: «начатки учения», (апостол) сам объясняет далее: «не станем, – говорит, – снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном». Если же это – начало, то что иное наше учение, как не покаяние от мертвых дел и получаемая от Духа вера в воскресение мертвых и вечный суд? Что же значит: «основание»? Он называет основанием не что иное, как то, если нет праведной жизни. Как приступающему к изучению грамоты нужно наперед узнать буквы, так и христианин прежде всего должен твердо узнать эти истины и нисколько не сомневаться в них. А кто не имеет познания о них, тот еще не имеет основания, потому что надобно быть твердым (в познанном), стоять и стоять неподвижно. Если бы кто, уже оглашенный и крещенный, лет через десять после того, имел нужду снова учиться вере, учиться тому, например, что нужно веровать в воскресение мертвых; то такой человек не имеет ещё основания и ищет ещё начала христианства. А что вера есть основание, прочее же – здание, об этом, послушай, как говорит сам (апостол): «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы» ([1 Кор.3:10, 12](#)). Потому он и говорит: «не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел».

2. Что значит: «поспешим к совершенству»? Будем достигать, говорит, самой вершины, т.е. будем вести жизнь добродетельную. Как в азбуке все зависит от буквы «а», и как от основания зависит все здание, так и чистота жизни от полноты веры. Без неё (полной веры) невозможно быть

христианином, как не может быть здание без основания, и как без знания букв невозможно знать грамоты. Но как (в этих предметах), если кто будет заниматься одними буквами, или кто будет оставаться при основании, не стараясь возводить самое здание, то никогда не будет иметь дальнейших успехов, так и у нас: если мы будем всегда оставаться при начале веры, то никогда не достигнем до её совершенства. Не думай, будто вера унижается тем, что она называется началом, – в ней заключается вся сила. Когда (апостол) говорит: «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец» ([Евр. 5:13](#)), то он не веру называет молоком, но сомнение в её истинах; оно есть знак ума слабого, нуждающегося во многих доказательствах, самые же истины – здравы. Совершенным мы называем того, кто при вере проводит и жизнь правую. Если же кто, хотя имеет веру, но ведет дурную жизнь, и в самих истинах веры еще сомневается, оскорбляя этим учение, – такого мы справедливо можем назвать младенцем, едва вступившим в начало, так что и мы, хотя бы тысячу лет пребывали в вере, еще младенцы, если остаемся не твердыми в ней, если не ведём сообразной с нею жизни, если только еще полагаем основание. А их (евреев) (апостол) укоряет не только за жизнь, но и за нечто другое, именно – за то, что они колебались и имели нужду полагать основание покаяться от мертвых дел. Кто переходит от одного к другому, одно оставляет, а другое принимает, тому нужно отказаться от прежнего и оставить расположение к нему, потом и переходить к новому; если же он станет опять держаться первого, то как может достигнуть второго? Что же, скажете, не о законе ли это? Мы отказались от него, и не к нему ли опять возвращаемся? Но это не есть изменение; ведь и теперь мы имеем закон. «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» ([Рим. 3:31](#)). Я говорю о дурных делах; кто намеревается обратиться к добродетели, тот наперед должен отказаться от пороков, и тогда уже вступить (в жизнь добродетельную). Покаяние не могло сделать (верующих) чистыми; потому они тотчас же крестились, чтобы, чего они не могли сделать сами собою, того достигнуть благодатью Христовою. Следовательно, покаяние недостаточно для очищения, а нужно принять крещение.

Ко крещению же надобно приступать, отказавшись наперед от грехов своих и осудив их. Что значит: «учению о крещениях»? Крещений не много, а одно: почему же он сказал во множественном числе? Потому что выше сказал: «не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел». Если бы они имели нужду, чтобы он снова крестил их, снова оглашал, и снова с начала преподавал крещенным, что должно и чего не

должно делать, то они всегда оставались бы неисправимыми. «О возложении рук». Так они получали Духа (Святаго): «и, когда Павел, – сказано, – возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой» ([Деян. 19:6](#)). «О воскресении мертвых». Это происходит при крещении и утверждается в исповедании (веры). «И о суде вечном». Почему об этом говорит он? Потому, что они, вероятно, или колебались после того, как уверовали, или худо и нерадиво жили. Поэтому он и говорил: бодрствуйте. Таким образом он сказал эти слова, желая исправить их от такого нерадения и сделать более внимательными. Нельзя говорить: если мы теперь живем нерадиво, то снова окрестимся, снова примем оглашение и опять получим Духа; или так: если мы теперь отпали от веры, то снова чрез крещение сможем омыть грехи и получить то же, чего удостоились прежде. Прельщаетесь, говорит он, если так рассуждаете. «Ибо невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему» ([Евр. 6:4–6](#)). Смотри, как он начинает речь обличительно и решительно: «невозможно», – говорит, т.е., и не надейся на невозможное. Не сказал: неприлично, бесполезно, непозволительно, но: «невозможно», так что для вас, которые однажды вполне были просвещены, не остается ничего, кроме отчаяния.

3. Затем он продолжает: «и вкусивших дара небесного», т.е., оставления грехов, «соделавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусивших благого глагола Божия, – здесь он говорит об учении, – и сил будущего века». Какие силы разумеет он? Или (силы) творить чудеса, или залог Духа. «И отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему». «Обновлять – говорит, – покаянием», т.е. через покаяние. Что это? Неужели отвергается покаяние? Нет, не покаяние, совсем нет, но вторичное обновление купелью (крещения). Он, сказав: «Ибо невозможно... обновлять покаянием», не остановился, но после слова: «невозможно», присовокупил: «снова распинают в себе Сына Божия... опять обновлять», т.е. делать новыми, а новыми делает только купель: «обновляется, – сказано, – подобно орлу, юность твоя» ([Пс. 102:5](#)).

Действие же покаяния состоит в том, что оно соделавшихся новыми и потом чрез грехи опять обветшавших избавляет от этой ветхости и возвращает в состояние обновления; но в прежнюю светлость возвести уже не может, потому что там (в крещении) все было делом благодати. «Когда они снова распинают в себе, – говорит, – Сына Божия и ругаются

Ему». Смысл слов его следующий: крещение есть крест, потому что «ветхий наш человек распят с Ним» ([Рим. 6:6](#)); и еще: «мы соединены с Ним подобием смерти Его»; и еще: «мы погреблись с Ним крещением в смерть» ([Рим. 6:5, 4](#)). Как невозможно в другой раз распять Христа, потому что это значило бы выставить его на поругание, так невозможно и креститься вторично. Если «смерть уже не имеет над Ним власти» ([Рим. 6:9](#)), если Он воскрес, через воскресение сделавшись победителем смерти, если Он смертию смерть поправил, то снова распинать Его значит – все прежнее представлять басней и позором. А кто крестится вторично, тот, действительно, опять распинает Его. Что же значит: «снова распинают»? Опять снова пригвождающих Его ко кресту. Как Христос умер на кресте, так и мы умираем в крещении, умираем не плотью, но для греха. Смотри: там смерть, и здесь смерть; Он умер плотью, а мы умираем для греха. В крещении ветхий наш человек погребается и восстает новый, сообразный подобию смерти Его. Таким образом, если необходимо опять креститься, то необходимо, чтобы этот (новый человек) опять умер, потому что крещение есть не иное что, как смерть погружаемого и восстание нового. И хорошо (апостол) сказал: «снова распинают в себе», потому что делающий это поступает как бы забывая о прежней благодати, и располагает жизнь свою беспечно, как бы надеясь на вторичное крещение. Потому надобно быть внимательным и осторожным. Что значит: «вкусивших дара небесного»? Значит: получивших отпущение грехов, потому что даровать такую благодать свойственно одному Богу, и эта благодать есть всецело благодать.

«Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак» ([Рим. 6:1](#)). Если мы всегда будем надеяться на спасение благодатно, то никогда не сделаемся добродетельными; где одна только благодать, там мы можем предаться беспечности. Если бы мы знали, что грехи наши снова могут быть омыты (крещением), то разве перестали бы грешить? Не думаю. Много даров разумеет здесь (апостол); а какие, послушай. Ты удостоился, говорит он, столь великого прощения, ты, который сидел во тьме, был неприятелем, врагом, отверженным, богопротивным, погибшим; будучи таким, ты вдруг просветился, сподобился Духа, дара небесного, усыновления, царства небесного, таин неизреченных и других благ, и после того не сделался лучшим, и потому, будучи достоин гибели и между тем получив спасение и честь, точно совершивши дела великие, как ты можешь креститься снова? Двумя доказательствами он подтверждает невозможность этого дела, и сильнейшее из них поставляет после: первое состоит в том, что удостоившийся таких благ и предавший все дарованное

ему недостойн снова получить обновление; второе в том, что невозможно снова распять (Сына Божия), – потому что это значило бы подвергать Его поруганию. Итак нет, отнюдь нет второй купели крещения. Если бы она была, то была бы и третья, и четвертая, и последующая всегда уничтожала бы предыдущую, а ее опять другая, и так далее до бесконечности. Сказав: «и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века», (апостол) не раскрывает всего этого, но только намекает, и как бы так говорит: жить подобно ангелам, не нуждаться ни в чём здешнем, быть уверенным, что усыновление (Богу) доставляет нам будущие блага, надеяться войти в неприступное святилище, – всему этому научает Дух. Что означает: «и сил будущего века»? Означает жизнь вечную, состояние ангельское. Залог этого мы уже получили от Духа чрез веру. Скажи же мне: если бы ты был введен в царские чертоги и если бы все, там находящееся, было тебе вверено, а ты потом растратил бы все, то могло ли бы оно быть вверено тебе снова?

4. Итак что же, нет, скажете, покаяния? Есть покаяние, но нет вторичного крещения. Покаяние имеет великую силу; оно может человека, сильно погрузившегося во грехи, если он захочет, освободить от бремени грехов и, когда он находится в опасности, поставить в безопасности, хотя бы он достиг самой глубины зла. Это можно видеть из многих мест (Писания). «Разве, упав, не встают, – говорит (пророк), – и, совратившись с дороги, не возвращаются» ([Иер. 8:4](#))? Оно может, если мы захотим, опять изобразить в нас Христа; послушай, в самом деле, что говорит Павел: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» ([Гал. 4:19](#)); только мы должны приступить к покаянию. Посмотри на человеколюбие Божие: нас следовало бы покарать всеми родами наказания еще с самого начала за то, что, приняв закон естественный и получив тысячи благ, мы не познали Владыки и вели жизнь нечистую; но Он не только не наказал нас, а еще даровал нам бесчисленные блага, как будто бы мы совершили великие подвиги.

Мы опять отпали, но Он и после того не наказывает нас, а даровал врачество покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачество и как им нужно пользоваться. В чем же состоит врачество покаяния и как оно употребляется? Во-первых, (оно состоит) из сознания своих грехов и исповедания их. «Но я открыл Тебе грех мой, – говорит (пророк), – и не скрыл беззакония моего»; и еще: «я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» ([Пс. 31:5](#)); и еще: «припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться» ([Ис.](#)

43:26); и еще: «праведный самого себя обвиняет в первых словах» ([Притч. 18:17](#)). Во-вторых, (покаяние состоит) из великого смиренномудрия; оно есть как бы золотая цепь, которая, если взять ее за начало, следует вся. Так точно, если ты будешь исповедывать грехи, как должно исповедывать, то душа смирится, потому что совесть, терзая ее, делает смиренною. Со смиренномудрием должно соединять и нечто другое, чтобы оно было таково, о каком молился блаженный Давид, когда говорил: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже» ([Пс. 50:12](#)); и еще: «сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» ([Пс. 50:19](#)). Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляет, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает. В том и состоит сокрушение сердца, когда оно, хотя само бывает оскорбляемо, хотя терпит зло, остается спокойным и не возбуждается к мщению. После смиренномудрия нужны напряженные молитвы и обильные слезы днем и ночью. «Каждую ночь омываю, – говорит (пророк), – ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» ([Пс. 6:7](#)); и еще: «Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами» ([Пс. 101:10](#)). А после столь усиленных молитв нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачество покаяния. Как во врачебных средствах хотя лекарство содержит в себе много трав, но главную – одну, так и в покаянии подобною многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Послушай, что говорит божественное Писание: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто» ([Лук. 11:41](#)); и еще: «искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным» ([Дан. 4:24](#)); и еще: «Вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи» ([Сир. 3:30](#)). Далее, (нужно) не гневаться, не злопамятствовать и прощать всем грехи их: «Человек питает гнев к человеку, – говорит (Премудрый), – а у Господа просит прощения» ([Сир. 28:3](#)). «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» ([Мф. 6:14](#)). Также (нужно) отклонять братию от заблуждений: «обратившись, – говорит (Господь), – утверди братьев твоих», чтобы отпущены были тебе грехи твои ([Лук. 22:32](#)). Еще (нужно) искреннее обращение с священниками: «и если он, – сказано, – соделал грехи, простятся ему» ([Иак. 5:15](#)); (Нужно) защищать обижаемых, не гневаться, переносить все кротко.

5. Прежде, нежели вы узнали, что через покаяние отпускаются грехи, не беспокоились ли вы и не отчаивались ли в себе, зная, что нет вторичной купели крещения? Теперь же, когда мы узнали, каким образом совершается покаяние и отпущение грехов, и что мы можем избежать всего, если захотим воспользоваться им, как должно, можем ли мы

получить прощение, если не станем думать о своих согрешениях? Если бы мы исполняли это, то все было бы сделано. Как вошедший в дверь уже находится внутри, так точно и помышляющий о собственных согрешениях. Кто ежедневно помышляет о них, тот непременно достигнет и до их исцеления; а кто только говорит: я грешен, но не представляет себе грехов своих порознь и не говорит: в том-то и в том-то я согрешил, – тот никогда не перестанет грешить, часто будет исповедоваться, но никогда не будет думать о своём исправлении. Нужно только начать, а все прочее непременно последует затем, если только будет сделан приступ: во всём трудны начало и приступ. Итак, положим это (основание), и все будет легко и удобно.

Начнем же покаяние, увещаваю вас, один с усильных молитв, другой с обильных слёз, третий с сокрушения; и последнее ведь, как оно ни мало, не бесполезно: «Я видел пути его, – говорит (Господь), – и исцелю его, и буду водить его и утешать его» (Иса. 57:18). Всё же вообще (начнем) с милосердия, с оставления ближним согрешений их, с забвения обид, с воздержания от злопамятства и мстительности, смиряя таким образом души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, то ничто из предметов внешних не могло бы возбудить в нас гордость, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; когда бы даже мы сидели на царском седалище, и тогда плакали бы горько. Блаженный Давид был царь, и однако говорил: «Каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» ([Пс. 6:7](#)); ни багряница, ни диадема нисколько не причиняли ему вреда и не возбуждали в нём гордости, потому что он сознавал, что он человек; он имел сердце сокрушенное, а потому и плакал. Что такое дела человеческие? Пепел и пыль, прах пред лицом ветра, дым и тень, листья и цвет, уносимые ветром, сон, мечта и басня, пустое колебание воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, течение непостоянное, и всё, что только может быть еще ничтожнее этого. Отчего же, скажи мне, ты много думаешь о себе? Какое звание ты считаешь великим? Не консула ли? Многие, действительно, не знают ничего выше этого звания. Но и тот, кто не консул, нисколько не хуже того, кто был в таком блестящем многославном звании; тот и другой имеют одинаковое достоинство, тот и другой одинаково прекратят существование спустя немного времени. Когда же тот был консулом, скажи мне, сколько времени? Два дня? Это бывает и во сне. Но здесь, скажешь, сон. Что же? Разве то, что бывает днем, не сон? Почему же, скажи мне, не можем назвать этого сном? Как сновидения, по наступлении дня, оказываются недействительными, так и совершающееся днём становится недействительным по наступлении ночи.

Ночь и день продолжаютя одинаково, и равно разделили между собою все время. Потому, как днём никто не восхищается тем, что было с ним ночью, так и ночью невозможно восхищаться тем, что бывает днём. Ты был консулом? И я был; только ты – днём, а я – ночью. Но что в том? Ты через это не имеешь ничего больше меня, если только не считать преимуществом название консула и удовольствие, заключающееся в одних словах. Выражу это яснее: если, например, я скажу: такой-то консул, и припишу ему это название, то как только оно сказано, уже не прошло ли? Таково и всё. Консул явился, и уже нет его. Но положим, что он был консулом год, два, три, четыре года: были ли консулы, которые консульствовали по десяти лет? Нет. Не таков Павел: он был всегда славен при жизни, не день, не два, не десять, не двадцать, не тридцать дней, и не десять лет, не двадцать и не тридцать; но и по смерти его вот уже прошло четыреста лет, а он и теперь еще славен, и даже гораздо славнее: нежели при жизни. И это еще на земле; а славу – святых на небе кто может изобразить словом? Потому, увещаваю вас, будем искать этой славы, стремиться к ней, чтобы достигнуть её, потому что эта слава – истинная слава; а от всего житейского будем удаляться, чтобы нам получить благодать и милость во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 10

[Евр.6:7–8](#). Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произрастающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение.

1. Со страхом мы должны слушать слово Божие, со страхом и великим трепетом: «Служите, – говорит (Псалмопевец), – Господу со страхом и радуйтесь... с трепетом» ([Пс. 2:11](#)). Если же самая радость наша и веселье должны быть с трепетом, то когда говорится что-нибудь страшное, каково (сказанное) теперь, какого не заслуживаем мы наказания, если без трепета слушаем сказанное? Показав, что отпавших невозможно крестить вторично и что им невозможно опять через купель (крещения) получить отпущение (грехов), и объяснив, как это страшно, (апостол) продолжает: «Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произрастающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение». Устрашимся же, возлюбленные! Не Павлова это угроза, не человеческие это слова; это – Духа Святого, Христа, глаголавшаго в Павле. Кто чист от этих терний? Если бы даже мы были чистыми, то и тогда нам следовало бы не оставаться спокойными, а страшиться и трепетать, как бы в нас не выросли терния; а если мы все всецело состоим из терний и волчцов, то, скажи мне, как мы можем оставаться спокойными и беспечными? Что делает нас беспечными? Если думающий, что он стоит, должен бояться, чтобы не упасть, – «кто думает, что он стоит, – сказано, – берегись, чтобы не упасть» ([1 Кор. 10:12](#)), – то падший сколько должен заботиться, чтобы встать? Если Павел боялся, «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» ([1 Кор. 9:27](#)), если он, столь достойный, боялся сделаться недостойным, то мы, уже сделавшиеся недостойными, какое будем иметь оправдание и прощение, не имея никакого страха, но исполняя христианские обязанности, как бы какой обычай, и только для вида?

Устрашимся же, возлюбленные! «Ибо открывается гнев Божий с неба» ([Рим. 1:18](#)). Устрашимся, потому что он открывается не только на «нечестие», но и на всякую «неправду», малую и великую. Вместе с тем (апостол) указывает и на человеколюбие Божие; а дождем он называет учение, и что выше он говорил в словах: «Ибо, судя по времени, вам

надлежало быть учителями», то же говорит и здесь. И во многих местах Писание называет учение дождем: «и повелю облакам не проливать на него дождя», – говорит (Господь) о винограднике ([Ис. 5:6](#)); а в другом месте то же называется голодом хлеба и жаждою воды ([Амос. 8:11](#)); и еще: «поток Божий полон воды» ([Пс. 64:10](#)). «Земля, – говорит, – пившая многократно сходящий на нее дождь». Здесь он выражает, что и принимали и пили слово его, и часто удостаивались слышать его, но не получили от того пользы. Если бы, говорит, ты не была возделана, если бы не получала дождей, то зло не было бы столь велико, потому что «Если бы Я не пришел, – говорит (Христос), – и не говорил им, то не имели бы греха» ([Иоан. 15:22](#)); если же ты часто пила и принимала, то почему вместо плодов ты произрастила нечто другое? «Ожидал, – говорит (Господь), – что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды» ([Ис. 5:4](#)). Видишь ли, что Писание везде тернием называет грехи? И Давид говорит: «я сделался страдальцем, когда вонзился в меня терн» ([Пс. 31:4](#)). (Терн) не просто входит, а вонзается; и хотя бы его осталось немного, но если он не весь будет выдернут, то и самая малая часть его производит боль так же, как и (весь) терн. Но что я говорю: немного? Даже после того, как он будет выдернут, в ране долго еще остается боль. Потому нужно долго лечить и пользоваться, чтобы освободиться от неё совершенно; недостаточно только исторгнуть грех, а нужно излечить и пораженное место. Боюсь, чтобы не относились к нам более, нежели к другим, слова (апостола): «Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь»; мы ведь постоянно пьем, постоянно слушаем, но тотчас же, как только восходит солнце, теряем влагу, и потому произращаем тернии. Какие же это тернии? Послушаем Христа, который говорит: «забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно» ([Мф. 13:22](#)). «Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный».

2. Нет ничего столь благопотребного, как чистота жизни, ничего столь прекрасного, как благоустроенная жизнь, ничего столь возделенного, как добродетель. «И произращающая, – говорит, – злак, полезный тем, для которых и воздвигается, получает благословение от Бога». Здесь он внушает, что Бог есть виновник всего, и некоторым образом обличает язычников, которые приписывали произращение плодов силе земли. Не руки земледельца, говорит, возбуждают землю к принесению плодов, но повеление Божие; потому и выражается так: «получает благословение от Бога». И смотри: о терниях он не сказал: рождающая «терния и волчцы», не употребил такого одобрительного выражения, – но что? –

«производящая терния и волчцы», – как бы так: извергающая, выбрасывающая. «Негодна и близка к проклятию». О, какое утешение заключается в этих словах! «Близка, – говорит, – к проклятию», а не сказал: проклята; т.е. еще не подверглась проклятию, а только близка к нему, но может быть и далека от него. И не только этими словами он утешает, но и следующими; не сказал: она непотребна, близка к проклятию и будет сожжена, – но что? «которого конец – сожжение»; выражает, что если она до конца останется такою, то потерпит и это. Следовательно, если мы исторгнем и сожжем терние, то сможем получить многие блага, сделаться благопотребными и удостоиться благословения. Справедливо называет грех тернием в словах: «производящая терния и волчцы», потому что (грех), если крепко станешь держаться его, вонзается и колет, и даже на вид бывает безобразен. Итак, укорив их достаточно, устранив и обличив, (апостол) потом утешает, чтобы не поразить их слишком много и чтобы они не сделались беспечными, потому что человек ленивый, когда его (слишком много) наказывают, делается еще более ленивым. Потому (апостол) и не за все одобряет их, чтобы они не возгордились, и не за все укоряет, чтобы не сделать их более беспечными, но сказав немного укоризны, в дальнейших словах предлагает великое утешение, чтобы таким образом достигнуть своей цели. Что же он говорит?

«Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем *состоянии* и держитесь спасения, хотя и говорим так» ([Евр.6:9](#)), т.е., говорим это не потому, чтобы мы отчаялись в вас или считали вас исполненными терний, а потому, что боимся, как бы не случилось этого; лучше внушить вам страх словами, нежели на деле испытывать скорбь. Это особенно и показывает мудрость Павла. Он не сказал: думаем, предполагаем, ожидаем, уповаем, – но что? «Надеемся». Так и в послании к Галатам он говорит: «Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе» ([Гал. 5:10](#)); не сказал: разумеете, но: «не будете мыслить иначе», так как (галатийцы) были тогда весьма достойны осуждения и (апостол) не мог хвалить их за дела настоящие, то хвалит за будущие: «не будете, – говорит, – мыслить иначе». А здесь он хвалит (евреев) за дела настоящие: «надеемся, что вы в лучшем *состоянии* и держитесь спасения, хотя и говорим так». Но так как за дела настоящие он не мог хвалить их много, то заимствует утешение от дел прошедших и говорит: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым» ([Евр. 6:10](#)). О, как он ободрил и укрепил души их, вспомнив о прежних делах и представив необходимость надеяться, что Бог не забыл (их подвигов)! Подлинно, кто не убежден в правосудии

Божем и в том, что Он воздаст каждому по заслугам настоящей жизни, тот неизбежно грешит и говорит, что Бог не праведен. Потому он и внушил им необходимость вполне надеяться на будущее воздаяние. Кто отчаивается в настоящем и падает духом, того можно ободрить будущим. Так и в послании к Галатам (Павел) говорит: «Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине» ([Гал. 5:7](#))? и еще: «Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!» ([Гал. 3:4](#)); и как здесь с обличением он соединяет одобрение, когда говорит: «Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями» ([Евр. 5:12](#)), так и там: «так скоро переходите к иному благовествованию» ([Гал. 1:6](#)). С укоризною (высказывается) и похвала, – потому что мы удивляемся тогда, когда падает что-нибудь великое. Видишь ли, как в самом обличении и обвинении скрывается похвала? И не от себя только одного он говорит это, но от лица всех; не сказал: надеюсь, но: «надеемся, что вы в лучшем состоянии», т.е. лучшего. Здесь он говорит или об их жизни, или о воздаянии. Сказав выше: «негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение», потом, чтобы они не подумали, что он говорит это об них, тотчас же присовокупляет: «не не праведен Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви», и тем выражает, что не об них он говорит – «хотя и говорим так». Если же не об нас говоришь, то для чего касаешься, называя ленивыми, и внушаешь страх, напоминая о терниях? «Желаем же, – говорит он, – чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца, дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования» ([Евр. 6:11–12](#)).

3. «Желаем», говорит; следовательно, не на словах только хотим этого. Но чего, скажи, ты желаешь? Желаем, чтобы вы были добродетельными, – не осуждая вас за прежнее, а опасаясь за будущее. Не сказал также: осуждая не за прошедшее, а за настоящее, так как вы развратились и сделались беспечными. Но смотри, как кротко он выразил это, и не произнес укоризны. Что же говорит он? «Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца». Удивительна Павлова мудрость: он не высказывает прямо, что они ослабили, что они пали, – потому что сказать: «желаем же, чтобы каждый из вас», – значит сказать: желаю, чтобы ты был тщателен всегда, чтобы, каков ты был прежде, таким был и теперь и на будущее время; этим он делает свое обличение более кротким и удобоприемлемым. Не сказал также: «хочу», что показывало бы учительскую власть, но говорит: «желаем», употребляя выражение, показывающее отеческую любовь и

означающее больше, нежели: «хочу» и как бы так говорит: простите, если мы скажем что-нибудь неприятное. «Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца». Что это значит? Надежда, говорит, переносит, она подкрепляет; не ослабевайте же и не отчаивайтесь, чтобы надежда ваша не оказалась лишнею; кто делает добро, тот и надеется на добро, и никогда не отчаивается. «Дабы вы не обленились» – еще только – «да не будете», хотя выше он сказал: «вы сделали неспособны слушать» ([Евр. 5:11](#)). Но заметь, там он указал только на неспособность слушать, а здесь хотя употребляет подобное выражение, все же намекает на нечто другое: вместо того, чтобы сказать: не оставайтесь ленивыми, он сказал: «дабы вы не обленились». Опять виновность их отодвигает на будущее время, говоря: «дабы вы не обленились»; а так как будущее время еще не существует, то мы и не можем быть виновными. Тот, кого, как ленивого, убеждают быть старательным в настоящее время, может сделаться еще более ленивым; но не то бывает с тем, кого (убеждают исправиться) на будущее время. «Желаем же, – говорит, – чтобы каждый из вас». Великая любовь! (Павел) равно печется о великих и малых, о всех помнит, никого не презирает, но одинаковое оказывает попечение о каждом и всем отдает равную честь; этим он еще более располагает принять слова его, несмотря на их строгость. «Дабы вы не обленились», говорит. Как бездействие вредит телу, так и неупражнение в добре делает душу беспечною и слабою.

«Но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования». Кто эти (наследники), он объясняет далее. Наперед он сказал: подражайте прежним вашим добрым делам; а потом, чтобы они не спросили: каким? – он указывает на праотца (Авраама), представляя примеры добрых дел в собственных их делах, а в доказательство того, что они не забыты, пример праотца. Это он делает для того, чтобы они не говорили, что они, как недостойные, забыты и оставлены, но знали, что проводить жизнь среди искушений есть удел особенно доблестных людей, и что Бог всегда так поступал с мужами дивными и великими. Нужно, говорит, переносить все с долготерпением, потому что это и значит веровать. Если бы я сказал: вот я даю тебе, и ты тотчас же получил бы, то чему тебе и веровать? Здесь не было бы места твоей вере, но я предупреждаю и даю по обещанию. Если же я скажу: вот я даю тебе, но дам через сто лет, и ты не будешь отчаиваться, то, значит, ты считаешь меня достойным веры и имеешь обо мне надлежащее мнение. Видишь ли, что неверие часто происходит не только от безнадежности, но и от

малодушия и нетерпения, а не зависит от обещавшего? «Не неправеден Бог, – говорит, – чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым». Важное дает он о них свидетельство, указывая не только на дела их, но и на дела усердные, подобно как он говорит и в другом месте: «и не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, *потом* и нам» ([2 Кор. 8:5](#)). «Оказали во имя Его, послужив и служа святым». Смотри, как он опять утешает их, прибавляя: «послужив и служа»; еще и теперь вы служите, говорит он, ободряя их и внушая, что они делали это не для людей, но для Бога. «Оказали», – говорит, не просто для святых, но для Бога; это именно означают слова: «во имя Его», в которых он как бы так говорит: вы делали все во имя Его. Потому Тот, кто принял от вас такое усердие и любовь, никогда не презрит вас и не забудет.

4. Слыша это, будем служить святым, увещаваю вас. А свят всякий верующий, потому самому, что он верующий; хотя бы он был мирянин, он свят. «Ибо, – говорит (апостол), – неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» ([1 Кор. 7:14](#)). Видишь: вера доставляет освящение. Если мы увидим и мирянина в нечестии, подадим руку помощи. Не о тех только мы должны заботиться, которые живут в горах; они, конечно, святые и по жизни и по вере, но и те святые по вере, а многие из них и по жизни. Не (будем поступать так, что), когда увидим монаха в темнице, то пойдем к нему, а когда мирянина, то не пойдем; и последний тоже свят, и тоже брат наш. Но что, скажешь, если он нечист и порочен? Послушай, что говорит Христос: «Не судите, да не судимы будете» ([Мф. 7:1](#)). Ты делай для Бога. Но что я говорю? Хотя бы даже язычника мы увидели в несчастии, и ему надобно оказать добро, и вообще всякому человеку, находящемуся в несчастных обстоятельствах, тем более верующему мирянину. Послушай, что заповедует Павел: «будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» ([Гал. 6:10](#)). Я не понимаю, откуда взялось (противное мнение) и каким образом усилился у нас (противный) обычай. Кто отыскивает только монашествующих, хочет оказывать добро только им одним, и между ними еще делает различие и говорит: если он не достоин, если он не праведен, если он не творит знамений, я не подам ему руку помощи, – тот отнимает самую главную часть у милостыни, и все остальное со временем также уничтожит; напротив, истинная милостыня тогда и бывает, когда она оказывается грешникам или виновным; милосердие в том и состоит, что милует не тех, которые исправны, а тех, которые согрешили. А чтобы ты убедился в этом, послушай, что говорит Христос в следующей притчи.

«Некоторый человек, – говорит Он, – шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам». Те, избивши его, оставили на дороге полумёртвого. По случаю один левит шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо; так же поступил и некоторый священник, – прошёл мимо. Но после них шел один самарянин и оказал великое сострадание к нему: обвязал его раны, возлил на них масло, посадил его на осла, привез в гостиницу и сказал её содержателю: позаботься о нем и, – заметь великую любовь, – если что более издержишь, я отдам тебе. Затем (Христос) спросил: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?» И когда законник отвечал: «оказавший ему милость», тогда Он сказал: «иди, и ты поступай так же» ([Лук. 10:30–37](#)). Заметь эту сказанную (Господом) притчу; не сказал Он, что иудей самарянину, но что самарянин оказал такое милосердие. Отсюда мы научаемся, что должно заботиться о всех равно, а не присным только по вере делать добро, о других же не думать. Так и ты, когда увидишь кого-нибудь страждущим, не исследуй о нем ничего; он имеет право на помощь уже потому, что страдает. Если ты помогаешь ослу, когда видишь, что он издыхает, и не спрашиваешь, чей он, то тем более не должно спрашивать о человеке, чей он; он Божий, хотя бы он был язычник, хотя бы иудей. Если он и неверный, но нуждается в помощи. Если бы тебе дозволено было исследовать и судить, то ты мог бы говорить это; но теперь самое несчастье не позволяет тебе делать исследования. Если не должно судить здоровых и исследовать чужие дела, то тем более страждущих. Иначе что (будет)? Разве ты видел его счастливым, благоденствующим, что говоришь, будто он зол и порочен? Он страдает; если же ты видишь его страждущим, то не говори, что он порочен. Когда мы видим человека благоденствующего, тогда, пожалуй, можем сказать это об нём; но когда видим человека страждущего и нуждающегося в помощи, то не следует говорить, что он порочен; это – знак жестокости, бесчеловечия и высокомерия. Кто, скажи мне, был беззаконнее иудеев? Бог наказывал их, и наказывал справедливо, весьма справедливо; однако же к тем, которые пострадали им, Он благоволил, а тех, которые радовались их несчастью, наказывал. «И не болезнуете, – говорит (пророк), – о бедствии Иосифа» ([Амос. 6:6](#)). И в другом месте говорится: «Спасай взятых на смерть» ([Притч. 24:11](#)). Не сказано: разведай, и узнай, кто они, хотя по большей части отводимые на смерть бывают порочны, но сказано просто: «спасай», кто бы они ни были. В этом особенно и состоит милосердие. Кто благодетельствует другу, тот, без сомнения, делает это не для Бога; а кто – человеку незнакомому, тот делает исключительно для Бога. (Премудрый) говорит: «не щади» денег и, хотя бы

все пришлось издержать, отдай; а мы, видя изнуряемых, мучимых, претерпевающих страдания, жесточе тысячи смертей, и часто несправедливо, жалеем денег и не жалеем братьев; бережем бездушное и не думаем о души. Между тем Павел повелевает «с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю» ([2 Тим. 2:25–26](#)). «Не даст ли», – говорит: видишь ли, какого долготерпения исполнены слова его? Будем же и мы подражать ему и не считать никого безнадежным. Рыболовы, ввергая сети в море, часто ничего не вытаскивают, но бросив в последний раз, получают все. Так и мы не отчаиваемся, но надеемся, что вы вдруг явите нам зрелые плоды. И земледелец, посеяв семена, терпит один день и другой, и долго ожидает, а потом вдруг видит везде в проросшие плоды. Это, надеемся, будет и с вами, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 11

[Евр.6:13–16](#). Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. И так Авраам, долготерпев, получил обещанное. Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их

1. Сильно тронув евреев и достаточно внушив им страх, (апостол) утешает их сначала похвалами, а потом, – что гораздо действительнее, – тем, что они непременно получают ожидаемое. Это утешение он заимствует от событий не настоящих, но прошедших, что для них было более убедительно. Как при угрозах наказанием он особенно устрашает событиями настоящими, так при обещании наград утешает событиями прошедшими, указывая на то, как Бог обыкновенно поступает, т.е. что Он не скоро исполняет обещания, но спустя долгое время. Поступает же Он так для того, чтобы представить сильнейшее доказательство своего могущества и в нас возбудить веру, чтобы люди, проводящие жизнь в скорбях и не получающие ни обещаний, ни наград, не ослабевали в подвигах. Имея возможность представить многих, (апостол) оставляет всех других и указывает на Авраама, как в виду важности лица, так особенно потому, что с ним это случилось, как и говорит он в конце послания: «все сии... не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались ...не получили обещанного, ...дабы они не без нас достигли совершенства» ([Евр. 11:13, 39, 40](#)). «Бог, давая обетование Аврааму, – говорит, – как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. И так Авраам, долготерпев, получил обещанное». Как же в конце он говорит: «не получили обещанного», а здесь: «долготерпев, получил обещанное»? Каким образом не получил и получил? Не об одном и том же он говорит здесь и там, но внушает двоякое утешение. Обетовал (Бог) Аврааму, и обетование, о котором здесь говорится, исполнил спустя долгое время; а то (обетование), о котором там говорится, было не таково. «И так Авраам, долготерпев, получил обещанное». Видишь ли, что не одно только обетование совершило все, но и долготерпение? Здесь он внушает им страх, выражая, что часто обетование не исполняется по малодушию (людей). Это доказал он примером (израильского) народа, который малодушествовал и потому не получил обетования, а примером Авраама

доказывает противное. В конце он внушает еще нечто большее: говорит, что (другие) и долготерпевши, не получили, и однако не предавались унынию.

«Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву» ([Евр.6:16–17](#)). Правильно. Но кто был клявшийся Аврааму? Не Сын ли? Нет, говоришь ты. Почему же так говоришь? Напротив, именно Он; впрочем я не стану спорить. Когда Он клянется тою же самою клятвою: «аминь, аминь глаголю вам», то не ясно ли, что это за неимением никого выше, кем бы клясться? Как клялся Отец, так и Сын клянется самим Собою: «аминь, – говорит, – аминь глаголю вам». Здесь (апостол) напоминает им о тех клятвах, которые часто произносил Христос, когда говорил: («истинно, истинно говорю тебе») ⁷ «верующий в Меня, не умрет вовек» ([Иоан. 11:26](#)). Что значит: «и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их»? Иначе сказать: этим разрешаются недоумения во всяком спорном случае, не в таком-то или таком-то, но во всяком. Богу нужно было верить и без клятвы; но «и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву» ([Евр.6:17](#)). Здесь (апостол) понимает и верующих; потому и упоминает о таком обетовании, которое относилось ко всем нам вообще. «Употребил, – говорит, – клятву». Опять и здесь он говорит о Сыне, который есть посредник между людьми и Богом. «Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать» ([Евр.6:18](#)). Какою и какою? Каких и каких? Тем, что сказал и обещал, и тем, что к обетованию присоединил клятву. Так как у людей считается более достоверным то, что подтверждено клятвою, поэтому и присоединил клятву.

2. Видишь ли, что (Бог) смотрит не на собственное достоинство, но, с целью убедить людей, попускает говорить о Себе и недостойное Его, именно для того, чтобы удостоверить. Касательно Авраама, (апостол) показывает, что все было делом Божиим, а не делом его долготерпения, – когда Бог благоволил присоединить клятву, когда, подобно тому как люди клянутся, поклялся и Бог самим Собою. Люди клянутся Им, как большим, а Он клялся не как большим, и однако исполнил. Клятва самим Собою не одинакова у человека и Бога, потому что человек не имеет власти над собою. Итак, видишь, это сказано (апостолом) не столько по отношению к Аврааму, сколько по отношению к нам. «Дабы... твердое, – говорит, – утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду»

([Евр.6:18](#)). Выше он сказал: «долготерпев, получил обещанное», и теперь говорит «дабы... твердое утешение имели мы»; впрочем, не прибавил: «поскольку клялся» (Бог). А в чём состоит клятва, это Он объяснил словами: «клянута высшим». Так как род человеческий недоверчив, то (Бог) нисходит к тому, что свойственно нам; Он клянётся для нас, – хотя недоверчивость и недостойна Его, – подобно тому, как Он «страданиями навыв послушанию» ([Евр.5:8](#)), потому что люди считают более достоверным познание на опыте. Что значит: «за подлежащую надежду»? На основании тех (обетований), говорит, мы ожидаем будущего, потому что если они спустя долгое время исполнились, то и это непременно исполнится. Так бывшее с Авраамом удостоверяет нас в будущем.

«Надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека» ([Евр.6:18–20](#)). Нас, живущих в этом Мире и еще не отошедших от жизни, (апостол) представляет уже достигшими обещанного, потому что надеждою мы уже на небе. Надеемся, говорит он, потому что это непременно исполнится; а в удостоверение говорит: лучше сказать, надеждою вы уже достигли этого. Не сказал: мы входим внутрь (завесы), но: она вошла внутрь, что справедливее и убедительнее. Как якорь, спущенный с корабля, не позволяет ему носиться по волнам, какие бы веры ни колебали его, но прикрепляясь к нему, делает его неподвижным, так и надежда. И смотри, какое близкое представил он сравнение; не указал на основание, которое не так здесь приличествовало бы, но на якорь. Посредством него корабль, находящийся в открытом море и по-видимому не укрепленный, стоит на воде как бы на суше; колеблется и не колеблется. О людях весьма твердых и любознательных Христос прилично употребляет то выражение (основание): «который, – говорит, – построил дом свой на камне» ([Мф. 7:24](#)); а о людях, не совсем твёрдых и принужденных руководиться надеждою, Павел справедливо употребил это выражение (якорь). Волнение и сильная буря колеблют судно; но надежда не позволяет ему носиться по волнам, какие бы ветры ни нападали на него, так что если бы мы не имели её, то давно утонули бы, и не только в делах духовных, но и в житейских она оказывает великую силу, как-то: в торговле, в земледелии, на войне; кто не будет иметь её в виду, тот и не примется за дело. (Апостол) назвал её не просто якорем, но верным и твердым, чтобы показать несомненность её для спасения тем, которые утверждают на ней; потому и прибавляет еще: «входит во внутреннейшее за завесу». Что это значит? То же что –

достигающую до неба. Потом присовокупляет и удостоверение, – чтобы она была не только надеждою, но и надеждою совершенно истинною; после клятвы приводит еще нечто другое, именно, доказательство от дел: «куда предтечею за нас вошел Иисус». Предтеча есть тот, кто идет пред кем-нибудь, как например Иоанн -(предтеча) Христов. И не просто: «вошел», – но: «предтечею за нас вошел», так что и мы должны следовать за ним, потому что между предтечею и следующими за ним не должно быть большого расстояния, – иначе он не был бы предтечею. Предтеча и следующие за ним должны быть на одном и том же пути; дел первого – идти впереди, а последних -следовать за ним. «Сделавшись, – говорит, – Первосвященником навек по чину Мелхиседека». Вот и еще иное утешение – в том, что наш первосвященник выше и гораздо лучше (первосвященников) иудейских, не только по способу (избрания), но и по месту, и по скинии, и по завету, и по личности. Впрочем это говорится (о Христе) по плоти.

3. Итак, нужно быть лучшими и для тех, у кого Он первосвященником; насколько велико различие между Аароном и Христом, настолько же велико различие должно быть между нами и иудеями. Смотри, мы имеем горе жертвенного агнца, горе первосвященника, горе жертву. Потому мы должны приносить такие жертвы, которые могли бы быть возложены на таком жертвеннике, – не овец и волов, не кровь и тук. Все это прекратилось, а вместо того введено словесное служение. Что такое словесное служение? Душевное, духовное, – «Бог, – говорится (в Писании), – есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» ([Иоан. 4:24](#)), – такое, для которого не нужно ни тела, ни орудий, ни мест; таковы: кротость, целомудрие, милосердие, незлобие, долготерпение, смиренномудрие. Такие жертвы еще в ветхом завете издавна предуказаны. «Приносите Богу, – говорит Давид, – жертвы правды» ([Пс. 4:6](#)); и еще: «Тебе принесу жертву хвалы» ([Пс. 115:8](#)); и еще: «Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня» ([Пс. 49:23](#)); и еще: «Жертва Богу – дух сокрушенный» ([Пс. 50:19](#)); и еще: «чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» ([Мих. 6:8](#))? «Жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне: я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце » ([Пс. 39:7–9](#)); и еще: «Для чего Мне ладан, который идет из Савы» ([Иер. 6:20](#)); и другой (пророк): «Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать» ([Амос. 5:23](#)); но, вместо того,

«Я милости хочу, а не жертвы» ([Ос. 6:6](#)).

Видишь, какими жертвами нужно благоугождать Богу? Видишь, что те жертвы давно уже прекратились, а эти введены вместо них? Их мы и будем приносить. Те – жертвы людей богатых и достаточных, а эти – жертвы добродетели; те – внешние, а эти – внутренние; те может приносить всякий, а эти – немногие. Насколько человек лучше овцы, настолько эта жертва (выше) той, потому что здесь ты приносишь в жертву свою душу. Есть и еще жертвы, поистине – всесожжения; это – тела святых мучеников; у них святы и душа и тело; они исполнены великого благоухания. И ты, если захочешь, можешь приносить такую жертву. Каким образом, когда ты не можешь предавать тела своего на сожжение? Ты можешь (предавать себя) другому огню, например, огню произвольной нищеты, огню скорби. Когда кто-нибудь, имея возможность жить роскошно и великолепно, умерщвляет себя жизнью подвижническою и прискорбною, то не есть ли это – всесожжение? Умертви тело свое и распни его, и ты также получишь венец мученичества. Что там совершает меч, то здесь пусть совершает усердие. Пусть не воспламеняется и не овладевает (тобою) сребролюбие, но пусть дожигается и истребляется эта безумная страсть духовным огнём, пусть отсекается мечом Духа. Это – добрая жертва, для которой не нужен священник, но только сам приносящий её, – жертва прекрасная, которая совершается на земле, но тотчас же принимается на небе. Не удивимся ли мы, как в древности сошёл огонь и истребил все ([3 Цар. 18:38](#))? Может и ныне сходить огонь, гораздо более чудный, и истреблять все предлагаемое, или лучше, не истреблять, но возносить на небо, – так как он не в пепел превращает дары, но приносит Богу.

Таковы были приношения Корнилия: «молитва твоя, – сказано (ему), – и милостыни твои воспомянулись пред Богом» ([Деян. 10:31](#)). Вот прекрасное сочетание! Тогда и мы бываем услышаны, когда сами слышим проходящих к нам нищих. «Кто затыкает, – говорится (в Писании), – ухо свое от вопля бедного, молитвы того не послушает Бог» ([Притч. 21:13](#)); «Блажен, кто помышляет о бедном...! В день бедствия избавит его Господь» ([Пс. 40:2](#)). Это не иной какой-нибудь день, но тот день, который будет тяжким для грешников. Что значит: «помышляет»? Понимающий, что такое нищий, вникающий в его бедствие, – ведь кто постигнет его бедствие, тот, конечно, тотчас окажет ему милость. Когда ты увидишь нищего, то не отворачивайся от него, но тотчас подумай, каков был бы ты сам, если бы был на его месте, чего хотел бы ты получить от всех? «Помышляет», – говорит. Представь, что и он свободен так же, как ты,

имеет одинаковую с тобою благородную природу, и все у него общее с тобою; и между тем его, который нисколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже с своими собаками; эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко засыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов. Но рабы, скажешь, оказывают нам услуги. Какие, объясни мне? Они тебе хорошо служат? Но если я докажу, что и он оказывает тебе услугу гораздо больше их, – что ты скажешь? Он предстанет в день суда, и избавит тебя от огня. Могут ли все рабы сделать что-нибудь подобное? Когда умерла Тавифа ([Деян. 9:36–42](#)), кто воскресил её? Рабы ли, окружавшие ее, или бедные? А ты не хочешь поставить свободного наравне даже с рабами. Вот сильная стужа; нищий лежит на помосте, одетый в рубище, умирая с холода, скрежеща зубами, и видом и одеждою возбуждая сострадание; но ты, одетый тепло и опьяневший, проходишь мимо (не обращая на него внимания). Как же ты желаешь, чтобы Бог избавил тебя, когда находишься в несчастье? Ты часто говоришь: если бы я был в таком положении, что кто-нибудь много согрешил бы против меня, то я простил бы его, – Бог ли не простит мне? Не говори этого; сам ты презираешь того, который даже ни в чём не согрешил против тебя, и которому ты мог бы помочь. Если же ты презираешь такого (человека), то как Бог простит тебе грехи твои против Него? Не заслуживает ли это геенны? И вот что странно: нередко тело мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множеством разнообразных позолоченных одежд; а тело страждущее, болезненное, мучимое и изнуряемое голодом и холодом, ты презираешь; более угождаешь тщеславию, нежели страху Божию. И, о, если бы только это! Но тотчас (начинаются еще) укоризны на подходящего (бедняка). Почему, говоришь ты, он не работает? Зачем ест хлеб, не трудясь? Но ты сам, скажи мне, своими ли трудами приобрёл то, что имеешь? Не отцовское ли получил наследство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Разве ты не слышал слов Павла: «Вы же, братия, не унывайте, делая добро»? И это говорит после того, как сказал: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» ([2 Фес. 3:13, 10](#)). Но он, говоришь ты, обманщик.

4. Что говоришь ты, человек? Из-за одного хлеба и одежды ты называешь его обманщиком? Но он тотчас продаст ее, говоришь ты. А ты сам хорошо ли распорядишься всем своим имуществом? Как, неужели все нищие сделались такими от праздности? Неужели никто от кораблекрушений, никто от судилищ, никто от воров, никто от несчастий, никто от болезней, никто от каких-нибудь других обстоятельств? Между

тем мы, слыша бедного, жалующегося на подобные несчастья, взывающего громким голосом, устремляющего взоры на небо, с открытою головою, с распущенными волосами, одетого в рубище, тотчас называем его обманщиком, плутом, лицемером. Не стыдно ли тебе? Кого ты называешь обманщиком? Если не хочешь ничего дать, то, по крайней мере, не поноси человека. Но, говоришь ты, он имеет средства и притворяется. Это служить к осуждению тебя, а не его; он знает, что имеет дело с людьми жестокосердыми, скорее со зверями, нежели с людьми, и что, сколько бы он ни произносил жалобных слов, никого не тронет, а потому и принужден принимать на себя вид еще более жалкий, чтобы преклонить твою душу. Когда мы увидим, что кто-нибудь подходит к нам в опрятной одежде, то говорим: он обманщик, он подходит в таком виде, чтобы показать, что он из благородных; а когда увидим кого-нибудь в противоположного свойства одежде, то укоряем и его. Что же им делать? О, жестокость! О, бесчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажают изувеченные члены? Для тебя. Если бы мы были сострадательны, то им не нужно было бы прибегать к таким средствам; если бы они могли трогать с первого взгляда, то не ухищрялись бы подобным образом. Какой несчастный захотел бы так вопить, принимать на себя отвратительный вид, вместе с обнаженною женою рыдать пред всеми, вместе с детьми посыпать себя пеплом? Что может быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываем им сострадания, а еще осуждаем их. Как же после того мы можем негодовать, что Бог не внемлет нашим молитвам? Как можем роптать, что Он не удовлетворяет нашим прошениям? Не страшно ли это, возлюбленные? Но, говоришь ты, я часто подавал. А ты разве не каждый день принимаешь пищу? Разве ты отталкиваешь детей, хотя они и часто просят тебя? О, бесстыдство! Ты называешь нищего бесстыдным. Сам, похищая чужое, ты не считаешь себя бесстыдным; а просящий хлеба бесстыден? Ужели ты не знаешь, как сильна потребность желудка? Не делаешь ли ты все для него? Не оставляешь ли ты для него духовных предметов? Тебе обещано небо и царствие небесное; а ты, покоряясь насилию его (желудка), не переносишь ли все и не пренебрегаешь тем (обещанным)? Вот истинное бесстыдство! Не видишь ли ты увечных старцев? Но, – о, злословие! – этот, говорите вы, дает в долг по стольку-то золотых, а тот по стольку-то, и между тем выпрашивают (милостыни). Вы рассказываете басни и сказки малых детей, которые они всегда слышат от своих нянек; я не думаю, не верю, не может быть. Такой-то дает деньги в рост, а сам при своем достатке просит милостыни? Для чего же, скажи мне? Что может быть постыднее

прошения милостыни? Лучше умереть, нежели просить. Но доколе мы будем жестокосердыми? Как, неужели все они дают деньги в рост? Неужели все обманщики? Неужели нет ни одного действительно нищего? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи им, если ты точно знаешь жизнь их? Нет, это – предлог и отговорка. «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» ([Мф. 5:42](#); [Лук. 6:30](#)); «да не будет рука твоя распростертою к принятию и сжатою при отдании» ([Сир. 4:35](#)). Мы не поставлены быть судьями жизни других; иначе мы никому не подадим милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: «грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай» ([Пс. 24:7](#))? Так и о нищем, хотя бы он был великий грешник, думай то же и не поминай грехов его. Ныне время человеколюбия, а не строгого суда, – милости, а не осуждения. Он хочет есть: если желаешь, дай ему; если же не желаешь, откажи, не исследуя, почему он беден и несчастен. Для чего ты и сам не подаешь ему, и желающих подать отклоняешь? Ведь когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот (нищий) – обманщик, а тот – лицемер, ростовщик, то не подаст ни тому, ни другому, подумав, что они все таковы. Известно, как легко мы верим худому, и как нелегко – хорошему. Мы должны быть не просто милосерды, но как «Отец» наш «Небесный» ([Мф. 5:48](#)). Он питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков, и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть и такого рода многим; Он же всех одевает, и никто никогда не умирал с голоду, разве только по собственной воле.

Так и мы должны быть милосерды. Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но мы ныне дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашествующими: он, говорят, обманщик! Не внушал ли я вам и прежде, что если мы будем подавать всем без разбора, то постоянно будем оказывать милосердие; а если станем исследовать, то никогда не окажем милосердия? Что говоришь ты? Неужели он притворяется для того, чтобы получить хлеба? Если бы он просил талантов золота и серебра, или драгоценных одежд, или рабов, или чего-нибудь подобного, то справедливо можно было бы назвать его обманщиком; но если он не просит ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самых умеренных, то, скажи мне, свойственно ли это обманщику? Оставим эту неуместную, сатанинскую, пагубную разборчивость. Когда кто-нибудь станет говорить, что он принадлежит к клиру, или называет себя священником, тогда разведай, расспроси, потому что общение с таким человеком без исследования не безопасно, – здесь великая опасность. А когда кто-нибудь просит пищи, то

не исследуй; здесь ты не столько даешь, сколько сам принимаешь. Вспомни, если хочешь, как Авраам оказывал гостеприимство всем проходящим. Если бы он делал исследования о проходящих к нему, то не принял бы ангелов; может быть, не считая их ангелами, он вместе с другими отказал бы и им; но так как он принимал всех, то принял и ангелов. Разве за жизнь принимающих от тебя Бог дает тебе награду? Нет, – за твоё расположение, за твоё милосердие, за великое человеколюбие, за доброту. Если будет она, то и ты получишь все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 12

[Евр.7:1–3](#). Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых, по знаменованию *имени* царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда:.

1. Павел, желая показать различие между новым и ветхим заветами, во многих местах указывает на это различие, и в самом начале говорит о нём, и далее, научая слушателей, предуготовляет их. В самом начале он указал на это, когда сказал, что «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках», а нам через Сына. Потом сказав о Сыне, кто Он и что совершил, преподав увещание повиноваться Ему, чтобы не подвергнуться участи, одинаковой с иудеями, объяснив, что Он есть первосвященник по чину Мелхиседекову, неоднократно выразив желание раскрыть это различие и уже многое предуготовив к тому, обличив их за их слабости, и потом ободрив и утвердив, чтобы они не унывали, – (апостол) наконец приступает к объяснению самого различия пред ободренными слушателями: ведь человек, упавший духом, не легко может принять слышанное. А чтобы ты убедился (в справедливости этого), послушай Писания, которое говорит: «они не послушали Моисея по малодушию» ([Исх. 6:9](#)). Потому он, наперед рассеяв их уныние многими, и грозными и кроткими, внушениями, затем уже и приступает к раскрытию этого различия. Что же говорит он? «Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего». И вот что удивительно: в самом прообразе он открывает великое между ними различие: он всегда, как я сказал, доказывает прообразом истину, прошедшим настоящее, по немощи слушателей. «Ибо, – говорит, – Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего».

Изложив кратко всё событие, он рассматривает его с таинственной стороны, и прежде всего начинает с имени: «во-первых, – говорит – по знаменованию *имени* царь правды». Справедливо: «седек» значит – правда, а «мелхи» – царь; следовательно, Мелхиседек – царь правды. Видишь ли

точность в самих выражениях? Кто же этот царь правды, как не Господь наш Иисус Христос? «Потом и царь Салима, – от имени города, – то есть царь мира», потому что «салим» имеет такое значение. Это опять относится ко Христу, потому что Он сделал нас праведными и умиротворил «на небе и на земле». Кто из людей – царь правды и мира? Никто; таков только Господь наш Иисус Христос. Затем (апостол) представляет другую особенность: «без отца, – говорит, – без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда». Так как ему повидимому противоречили слова: «ты священник вовек по чину Мелхиседека», – ведь Мелхиседек умер и не был священником вовек, – то, смотри, как он объясняет это. Чтобы никто не возразил: кто может сказать это о человеке? – он говорит: я разумею это не в собственном смысле, т.е., мы не знаем ни того, кого имел Мелхиседек отцом и кого матерью, ни того, когда он родился и когда скончался. Но что в том, скажешь (что мы не знаем)? Разве поэтому, что мы не знаем, он и не умер, или не имел родителей? Справедливо говоришь ты; он и умер и имел родителей. Почему же он без отца, без матери? Почему «не имеющий ни начала дней, ни конца жизни»? Почему? Потому, что об этом не упоминается в Писании. Что же это значит? То, что как он «без отца», поскольку нет его родословия, так Христос таков на самом деле.

2. Здесь открывается безначальность и бесконечность (Сына). Как мы не знаем ни начала дней, ни конца жизни (Мелхиседека), потому что не написано, так мы не знаем этого и касательно Иисуса, но не потому, что не написано, а потому, что у Него действительно этого нет. Первый есть прообраз, и потому о нём только не написано; а последний есть истина, и потому у Него действительно этого нет. Как по отношению к именам у первого только название: «царь правды» и «мира», а у последнего самое дело, так и здесь к первому относятся только названия, а к последнему самое дело. Как же (о Сыне говорится, что) Он имеет начало? И здесь Сын называется безначальным не в том смысле, будто Он не имеет виновника, – это невозможно: Он имеет Отца: иначе как Он был бы Сыном? – но в том, что Он не имеет ни начала, ни конца своего бытия. «Уподобляясь Сыну Божию». В чем это подобие? В том, что мы не знаем ни начала, ни конца как того, так и другого; но первого потому, что не написано, а второго потому, что он не имеет их. Вот в чем сходство. Если бы у них было сходство во всем, то они не были бы один прообразом, а другой истиной, но были бы оба прообразами. То же самое можно видеть и в картинах; и в них есть некоторое сходство, есть и несходство (с оригиналом); в простом

очертании есть некоторое сходство по виду, а когда бывают наложены краски, тогда ясно открывается различие; есть сходство и несходство.

«Видите, – говорит (апостол), – как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих» ([Евр.7:4](#)). Доселе он раскрывал прообраз; теперь с уверенностью представляет (Христа) превосходнейшим всего, что было истинного у иудеев. Если таков прообраз Христов, если он столько выше не только священников, но и самого праотца священников, то что сказать об Истине? Видишь ли, с какою силою доказывает Его превосходство? «Видите, – говорит, – как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших избранных своих». Избранными называется добыча. Нельзя сказать, что дал её, как участнику в войне, потому что говорится: «встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей»; очевидно, что он оставался дома, и что (Авраам) дал ему начатки приобретенного им самим. «Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь – брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых» ([Евр.7:5](#)). Таково, говорит, преимущество священства, что люди, – равночестные по происхождению и имеющие одного и того же прародителя, делаются гораздо выше других; потому и получают от них десятины. Если же найдется кто-нибудь такой, кто возьмёт с них самих десятину, то не станут ли они наряду с мирянами, а он наряду с священниками? Притом (Мелхиседек) не был равен им и по происхождению, но происходил из другого рода; следовательно (Авраам) не дал бы иноплеменнику десятины, если бы не видел в нём высокой чести. Увы, что случилось! Здесь (апостол) выразил более, нежели в послании к Римлянам, когда он рассуждал о вере. Там он говорит, что Авраам есть праотец и нашего и иудейского состояния; а здесь говорит о нём совершенно не то, и доказывает, что необрезанный гораздо выше его. Чем же он доказывает? Тем, что сам Левий дал десятину? «Авраам, – говорит он, – дал». Как же, скажете, это относится к нам? К вам особенно и относится, потому что вы, конечно, не станете доказывать, что левиты выше Авраама. «Не происходящий от рода их, получил десятину от Авраама». И не просто сказал это, но еще присовокупил: «и благословил имевшего обетования» ([Евр.7:6](#)). Так как это всегда считалось у иудеев важным, то он доказывает превосходство одного пред другим и применительно к общему суждению всех: «Без всякого же прекословия меньший благословляется большим» ([Евр.7:7](#)), т.е. всякий знает, что меньший благословляется большим. Следовательно, прообраз Христов был выше и этого, кто имел обетования. «И здесь десятины берут человеки

смертные, а там – имеющий о себе свидетельство, что он живет» ([Евр.7:8](#)). А чтобы не сказали: для чего ты обращаешься к давним временам? – какое отношение к нашим священникам того, что Авраам дал десятину? – скажи о том, что касается нас, – для этого (апостол) продолжает: «И, так сказать». Прекрасно выражается, не высказывая мысли своей ясно, чтобы не поразить слушателей. «Сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину» ([Евр.7:9](#)). Каким образом? «Ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его» ([Евр.7:10](#)), т.е. в нём был Левий и, еще не родившись, через него дал десятину. И смотри, не сказал: левиты, но Левий, с намерением – через это ещё более доказать превосходство. Видишь ли, какое различие между Авраамом и Мелхиседеком – прообразом нашего первосвященника? Здесь видно преимущество по власти, а не по необходимости. Тот дал десятину, что следует священнику; а этот благословил, что свойственно высшему. Это преимущество переходит и на потомков. Удивительно победоносно (апостол) опроверг всё иудейское; потому он и сказал прежде: «вы сделались неспособны слушать» ([Евр. 5:11](#)), что хотел предложить эти истины, -чтобы они не отвратили слуха. Такова мудрость Павлова: он наперед предуготовляет, а потом уже приступает к тому, что намерен говорить. Род человеческий не скоро убеждается и требует многих попечений, даже больше, нежели растения. Там свойство тел и земли, которое уступает рукам земледельцев; а здесь свободная воля, которая допускает частые перемены и избирает то одно, то другое, потому что удобопреклонна ко злу.

3. Потому нам нужно постоянно смотреть за собою, чтобы не задремать: «Не даст Он, – говорит (Псалмопевец), – поколебаться ноге твоей», и еще: «не дремлет и не спит хранящий Израиля», ([Пс. 120:3, 4](#)). Не сказал: не смущайся, но: «Не даст»; следовательно, давать зависит от нас, а не от кого-нибудь другого; если мы захотим стоять прямо и неподвижно, то не придём в смятение; это именно он выразил приведенными словами. Что же? Неужели ничто (не зависит) от Бога? Все от Бога, но не так, чтобы нарушалась и наша свобода. Если все от Бога, то за что же, скажешь, обвинять нас? Но для того я и прибавил: не так, чтобы нарушалась наша свобода. Всё здесь зависит и от нас, и от Него; нам следует наперёд избирать доброе, а когда мы изберём, тогда и Он оказывает своё содействие.

Он не предупреждает нашего желания, чтобы не нарушилась наша свобода; когда же мы изберём, тогда Он подаёт нам великую помощь. Почему же, если это зависит и от нас, Павел говорит: «Итак *помилование*

зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» ([Рим. 9:16](#))? Во-первых, он приводит это не как собственную мысль, но как следствие из предыдущего и прежде раскрытого предмета – после того как сказал: «написано: ...кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею» ([Рим. 9:13, 15](#)), он прибавил – «*помилование* *зависит* не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего». Будешь ли еще после этого говорить: за что же обвинять? Во-вторых, и то можно сказать, что кому принадлежит большая часть, тому он и приписывает всё; наше дело предызбрать и восхотеть, а дело Божие – привести в исполнение и довершить. Так как большая часть принадлежит Богу, то (апостол) и приписывает все Ему, выражаясь по обычаю человеческому. И мы ведь так делаем, например, видим дом хорошо выстроенный и говорим: это все – дело архитектора, хотя не все принадлежит ему, но также и работникам, и господину, доставлявшему материал, и многим другим; но так как большая часть дела зависела от него то мы и говорим, что всё это – его дело. Точно, так и здесь. Подобным образом о народе, где его много, мы говорим: там все; а где немного, то говорим: нет никого. Так и Павел здесь говорит: «не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего». Этими словами он преподаёт два весьма важных урока: первый, чтобы не превозноситься добрыми делами, которые мы совершаем; второй, чтобы, совершая добрые дела, приписывать исполнение их Богу. Сколько бы, говорит, ты ни трудился, сколько бы ни старался, – не считай доброго дела своим, потому что если бы ты не получил помощи свыше, то все было бы напрасно. Если ты будешь иметь успех в своих трудах, то, очевидно, при помощи свыше, впрочем когда и сам ты трудишься, когда обнаруживаешь желание. Не то он оказал, будто мы трудимся напрасно, но то, что мы напрасно трудимся в таком случае, если всё считаем своим, если не приписываем большей части Богу. Бог благоволил не всё оставить Себе, чтобы не показалось, будто Он увенчивает нас напрасно, и не всё предоставил нам, чтобы мы не впали в гордость. Если и совершая меньшую часть, мы так много превозносимся, то что было бы, если бы мы были виновниками всего? Многое сделал Бог для истребления в нас гордости. «И рука Его еще будет простерта», – говорит (пророк) ([Ис. 5:25](#)). Скольким страстям Он попустил овладевать нами, чтобы уничтожить нашу надменность? Сколькими окружил нас зверями? Подлинно, когда кто-нибудь говорит: что это? для чего это? – тогда говорит вопреки воле Божий. (Бог) поставил тебя среди таких ужасов, и ты не смиренномудрствуешь; но если получишь в чем-нибудь хотя малый успех, тотчас возносишься надменностью до самого неба.

4. Оттого и бывают весьма быстрые перемены и падения, – и однако мы не вразумляемся ими; оттого частые и неожиданные смертные случаи, – и однако мы живем, как будто бессмертные, как будто никогда не имеющие умереть; похищаем чужое, предаемся любостыжанию, как будто никогда не будем отдавать отчета; сооружаем здания, как будто здесь останемся вечно. Ни слово Божие, каждодневно возглашаемое нам, ни самые события не вразумляют. Нет дня, нет даже часа, в который не видно было бы похорон, – и все напрасно, ничто не трогает нашей бесчувственности. От несчастий других мы не можем, или правильнее, не хотим делаться лучшими; лишь когда сами страдаем, тогда сокрушаемся, а как скоро Бог отнимет руку свою, мы опять поднимаем собственную руку. Никто не думает о горнем, никто не пренебрегает земным, никто не взирает на небо; как свиньи смотрят вниз, наклонившись к брюху и валяясь в грязи, так и многие из людей остаются нечувствительными, оскверняя себя гнуснейшей грязью. В самом деле, лучше замараться отвратительной грязью, нежели грехами, потому что замаравшийся грязью скоро может омыться и сделаться подобным тому, кто никогда не попадал в эту нечистоту, а впавший в ров греха получает осквернение, которое не смывается водою, но требует продолжительного времени, искреннего раскаяния, слез, рыданий, плача гораздо большего и сильнее, нежели какой бывает при (потере) самых близких сердцу. Грязь пристаёт к нам отвне, потому мы скоро и очищаем ее; а нечистота греха рождается внутри, потому мы с трудом уничтожаем её и очищаемся. «Ибо из сердца, – говорит (Господь), – исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства» ([Мф. 15:19](#)). Потому и пророк говорит: «сердце чистое сотвори во мне, Боже» ([Пс. 50:12](#)); и другой: «смой злое с сердца твоего, Иерусалим» ([Иер. 4:14](#)). Видишь, что совершение доброго дела зависит и от нас и от Бога? И еще: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» ([Мф. 5:8](#)).

Постараемся же быть чистыми по мере сил наших; очистим себя от грехов. А как можно очиститься? Этому научает пророк, когда говорит: «омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло» ([Ис. 1:16](#)). Что значит: «от очей Моих»? Иные кажутся непорочными, но только пред людьми, а пред Богом являются гробами, окрашенными. Потому (Бог) и говорит: очиститесь так, чтобы Я видел (вас чистыми). «Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю» ([Ис. 1:17–](#)

18). Видишь, что наперед нам самим нужно очищать себя, а потом уже и Бог очищает нас? Он сначала сказал: «омойтесь, очиститесь»; а потом присовокупил: «как волну убелю». Итак, никто из людей, хотя бы дошедших до крайней степени зла, не должен отчаиваться; хотя бы ты, говорит, приобрёл навык и даже вошёл в природу самого зла, не бойся. Для этого Он и берёт в пример краски, не легко выводимый, но входящие почти в самое существо вещей, и говорит, что Он обратит их в противоположное состояние. Не сказал просто: омою, но: «как снег убелю» и «как волну убелю», – чтобы подать нам благую надежду. Следовательно, велика сила покаяния, если оно делает нас чистыми, как снег, и белыми, как волна, хотя бы грех предварительно запятнал наши души. Итак, постараемся сделаться чистыми; (Бог) не заповедует нам ничего трудного: «защищайте, – говорит Он, – сироту, вступайтесь за вдову». Видишь ли, как часто и много Бог говорит о милостыне и о защищении обижаемых? Будем же совершать эти добрые дела, и мы благодатью Божией достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы во Христе Иисусе, Господе нашем.

Беседа 13

[Евр.7:11–14](#). Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, – ибо с ним сопряжен закон народа, – то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона. Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства.

1. «Итак, если бы, – говорит, – совершенство достигалось посредством левитского священства». Сказав о Мелхиседеке, показав, сколько он был выше Авраама, и объяснив великое между ними различие, теперь он начинает показывать различие самих заветов, как один из них несовершен, а другой совершен. Впрочем, и теперь еще не приступает к самому делу, а сначала рассуждает о священстве и завете, потому что для неверных было более убедительным предлагать доказательства от предметов уже принятых и прежде известных. Он доказал, что Мелхиседек был гораздо выше Левия и Авраама, явившись в отношении к ним священником. Это же он доказывает теперь с другой стороны. С какой именно? Со стороны священства нынешнего и иудейского. И посмотри на великую мудрость его: чем, по-видимому, Христос отделялся от священства, так как не был «по чину Аарона», то самое и приводит в доказательство Его священства, а прочих исключает. Он делает это, представляя себя самого как бы сомневающимся, почему (Христос) называется священником не по чину Ааронову, и потом разрешает недоумение. И я, говорит, недоумеваю, почему Он был не по чину Ааронову. Это он выражает словами: «если бы совершенство достигалось посредством левитского священства». А слова: «какая бы еще нужда была» усиливают мысль. Если бы Христос по плоти был священником по чину Мелхиседекову прежде, а потом уже явился закон и (священство) по чину Ааронову, то справедливо иной мог бы сказать, что последнее совершеннее и, будучи введено после, упраздняет первое; но если Христос (является) после и принимает другой образ священства, то очевидно, что по причине несовершенства всего прежнего. Положим, говорит, что всё прежнее исполнилось и нет ничего несовершенного в (прежнем) священстве: для чего же нужно было ещё «восставать иному священнику по чину

Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться»? Для чего (Бог), оставив Аарона, вводит другое священство – Мелхиседеково? «Если бы совершенство достиглось посредством левитского священства», т.е., если бы посредством левитского священства достигаемо было совершенство в делах, в учении, в жизни. Заметь, как постепенно он идет вперед. Сказав, что Христос «по чину Мелхиседека», он доказал, что священство по чину Мелхиседекову выше, потому что сам (Мелхиседек) выше; затем он доказывает то же в отношении времени, т.е., что (Христос) после Аарона, следовательно и выше.

А что означают следующие слова: «ибо с ним сопряжен закон народа»? Что значит: «с ним»? Им руководятся, через него совершают всё, и нельзя сказать, что оно было дано для других. «С ним сопряжен закон народа», т.е. им пользуются и пользовались, и нельзя сказать, что оно, само будучи совершенно, не руководило народа. «Сопряжен закон народа», т.е. им руководились. Какая же нужда в другом священстве, если бы это было совершенно? «Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона»: если нужно быть другому священнику, или лучше, другому священству, то нужно быть и другому закону. Это (сказано) против тех, которые говорят: какая была нужда в новом завете? Он мог бы привести свидетельства из пророчества: «Вы сыны пророков и завета, который завещевал Бог отцам вашим» ([Деян. 3:25](#)); но рассуждает пока о священстве. И смотри, как хотел внушить это. Сказав: «по чину Мелхиседека», он отверг чин Ааронов, так как не сказал бы: «по чину Мелхиседека», если бы тот был лучше. А когда введено другое священство, то должен быть и другой завет, потому что невозможно священнику быть без завета, законов и постановлений, или принявшему другое священство руководствоваться прежним заветом. Здесь представлялось возражение: как можно быть священником, не будучи левитом? Но (апостол), предуготовив ответ на это в вышесказанном, теперь уже не предлагает разрешения, а говорит об этом мимоходом: я сказал, говорит он, что священство переменено, следовательно должен быть переменён и завет; переменён не только по образу действий и постановлениям, но и по колену, так как следовало (переменить его) и по колену, Каким образом? «Переменою, – говорит, – священства», т.е., оно перешло из колена в колено, из священнического в царское, для того, чтобы и царское и священническое составили одно. И заметь таинство: сначала было колено царское, а потом священническое, подобно как и во Христе, который был царем всегда, а священником стал тогда, когда принял плоть, когда принес жертву. Видишь ли перемену? То, что было предметом возражения, он

представляет необходимым последствием событий: «Ибо Тот, – говорит, – о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства». Смысл слов его следующий: и я знаю и говорю, что это колено не имело священства, и никто из него не был священником, – это именно означают слова: «из которого никто не приступал к жертвеннику», – но во всём произошла перемена. Так, нужно было перемениться закону и ветхому завету, потому что и самое колено переменено. Видишь ли, как он показывает еще иное различие (заветов) от различия колен? И не только этим он доказывает их различие, но и со стороны лица (первосвященника), и завета, и образа действий, и самого прообраза. «Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей» ([Евр.7:16](#)).

2. «Который таков, – говорит, – не по закону заповеди плотской», потому что тот закон имел много плотского. И хорошо назвал его заповедью плотскою: все, что он определял, было плотское. Так, предписания: обрежь плоть, помажь плоть, омой плоть, очисти плоть, остриги плоть, свяжи плоть, питай плоть, отдыхай плотью, – все это, скажи мне, разве не плотские (заповеди)? Если хочешь знать, каковы и те блага, которые он обещал, послушай: долголетие, говорит, для плоти, молоко и мёд для плоти, покой для плоти, наслаждение для плоти. По такому-то закону Аарон получил священство; но Мелхиседек – не так. «И это еще яснее видно *из того*, что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной» ([Евр.7:15](#)). Что «яснее видно»? Неодинаковость того и другого священства, различие, преимущество того, кто был «не по закону заповеди плотской». Кто? Мелхиседек? Нет, – Христос. «Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» ([Евр.7:16–17](#)), т.е. не временный, не ограниченный пределом, «но по силе жизни непрестающей». Этим (апостол) выражает, что (Христос) стал священником собственною силою и Отчею, силою бесконечной жизни. Хотя такое выражение не соответствует выражению: «не по закону заповеди плотской», потому что следовало бы сказать: а по (заповеди) духовной; но он под именем плотской понимает временную, подобно как и в другом месте говорит: «которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами, *относящимися до плоти*, установлены были только до времени исправления» ([Евр. 9:10](#)). «По силе жизни», т.е. потому, что Он живёт собственною силою. Апостол сказал, что «необходимо быть перемене и закона», и показал – каким образом; а затем приводит

причину: ум человеческий более всего удовлетворяется тогда, когда знает причину, и чрез то возвышается в вере, потому что мы тогда более веруем, когда знаем и причину и основание, по которому что-нибудь бывает.

«Отменение же прежде бывшей заповеди, – говорит, – бывает по причине ее немощи и бесполезности» ([Евр.7:18](#)). Здесь восстают на нас еретики, которые говорят: вот и Павел назвал заповедь недоброю. Но послушай внимательно; он не сказал: потому что она не добра, или не хороша, но – «по причине ее немощи и бесполезности». И в другом месте он доказывает её немощь, когда говорит: «ослабленный плотию, был бессилен» ([Рим. 8:3](#)). Следовательно, не заповедь немощна, но мы. «Ибо закон ничего не довел до совершенства» ([Евр.7:19](#)). Что значит: «ничего не довел до совершенства»? Никого, говорит, он не довёл до совершенства, так как его не слушались. Даже если бы его и слушались, и тогда он не сделал бы никого совершенным и добродетельным. Впрочем (апостол) не говорит этого здесь, но (говорит), что он не имел силы, – и справедливо, потому что письма его повелевали: делай то-то, и не делай того-то, предлагали только (повеления), но не сообщали силы. Не такова наша надежда. Что значит: «отменение»? Отмена, отвержение. А чего именно, это он объясняет, продолжая: «прежде бывшей заповеди»: так он называет закон, потому что он уже отменён за свою немощь; он прежде был, но прошёл и устарел по своей немощи. «Отменение» есть отмена того, что имело силу. Отсюда и видно, что он имел силу, но оставлен, потому что был совсем безуспешен. Итак, закон был совершенно бесполезен? Нет, он был полезен, и весьма полезен, но он не мог делать людей совершенными.

Поэтому (апостол) и говорит: «закон ничего не довел до совершенства»: все в нём было прообразом, все – тенью, и обрезание, и жертвы, и суббота, всё не могло проникать в душу, а потому прошло и отменено. «Но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу. И как *sie* было не без клятвы» ([Евр.7:19, 20](#)). Видишь ли, как необходима была здесь клятва? Потому (апостол) и рассуждал много о том, что Бог клялся, и клялся для большего удостоверения. «Вводится лучшая надежда». Что это значит? И закон, говорит, имел упование, но не такое; прежде благоугодившие (Богу) надеялись наследовать землю и не терпеть никакого бедствия, мы же, если угодим Богу, надеемся наследовать не землю, а небо; или даже, что гораздо важнее, надеемся стать близ Бога, приблизиться к самому престолу Отчому, служить Ему вместе с ангелами. И смотри, как он мало-помалу раскрывает эти (истины); прежде, он сказал: «и входит во внутреннейшее за завесу» ([Евр. 6:19](#)); а здесь: «вводится лучшая надежда, посредством

которой мы приближаемся к Богу. И как *сие было* не без клятвы». Что значит: «И как *сие было* не без клятвы»? Т.е. не без клятвенного уверения. Вот еще иное различие. Это обещано, говорит, не просто. «Ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано: клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека, – то лучшего завета поручителем соделался Иисус. Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее» ([Евр. 7:21–24](#)). (Апостол) указывает два преимущества (новозаветного священства): то, что оно не имеет конца, подобно подзаконному, и то, что оно установлено с клятвою. Все это он доказывает лицом Христа, принявшего (это священство): «по силе, – говорит, – жизни непрестанной», также клятвою, потому что Бог «клялся», и самым делом, потому что тот закон, говорит, отменён, так как был немощен, а этот стоит, так как имеет силу. То же он делает и со стороны священника. Каким образом? Доказывая, что Он один; а Он не был бы один, если бы не был бессмертен; как прежних священников было много, потому что они были смертны, так Он один, потому что Он – бессмертен. «То лучшего завета поручителем соделался Иисус»: Бог клялся Ему, что Он всегда будет священником; а Бог не сделал бы этого, если бы Он не был жив. «Посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них» ([Евр. 7:25](#)).

3. Видишь ли, что (апостол) говорит это (о Христе) по плоти? Показав, что Он священник, благовременно потом говорит, что Он ходатайствует. И в другом месте, когда Павел говорит: «сам Дух ходатайствует за нас» ([Рим. 8:26](#); [1 Тим. 2:5](#)), то понимает, что Он ходатайствует как первосвященник. В самом деле, Тот, кто «воскрешает мертвых, кого хочет, и живет так, как Отец», как может ходатайствовать, когда нужно спасать? Как может ходатайствовать Тот, во власти которого находится весь суд ([Иоан. 3:19](#))? Как может ходатайствовать Тот, который посылает ангелов, чтобы одних ввергнуть в печь, а других спасти ([Мф. 8:8](#))? «Посему, – говорит, – может всегда спасать» ([Евр. 7:25](#)). Он спасает потому, что не умирает, потому, что Он «всегда жив» и не имеет преемника; а если не имеет преемника, то и может ходатайствовать за всех. Здешие первосвященники, как бы они ни были славны, были только на то время, пока были, например, Самуил и все подобные, а после того уже нет, потому что умерли; а Он не таков, но спасает «всегда». Что значит: «всегда»? (Апостол) внушает некоторое великое таинство: не только здесь, говорит, но и там Он спасает «приходящих чрез Него к Богу». Как спасает?

«Всегда жив, чтобы ходатайствовать за них». Видишь ли, сколько уничиженного он сказал (о Христе) по человеческой Его природе? Он не однажды, говорит, ходатайствовал и получил, но всегда, когда нужно ходатайствовать о них; это и означает выражение: «всегда». «Всегда», т.е. не в настоящее только время, но и там в будущей жизни. Следовательно, Ему нужно непрестанно молиться? Но справедливо ли это? Даже и люди праведные часто одним прошением получали всё: как же Он будет молиться непрестанно? И для чего Он сидит вместе с Отцом? Видишь ли, что здесь говорится о Нем уничиженное по Его снисхождению? Смысл слов следующий: не бойтесь ничего, не говорите: да, Он хотя и любит нас и имеет дерзновение перед Отцом, но не может жить всегда; Он всегда жив. «Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес» ([Евр. 7:26](#)). Видишь ли, что всё это сказано о человечестве (Христовом)? Когда же я говорю: о человечестве, то разумею человечество, соединенное с божеством, не разделяя их, но внушая понимать это по надлежащему.

Итак, видишь ли отличие первосвященника (от ветхозаветных)? Все вышесказанное (апостол) соединил в словах: «Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха» ([Евр. 4:15](#)). «Таков, – говорит, – и должен быть у нас Первосвященник: преподобный, незлобивый⁸». Что значит: «незлобивый»? Не причастный злу, не коварный. А что Он действительно таков, послушай пророка, который говорит: «не было лжи в устах Его» ([Ис. 53:9](#)). Может ли кто-нибудь сказать это о Боге? Кто не постыдится сказать, что Бог не коварен, не льстив? А о Христе по плоти это сказать можно. «Преподобный⁹», «нескверный¹⁰» и этого нельзя сказать о Боге, потому что Он по существу своему непорочен. «Отделенный от грешников». И это ли только одно доказывает Его превосходство? Не доказывает ли и самая жертва? Да, жертва. Каким образом? «Который не имеет, – говорит, – нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого» ([Евр. 7:27](#)). Что – это? Здесь (апостол) начинает говорить о превосходстве духовной жертвы. Он сказал о различии между священниками (ветхозаветным и новозаветным), сказал о различии между заветами (ветхим и новым), – хотя не вполне, однакоже сказал; здесь наконец начинает говорить и о самой жертве. Когда ты слышишь, что Христос есть священник, то не думай, что Он священнодействует постоянно; Он совершил священнодействие однажды,

и затем воссел (одесную Отца). Чтобы ты не думал, будто Он стоит горе и священнодействует, (апостол) показывает, что это было делом домостроительства. Как Он был рабом, так же и священником и священнослужителем; как, будучи рабом, Он не остался рабом, так, будучи и священнослужителем, Он не остался священнослужителем, – потому что священнослужителю свойственно не сидеть, а стоять. Здесь (апостол) выражает величие жертвы, которая одна, будучи принесена однажды, имела столько силы, сколько не имели все другие вместе.

Впрочем он еще не об этом говорит, а пока только о следующем: «совершил это однажды». Что – «это»? «Нужно было, – говорит, – чтобы и Сей также имел, что принести» ([Евр. 8:3](#)), не за Себя, – как Он, будучи безгрешен, мог приносить жертву за Себя? – а за людей. Что говоришь? Неужели Он не имеет нужды приносить за Себя и настолько силён? Да, говорит. Чтобы ты не подумал, будто в словах: «совершил это однажды» говорится и об Нём, послушай, что говорит (апостол) далее: «ибо закон поставляет первосвященниками человек, имеющих немощи» ([Евр. 7:28](#)). Поэтому они всегда приносят жертвы и за себя самих; а Он, как сильный и не имеющий греха, для чего будет приносить за Себя? Следовательно, Он принёс жертву не за Себя, но за людей, и при том однажды. «А слово клятвенное, после закона, *поставило* Сына, на веки совершенного». Что значит – «совершенного»? Смотри: Павел не поставляет буквально противоположных выражений; после слов: «имеющих немощи», он не сказал: Сына сильного, но: «совершенного», что также, можно сказать, означает сильного. Видишь ли, что слово: «Сына» сказано в противоположность «рабу»? Под немощью же он понимает или грех, или смерть. Что значит: «на веки»? Не теперь только безгрешного, говорит, но всегда. Если же Он совершен, если Он никогда не грешит, если Он верно живет, то для чего Ему и приносить жертвы за нас многократно? Впрочем этого (апостол) пока ещё не доказывает, а доказывает только то, что не принёс жертвы за Себя. Итак, если мы имеем такого первосвященника, то будем подражать Ему и идти по стопам Его. Нет другой жертвы; одна очистила нас; а затем огонь и геенна. Для того (апостол) так часто и повторяет: один священник одна жертва, – чтобы кто-нибудь, думая, что их много, не стал грешить без опасения.

4. Потому мы, сподобившиеся этой печати, вкусившие этой жертвы, участвующие в бессмертной трапезе, будем сохранять свое благородство и честь, так как отпадение не безопасно. И те, которые еще не удостоились этого, пусть не будут самонадеянны, так как кто грешит с тем, чтобы принять святое крещение при последнем издыхании, тот часто не

получает его. Поверьте мне: не для возбуждения в вас страха я скажу то, что намереваюсь сказать. Я знаю многих, с которыми это случилось, которые много грешили в ожидании просвещения (крещением); но в день кончины отошли, не приняв его. Бог дал крещение для того, чтобы разрушать грехи, а не для того, чтобы умножать грехи. Если же кто будет пользоваться им для того, чтобы свободнее предаваться большим грехам, то такой виновен в беспечности. Такой, если бы не было крещения, жил бы воздержнее, не ожидая отпущения (грехов). Видишь ли, как на нас исполняются слова: «И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро» ([Рим. 3:8](#))? Потому, увещаваю вас, которые ещё не приняли таинства: бодрствуйте; пусть не приступает никто из вас к добродетели, как наёмник, как неблагодарный, как к чему-либо тяжкому и невыносимому; напротив будем приступать к ней с усердием и радостью. Если бы не была обещана награда, то неужели не следовало бы быть добродетельным? Но будем добродетельными по крайней мере из-за награды. Не стыдно ли, не крайне ли бессовестно говорить: если не дашь мне награды, то я и не буду целомудренным? Могу сказать на это вот что: хотя бы ты и сохранял целомудрие, ты никогда не будешь целомудренным, если делаешь это из-за награды; ты ведь несколько не ценишь добродетели, если не любишь её за неё саму. Впрочем, Бог, по великой нашей немощи, благоволит побуждать нас к ней по крайней мере наградою; но мы и при этом не делаемся добродетельными. Положим, если хотите, что какой-нибудь человек, совершивший множество грехов, отходит, сподобившись крещения, хотя это, я думаю, бывает не часто: как, скажи мне, он отойдёт туда? Он не будет осужден за дела свои, но не будет иметь и дерзновения, – и справедливо. В самом деле, если он, проживши сто лет, не сделает ни одного доброго дела, но только то, что не грешил, или даже и не это, но только то, что спасся одною благодатью, а других увидит увенчанными, прославленными и превознесенными, то, скажи мне, может ли он не унывать, хотя и не впадёт в геенну? Объясню это примером.

Представим двух воинов; пусть один из них ворует, обижает, захватывает чужое; а другой пусть не делает ничего такого, но ведёт себя хорошо, оказывает много доблестей, на войне одерживает победы, обагрят руку свою кровью; после, с течением времени, пусть он из того звания, в каком был вместе с вором, будет возведён на царский престол и облечётся в порфиру, а вор пусть останется там же, где и был, но только по милости царской будет свободен от наказания за свои проступки, поставлен на последнем месте и подчинён власти царя: не будет ли этот последний, скажи мне, чувствовать скорби, видя, что тот, который был равен ему,

достиг самой высоты почестей, прославился и управляет вселенной, а он остаётся в низком состоянии, и самое избавление от наказания получил не с честью, но по одной милости и человеколюбию царя? Царь простил его и освободил от осуждения, но он сам со стыдом будет вести жизнь. И другие не будут удивляться ему, потому что, при таких милостях, мы удивляемся не получившим дары, но подающим их, и чем выше эти дары, тем стыднее получающим их, если они были виновны в великих грехах. Какими глазами будет он смотреть на тех, которые находятся в царских чертогах, показывают множество своих ран и подвигов, тогда как он сам не имеет показать ничего, но и самое избавление получил единственно по человеколюбию Божию? Как если бы какой-нибудь человекоубийца, вор, или прелюбодей, вedomый на казнь, был освобождён от неё по чьей-нибудь просьбе и получил приказание явиться в преддверие царских чертогов, то он не в состоянии был бы смотреть ни на кого, хотя и освобождён от наказания, – так точно и он.

5. Впрочем, когда говорится о царствии, не подумайте, что все удостоятся одного и того же. Если здесь в царских чертогах бывают и епархи, и приближенные царя, и еще низшие сановники, и занимающие место так называемых десятских (δεκανών), хотя великое различие между епархом и десятским, то тем более будет так в горних царских обителях. Говорю это не от себя; но Павел полагает там еще большее различие. Какое различие, говорит он, солнца от луны и звёзд и малейшей из звёзд, такое же будет и в царствии небесном; и для всякого очевидно, что различие между солнцем и малейшею звездою гораздо большее, нежели между так называемым десятским и епархом. Солнце вдруг освещает всю вселенную и делает её светлою, закрывает луну и звёзды; а звезда часто бывает невидима, даже и во мрак; есть много звёзд, которых мы не видим. Итак, когда мы увидим других, сделавшихся солнцами, а сами займём место малейших звёзд, которые даже невидимы, то какое нам будет утешение? Нет, увещаю вас, не будем так беспечны, не будем так ленивы, не станем небрежно принимать подаваемое от Бога спасение, но будем делать из него куплю и умножать его. Хотя бы иной был только оглашенным, но он знает Христа, знает веру, слушает слово Божие, не далек от боговедения, понимает волю Владыки своего; почему же он медлит, для чего выжидает и откладывает?

Нет ничего лучше добродетельной жизни, и здесь и там, и у просвещенных и у оглашенных. И что, скажи мне, нам предписано трудного? Имей жену, говорит заповедь, и будь воздержан. Неужели, скажи мне, это трудно? И как (может быть это трудным), когда многие и без

жены бывают воздержными, не только христиане, но и язычники? Что язычник совершает из тщеславия, того неужели ты не совершишь из страха Божия? «Из имения твоего, – говорит (Писание), – подавай милостыню» ([Тов. 4:7](#)). Неужели это трудно? Но и здесь осудят нас язычники, расточавшие всё своё имение из одного тщеславия. Не сквернословь. Неужели это трудно? Но если бы и не было повелено, не следовало, ли бы нам самим сделать это, чтобы не показаться бесчестными? Напротив, сквернословие трудно, как видно из того, что человек стыдится в душе и краснеет, когда случится ему сказать что-нибудь подобное, и даже не решится сказать, если не будет в пьяном виде. Почему, сидя на торжище, ты не делаешь этого, хотя бы и делал у себя дома? Не ради ли присутствующих? Почему не вдруг сделаешь это и при жене своей? Не потому ли, чтобы не оскорбить её? Так, чтобы не оскорбить жены своей, ты не делаешь этого; оскорбляя же Бога, не стыдишься? А Он вездесущ и слышит всё. «И не упивайтесь вином», – сказано ([Еф. 5:18](#)), – и хорошо (сказано), потому что само по себе пьянство разве не наказание? Не сказал: изнуряй тело, но что? «Не упивайтесь», т.е. не давай ему воли так, чтобы оно свергло с себя власть души. Как, неужели не нужно заботиться о теле? Нет, не это говорю я, но – не угождай его похотям. Так и Павел повелевает, когда говорит: «и попечения о плоти не превращайте в похоти» ([Рим. 13:14](#)). Не похищай чужого, сказано, не будь любостяжателен, не клянись. Каких трудов требует и это, каких подвигов? Не злословь, сказано, не клевети. Трудно ли это? А противное действительно трудно, потому что, когда ты скажешь о ком что-нибудь худое, то тотчас подвергаешься опасности и сомнению: не слышал ли тот, о котором ты сказал, хотя бы он был человек важный, хотя бы неважный; если он человек важный, то ты тотчас на самом деле испытываешь опасность; а если неважный, то он отплатит тебе тем же, и даже гораздо большим; он наскжет о тебе еще более худого. Нет, – ничего трудного, ничего тяжкого нам не заповедано, если только мы захотим; а если не захотим, то и самое легкое покажется нам трудным. Что легче еды? Но многие, по крайней изнеженности, тяготеют и этим. Я слышу, как многие говорят, что и еда составляет труд. Нет никакого труда во всём вышесказанном, если только захочешь; в желании заключается всё, после высшей благодати. Будем же желать доброго, чтобы нам сподобиться и вечных благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 14

[Евр.8:1–2](#). Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах и *есть* священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек.

1. Павел, всегда подражая своему Учителю, говорит то об уничиженном, то о высоком, так что уничиженное пролагает путь к высокому, а последнее руководит к первому, чтобы видящие высокое знали, что уничиженное было делом снисхождения (Христово). Так Он поступает и здесь. Сказав, что «принеся в жертву Себя» и показав, что Он есть первосвященник, (Апостол) продолжает: «Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах». Это уже свойственно не священнику, но Тому, чей Он священник. «Священнодействователь святилища». Не просто служитель, но «священнодействователь святилища». «И скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек». Видишь ли снисхождение (Христово)? Не задолго, пред этим (Апостол) отличал (Его от других), когда говорил: «не все ли они суть служебные духи»? и потому им не оказано: «седи одесную Меня» ([Евр. 1:13, 14](#)). Говорит так потому, что сидящий, без сомнения, не есть служитель; следовательно (здесь называя Его служителем) говорит это об Нём по плоти. «Скинией истинной» Он называет здесь небо, и, желая показать отличие её от иудейской, присовокупляет: «которую воздвиг Господь, а не человек». Смотри, как он этими словами ободрил души уверовавших из иудеев. Может быть, они воображали, что у нас нет такой скинии; но вот, говорит Он, наш священник – великий и гораздо больший (ветхозаветного), принесший более чудную жертву. Но не одни ли это слова, не хвастовство ли и самообольщение? Для этого он наперед подтвердил (свои слова) клятвою, а потом стал говорить и о скинии. Различие скиний было очевидно уже из предыдущего, но он доказывает его ещё с другой стороны: «которую воздвиг Господь, – говорит, – а не человек». Где те, которые говорят, что небо движется? Где те, которые утверждают, что оно шаровидно? То и другое здесь опровергается. «Главное же в том, – говорит, – о чем говорим». Главным всегда называется самое важное. Здесь Он опять низводит речь свою: сказав о высоком, без опасения говорит теперь об уничиженном.

Далее, чтобы ты знал, что слово – «священнодействователь» употреблено по отношению к человечеству (Христову), смотри, как он ещё объясняет это: «всякий первосвященник, – говорит, – поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести» ([Евр. 8:3](#)). Слыша, что (Христос) сидит, не подумай, что Он несправедливо назван первосвященником; первое, т.е. сидение, есть знак божеского достоинства, а последнее есть знак великого человеколюбия и попечения об нас. Потому о последнем (Апостол) распространяется и говорит более подробно, опасаясь, чтобы не уменьшить первого. Поэтому же к тому самому он склоняет речь свою и теперь, так как некоторые спрашивали: для чего (Христос) умер, будучи священником? Священник не бывает без жертвоприношения; следовательно и Ему надлежало принести жертву. И с другой стороны, так как Он сказал, что (Христос) находится «выше (небес)», то теперь говорит и доказывает, что Он есть священник во всех отношениях, и по Мельхиседеку, и по клятве, и по принесению жертвы. Отсюда он составляет другое необходимое умозаключение: «если бы Он оставался на земле, – говорит, – то не был бы и священником, потому что здесь такие священники, которые по закону приносят дары» ([Евр. 8:4](#)). Если, говорит, Он – священник, как и действительно, то Ему следовало быть в другом месте; будучи на земле, Он не был бы священником. Почему? Он не приносил жертв, не священнодействовал, – и справедливо, – потому что здесь были священники. (Апостол) доказывает, что (Христу) невозможно быть священником на земле. Почему? Потому что иначе, говорит, не было бы и воскресения.

Здесь необходимо сосредоточить внимание и вникнуть в мысль апостола. Он опять показывает различие священства (ветхозаветного и Христова). «Которые, – говорит, – служат образу и тени небесного» ([Евр. 8:5](#)); Что называет он здесь небесным? Духовное; оно хотя совершается на земле, но достойно небес. Когда Господь наш Иисус Христос предлежит закланным (агнцем), когда нисходит Дух, когда сидящий одесную Отца присутствует здесь, когда (верующие) посредством купели делаются сынами и гражданами небесными, когда мы находим там свое отечество, град и гражданство, когда для здешнего становимся чуждыми, то всё это не есть ли небесное?

2. Что же? Разве песнопения не небесные? Разве не то, что поют горе божественные лики бесплотных сил, согласно с ними воспеваем и мы здесь долу? Разве и жертвенник не небесный? Каким образом? Нет на нём ничего плотского; всё предлежащее духовно: не превращается в пепел,

дым и смрад наша жертва, но делает всё предлежащее чистым и светлым. Разве не небесны эти священнодействия, которых служители ещё доньше слышат сказанные им слова: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» ([Иоан. 20:23](#))? Разве не небесны все (их священнодействия), когда они имеют и ключи неба? «Которые, – говорит, – служат образу и тени небесного, как сказано было Моисею, когда он приступал к совершению скинии: смотри, сказано, сделай все по образу, показанному тебе на горе» ([Евр. 8:5](#)). Так как слух наш менее способен к восприятию, нежели зрение, – мы ведь не так хорошо передаём душе то, что слышим, как то, что видим собственными глазами, – то Бог показал всё (Моисею). Или об этом говорит (Апостол) в словах: «образу и тени», или понимает храм, потому что прибавляет: «смотри, сказано, сделай все по образу, показанному тебе на горе», – а это говорится только об устройстве храма, – или понимает и жертвы, и всё прочее; не погрешит тот, кто скажет и это (последнее), потому что Церковь небесна и есть не что иное, как небо. «Но Сей Первосвященник получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета» ([Евр.8:6](#)). Видишь ли, насколько настоящее служение лучше того служения? То – образ и тень, а это – истина. Впрочем, это нисколько не доставляло слушателям ни пользы, ни утешения. Потому (Апостол) и присовокупляет то, что особенно могло доставить им радость: «который утверждён, – говорит, – на лучших обетованиях».

Сказав о месте, о священнике и жертве, теперь он излагает различие самих заветов. И прежде он доказывал, что ветхий завет был немощен и бесполезен, и, чтобы показать его недостатки, смотри, какие употребляет доводы. В одном месте он сказал (о новом завете): «по силе жизни непрестанной»; в другом (о ветхом) сказал: «отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности»; затем ещё (о новом) выразил нечто великое, когда сказал: «но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу». Здесь же он возводит нас на небо и показывает, что вместо храма у нас небо, и что те священнодействия были прообразами наших, и таким образом возвысив служение, он, наконец, справедливо возвышает и священство. Но, как я сказал, особенно радостное для слушателей он излагает в словах: «который утверждён на лучших обетованиях». Откуда это видно? Из того, что тот (ветхий) отменён, а на его место введен этот (новый), который потому и получил силу, что он лучше. Как выше (Апостол) говорил: «если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, – ибо с ним сопряжен закон народа, – то какая бы ещё нужда была восставить

иному священнику по чину Мелхиседека»? так и здесь он употребляет такое же умозаключение: «ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому» ([Евр.8:7](#)), т.е. если бы не имел никакого недостатка, если бы делал людей непорочными. А что именно это он говорит, послушай следующее: «укоряя их, говорит»; не сказал: «укоряя» его (т.е. закон), но: «пророк, укоряя их, говорит: вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь» ([Евр. 8:8–9](#)). Так, скажешь; но откуда видно, что (ветхий завет) окончился? (Апостол) доказал это и со стороны священника; а теперь прямыми словами ещё яснее доказывает, что он отменён. Каким образом? «На лучших, – говорит, – обетованиях». Может ли, скажи мне, быть равенство между небом и землею? Заметь, как он и там не отвергает обетований, чтобы и в этом отношении не унижать ветхого завета. Прежде он сказал: «вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу», выражая, что и там было упование; и здесь говорит: «вводится лучшая надежда», выражая, что и там были обетования. Но так как (евреи) постоянно роптали, то – «вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет»; не древний, говорит, какой-нибудь завет; а чтобы они не могли подумать этого, то определяет и время: не просто говорит: «по завету, какой Я заключил с отцами их», – чтобы не подумали о бывшем при Аврааме или при Ное, – но определяет, какой именно завет: «не такой завет, – говорит, – какой Я заключил с отцами их в то время», жившим во время исхода; потому и присовокупляет: «когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь».

3. Видишь ли, что начало зла от нас? «Они», – говорит, вначале «не пребыли»; следовательно, нерадение от нас, а всё доброе, т.е. все благодеяния – от Бога. Здесь (Бог) как бы представляет оправдание, приводя и самую причину, почему Он оставил их. «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом» ([Евр. 8:10](#)). Это говорит он о новом завете, после того как сказал: «не такой завет, какой Я заключил». И какое другое различие между ними, если не это? Если же кто-нибудь скажет, что этим выражается не отличие (нового завета), а то, что он дан в сердца их, что

здесь показывается различие не заповедей, а способов их сообщения, – завет будет, говорит, уже не на письме, а на сердцах, – тот пусть докажет, что это когда-нибудь было у иудеев. Нельзя доказать этого: и по возвращении их из Вавилона завет дан был им опять письменный. Апостолы же, как я могу доказать, ничего не приняли на письме, но всё приняли в сердца Духом Святым. Потому Христос и сказал им: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» ([Иоан. 15:26](#)).

«И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более» ([Евр. 8:11–12](#)). Вот и другой признак: «от малого, – говорит, – до большого, будут знать Меня», и не будут говорить: «познай Господа». Когда же это сбылось, если не ныне? Наше (учение) известно, а их не известно, но заключено в углу. С другой стороны, вещь называется новою тогда, когда она вторая (после первой) и содержит в себе что-нибудь более в сравнении со старою. Также новою называется и та вещь, от которой что-нибудь одно отделено, а другое нет. Например: если бы кто-нибудь в старом доме, готовом разрушиться, оставив всё, разобрал основание, то мы говорим, что он сделал его новым, вынув одно и вставив другое. Так и небо называется новым тогда, когда оно не остаётся медяным, но ниспосылает дождь; и земля называется новою, когда она не остаётся бесплодною, но изменяется (в плодоносную); и дом называется новым, когда в нём одно уничтожается, а другое остается. Таким образом, и завет хорошо назван новым, в знак того, что прежний завет сделался ветхим, потому что не приносил никакого плода. А чтобы точнее узнать это, прочитай, что говорит Аггей, что – Захария, что – ангел (Малахия), в чём обличает (иудеев) Ездра. Каким же образом они приняли (завет новый)? Каким образом никто из них не вопрошал Господа, если они преступали завет и даже не знали его? Видишь ли, как твое (мнение) неосновательно? Я настаиваю на моём, – что именно он (наш завет) должен быть в собственном смысле назван новым. Иначе, я не допускаю и того, будто о нём сказаны слова: «Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» ([Ис. 65:17](#)). В самом деле, почему, когда во Второзаконии говорится: «И небеса твои, которые над головою твою, сделаются медью», не делается ограничения: если послушаете, то будет новое ([Втор.28:23](#))? Я, говорит (Бог), потому дам другой завет, что они не остались в прежнем. Это видно из следующих слов (апостола): «...закон, ослабленный плотию, был

бессилен» ([Рим. 8:3](#)); и ещё: «что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на вши учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы» ([Деян. 15:10](#))? «Они не пребыли, – говорит, – в том завете Моем». Здесь показывается, что Бог удостоил нас высшего и духовного. «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их» ([Пс. 18:5](#)). Это значит: «И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа». И ещё: «Ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море» ([Аввак. 2:14](#)).

«Говоря «новый», показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» ([Евр. 8:13](#)). Смотри, как он раскрыл сокровенное, самую мысль пророка. Он почтил закон, не назвав его прямо ветхим; однако и выразил это, потому что, если бы тот (завет) был новым, то он не назвал бы новым установленного после него. Таким образом он выражает нечто большее и особенное, когда говорит, что тот обветшал; потому Он и отменяется, разрушается и уже не существует. Основываясь на (словах) пророка, он с большим дерзновением говорит (о ветхом завете) и с пользой показывает, что наш (завет) теперь процветает, а тот устарел. Употребив название: «ветшающее» он прибавляет от себя ещё другое: «стареющее» и потом выводит из всего следующее заключение: «близко к уничтожению». Следовательно, ветхий завет не просто заменён новым, но как устаревший, как бесполезный. Потому (Апостол) и говорил: «по причине ее немощи и бесполезности»; и ещё: «закон ничего не довел до совершенства»; и ещё: «если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому». Что значить: «без недостатка»? Полезен, силен. Он говорит это не с тем, чтобы представить (ветхий завет) достойным осуждения, но чтобы собственно показать его недостаточность; как если бы кто-нибудь сказал: этот дом не без порока, т.е. имеет недостатки, ветх; или: эта одежда не без порока, т.е. скоро рвётся. Так и он не называет здесь (ветхого завета) худым, но только имеющим недостатки и несовершенства.

4. Так и мы новы, или лучше, были новыми, но теперь обветшали, и потому близки к истлению и гибели. Впрочем, если мы захотим, то можем уничтожить эту обветшалость. Невозможно сделать этого купелью (крещения), но покаянием здесь возможно. Итак, если есть в нас что-либо ветхое, уничтожим; если есть какая-нибудь ржавчина, какая-нибудь скверна или нечистота, изгладим и будем чистыми, чтобы Царь возжелал нашей красоты. И дошедшие до крайнего безобразия могут возвратить ту красоту, о которой говорит Давид: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты

твоей» ([Пс. 44:11, 12](#)). Забвение не доставляет красоты, красоты душевной. О каком же говорит он забвении? (Забвении) грехов. Он обращает речь к церкви из язычников и увещевает её не вспоминать родителей, т.е. приносящих жертвы идолам, – а она образовалась именно из таких людей. Не сказал: не участвуй в этом, но даже, что гораздо более, не приводи себе и на память. То же он говорит и в другом месте: «не вспомню имен их устами моими» ([Пс. 15:4](#)); и ещё: «Чтобы уста мои не говорили о делах человеческих» ([Пс. 16:4](#)). Это ещё не великая добродетель; или лучше сказать, хотя и великая, но не такова, как та. Что же он говорит там? Не сказал: «не говори» о делах отцев, но: даже «не вспоминай», не приводи их себе на память. Видишь ли, как далеко он хочет отогнать от нас зло? Кто не вспоминает, тот и не думает; кто не думает, тот и не говорит; а кто не говорит, тот не будет и делать. Видишь ли, сколько путей (ко злу) он заграждает для нас, – на какое расстояние удаляет нас от самого большого (из зол)?

Будем же внимать ему и мы, и забудем злодеяния наши, впрочем не грехи, совершенные нами: вспомяни о них, говорит (Господь), ты первый, и Я не вспомяну. Так, мы не только должны вспоминать о хищении, но и возвратить похищенное; это значит – приводить зло в забвение, истребить самый помысел о хищении и никогда не допускать его к себе, а то, что уже сделано, исправить. А каким образом мы можем достигнуть забвения зла? Памятованием о благодеяниях Божиих. Если мы будем непрестанно помнить о Боге, то уже не сможем помнить о зле: «аще, – говорит (Псалмопевец), – когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в *ночные стражи*» ([Пс. 62:7](#)). Хотя и всегда нужно помнить о Боге, но особенно тогда, когда ум находится в покое, когда через это памятование он может судить себя, когда он может удержать в памяти. Днём, если мы и будем вспоминать, привходящие другие заботы и беспокойства изгладят это (вспоминание); а ночью, можно помнить постоянно: тогда душа находится в мире и спокойствии тогда она в пристани и безопасности: «о чем говорите, – говорит (Псалмопевец), – в сердцах своих, (о том) размышляйте... на ложах ваших» ([Пс. 4:5](#)). Следовало бы и днём помнить об этом; но так как вы находитесь в беспрестанных заботах и развлекаетесь житейскими делами, то вспоминайте о Боге по крайней мере на постели, – размышляйте о Нём в утреннее время. Если мы будем заниматься этим поутру, то без всякой опасности будем выходить на дела свои; если благоговением и молитвою наперед умилостивим Бога, то и после не встретим никакого врага, а если и встретишь, то посмеёшься ему, имея в защиту Бога. Торжище – это война; ежедневные дела – это

сражение, волнение и буря. Потому нам нужно оружие; а молитва и есть великое оружие; нужны попутные ветры, нужно быть сведущим во всём, чтобы провести время дня без кораблекрушений и ран, так как много подводных камней встречается ежедневно, и часто наш корабль разбивается и тонет.

Потому нам нужно молиться, особенно утром и ночью. Многие из вас часто видали олимпийские игры, и не только видали, но ещё поощряли и одобряли ратоборцев, один того, другой – другого. Вы, следовательно, знаете, как во дни борьбы, и даже в самые ночи, глашатай всю ночь ни о чём другом не беспокоится и ни о чём другом не заботится, как только о том, чтобы ратоборец, вышедши, не посрамил себя; а те, которые сидят подле трубача, внушают ему, чтобы он даже ни с кем не разговаривал, чтобы, истощив дух, не возбудить смеха. Если же тот, кто намеревается ратоборствовать перед людьми, так много прилагает старания, то гораздо более следует постоянно стараться и заботиться нам, которых вся жизнь есть борьба. Итак, пусть будет у нас каждая ночь всенощным бдением; будем стараться, чтобы нам, вышедши днём, не подвергнуться осмеянию. И, о, если бы только осмеянию! Но ныне сидит одесную Отца сам подвигоположник, внимательно слушающий, не скажем ли мы чего-нибудь непристойного, или ненужного, – так как Он судья не только дел, но и слов. Будем же, возлюбленные, бодрствовать всю ночь; если мы захотим, то и у нас будут целители, – при каждом из нас находится ангел. Между тем мы спим непробудно всю ночь, – и, о, если бы только это! Но многие делают даже и тогда много непотребного; одни ходят в дома разврата, а другие превращают свои собственные в дома разврата, приводя к себе блудниц; так мало они заботятся о добром ратоборстве! Иные упиваются и сквернословят; иные производят шум; иные проводят всю ночь в делах порочных, совершая более зла, нежели спящие; иные высчитывают свои доходы; иные мучатся другими заботами, охотнее делая всё, нежели то, что нужно для ратоборства. Потому, увещаваю вас, оставим всё и будем заботиться только об одном, как бы нам получить награду и быть увенчанными; будем делать всё, чем можем получить обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 15

[Евр.9:1–5](#). И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное: ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется «святое». За второю же завесою была скиния, называемая «Святое святых», имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, а над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно.

1. Доказав со стороны священника, священства и завета, что (ветхий завет) должен был окончиться, (апостол) теперь доказывает то же со стороны самого устройства скинии. Каким образом? Когда говорит о святом и святом святых. Святое есть образ прежнего времени, потому что там все совершилось с жертвоприношениями; а святое святых есть образ настоящего. Словом – святое святых (апостол) означает и небо, и завесу неба, и плоть (Христову), входящую внутрь завесы: «открыл нам, – говорит, – через завесу, то есть плоть Свою» ([Евр. 10:20](#)). Впрочем нужно объяснить это место с самого начала. Что же он говорит? Кто «первый»? Завет. «Имел постановление о Богослужении». Что значит: «постановление о Богослужении»? Знаки или постановления; как бы так говорит: тогда он имел их, а теперь не имеет, – и этим уже выражает, что (ветхий завет) отменён: «имел», говорит, так что теперь он, хотя бы и оставался, уже не имеет (силы). «Святое же людское» («Святилище земное»). «Людским» называет его потому, что всем дозволялось входить в него; в одном и том же здании назначено было место, где стояли священники, где иудеи, прозелиты, назореи. Так как оно было доступно и язычникам, то и называет его людским (κοσμικόν, мирским); иудеи же не были мирскими. «Скиния первая, – говорит, – в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов». Это – мирские знаки. «За второю же завесою, – следовательно, не одна была завеса, но была завеса и вне (святаго), – была скиния, называемая Святое святых». Смотри, как он называет то и другое скинией, потому что она как бы шатром осеняла находившееся там. «Имевшая золотую кадильницу, – говорит, – и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета». Все эти вещи были священны и служили ясными памятниками иудейской

неблагодарности.

«И скрижали завета, – Моисей разбил их, – и манну»: когда (иудеи) роптали, тогда (Моисей) и повелел, на память потомкам, положить её в золотую стамну. «Жезл Ааронов расцветший», – потому что они возмутились; иудеи были неблагодарны, непрерывно получая благодеяния, забывали их, потому, по повелению законодателя, всё это было положено в золотой ковчег, чтобы передать памяти потомков. «А над ним херувимы славы, осеняющие очистилище». Что значит: «херувимы славы»? Значит – или славные, или подчиненные Богу. Хорошо также он указывает, что они находились выше, выражая, что есть предметы выше тех вещей. «О чем, – говорит, – не нужно теперь говорить подробно». Здесь он намекает, что всё это были не одни только видимые вещи, но и знаки чего-то другого. «О чем, – говорит, – не нужно теперь говорить подробно» – может быть, потому, что это требует продолжительного объяснения.

«При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение» ([Евр. 9:6](#)). Т.е., хотя это и было, но иудеи не участвовали в этом, потому что не видели этого; следовательно, было не столько для них, сколько для тех, для кого служило прообразом. «А во вторую – однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа» ([Евр. 9:7](#)). Видишь ли самые прообразы, здесь уже предложенные? Чтобы не сказали: как может быть одна жертва, как первосвященник (Христос) однажды принес её? – (апостол) показывает, что так было издревле: святейшая и страшная (жертва) была одна. Так-то (иудеи) были приготавливаемы издревле: и тогда, говорит, архиерей приносил жертву однажды. Хорошо также сказано: «не без крови»; не без крови, хотя и не такой крови (как ныне), потому что и служение было не таково. Это означало, что настанет (жертва), которая не будет истребляться огнём, но более обнаруживаться кровью. Так как под жертвою (апостол) понимает крест, при котором не было ни огня, ни дров, и который не был приносим много раз, но однажды принесён (обагрённый) кровью, то показывает, что и ветхозаветная жертва была такова же и приносилась однажды с кровью. «Которую приносит, – говорит, – за себя и за грехи неведения народа». Смотри, не сказал: о грехах, но: «грехи неведения народа», чтобы они не высокоумствовались: хотя бы, говорит, ты согрешил невольно, но и при нежелании своём ты допустил неведение, и потому никто не может быть чистым. Везде он прибавляет: «за себя», выражая, что Христос – первосвященник, гораздо высший иудейского. Действительно, если Он был непричастен грехам

нашим, то как Он мог принести жертву за Себя? Для чего же, спросишь, (апостол) и сказал это? Для указания на высшее. Доселе не было рассуждения; а далее он рассуждает и говорит: «Сим Дух Святы́й показывает, что еще не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния» ([Евр. 9:8](#)). Для того, говорит, это было так устроено, чтобы мы знали, что святое святых, т.е. небо, ещё недоступно. Впрочем, на том основании, что мы не входим в него, мы не должны думать, будто его нет; мы не могли входить и во святое святых. «Она есть, – говорит, – образ настоящего времени» ([Евр. 9:9](#)).

2. Какое время он называет наступающим? Время прежде пришествия Христова; а время после пришествия Христова уже не есть наступающее. Как в самом деле оно может быть наступающим, когда оно уже наступило и оканчивается? И еще нечто другое он выражает здесь: «она есть, – говорит, – образ настоящего времени», т.е. было прообразом. «В которое приносятся дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего» ([Евр. 9:9](#)). Видишь ли, как ясно он показал здесь, что значит: «закон ничего не довел до совершенства», и: «если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому» Как? «По совести» («в совести»). Жертвы не очищали души, но касались только тела: они были по «закону заповеди плотской». Подлинно, они не могли очистить ни прелюбодеяния, ни убийства, ни святотатства. Вот (заповедано было): это ешь, а этого не ешь, – хотя все это безразлично. «И которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами». Это, говорит, пей; хотя о питии ничего не было заповедано, но (апостол) сказал так для выражения маловажности этих предметов: «и различными омовениями и обрядами, *относящимися* до плоти, установлены были только до времени исправления» ([Евр. 9:10](#)). Вот в чём состоит оправдание плотское. Здесь он отвергает жертвоприношения, показывая, что они не имели никакой силы и что они существовали только «до времени исправления», т.е. оставались до времени, которое исправляет всё.

«Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною» ([Евр. 9:11](#)). Здесь он разумеет плоть (Христову). И хорошо назвал её большею и совершеннейшею, так как Бог-Слово и вся сила Духа обитает в ней: «Ибо не мерою дает Бог Духа» ([Иоан. 3:34](#)); называет её «совершеннейшею», как безукоризненную и совершившую большие дела. «Сиречь, не сея твари» («Не такового устройства»). Вот почему она большая; она не была бы от Духа, если бы человек устроил её. «Не сея твари», т.е. не такого устройства, как твари, но духовного: она устроена Духом Святым. Видишь

ли, как он называет тело (Христово) и скинию, и завесу, и небом? «Большую и совершеннейшую, – говорит, – скинию», и далее: «открыл нам через завесу, то есть плоть Свою» ([Евр. 10:20](#)); и ещё: «входит во внутреннейшее за завесу» ([Евр. 6:19](#)); и ещё: «Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного *устроенное*, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие» ([Евр. 9:24](#)). Для чего же он делает это? Чтобы научить нас, что в том и другом прообраз – одно и то же значение. Именно: небо есть завеса, потому что завеса так же отделяет святое, как и плоть скрывает божество; равно и плоть, заключающая божество, есть скиния; и небо есть также скиния, потому что там внутри пребывает священник. «Христос вошел, – говорит, – как первосвященник»; не сказал: сделавшись, но: «вошел», т.е. пришедши на это самое дело и не преемствовав какому-нибудь другому, не так, чтобы наперед пришёл, а потом сделался (первосвященником), но был им вместе с тем, как пришёл. Также не сказал: «пришёл священник» жертвоприношений, но: «грядущих благ», так как невозможно изобразить всё словом. «И не с кровью козлов и тельцов» ([Евр. 9:12](#)), – потому что всё изменилось. «Но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление»: вот здесь он понимает небо. «Однажды, – говорит, – вошел во святилище и приобрел вечное искупление». Слово: «приобрел» выражает, что это дело – одно из весьма дивных и неожиданных, как Он одним входом приобрёл вечное спасение.

Далее следует доказательство: «Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!» ([Евр. 9:13–14](#)). Если, говорит, кровь волов может очищать плоть, то гораздо более кровь Христова может омыть нечистоту души. Чтобы под словом – «освящает» ты не разумел здесь чего-нибудь важного, он объясняет и показывает различие того и другого очищения, как последнее высоко, а первое низко, – и справедливо, – потому что там была кровь волов, а здесь (кровь) Христова. Впрочем, он не удовольствовался именем (Христа), но излагает и способ принесения Им жертвы: «Ибо если, – говорит, – Духом Святым принес Себя непорочного Богу», т.е., эта непорочная жертва была чиста от грехов. А выражение: «Духом Святым» показывает, что она принесена не при посредстве огня, или чего-нибудь другого. «Очистит – говорит, – совесть нашу от мертвых дел». И хорошо сказал: «от мертвых дел», потому что как там, если кто прикасался к мертвецу, осквернялся, так и здесь, если кто прикасается к

мёртвому делу, оскверняется в совести. «Для служения, – говорит, – Богу живому и истинному». Здесь он выражает, что совершающий мертвые дела не может служить живому Богу. Справедливо говорит: «Богу живому и истинному», означая, что и приносимое Ему должно быть таково же; следовательно, приносимое нами живо и истинно, а приносимое иудеями мертво и ложно, – и это справедливо.

3. Итак, никто, имеющий мертвые дела, пусть не приходит сюда; если прикоснувшись к мёртвому телу запрещалось входить (в скинию), то гораздо более – имеющему мёртвые дела, – это осквернение самое отвратительное. А мёртвые дела – это все те, которые не имеют жизни, которые издают зловоние. Как мёртвое тело неспособно ни к какому чувствованию и смущает приближающихся к нему, так и грех скоро поражает мыслительную способность и не оставляет в покое самую душу, но тревожит её и мучит. Говорят, что зараза, как скоро появляется, тотчас причиняет вред телам. Таков и грех: он подобен заразе, только повреждает не воздух наперёд и потом тела, но прямо вторгается в душу.

Не замечаешь ли ты, как зараженные горят, как они мечутся, какое издают зловоние, как отвратительны их лица, как все они нечисты? Таковы и грешники, хотя они и не видят этого. Не хуже ли, скажи мне, всякого одержимого горячкой преданный страсти корыстолюбия или сладострастия? Не нечистее ли он всякого такого, совершая и допуская всё постыдное? Что может быть отвратительнее корыстолюбца? На что решаются блудницы, или выступающие на зрелищах, на то (решится) и он; и даже скорее, может быть, те не решатся, нежели он. Что я говорю: решится? Он и раболепствует перед теми, перед кем не следует, и бывает дерзок там, где не следует, и никогда не держит себя ровно: часто людям порочным, неблагонамеренным, развратникам, которые гораздо хуже и ничтожнее его, он угождает и льстит, а других, благородных и вполне добродетельных людей, поносит и оскорбляет. Видишь ли в том и другом случае его неблагородство и бесстыдство? Он и скромнен через меру, и высокомерен. Блудницы остаются дома, виновные в том, что за деньги продают своё тело; но они представляют в своё оправдание бедность и крайний голод, хотя и это отнюдь не может оправдать их, потому что можно кормиться трудами. А корыстолюбец не остается дома, но идёт посреди города, предавая не тело, но душу свою дьяволу; сообщается и совокупляется с ним, как бы с блудницею, и, вполне удовлетворив своей похоти, удаляется; и видят это не два или три человека, но весь город. Блудницы обыкновенно отдаются каждому, кто даёт золото; кто бы ни предложил им плату, раб или свободный, единоборец или кто-нибудь

другой, они принимают; а тех, которые ничего не предлагают, хотя бы они были благороднее всех, без денег не допускают к себе. То же делают и корыстолюбцы; чистых мыслей, когда они не доставляют денег, не допускают, а мыслей грязных и действительно звероподобных держатся из-за денег и бесстыдно усвояют их, погубляя таким образом красоту души своей. Как блудницы бывают безобразны, черны, грубы, толсты, нестройны, неблагоприятны и вообще отвратительны, таковы и корыстолюбивые души, которые даже внешними притираниями не могут скрыть своего безобразия. Когда безобразие доходит до крайности, тогда никакие ухищрения не могут прикрыть его. Бесстыдство производит блудниц, как говорит пророк: «у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд» ([Иер. 3:3](#)). То же можно сказать и корыстолюбцу: не постыдился ты никого, не того или другого, но никого. Как именно? Он не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодетеля, и вообще никого. Что я говорю: друга, брата и отца? Он не стыдится самого Бога, но считает всё баснею, смеётся (над всем), будучи упоен сильною страстью, не хочет слышать ничего, что может принести ему пользу, и даже, – о, безумие! – говорит: горе тебе, мамона, и не имеющему тебя. Здесь я разрываюсь от гнева: горе тем, которые говорят это, хотя бы они говорили в шутку. Не угрожал ли Бог, скажи мне, такую угрозу: «Никто не может служить двум господам» ([Мф. 6:24](#))? А ты ослабляешь Его угрозу, дерзая говорить это к собственному вреду своему. Не говорит ли Павел, что (лихоимство) есть идолослужение, и не называет ли он лихоимца идолослужителем ([Кол. 3:5](#); [Ефес. 5:5](#))? А ты стоишь и смеёшься, подобно публичным женщинам, предаваясь смеху, подобно играющим на сцене.

4. Оттого всё низвратилось и пало; смехотворством сделалось у нас всё – и взаимное обращение, и вежливость; нет ничего обстоятельного, ничего твердого. Говорю это не по отношению только к мирянам, но знаю, кого разумею, – и церковь ведь наполняется смехом. Один скажет острое слово, и смех тотчас распространяется между сидящими; и к удивлению, даже во время самой молитвы многие не перестают смеяться; диавол всюду торжествует, всех связал, всеми обладает; Христос бесчестится и изгоняется; церковь ставится ни во что. Ужели вы не слышите слов Павла, который говорит: «сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, да изъемятся от вас» ([Еф. 5:4](#))? Кощунство он поставляет вместе с сквернословием: а ты смеёшься? Что такое «пустословие»? То, что не доставляет никакой пользы. А ты все же смеёшься? И ты, монах, ослабляешь лицо своё? Распявшийся (для Мира), предавшийся сетованию, скажи мне: чему ты смеёшься? Слышал ли ты, чтобы Христос

когда-нибудь делал это? Никогда, – напротив скорбел Он часто. Когда Он смотрел на Иерусалим, плакал; когда представлял себе предателя, возмущался; когда намеревался воскресить Лазаря, плакал; а ты смеёшься? Если тот, кто не скорбит о грехах других людей, достоин осуждения, то может ли удостоиться прощения тот, кто не скорбит о своих собственных грехах и смеётся? Настоящее время есть время печали и скорби, сокрушения и смирения, борьбы и подвигов; а ты смеёшься? Ужели не знаешь, как обличена была Сарра? Ужели не слышишь слов Христа, который говорит: «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» ([Лук. 6:25](#))? То же поёшь ты каждый день. В самом деле, что, скажи мне, говоришь ты? Разве (говоришь): смеялся? Нет. А что? «Утомлен я воздыханиями моими» ([Пс. 6:7](#)). Но, быть может, некоторые до того рассеянны и легкомысленны, что даже смеются и при этой укоризне, именно потому, что мы говорим теперь о смехе; таково свойство легкомыслия таково – разнузданности, что даже укоризна нечувствительна.

Священник Божий стоит, вознося молитву за всех, – а ты, ничего не стыдясь, смеёшься? Он с трепетом за тебя возносит молитвы, – а ты оказываешь пренебрежение? Или ты не слышишь слов Писания, которое говорит: горе презрителям ([Тов. 8](#))? Ужели не трепещешь и не содрогаешься? Когда тыходишь в царские чертоги, соблюдаешь приличие и в одежде, и во взгляде, и в походке, и во всём прочем; а здесь, где истинные царские чертоги, такие же, как и на небесах, ты смеёшься? Конечно, ты не видишь этого; но знай, что ангелы всюду здесь присутствуют и особенно в доме Божием предстоят Царю, и всё исполнено – этих бесплотных сил. То же скажу я и жёнам, которые при мужьях не скоро осмелятся делать это, если же и делают, то не всегда, но только во время веселья; а здесь (делают) всегда. Ты, жена, покрываешь голову, и чему смеёшься, скажи мне, сидя в церкви? Ты пришла сюда исповедать грехи свои, припасть к Богу, просить, и молиться о сделанных тобою согрешениях, и это делаешь со смехом? Как же ты можешь умиловать Его? Но скажешь: что за зло – смех? Не смех – зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен. Способность смеха дана нам для того, чтобы мы употребляли её, когда увидим друзей после долгой разлуки, чтобы, когда увидим какого-нибудь изнурённого и павшего духом, ободрить его улыбкою, а не для того, чтобы хохотать и постоянно смеяться; способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы она расслаблялась. И плотская похоть лежит в нашей природе, но отсюда не следует, будто непременно

нужно удовлетворять ей или употреблять её без меры; но нужно управлять ею, и мы не говорим: она внедрена в нас, потому мы и должны удовлетворять ей. Служи Богу со слезами, чтобы ты мог омыть грехи. Знаю, что многие насмеются над нами и говорят: опять слёзы. Но поэтому-то и пора слёз. Знаю, иные с важностью говорят: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем» ([1 Кор. 15:32](#)). Но вспомни, что «суета сует, – все суета» ([Еккл. 1:2](#)). Не я говорю это, но тот, кто испытал всё: «построил себе дома, – говорит он, – посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья» ([Еккл. 2:4–6](#)). И после всего этого, что говорит он? «суета сует, – все суета». Итак, будем плакать, возлюбленные, будем плакать, чтобы поистине посмеяться, чтобы поистине возрадоваться вовремя действительной радости. Настоящая радость всегда смешана с печалью и никогда не бывает чистою, а та – радость действительная, непритворная, не заключающая в себе ничего неискреннего, не имеющая никакой примеси. Будем же радоваться тою радостью, будем стараться – её получить; а получить её возможно не иначе, как избирая здесь не приятное, но полезное, и даже испытывая некоторую скорбь добровольно, и с благодарностью перенося все случающееся. Таким образом мы сможем сподобиться и царствия небесного, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым, Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 16

[Евр.9:15–18](#). И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное. Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив. Почему и первый завет был утвержден не без крови.

1. Так как, вероятно, были многие малодушные, которые потому особенно, что Христос умер, не верили обетованиям Его, то Павел, желая решительно опровергнуть такое мнение, представляет пример, заимствованный из общего обычая. Какой же это (обычай)? Потому самому, говорит он, и надобно быть уверенным. Почему? Потому что завещания бывают действительны и получают силу не при жизни завещателей, но после их смерти. Поэтому он и начинает так речь: «Он есть, – говорит, – ходатай нового завета». Завещание составляется в последний день перед смертью. Это завещание делает одних наследниками, а других лишает наследства. Так и здесь о наследниках Христос говорит: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною» ([Иоан. 17:24](#)); и опять о лишенных наследства послушай, что Он говорит: «не о всех молю, но о верующих в Меня по слову их¹¹. В завещании бывает относящееся к завещателю и относящееся к принимающим завещание, и говорится, что они должны получить и что сделать. Так и здесь: после бесчисленных обетований (Христос) предлагает им и заповедь: «Заповедь новую, – говорит, – даю вам» ([Иоан. 13:34](#)). Ещё: завещание должно иметь свидетелей; и послушай опять, что Он говорит: «Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня» ([Иоан. 8:18](#)); также об Утешителе говорит: «Он будет свидетельствовать о Мне» ([Иоан. 15:26](#)); и посылая двенадцать апостолов, Он сказал: «свидетельствуйте пред Богом» ([Иоан. 15:17; 1 Тим. 5:21](#)).

«И потому Он, – говорит (Павел), – есть ходатай нового завета». Что такое – «есть ходатай»? Ходатай не есть властелин дела, которого он посредник; дело – само по себе, а посредник сам по себе. Например: при браке бывает посредник, но он не жених, а только содействующий вступающему в брак. Так и здесь. Сын стал посредником между Отцом и нами. Отец не хотел оставить нам этого наследства; Он гневался на нас и был недоволен нами, как отступившими от Него; (Сын) стал посредником

между нами и Им и умолил Его. И смотри, как Он стал посредником: Он принял на Себя обвинение и оправдание, передал нам (волю) Отца и при этом подвергся смерти. Мы оскорбили (Бога) и должны были умереть, но Он умер за нас и соделал нас достойными завета. Таким образом завет стал твёрдым, так как он заключён уже не с недостойными. Вначале Бог заключил с нами завет, как Отец с детьми; но когда мы сделались недостойными, то следовало быть не завету, а наказанию. Что же ты, говорит (апостол), превозносишься законом? Он довёл нас до такого греховного состояния, что мы никогда не спаслись бы; если бы Владыка наш не умер за нас, то закон нисколько не помог бы нам, потому что он был немощен. Впрочем, он доказывает это не одним только общим обыкновением, но и событиями ветхого завета, что в особенности могло подействовать на них. Но, скажут, там никто не умирал: каким же образом был утверждён тот (завет)? Точно таким же. Как? И там кровь, равно как и здесь кровь. Не удивляйся, что там не Христова кровь; там ведь был прообраз; потому (апостол) и говорит: «Почему и первый завет был утверждён не без крови». Что значит: «был утверждён»? Стал крепким, утверждён. «Темже» т.е. поэтому, говорит, нужен был прообраз как завета, так и смерти.

2. Но почему, скажи мне, была окроплена книга завета? «Ибо Моисей, произнеся все заповеди по закону перед всем народом, взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червленою и иссопом, и окропил как самую книгу, так и весь народ, говоря: это кровь завета, который заповедал вам Бог» ([Евр. 9:19–20](#)). Почему же, скажи мне, окропляется книга завета и народ? Потому, что та кровь и всё прочее было прообразом честнейшей крови, которая была прообразована издревле. Почему с иссопом? Потому, что он, как вещество плотное и мягкое, сдерживал кровь. Для чего вода? Она была употреблена в знак очищения водою. А для чего волна? И она была употреблена для того, чтобы удерживать кровь. (Апостол) показывает, что здесь вместе были и кровь и вода, потому что крещение есть образ страдания Христова. «Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужebные. Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения» ([Евр. 9:21–22](#)). Почему он сказал: «Да и все почти»? Почему сделал такое ограничение? Потому что там не было совершенного очищения и совершенного отпущения грехов, но было полусовершенное и даже гораздо меньшее; а здесь – «ибо сие есть Кровь Моя, – говорит (Господь), – Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» ([Мф. 26:28](#)). Где же книга, которая очищала их души? Они сами были книгами нового завета. Где сосуды служebные? Они сами.

Где скиния? Опять: они сами. «Вселюсь в них, – говорит (Бог), – и буду ходить в них» ([2Кор.6:16](#)), Но здесь нет окропления ни волною червлёною, ни иссопом. Почему же? Потому, что это очищение было не телесное, но духовное, и эта кровь духовная. Почему? Потому, что она проистекла не из тела бессловесных (животных), но из тела, устроенного Духом. Эту кровью окропил нас не Моисей, а Христос, посредством слова, сказанного им: «сие есть Кровь Моя, Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов». Это слово, вместо иссопа напитанное кровью, окропляет всех. Там очищалось тело отвне, так как очищение было телесное, а здесь – очищение духовное, которое входит в душу и очищает, не только окропляя, но содейваясь источником в душах наших. Посвящённые в тайны знают, о чём я говорю. Там была окропляема поверхность (тела) и окроплённый опять омывался, а не всегда ходил окровавленным; здесь же не так, но кровь смешивается с самым существом души, делая её крепкой и чистой и доводя её до неопикуемой красоты. Таким образом (апостол) доказывает, что смерть служила не только к утверждению, но и к очищению. Смерть, и особенно крестная, казалась чем-то пагубным; но (апостол) говорит, что она служила очищением, и очищением важным, и при том в делах высоких. Для этого, т.е. ради этой крови, были прежде жертвоприношения; для этого были агнцы, для этого было всё.

«Итак образы небесного должны были очищаться сими, самое же небесное лучшими сих жертвами» ([Евр. 9:23](#)). Как они – образы небесных? И что он называет ныне небесным? Не небо ли? Не ангелов ли? Нет, но наши (священнодействия). Наши (священнодействия) на небесах и небесны, хотя совершаются на земле. Так и ангелы бывают на земле, но называются небесными; и херувимы являлись на земле, но они небесны. Что я говорю: являлись? Они пребывают на земле, как бы в раю, – и однако, при всём том, они небесны. «Наше же жительство – на небесах» ([Филип. 3:20](#)), хотя мы живём здесь. «Образы небесного должны были очищаться сими», т.е. по любомудрию нашему призванным туда. «Самое же небесное лучшими сих жертвами». Лучшее называется лучшим по отношению к чему-нибудь хорошему. Следовательно хороши были и образы небесного. Они не были нехорошими, как образы; иначе было бы нехорошо и то, чего они служат образами.

3. Итак, если мы небесны, если мы получили такое достоинство, то будем бояться, чтобы нам не остаться на земле; а и ныне, кто хочет, может не быть на земле. Быть или не быть на земле зависит от воли и образа жизни. Вот например: о Боге говорят, что он пребывает на небе. Почему?

Не потому, чтобы Он был заключён в каком-нибудь месте, – да не будет, – и не потому, чтобы земля была лишена Его присутствия; но по отношению и близости Его к ангелам. Таким образом, если и мы близки к Богу, то мы – на небе. Что мне до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда сам становлюсь небом? «Мы придем к нему, – говорит (Господь), – и обитель у него сотворим» ([Иоан. 14:23](#)). Сделаем же душу нашу небом. Небо по природе своей ясно, оно не делается тёмным и во время бури; тогда не оно само изменяет вид, но собравшиеся облака закрывают его. Небо имеет солнце; и мы имеем Солнце правды. Можно, сказал я, сделаться как бы небом; ещё скажу – можно сделаться даже лучше неба. Каким образом? Когда мы будем иметь Владыку солнца. Небо везде чисто и светло и не изменяется ни во время бури, ни во время ночи; так и мы не должны подвергаться этому ни во время скорбей, ни во время козней дьявола, но оставаться чистыми и светлыми. Небо высоко и далеко отстоит от земли; будем таковы и мы, отрешимся от земли и вознесёмся на эту высоту. А как мы можем отрешиться от земли? Если будем размышлять о небесном. Небо гораздо выше и дождей и бурь, и никто не может достать его; то же, если захотим, может быть и с нами. Оно кажется изменяющимся, а между тем не изменяется; так и мы, хотя и кажемся страждущими, но не должны подвергаться страданию. Как во время бури многие не видят красоты неба и думают, что оно изменилось, но любомудрые знают, что оно нисколько не изменилось, так и об нас, во время скорбей, многие думают, что мы изменились и что скорбь коснулась самого сердца нашего, но любомудрые знают, что она не коснулась нас. Будем же небом, взойдём на эту высоту, и тогда люди покажутся нам не отличающимися от муравьёв; разумею не одних только бедных и богатых, но будет ли то военачальник, или царь, мы не заметим оттуда ни царя, ни простолюдина, не различим, что золото и что серебро, какая шелковая одежда, и какая пурпуровая; все покажутся нам как бы мухами, когда мы будем находиться на этой высоте; там нет ни шуму, ни волнения, ни крика. Но как можно, скажешь, подняться на эту высоту человеку, находящемуся на земле? Не словами одними я докажу тебе это, но, если хочешь, представлю тебе людей, которые на самом деле достигли этой высоты. Кто же это? Разумею Павла и подобных ему, которые, живя на земле, были на небе. Что я говорю: на небе? Они были выше неба и другого неба, и восходили до самого Бога. «Кто отлучит нас, – говорит он, – от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч» ([Рим. 8:35](#))? И еще: «мы смотрим не на видимое, но на невидимое» ([2 Кор. 4:18](#)). Видишь ли, как он не взирал на то, что здесь? А чтобы ты убедился, что он был выше небес,

послушай, как он говорит: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» ([Рим. 8:38–39](#)).

4. Видишь ли, как мысль, прошедши всё, поставила его выше не только этого творения и этих небес, но и всяких других, если бы они были? Видишь ли высокий ум? Видишь ли, каким сделался, когда захотел, скинотворец, проводивший всю жизнь свою на площади? Нет, подлинно никакого препятствия – превзойти всех, когда мы захотим. Если мы делаем такие успехи в искусствах, которые весьма трудны для многих, то тем более в том, что не требует такого труда. Что труднее, скажи мне, как ходить по натянутому канату, как бы по ровному месту, и ходя на высоте одеваться и раздеваться, как бы сидя на постели? Не кажется ли нам это дело так страшным, что, мы не хотим на него даже смотреть, но ужасаемся и дрожим при одном на него взгляде? Что труднее, скажи мне, как поставить на лице своё шест и, посадив на него ребёнка, производить тысячи (упражнений) и забавлять зрителей? Что труднее, как играть шарами на мечях? Что труднее, скажи мне, как исследовать глубину моря? И бесчисленное множество других искусств можно было бы привести; но всех их легче добродетель и искусство – взойти на небо, если мы захотим: здесь нужно только захотеть, и всего достигнешь. Здесь нельзя сказать: не могу, – это значило бы обвинять Создателя; ведь если Он создал нас не могущими, и между тем повелел (сделать это), то вина падает на Него. Отчего же, скажешь, многие не могут? Оттого, что не хотят. А отчего не хотят? От лени; а если захотят, то конечно смогут. Потому и Павел говорит: «желаю, чтобы все люди были, как и я» ([1Кор.7:7](#)); он знал, что все могут быть такими же, как он; а если бы не могли, то он и не сказал бы этого. Хочешь ли быть добродетельным? Положи только начало.

Скажи мне: во всех искусствах, когда мы хотим заняться ими, довольствуемся ли мы одним хотением, или принимаемся и за дело? Например: кто хочет сделаться кормчим, тот не говорит только: хочу, и этим довольствуется, но принимается и за дело. Кто хочет сделаться торговцем, тот не говорит только: хочу, но принимается и за дело. Кто хочет путешествовать, тот не говорит только: хочу, но принимается и за дело. Так и во всём: недостаточно одного только хотения, но нужно присоединять и дело. А ты, желая взойти на небо, только говоришь: хочу? Но как же, возразишь, ты сам сказал, что достаточно одного хотения? Хотения вместе с делами, принимающегося за дело, деятельного. Нам содействует и помогает Бог; только мы должны решиться, только должны

приступить к тому на деле, только должны приложить старание, только должны иметь душевное расположение, – и всё будет. А если будем спать и похрапывая надеяться взойти на небо, то как мы сможем получить наследие небесное? Будем же иметь хотение, увещаю вас, будем желать. Для чего мы собираем всё для настоящей жизни, которую завтра оставим? Будем пещись о добродетели, которой достанет нам на весь век; будем постоянно соблюдать её, – и получим вечные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 17

[Евр.9:24–26](#). Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного *устроенное*, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище ежегодно с чужою кровью; иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею.

1. Иудеи много превозносились храмом и скинией; потому и говорили: «здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень» ([Иер.7:4](#)). Нигде на земле не было построено подобного храма ни по драгоценности, ни по красоте, ни по чему иному, потому что Бог, заповедав построить его, повелел сделать это с большим великолепием, да и сами (иудеи) были склонны и привязаны более к телесному. У него в стенах были позолоченные камни, о чем желающий может узнать из второй книги Царств и из книги Иезекииля, равно и о том, сколько талантов золота было на него издержано. Построение второго (храма) было ещё блистательнее по красоте и по всему прочему. И не поэтому только он был драгоценен, но и потому, что был один. Красота его привлекала всех, потому что туда приходили с концов земли, из Вавилонии и Эфиопии. Это выражает Лука в Деяниях, когда говорит: «В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Парфяне, и Мидяне, и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима...» ([Деян. 2:5, 9–10](#)).

Итак, из всех стран вселенной приходили туда, и велика была слава этого храма. Что же делает Павел? Что сделал он касательно жертв, то же делает и здесь; как им он противопоставил смерть Христову, так здесь храму противопоставляет целое небо. Но не в этом только показывает различие, а и в том, что наш священник ближе к Богу: «чтобы предстать, – прибавляет он, – пред лице Божие». Таким образом, он доказывает важность дела не только небом, но и самым входом, – потому что не через одни прообразы, как здесь, но самого Бога (Христос) видит там. Видишь ли, что все уничиженное сказано о Нём по снисхождению Его? Удивительно ли после этого, что (Павел) представляет его ходатайствующим как первосвященника? «Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного *устроенное*, но в самое

небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и не для того, – говорит, – чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище ежегодно с чужою кровью».

Итак, это – истина, а то – прообразы; тот храм был построен по подобию неба небес. Но что говоришь? Неужели, если бы не вошёл в небо, то не явился бы (лицу Божию) Он, везде сущий и всё наполняющий? Очевидно, что всё это говорится о плоти Его. «Чтобы предстать ныне», – говорит, – «за нас пред лице Божие». Что значит: «за нас»? Он вошёл, говорит, с жертвою, могущею умиловать Отца. Для чего же, скажи мне? Разве Он был врагом (Божиим)? Из числа ангелов были враги Богу, а Он не был врагом. А что ангелы были враги, об этом послушай, что говорит (апостол): «чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» ([Кол. 1:20](#)). Потому справедливо сказано, что Он вошёл в небо, «чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие». Он и ныне предстоит, но за нас. «Не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище ежегодно с чужою кровью». Видишь ли, сколько противоположений? Многожды, однажды; с кровью чужою, с своею. Великое различие!

Христос сам и жертва и священник. «Иначе, – говорит, – надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира». Здесь он открывает некоторый догмат: если бы, говорит, Ему надлежало многократно приносить жертвы, то надлежало бы многократно и распинаться. «Он же однажды, к концу веков». Почему – «к концу веков»? После множества грехов; если бы всё это произошло в начале и никто не уверовал бы, то дело домостроительства осталось бы бесполезным; Христу не надлежало умирать вторично, чтобы исправить и этот недостаток; когда же с течением времени явилось множество грехов, тогда благовременно Он и явился. То же (апостол) говорит и в другом месте: «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» ([Рим. 5:20](#)). «И как человекам, – говорит, – положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение» ([Евр.9:27–28](#)).

2. Доказав, что не надлежало умирать многократно, (апостол) показывает теперь и то, почему Он умер однажды. «Человекам, – говорит, – положено однажды умереть». Итак, Он умер однажды за всех людей. Как, разве мы уже не умираем прежнею смертью? Умираем, но не остаемся в ней; а это не значит умирать. Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умерший уже не имеет возможности возвратиться к жизни; если же

после смерти он оживёт, и при том лучшею жизнью, то это не смерть, а успение. Смерть могла удержать у себя всех; потому Христос и умер, чтобы освободить нас. «Так и Христос, однажды принеся Себя (слав. – «принесется») в жертву» ([Евр.9:28](#)). Кем «принесется?» Очевидно, сам собою. Здесь показывает в Нём не только священника, но и приношение, и жертву; потом присовокупляет и причину, почему Он «принесется». «Однажды принеся Себя в жертву, – говорит, – чтобы подъять грехи многих». Почему же он сказал: «многих», а не: всех? Потому, что не все уверовали. Он умер за всех, чтобы спасти всех, сколько от Него зависит – смерть Его и сильна была спасти всех от гибели, – но Он «вознес грехи» не всех, потому что сами не захотели. Что же значит: «подъять грехи»? Как во время приношения, которое совершаем, мы возносим и грехи, когда говорим: остави нам согрешения, которые мы соделали волею или неволею, т.е. сначала упоминаем о них, а потом испрашиваем оставления, – так было и здесь. Когда же Христос сделал это?

Послушай, как Он сам говорит: «И за них Я посвящаю Себя» ([Ин. 17:19](#)). Вот, как Он вознёс грехи: взял их от людей и вознес к Отцу, не для того, чтобы постановить приговор против них, но чтобы простить. «Во второй раз, – говорит, – явится не для *очищения* греха, а для ожидающих Его во спасение». Что значит: «не для *очищения* греха»? Не с тем, чтобы взять грехи, и не за грехи придёт в другой раз, чтобы опять умереть; Он и, однажды умерь не потому, что должен был умереть. Для чего же «явится»? Чтобы наказать, говорит; впрочем не выражает этого (прямо), но с отрадой: «не для *очищения* греха, а для ожидающих Его во спасение», так как уже нет надобности в жертве, чтобы спасти их, но для этого нужны дела. «Имея тень будущих благ, – говорит, – а не самый образ вещей» ([Евр.10:1](#)), т.е. не самую истину. Как в живописи, пока набрасывают рисунок, получается какая-то тень, а когда положат краски и наведут цвета, тогда делается изображение, – так было и с законом. «Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей», т.е. жертвы, отпущения (грехов). На всякое лето: «одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними. Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов. Но жертвами ежегодно напоминает о грехах, ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи. Посему Христос, входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Всесожжения и *жертвы* за грех неуютны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю

Твою, Боже. Сказав прежде, что «ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни *жертвы* за грех, – которые приносятся по закону, – Ты не восхотел и не благоизволил», потом прибавил: «вот, иду исполнить волю Твою, Боже». Отменяет первое, чтобы постановить второе» ([Евр. 10:1–9](#)). Видишь ли опять, какое изобилие (в речи апостола)? Эта жертва, говорит, одна, а тех много; потому они и не были сильны, что их было много.

3. Действительно, скажи мне, для чего нужно было много жертв, если бы достаточно было одной? Множество жертв и то, что они приносились непрерывно, показывает, что они никогда не очищали (приносивших). Как лекарство, когда оно сильно, полезно для здоровья и способно уничтожить всякую болезнь, совершает всё, будучи приложено однажды; то самое, что оно совершает всё, будучи приложено однажды и уже больше не прикладываясь, показывает его силу, и то, что оно больше не прикладывается, есть следствие его действия; если же оно прикладывается непрерывно, то это явный знак, что оно не имеет никакой силы, – потому что достоинство лекарства в том и состоит, чтобы прикладываться однажды, а не часто, – так точно и здесь.

Почему они непрерывно лечились одними и теми же жертвами? Если бы они были свободны от всех грехов, то жертвы не были бы приносимы ежедневно, – между тем было определено приносить их за весь народ непрерывно, и вечером и днём. Таким образом, совершаемое ими было обвинением во грехах, а не разрешением грехов, обличением немощи, а не знаком силы. Так как первая жертва не оказывала действия, то приносилась вторая; а так как и эта не помогала, то третья; – таким образом это и служило обличением грехов. Итак, приношение жертв было обличением грехов, а непрерывное (приношение) обличением немощи. А в деле Христовом напротив: Он принес однажды, и этого довольно навсегда. И хорошо назвал (апостол жертвы) противоположными; действительно, они были только прообразом, но не имели силы, подобно как на картинах изображение имеет образ человека, но не имеет силы его. Подлинник и образ имеют нечто общее между собою; в образе есть сходство, но нет силы. Так точно в отношении неба и скинии: она была похожим на него образом, – так как была святою, – но сила и всё прочее у неё не те. Что значит: «явился для уничтожения греха жертвою Своею»? Что значит: «для уничтожения»? Т.е. посрамление; грех уже не имеет дерзновения, потому что он посрамлён. Каким образом? Он должен был достигнуть наказания (людей смертью), но не достиг, а сам потерпел насилие; когда хотел погубить всех, тогда сам был истреблён. «Жертвою

Своею, – говорит, – явился», т.е. явился к Богу и предстал перед Ним.

Итак, не думай, что если священник приносил жертвы многократно каждый год, то делал это просто и не по причине немощи. Если не по причине немощи, то для чего же это делалось? Если бы не было ран, то не было бы нужды и в лекарствах. Вот для чего, говорит (апостол), повелено приносить жертвы непрестанно, – по причине немощи и для напоминания в грехах. Что же? Разве мы не приносим каждый день? Приносим, но мы совершаем воспоминание о смерти Его, и эта жертва одна, а не много. Как одна, а не много? Так, что она принесена однажды, подобно той, которая была приносима во святом святых. Та была прообразом её, и эта – её же образ. Мы постоянно приносим одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Таким образом, эта жертва одна. Хотя она приносится во многих местах, но разве много Христов? Нет, один Христос везде, и здесь полный, и там полный, одно тело Его. И как приносимый во многих местах Он – Одно тело, а не много тел, так и жертва одна. Он наш Первосвященник, принеся жертву, очищающую нас; её приносим и мы теперь, тогда принесённую, но не оскудевающую. Это совершается в воспоминание бывшего тогда: «сие творите, – сказано, – в Мое воспоминание» ([Лк.22:19](#)). Не другую жертву, как тогдашний первосвященник, но ту же мы приносим постоянно; или лучше сказать, совершаем воспоминание жертвы.

4. Так как я упомянул об этой жертве, то хочу сказать вам, посвященным в тайны, немногое, – немногое по объёму, но заключающее в себе великую силу и пользу; слова мои не от нас, но от Духа Божия. Что же такое? Многие причащаются этой жертвы однажды во весь год, другие дважды, а иные несколько раз. Слова наши относятся ко всем, не только к присутствующим здесь, но и к находящимся в пустыне, – потому что они причащаются однажды в год, а иногда и через два года. Что же? Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды, или тех, которые – часто, или тех, которые -редко? Ни тех, ни других, ни третьих, но причащающихся с чистою совестью, с чистым сердцем, с безукоризненною жизнью. Такие пусть всегда приступают; а не такие – ни однажды. Почему?

Потому, что они навлекают на себя суд, осуждение, наказание и мучение. Не удивляйся этому: как пища, сама по себе питательная, когда попадает в расстроенный желудок, производит вред и расстройство во всём (теле), и делается причиною болезни, так бывает и с страшными тайнами. Ты сподобляешься трапезы духовной, трапезы царской, и потом опять оскверняешь уста нечистотою? Ты намащаешься миром, и потом опять

наполняешься зловонием? Скажи мне, увещеваю: приступая к причащению через год, неужели ты думаешь, что сорока дней тебе достаточно для очищения твоих грехов за всё время? А потом, по прошествии недели, опять предаёшься прежнему? Скажи же мне: если бы ты, выздоравливая в течение сорока дней от продолжительной болезни, потом опять принялся за ту же пищу, которая причинила болезнь, то не потерял ли бы ты и предшествовавшего труда? Очевидно, что так. Если же таким образом извращается естественный порядок, то тем более нравственный. Например: мы от природы одарены зрением и имеем от природы здоровые глаза; но часто по болезни наше зрение повреждается. Если же естественные свойства извращаются, то не гораздо ли более нравственные? Сорок дней ты употребляешь на восстановление здоровья души, а быть может даже не сорок, – и думаешь умиловить Бога?

Ты шутишь, человек. Говорю это не с тем, чтобы запретить вам приступать однажды в год, но более желая, чтобы вы непрестанно приступали к святым тайнам. Для того и священник возглашает тогда, призывая святых, и этим возгласом как бы испытывает всех, чтобы никто не приступал неприготовленным. Как в стаде, где много здоровых овец, а много и пораженных коростю, необходимо отделить последних от здоровых, так и в Церкви, где есть овцы здоровые и больные, этим возгласом священник отделяет последних от первых, оглашая всех таким страшным изречением, а святых вызывает и приглашает. Так как ни один человек не может знать души ближнего, – «ибо кто из человеков знает, – говорит (апостол), – что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?» ([1Кор.2:11](#)), – то и делает такой возглас после совершения всего жертвоприношения, чтобы никто без внимания и как случилось не приступал к духовному источнику. И в стаде, – ничто не препятствует употребить опять то же сравнение, – больных (овец) мы запираем, держим в темноте, кормим другою пищею, лишая их и чистого воздуха, и свежей травы, и внешнего источника. Так и здесь, этот возглас служит как бы вместо уз. Ты не можешь сказать: я не знал, я не понимал, что такое дело угрожает опасностью, – особенно, когда и Павел засвидетельствовал это. Или скажешь: я не читал? Но это служить не к оправданию твоему, а к осуждению; каждый день ты ходишь в церковь, – и этого еще ты не узнал?

5. Впрочем, чтобы ты не мог представить и этого предлога, для того священник, как бы какой глашатай, подняв руку вверх, став на возвышении, будучи видимым для всех, при страшной тишине, громким голосом произносит грозное воззвание, которым одних призывает, а других отлучает, делая это не рукою, а словом, гораздо

действительнейшим руки. Это воззвание, достигая нашего слуха, как бы рукою, одних отталкивает и отвергает, а других привлекает и представляет.

Скажи мне, прошу тебя, на олимпийских играх не выходит ли глашатай, взывая громким и сильным голосом: не может ли кто обвинить в чем-нибудь этого человека, не раб ли он, не вор ли, не безнравственный ли? – хотя те подвиги не душевные и не нравственные, а требующие телесной силы? Если же там, где совершаются подвиги телесные, тщательно исследуется нравственность, то тем более это нужно здесь, где весь подвиг принадлежит душе. Так, и перед нами теперь стоит глашатай, не головы каждого касающийся и влекущий, но касающейся вдруг внутренней головы всех; не вызывает он посторонних обвинителей, но всех против самих себя; не говорит: не может ли кто обвинить этого человека, а что? – не обвиняет ли кто себя самого? Когда он говорит: «святая святым», то говорит: кто не свят, тот не приступай. Не просто говорит: чистый от грехов, но: святой; а святым делает не одно только отпущение грехов, но и наитие Духа и обилие дел благих. Не того только хочу, говорит, чтобы вы омылись от нечистоты, но чтобы были белыми и прекрасными.

Если вавилонский царь из пленных юношей избрал видных и красивых ([Дан.1:4](#)), то тем более нам, предстоящим царской трапезе, должно быть прекрасными в душе, иметь золотое украшение, чистую одежду, царскую обувь, благообразное лице души, облекши её в это золотое украшение и опоясав истиною. Такой пусть приступает и прикасается к царским сосудам. А если кто, будучи одет в рубище, загрязнён и запылён, захочет приступить к царской трапезе, то известно, чему он подвергнется, и сорока дней ему недостаточно будет для омовения грехов, совершенных во всё (прошедшее) время. Если недостаточно для этого геенны, хотя она вечна, – а для этого она и вечна, – то тем более такого краткого времени. Ведь мы оказываем не сильное, а слабое покаяние. Предстоять царю следует преимущественно евнухам; под евнухами я разумею людей с светлую душой, не имеющих никакой нечистоты и никакого порока, возвышенных умом, имеющих око души кроткое и зоркое, строгое и бодрое, а не сонливое и дремлющее, исполненное совершенной свободы, чуждое безстыдства и наглости, бдительное, здоровое, не очень прискорбное и печальное, но и не рассеянное и беспечное. В нашей власти усовершенить таким образом свое око и сделать его зорким и прекрасным. Когда мы не будем устремлять его на дым и прах, – таковы все блага человеческие, – но на тонкие струи, на легкое веяние ветра, на предметы возвышенные, великие и исполненные

совершенного спокойствия, чистоты и радости, то скоро приобретём такое (око) и укрепим его таким приятным созерцанием.

Видишь ли человека любостыжательного и имеющего большое богатство, – не устремляй туда ока своего: это грязь, дым, дурное испарение, тьма, великая теснота, беспокойное изнурение. Видишь ли человека, упражняющегося в добродетелях, довольствующегося своим, стоящего на широком пути спокойствия, не сокрушающегося и не пекущегося ни о чём здешнем, – на нём останови (око свое), туда устреми его, и сделаешь его гораздо лучшим и светлейшим, услаждая его не земными цветами, но цветами добродетели, целомудрием, кротостью и всеми другими. Ничто так не смущает ока нашего, как нечистая совесть: «смятется, – говорит (Псалмопевец), – от ярости око мое» (синод. – «иссохло от печали око мое») ([Пс.6:8](#)); ничто так не омрачает его. Избавь его от этого зла, и ты сделаешь его чистым и крепким, всегда исполненным надежд благих. Будем же все мы, как эту, так и другие способности души устроить так, как желает Христос, чтобы, сделавшись достойными поставленной над нами Главы, нам отойти туда, куда Он хочет: «хочу, – говорит Он, – чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою» ([Ин.17:24](#)), которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 18

[Евр.10:8–13](#). Сказав прежде, что «ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни *жертвы* за грех, – которые приносятся по закону, – Ты не восхотел и не благоизволил», потом прибавил: «вот, иду исполнить волю Твою, Боже». Отменяет первое, чтобы постановить второе. По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его.

1. В предыдущем (апостол) доказал, что жертвы бесполезны для совершенного очищения, что они были только прообразом и весьма недостаточны. Так как при этом представлялось ему возражение: если они прообразы, то почему они, с принятием истины, не перестали, не прекратились, но ещё приносятся (иудеями)? – то здесь он и решает это, показывая, что они уже не приносятся, как прообразы, и Бог не принимает их. Он опять доказывает это не из нового завета, но из пророков, приводя из древности сильнейшее свидетельство на то, что (жертвы) прекратились и перестали, и что (иудеи) совершенно напрасно приносят их, всегда противясь Духу Святому. При том усиленно доказывает, что они прекратились не теперь, но с самого пришествия Христова, или лучше, ещё прежде Его пришествия, – что не Христос положил конец им, но сначала они были отменены, а потом уже Он пришёл; прежде они, прекращены, и тогда последовало Его пришествие. Чтобы они не сказали: мы могли и без этой жертвы (Христовой) благоугождать Богу, – Он ожидал, пока жертвы обличатся сами собою, и тогда уже пришёл, потому что «ни жертвы, – говорит, – ни приношения... – Ты не восхотел». Этим он отвергнул всё и, сказав вообще, говорит и в частности: «...ни всесожжений, ни *жертвы* за грех, – которые приносятся по закону, – Ты... не благоизволил». Приношением же было всё прочее, кроме жертв. «Потом прибавил: вот, иду исполнить волю Твою, Боже». О ком это сказано? Не о ком другом, как о Христе.

Здесь (апостол) несколько не обвиняет приносивших, показывая, что (Бог) не принимает жертв не за пороки их, как сказал он в другом месте; но потому, что наконец раскрылась недостаточность самого дела и обнаружилось, что оно не имеет никакой силы и уже неблаговременно. Как же

согласить это с частым приношением жертв? Не только, говорит, из частого (приношения их) видно, что они немощны и не приносят никакой пользы, но и из того, что Бог не принимает их, как бесплодные и бесполезные. То же самое выражено и в другом месте, когда сказано: «ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее» ([Пс.50:18](#)). Отсюда очевидно, что не хочет их.

Итак, не жертв хочет воля Божия, а отмены жертв; следовательно, нет воли (Божией) на то, чтобы они приносились. Что значит: «исполнить волю Твою»? Значит – предать Себя самого, – на это воля Божия. «По сей-то воле освящены мы». Здесь он иным образом доказывает, что не жертвы очищают людей, а воля Божия. Итак, ужели же на приношение жертв нет воли Божией? Но удивительно ли, что теперь нет на это воли Божией, если и вначале не было на то воли Его? «Кто, – говорит (Бог), – требует от вас (жертв)» ([Ис.1:12](#))? Почему же Он сам учредил (жертвоприношения)? По снисхождению. Подобным образом и Павел выражается, когда говорит: «ибо желаю, чтобы все люди были, как и я», воздержанными ([1Кор.7:7](#)); а в другом месте предлагает такой совет: «я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей» ([1Тим.5:14](#)). Он представляет два хотения, но не оба принадлежат ему, хотя он заповедует; первое от него самого, – потому он и представляет его без причины, – а последнее не от него самого, хотя и оно не противно воли его, – потому он прибавляет и причину. Именно, сказав выше против молодых вдовиц, что они «впадая в роскошь в противность Христу» ([1Тим.5:11](#)), он потом и говорит: «я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей». Так точно и здесь (Бог) учредил жертвоприношения по снисхождению; а первоначально не было Его волею, чтобы приносились жертва. Так и о смерти Он говорит: «Разве Я хочу смерти беззаконника? ...Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?» ([Иез.18:23](#)), а в другом месте говорит, что Он не только хочет, но и сильно желает этого ([Иез.18:30](#)), хотя то и другое (по-видимому) взаимно противоречат, так как сильное желание есть напряженное хотение.

Как же Он и не хочет и желает и при том сильно желает? То же нужно сказать и здесь. «По сей-то воле освящены мы»; а как мы «освящены», сам объясняет, присовокупляя: «единократным принесением тела Иисуса Христа. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы». Стоять свойственно служащему; следовательно сидеть свойственно Тому, кому служат: «Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. Ибо Он одним

приношением навсегда сделал совершенными освящаемых. *О сем свидетельствует нам и Дух Святой» (Евр.10:12–15)*. Сказав, что (жертвы) уже не приносятся, подтвердив это из Писания и не из Писания, представив и изречение пророческое: «ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни *жертвы* за грех, – которые приносятся по закону, – Ты не восхотел и не благоизволил», теперь говорит, что Бог уже отпустил грехи. В этом он опять удостоверяет свидетельством Писания: «*О сем свидетельствует нам, – говорит, – и Дух Святой; ибо сказано: Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более. А где прощение грехов, там не нужно приношение за них».* (Евр.10:15–18).

Итак, (Бог) отпустил грехи, когда дал (новый) завет; а этот завет Он дал за жертву (Христову). Если же Он отпустил грехи за эту одну жертву, то уже нет нужды в другой. «...Навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем...». Для чего это замедление? Да «...доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых». Но, быть может, скажет кто-нибудь: почему Он не тотчас положил их? Из-за верных, которые имели родиться и возродиться. И откуда видно, что они будут положены? Из того, что Он «воссел». Здесь (апостол) опять припоминает свидетельство, в котором говорится: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»; а враги Его – иудеи. Далее, после того, как сказал: «доколе враги Его будут положены в подножие ног Его», – а (враги эти) сильно восставали, – он высказывает всё последующее, касающееся веры. Кто враги Его, как не все неверующие, также и демоны? Действительно, не одни только иудеи. И чтобы выразить высшую степень подчинения их, не сказал: подчинятся, но: «будут положены» под ноги Его. Не будем же в числе врагов Его; а враги Его не те только, т.е. неверующие и иудеи, но и те, которых жизнь исполнена нечистоты: «плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут» (Рим.8:7), Что же, скажешь, не укоризна ли это? Укоризна, и сильная: злой человек, пока он зол, не может покоряться; но раскаяться и сделаться добрым – он может.

2. Отвергнем же плотские мудрования. А какие – плотские? Те, которые утучняют и услаждают тело, но причиняют вред душе, каковы например: богатство, роскошь, слава, любовь плотская; всё это относится к плоти. Не будем же любить приращение богатства, но будем всегда искать бедности; она – великое благо. Но, скажешь, она делает человека униженным и жалким? Это нам и нужно, потому что приносит нам

великую пользу. «Нищета, – говорит Премудрый, – смиряет мужа» ([Притч.10:4](#)); также Христос (говорит): «блаженны нищие духом...» ([Мф.5:3](#)). О том ли ты скорбишь, что стоишь на пути, ведущем к добродетели? Разве ты не знаешь, что она (бедность) доставляет нам великое дерзновение? Но, скажешь, «мудрость бедняка пренебрегается» ([Еккл.9:16](#)); и в другом месте сказано: «нищеты и богатства не давай мне» ([Притч.30:8](#)); и ещё: изьми меня из «горнила страдания» ([Ис.48:10](#)), Может ли быть злом, бедность или богатство, если «бедность и богатство – от Господа» ([Сир.11:14](#))? Почему же так сказано? Это было сказано в ветхом завете, когда богатство считалось весьма важным, а бедность была презираема, одно было проклятием, а другое – благословением. А теперь не так.

Хочешь ли слышать похвалу бедности? Её переносил Христос: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» ([Мф.8:20](#)); также ученикам Он говорил: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои» ([Мф.10:9](#)). И Павел говорит в послании: «мы ничего не имеем, но всем обладаем» ([2Кор.6:10](#)). И Пётр сказал хрому от рождения: «серебра и золота нет у меня» ([Деян.3:6](#)). И в самом ветхом завете, – когда удивлялись богатству, – кто, скажи мне были чудные мужи? Не Илия ли, не имевший ничего, кроме милости? Не Елисей ли? Не Иоанн ли? Потому никто не должен считаться низким за бедность; не бедность унижает, а богатство, заставляющее нуждаться во многом и побуждающее угождать многим. Кто, скажи мне, был беднее Иакова, который говорил: «если Бог будет со мною, ...даст мне хлеб есть и одежду одеться» ([Быт.28:20](#))? Не имели ли дерзновения Илия и Иоанн и им подобные? Не обличал ли один Ахаава, а другой Ирода? Этот говорил: «не должно тебе иметь жену брата твоего» ([Мк.6:18](#)); а Илия с дерзованием говорил Ахааву: «не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего» ([3Цар.18:18](#)).

Видишь ли, какое дерзновение сообщает бедность? Богатый есть раб; он подвергается убыткам и представляет возможность всякому желающему причинить ему вред; неимеющий же ничего не боится (лишения имущества) ни с публичного торга, ни по судебному приговору. Если бы бедность лишала дерзновения, то Христос не заповедал бы бедности ученикам своим, посылая их на дело, требовавшее великого дерзновения. Бедный есть человек весьма сильный, неоткуда ему получить обиду или потерпеть вред; а богатый открыт, для нападений со всех сторон, и с ним бывает то же, как если бы кто тащил за собою множество длинных веревок, – его легко может поймать всякий, а человека нагого поймать не легко. Так бывает и с богатым: рабы, золото, поля, множество

дел, тысячи забот, обстоятельств, нужд – делают его удобоуловимым для всех.

3. Итак, пусть никто не считает бедность причиной бесчестия. Перед добродетелью всё богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки. Будем же стремиться к ней, если хотим войти в царство небесное. «Продай, – сказал (Господь), – имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» ([Мф.19:21](#)); и еще: «трудно богатому войти в Царство Небесное» ([Мф.19:23](#)). Видишь ли, что даже надобно искать (бедности), если нет её? Такое она составляет, благо! Она – руководительница по пути, ведущему к небу, помазание для работорства, великое и дивное училище, безопасная пристань. Но, скажешь, я имею нужду во многом, и не хочу ни от кого принимать милостыни? В этом отношении богатый ниже тебя. Ты, быть может, просишь милостыни для пропитания; а он бесстыдно (просит) бесчисленного множества вещей по любостязанию. Богатые нуждаются во многих. Что я говорю: во многих? Часто даже в таких людях, которые недостойны их самих; например: они часто нуждаются в воинах и рабах. А бедный не нуждается и в самом царе; если же он в чём-нибудь и нуждается, то ему удивляются, что он сам поставил себя в такое положение, тогда как мог быть богатым.

Итак, никто пусть не обвиняет бедность, как бы причину бесчисленных зол, и не противоречит Христу, который назвал её совершенством добродетели, когда сказал: «если хочешь быть совершенным» ([Мф.19:21](#)). Это Он выразил словами, показал и делами, преподал и через учеников. Будем же искать бедности; она – величайшее благо для внимательных. Может быть, некоторые из слушателей и предубеждены против этого. Охотно верю: так сильна эта болезнь у многих людей и так велика власть, богатства, что многие не могут выносить отречения от него даже на словах, и относятся к нему с предвзятою мыслию. Пусть же удалится такая мысль от души христианина; нет никого богаче человека, избравшего бедность добровольно и охотно. Так ли? Я утверждаю это, и, если хотите, объясню, что добровольно избравший бедность богаче самого царя. Тот нуждается во многом, заботится и боится, чтобы не оказалось недостатка для содержания войска; а этот имеет всего вдоволь, не боится ничего, а если и боится, то не в такой степени. Кто же богат, скажи мне, тот ли, кто каждый день заботится, старается собрать, как можно больше, и боится, чтобы в чём-нибудь не оказалось недостатка, или тот, кто ничего не собирает, живёт в совершенном довольстве и ни в чём не нуждается? Добродетель и страх Божий, а не деньги, сообщают дерзновение; деньги же доводят и до

рабства: «угощения и подарки, – говорит (Премудрый), – ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращают обличения» ([Сир.20:29](#)).

Смотри, как Петр, бедный, наказал богатого Ананию. Не богач ли был этот и не бедняк ли тот? Но вот, с какою властью тот обращается к нему и говорит: «скажи мне, за столько ли продали вы землю?» А этот с робостью отвечает: «да, за столько» ([Деян.5:8](#)). Но могу ли я, скажешь, быть Петром? Можно и тебе быть Петром, если захочешь бросить то, что имеешь; раздели, отдай бедным, последуй Христу, – и будешь таким же. Как, скажешь, ведь он творил чудеса? Но это ли, скажи мне, сделало Петра дивным, или дерзновение, приобретённое жизнью? Не слышишь ли, что Христос говорит: «не радуйтесь, что духи вам повинуются» ([Лк.10:20](#)); и еще: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» ([Мф.19:20–21](#))? Дослушай также, что говорит Пётр: «серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе» ([Деян.3:6](#)); следовательно, кто имеет золото и серебро, тот не имеет этого. Отчего же, скажешь, многие не имеют ни того, ни другого? Оттого, что они бедны не добровольно; а избирающие бедность добровольно имеют все блага. Если они не воскрешают мёртвых и не исцеляют хромых, то у них есть благо, которое важнее всего, – они имеют дерзновение перед Богом, и услышат в будущий день блаженные слова: «приидите, благословенные Отца Моего», – что лучше этого? – «наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» ([Мф.25:34–36](#)). Будем же избегать любостяжания, чтобы нам получить царство небесное; будем питать бедных, чтобы, напитать Христа, чтобы сделаться сонаследниками Его, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу с Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 19

[Евр.10:19–23](#). Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою, и имея великого Священника над домом Божиим, да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою, будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший.

1. (Апостол) показал, какое различие между первосвященниками, жертвами, скиниею, заветом и обетованиями, и именно – великое, потому что одно временное, а другое вечное, то преходящее, а это пребывающее, то несовершенное, а это совершенное, то прообраз, а это истина: «не по закону, – говорит, – заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей» ([Евр.7:16](#)); и еще: «Ты священник вовек» ([Евр.7:17](#)), – вот вечность нашего Священника; и о заветах говорит, что тот – ветхий: «ветшающее и стареющее близко к уничтожению» ([Евр. 8:13](#)), а этот – новый и имеющий отпущение грехов, тот же вовсе не таков: «закон ничего не довел до совершенства» ([Евр.7:19](#)); и еще: «жертвы и приношения Ты не восхотел» ([Евр. 10:5](#)); тот рукотворённый, а этот нерукотворённый, тот имел кровь козлов, а этот кровь Владыки, тот – священника стоявшего, а этот – сидящего. Так как всё то меньше, а это больше, то (Апостол) и говорит: «имея дерзновение».

Почему – «дерзновение»? По причине отпущения грехов. Как от грехов происходит стыд, так от прощения всех их – дерзновение; и не только от этого, но и от того, что мы сделали сонаследниками (Христа) и сподобились такой любви Его. «Входить во святилище». Что он разумеет под этим вхождением? Вход в небо и доступ к духовным тайнам. «Который Он вновь открыл нам», т.е., который Он устроил и которым сам первый прошел; обновлением называется начало употребления; Он сам, говорит, устроил его и сам прошёл им. «Путем новым и живым»: здесь он выражает полноту надежды. «Новым», – говорит; старается показать, что мы имеем всё высшее, так как теперь отверсты врата небесные, чего не было даже при Аврааме. Хорошо он сказал: «путем новым и живым»: первый путь был путём смерти, низводившим в ад, а этот – путём жизни; не сказал: «жизни», но назвал его «живым»; выражая, что он остается таким постоянно. «Через завесу, – говорит, – то есть плоть Свою». Эта плоть

первая проложила путь, который, как говорит (Апостол), Он обновил и по которому Он сам благоволил пройти.

Справедливо плоть названа завесою, – потому что, когда она вознеслась, тогда и открылось небесное. «Да приступаем, – говорит, – с искренним сердцем». Кто – «да приступаем»? Кто свят по вере, по духовному служению. «С искренним сердцем, с полной верою», – потому что здесь нет ничего видимого: и священник, и жертва, и жертвенник невидимы. Хотя и там священник не был видим, стоял внутри, а все прочие, весь и народ, вне, но здесь (Апостол) выражает не только то, что наш Священник вошёл во святое, – на это он указал словами: «великого Священника над домом Божиим», – но что входим и мы. Потому он говорит: «с полной верою»; можно ведь веровать и с сомнением, как например и ныне есть много людей, которые говорят, что для одних будет воскресение, а для других нет; это не полнота веры. Веровать должно так, как (мы уверены) в предметах видимых и даже гораздо больше; здесь, касательно предметов видимых, можно и ошибиться, а там нет; здесь мы воспринимаем чувством, а там духом. «Кроплением очистив сердца от порочной совести»: здесь он доказывает, что требуется не только вера, но и добродетельная жизнь, и то, чтобы не сознавать за собою ничего худого. В святое не допускаются те, которые не ведут себя вполне так, – потому что оно – святое и святое святых; следовательно, сюда не входит никто из нечистых. Те омывали тело, а мы совесть; нужно и ныне омываться, но уже добродетельно. «И омыв тело водою чистою». Здесь он говорит о купели (крещения), которая очищает не тело, а душу. «Ибо верен Обещавший».

Чему «верен Обещавший»? Тому, что нужно отойти (из здешней жизни) и войти в царство (небесное). Потому не исследуй, не требуй доказательств: наши (предметы) требуют веры. «Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам. Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматриваете приближение дня оного» ([Евр.10:24–25](#)). И опять в другом месте: «Господь близко. Не заботьтесь ни о чем» ([Флп.4:5–6](#)). «Ныне ближе к нам спасение» ([Рим.13:11](#)); и еще: «время уже коротко» ([1Кор.7:29](#)). Что значит: «не будем оставлять собрания своего»? Он имеет в виду, что от собрания и взаимного общения происходит великая сила. «Ибо, – говорит (Господь), – где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» ([Мф. 18:20](#)); и еще: «которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» ([Ин.17:11](#)); и еще: у всех «было одно сердце и одна душа» ([Деян.4:32](#)). Но не поэтому только (он указывает) на собрание, а и потому, что от него умножается любовь; за умножением же любви

необходимо следуют и дела по Боге. «Церковь, – говорится, – прилежно молилась о нем Богу» ([Деян.12:5](#)). «Как есть у некоторых обычай». Здесь он предлагает не только увещание, но и укоризну. «Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам». Он знает, что и это происходит от собрания. Как железо остриет железо, так и общение друг с другом умножает любовь. Если камень, ударяясь о камень, издаёт огонь, то не тем ли более душа, сообщаясь с душою? Заметь, он, не говорит: в (поощрении) ревности, но: «поощряя к любви».

Что значит: «поощряя к любви»? Чтобы более и более любить и быть любимыми. Прибавляет ещё: «и добрым делам», чтобы они прониклись соревнованием. И справедливо: если дела имеют больше силы для назиданья, нежели слова, то и вы, говорит, имеете многих учителей, оправдывающих учение делами. Что значит: «да приступаем с искренним сердцем»? Это значит – без лицемерия: «Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным» ([Сир.2:12](#)). Пусть не будет, говорит, у вас лжи; не будем говорить одно, а думать другое, потому что это – ложь; не будем малодушествовать, потому что это несвойственно искреннему сердцу, – малодушие ведь происходит от неверия. А каким образом достигнуть этого? Если мы будем иметь в себе полную веру. «Кроплением очистив сердца от порочной совести». Почему он не сказал: очищенные, но: «кроплением»? Чтобы показать различие окроплений и то, что одно от Бога, а другое от нас: окропить и омыть совесть – от Бога, а приступить искренно и с полною верою – от нас. Далее (Апостол) укрепляет веру, указывая на истинность Обещавшего. Что значит: «и омыв тело водою чистою»? Он говорит (о воде), или делающей чистыми, или не имеющей крови. Затем присовокупляет (то, что составляет) совершенство, – любовь. «Не будем оставлять, – говорит, – собрания своего», – как делают некоторые, расторгающие собрания. Это он запрещает им – потому что «озлобившийся брат *неприступнее* крепкого города» ([Притч.18:20](#)). Но «будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви». Что значит: «будем внимательны друг ко другу»? Т.е., кто добродетелен, тому будем подражать, будем смотреть на него, чтобы любить и быть любимыми; а от любви происходят добрые дела.

2. Великое благо – собрание. Оно делает любовь пламеннее, а от неё происходят все блага; нет блага, которое не происходило бы от любви. Будем же укреплять любовь друг к другу, потому что «любовь есть исполнение закона» ([Рим.13:10](#)). Не нужно нам ни трудов, ни подвигов, если мы любим друг друга; это – путь, который сам собою ведёт к добродетели. Как на большой дороге, кто найдёт её начало, тот идёт по

ней, не нуждаясь в проводнике, так и в любви: улови только её начало, и сейчас же она поведёт и направит тебя. «Любовь, – говорит (Апостол), – долготерпит, милосердствует, ...не мыслит зла» ([1Кор.13:4–5](#)). Пусть каждый размыслит с самим собою, как он поступает в отношении к себе; так же пусть поступает и в отношении к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать всё в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим, то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостыжания. Кто в самом деле станет отнимать у себя самого? Никто, а скорее – совершенно напротив.

Итак, будем иметь всё общим и не перестанем собираться вместе. Если мы будем делать это, злопамятству не останется места. И действительно, кто станет злопамятствовать против себя самого? Кто станете гневаться на себя самого? Напротив, не прощаем ли мы себе всё? Если таким же образом мы будем расположены, и к ближним, то злопамятства никогда не будете. Но возможно ли, скажешь, любить ближнего, как себя самого? Если бы этого не исполняли другие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас не бываете этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного; они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в царство? Никто. Но Павел решался на это за врагов, бросавших в него камнями, бичевавших. Какое же мы будем иметь оправдание, какое извинение, если мы друзьям не оказываем и малейшей части той любви, какую Павел оказывал врагам? И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглаженным из книги Божией ([Исх.32:32](#)). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорит: «вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они?» ([2Цар.24:17](#)) – и, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности.

Если же так было в ветхом завете, то какое прощение получим мы, живущие в новом, и не достигшие даже той меры любви, какой они (достигали)? Если мы не войдем в царство небесное, «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев» ([Мф.5:20](#)), то как мы войдем в него, если будем иметь меньше их? «Любите, – говорит (Го-

сподь), – врагов ваших», и будете подобными Отцу вашему, который на небесах ([Мф.5:44, 48](#)). Люби же врага; не ему ты (через это) благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Он, если будет любим тобою, немного приобретет, потому что будет любим подобным себе рабом; а ты, если будешь любить подобного себе раба, то приобретешь много, потому что сделаешься подобным Богу. Видишь ли, что не ему ты благодетельствуешь, а самому себе? Награда уготована не ему, а тебе. Но что, скажешь если он порочен? Тем большая готовится тебе награда; и за самую порочность его ты должен быть благодарен, если он, несмотря на множество благодеяний, остаётся порочным; если бы он не был весьма порочным, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом самый этот повод к нелюбви, возражение, что он порочен, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов. Не видишь ли, как борцы наполняют мешки песком и таким образом упражняются? А тебе нет нужды прибегать к этому; жизнь полна людьми, которые могут упражнять тебя и делать крепким. Не видишь ли, как деревья, чем более колеблются ветрами, тем делаются крепче и плотнее?

Будем же и мы долготерпеливыми, и сделаемся крепкими; «У терпеливого человека, – сказано, – много разума, а раздражительный выказывает глупость» ([Притч.14:29](#)). Замечаешь, какая похвала первому, и какая укоризна последнему? «Крепко безумен», т.е. совершенно. Потому не будем малодушными в отношении друг к другу. Не от вражды это происходит, а от слабости души; если же она будет крепкою, то будет легко переносит всё, не потонет ни от чего и войдёт в тихую пристань, которой да сподобимся достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 20

[Евр.10:26–27](#). Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.

1. Деревья, которые, будучи посажены и берегаемы со всякою заботливостью руками земледельца, не доставляют никакого вознаграждения за труды, исторгаются с корнем и бросаются в огонь. То же самое бывает и с просвещенными (крещением). Если мы, будучи насаждены Христом и сподобившись духовного орошения, окажем потом жизнь бесплодную, то нас ожидает гееннский огонь и неугасимый пламень. Потому Павел, предложив увещание о любви и плодоношении добрых дел, представив к тому отрадные побуждения, – именно в том, что мы имеем вход во святое и новый туда путь, который нам открыл (Христос), – теперь опять внушает то же самое, представляя побуждения более прискорбные. Сказав: «Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматриваете приближение дня того, – хотя и этого достаточно было для увещания, – присовокупляет: если мы, получив познание истины, произвольно грешим» ([Евр.10:25–26](#)). Необходимы, говорит, добрые дела и очень необходимы: «если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи».

Смысл слов его следующий: ты очистился, избавился от грехов, сделался сыном (Божиим); если и после этого возвратишься на прежнюю блевотину; то тебя ожидает уже отвержение, огонь, и тому подобное, – потому что нет второй жертвы. Здесь опять встречаются нам люди, как отвергающие покаяние, так и медлящие приступить к крещению: последние говорят, что им небезопасно приступить к крещению, если нет вторичного отпущения грехов; а первые утверждают, что небезопасно преподавать тайны согрешившим, если нет вторичного отпущения грехов. Что же нам сказать тем и другим? То, что (Апостол) говорит это не с такую целью; он не отвергает покаяния или помилования через покаяние, не отлучает падшего и не повергает его в отчаяние; он не враг нашего спасения; но что? Он отвергает вторичное крещение. Не сказал: «уже нет покаяния», или: «уже нет отпущения (грехов)», но: уже нет жертвы, т.е. уже нет второго креста; его он называет жертвою. «Не имеет нужды ежедневно, – говорит, – ...приносить жертвы ...ибо Он совершил это

однажды» ([Евр.7:27](#)), – не так, как приносились иудейские (жертвы), не часто. Потому он и говорил неоднократно о жертве, что она одна и одна, – с целью показать не только то, что она отличается от иудейских (жертв), но и предохранить слушателей, чтобы они не ожидали другой жертвы по закону иудейскому. «Ибо если мы, – говорит, – ...произвольно грешим».

Замечаешь, как он снисходителен? «Ибо если мы, – говорит, – ...произвольно грешим». Следовательно, для (согрешающих) невольно есть прощение. «Получив познание истины». Разумеет здесь или Христа, или все догматы. «То не остается более жертвы за грехи». Но что? «Но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников». Противниками он называет не только неверующих, но и делающих противное добродетели, и внушает, что тому же огню подвергнутся и наши (грешники), которому противники. Потом, желая выразить свирепость этого огня, как бы раздувает его и говорит: «ярость огня, готового пожрать противников». Как дикий зверь, раздраженный, рассвирепевший и разъярившейся, не успокаивается до тех пор, пока не схватит и не пожрет кого-нибудь, так и тот огонь, точно распаленный ревностью, кого схватит, того уже не отпускает, но пожирает и терзает. Далее (Апостол) приводит оправдание такой угрозы, – что она сообразна и справедлива. Этим самым, т.е. когда нам показывают её справедливость, мы располагаемся к вере. «Если отвергшийся закона Моисеева, – говорит, – при двух или трех свидетелях, без милосердия *наказывается* смертью» ([Евр.10:28](#)). «Без милосердия», – говорит; не было там никакого снисхождения, никакой милости, хотя это был закон Моисеев, который предписывал многое. Что значит: «при двух или трех свидетелях»? Когда, говорит, свидетельствовали два или три человека, то виновные тотчас подвергались наказанию. Если же в ветхом завете полагалось такое наказание, когда кто отвергал закон Моисея, то не тем ли более здесь? Потому он и говорит: «то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?» ([Евр.10:29](#)).

2. А каким образом попирает кто-либо Сына Божия? Если, приобщаясь Его в тайнах, он совершает грехи, то скажи мне, не попирает ли Его? Не презирает ли Его? Как попираемых людей мы ставим ни во что, так и согрешающие ставят ни во что Христа, потому и грешат. Ты стал телом Христовым, и отдаешь себя диаволу, чтобы он попирает тебя? «И не почитает за святыню Кровь завета, – говорит, – которою освящен». (слав. – «кровь завета скверну возмнив»). Что значит: «скверну»? Нечистой, или несколько не лучшею всего другого. «И Духа благодати оскорбляет», –

потому что не принимающий благодеяния оскорбляет благодетеля. (Христос) сделал тебя сыном; а ты хочешь быть рабом? Он пришел поселиться у тебя; а ты вводишь к себе злые помыслы? Христос хочет обитать у тебя; а ты попираешь Его объедением, пьянством? Послушайте вы, недостойно приобщающиеся тайн; послушайте, недостойно приступающие к этой трапезе: «не давайте, – говорит Он, – святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими» ([Мф.7:6](#)), т.е. чтобы не пренебрегли, чтобы не оплевали. Но (Апостол) сказал не так, а еще страшнее; он поражает души страхом, так как это могло подействовать на них не меньше увещания.

Он показывает различие (отвержения закона Моисеева и попраiania крови Христовой), а им самим предоставляет судить о наказании за последнее, как о деле очевидном. «То сколь тягчайшему, думаете, – говорит, – наказанию повинен будет» ([Евр.10:29](#))? Здесь, мне кажется, он разумеет таинства. Далее приводит и свидетельство: «Страшно, – говорит, – впасть в руки Бога живаго!». Писано «бо есть: у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь. И еще: Господь будет судить народ Свой» ([Евр.10:30–31](#)). Мы впадём, говорит, в руки Господа, а не в руки людей. Если не покаетесь, то впадете в руки Божии. Это страшно; а то – впасть в руки людей – ничего не значит. Когда мы видим, говорит, что кто-либо здесь наказывается, то не будем бояться настоящего, но будем страшиться будущего: «по милости бо Его и гнев Его, и на грешниках пребывает ярость Его» ([Сир.5:7](#)). Словами: «у Меня отмщение, Я воздам» – указывает здесь и на нечто другое. Это сказано о врагах, делающих зло, а не о терпящих зло. Таким образом он здесь и утешает, как бы так говорит: Бог всегда пребывает и живёт; потому, если (враги) не получают возмездия ныне, то получают после; им должно стенать, а не нам; мы впадаем в их руки, а они – в руки Божии; не терпящий зло страдает, а делающий зло; равно и не благодетельствуемый получает благодеяние, а благодетельствующий.

Зная это, будем твердыми в терпении зла и готовыми на благодеяния. А это будет тогда, когда мы станем презирать деньги и славу. Освободившись от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облечённого в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостыжания, а сколько – от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, – и вот он живёт жизнью, которая несноснее самой смерти. О чём, человек, скорбишь ты? О чём плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней обузы? О том ли, что ты не сидишь больше в страхе и трепете? Если кто-нибудь

привяжет тебя к сокровищу и прикажет сидеть там постоянно и бодрствовать над чужим (имуществом), то ты сетуешь и негодуешь; но когда ты сам привязал себя к нему несноснейшими узами, то почему скорбишь, будучи освобождён от такого рабства? Подлинно, эти горести и эти радости – следствие предрассудка. Мы должны хранить имущество так, как будто оно у нас чужое.

Теперь к женам обращаю речь свою. Когда у какой-либо жены есть одежда, истканная из золота, то она часто вытрясает её, завертывает в полотно, тщательно сохраняет, дрожит над нею и не пользуется ею. Точно она умерла, или овдовела, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы, износив её от частого употребления, не лишиться её; если другой не лишает, то она сама лишает себя по скупости. Но уступила её другой? Это еще неизвестно; а если и уступила, то и та пользуется ею точно также. Если бы кто-нибудь осмотрел содержимое домов, то нашел бы, что самые дорогие одежды и самые лучшие вещи берегутся так, как будто бы они были живыми властителями. (Жена) не употребляет их часто, но боится и дрожит, предохраняет их от моли и других истачивающих платье насекомых, обкладывает большую часть их мазями и ароматами и не всех удостаивает взглянуть на них, – только сама с мужем часто и старательно их раскладывает.

3. Не справедливо ли, скажи мне, Павел назвал любостяжание идолослужением? Какую честь те (язычники) оказывают идолам, такую же они – одеждам и золотым вещам. Доколе мы будем заниматься грязью? Доколе будем прилепляться к глине и кирпичам? Как те (иудеи) работали царю египетскому, так мы работаем диаволу, и получаем удары бичами гораздо тяжчайшие. Не прими этих слов за преувеличение: чем душа выше тела, тем тяжелее раны, которые мы наносим себе каждый день своими заботами, соединенными со страхом и трепетом. Но если мы захотим раскаяться, если захотим возвести очи к Богу, то Он пошлёт нам не Моисея и Аарона, но слово своё и сердечное сокрушение. Оно пришедши освободит наши души от горького рабства, изведёт нас из Египта, из этих бесполезных и напрасных хлопот, из этого рабства, не доставляющего никакой пользы. Те по крайней мере вышли с золотыми вещами, в вознаграждение за труды; а мы (не получаем) ничего, – и если бы только ничего! Но теперь мы получаем не золотые вещи, а египетские бедствия, – грехи, казни и мучения. Научимся же находить свою пользу, научимся терпеть потери; это достойно христианина.

Будем пренебрегать золотыми одеждами; будем пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь нам своего спасения; будем пренебрегать

деньгами, чтобы не пренебречь нам, своей души. Она понесёт наказание, она потерпит мучение; всё прочее остается здесь, а она отходит туда. Для чего же, скажи мне, для чего ты мучишь сам себя, и не чувствуешь? Говорю это любостязательным. Нужно сказать и тем, которые терпят от любостязания: переносите мужественно обиды от любостязательных; они губят себя самих, а не вас; у вас они отнимают имущество, а себя лишают Божия благоволения и помощи. А кто лишился (благоволения Божия), тот, хотя бы владел всем богатством вселенной, беднее всех; равно как беднейший из всех, но имеющий (это благоволение), богаче всех. «Господь, – говорит (Псалмопевец), – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться» ([Пс.22:1](#)). Скажи мне: если бы ты имела мужа великого и дивного, который бы любил тебя и заботился о тебе, и при том если бы ты знала, что он будет жив всегда и ты не умрёшь прежде него, и предоставил бы он тебе всё своё имущество, так что ты пользовалась бы им, как своим, – то захотела ли бы ты приобретать что-нибудь? И даже, если бы ты лишилась всего, не считала ли бы ты себя богатою? О чём же ты скорбишь? О том ли, что не имеешь богатства? Но знай, что у тебя отнят повод ко грехам. О том ли, что лишилась имущества? Но ты приобрела благоволение Божие. Как, скажешь, приобрела? (Апостол) сказал: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными» ([1Кор.6:7](#))? и еще: «За все благодарите» ([1Фес.5:18](#)); (Христос) сказал: «Блаженны нищие духом» ([Мф.5:3](#)). Подумай же, какого сподобишься ты благоволения, если покажешь это на деле.

От нас требуется только одно – за всё благодарить Бога, и мы будем иметь всё в изобилии. Например, ты потерял десять тысяч литр золота? Тотчас благодари Бога, и через это обращение к Нему и свою благодарность ты уже приобретаешь сто тысяч. За что, скажи мне, ты ублажаешь Иова: за то ли, что он имел столько верблюдов, стад и рабочего скота, или за сказанные им слова: «Господь дал, Господь и взял» ([Иов.1:21](#))? И диавол вредит нам не для того, чтобы только отнять у нас имущество, – он знает, что оно ничто, – но чтобы через это заставить нас сказать что-нибудь богохульное. Так и блаженного Иова он хотел сделать не только бедняком, но и богохульником. Когда он лишил его всего, то, смотри, что говорит ему через жену: «И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри» ([Иов.2:9](#)). Да ведь ты, лукавый, уже лишил его всего! Но не того, говорит, я домогался; того, для чего я всё делал, я еще не достиг; я старался лишить его помощи Божией; для того и имущества лишил его; вот чего я хочу, – а то ничего не значит; если это мне не удастся, то он не только не потерпит никакого вреда, но

ещё получит пользу.

4. Видишь, что и злой демон знает, какой вред бывает от этого? Для того, как видишь, он и строил козни через жену. Послушайте, мужья, которые имеете жён, привязанных к богатству и вынуждающих вас богохульствовать: помните Иова. Впрочем посмотрим, если угодно, на великую кротость его и на то, как он заградил уста жене. «Ты, – говорит, – говоришь как одна из безумных» ([Иов.2:10](#)). Подлинно, «худые сообщества развращают добрые нравы», ([1Кор.15:33](#)). Они и всегда портят, но особенно во время несчастий; тогда предлагающие дурные советы бывают сильны, потому что если душа и сама по себе склонна к нетерпению, то не гораздо ли более тогда, когда есть ещё советник? Не готова ли она тогда броситься даже в пропасть? Жена – великое благо, но и великое зло. И смотри, каким образом (диавол) старался подкопать эту крепкую стену. Так как лишение имущества не преодолело его и все потери не произвели ничего важного, но сам (враг) был обличён, что напрасно он говорил: «но простри руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?» ([Иов.1:11](#)), – то он вооружает против него жену. Видишь ли, чего он домогался? Но отнюдь не более помогла ему и эта хитрость. Так и мы, если будем переносить всё с благодарностью, то получим то же (что Иов); а если не получим, то нас ожидает большая награда. Так было и с этим алмазным мужем. Когда он доблестно перенес всё, тогда (Бог) дал ему и богатство; когда он доказал диаволу, что не из-за этого он служить (Богу), тогда дал ему и это.

Так поступает Бог: когда видит, что мы не привязываемся к благам житейским, тогда и даёт их нам; когда видит, что мы предпочитаем им блага духовные, тогда даёт нам и блага вещественные; не даёт же их прежде, чтобы мы не забыли о духовных. Таким образом Он, щадя нас, не даёт нам благ вещественных, чтобы хотя против воли отклонить нас от них. Нет, скажешь, напротив, когда я получу их, тогда удовлетворюсь и тем более стану благодарить (Бога). Лжешь ты, человек; тогда особенно ты и будешь лениться. Почему же, скажешь, Он многим даёт? Но откуда видно, что Он даёт? Кто же, скажешь, даёт другой? Собственное их любостяжание, грабительство. А почему Он попускает это? Потому же, почему (попускает) убийство, воровство, насилие. А что, скажешь, думать о тех, которые получают наследство от родителей, несмотря на то, что они сами исполнены бесчисленных пороков? Как Бог попускает им пользоваться этим? Так же, как Он попускает вора, убийцам и другим злодеям. Ныне время не суда, а благоустроения жизни.

Как я прежде говорил, так и теперь скажу: они подвергнутся

большому наказанию, если, наслаждаясь всеми благами, не сделаются оттого лучшими. Не все будут наказаны одинаково, но оставшиеся злыми, несмотря на благодеяния, будут мучиться больше, а жившие в бедности – меньше. Что это справедливо, о том послушай, как говорит Давид: не дал ли Я тебе, говорит, все (имущество) «господина твоего» ([2Цар.12:8](#)). Итак, когда ты увидишь, что молодой человек без трудов получил отцовское наследство и остался злым, то будь уверен, что ему готовится наказание сильнейшее и мучение жесточайшее. Потому будем подражать не такому человеку, но тому, кто наследовал добродетель, кто приобрёл духовное богатство: горе, говорит (Псалмопевец), «надеющимся на богатство свое» ([Пс.48:7](#)); и еще: «Блажен всякий, боящийся Господа» ([Пс.127:1](#)). В числе которых, скажи мне, хочешь быть ты? Конечно, в числе ублажаемых. Подражай же им, а не тем, чтобы и тебе получить уготованные им блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 21

[Евр.10:32–34](#). Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем *для других*, то принимая участие в других, находившихся в таком же *состоянии*; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее.

1. Отличнейшие из врачей, сделав глубокий разрез и эту раню усилив боли, стараются облегчить страдания больного члена, успокоить и утешить скорбящую душу, и потому уже не делают нового разреза, но и сделанный стараются облегчить лекарствами успокоительными и способными уничтожить сильные боли. То же сделал и Павел. Потрясти их души и приведши в сокрушение напоминанием о геенне, убедив их, что непременно погибнет всякий, ругающийся над благодатью Божией, и доказав законами Моисея, что (такие люди) погибнут и подвергнутся тяжким мучениям, подтвердив слова свои и другими свидетельствами и сказав: «Страшно впасть в руки Бога живаго!», – теперь, чтобы поражённые сильным страхом души их не впали от скорби в отчаяние, он утешает их похвалами и увещаниями и представляет им для соревнования собственный (их пример). «Вспомните, – говорит, – прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий». Много значит увещание (заимствованное) от дел. Тому, кто начал дело, следует продолжать, чтобы иметь, успех. Он как бы так говорит: когда вы ещё вступали, когда были только учениками, и тогда показали такое усердие, такое мужество; а теперь не так. Кто предлагает подобное увещание, тот весьма сильно действует собственным (их примером). И смотри: не просто сказал: «подвиг страданий», но с прибавлением: «великий». И не сказал: «искушения», но: «подвиг»; это выражение означает одобрение и величайшую похвалу. Потом входит в подробности, распространяя речь свою и высказывая многие похвалы. Как?

«То сами среди поношений и скорбей, – говорит, – служа зрелищем *для других*». Поношение сильно действует на сердце, способно взволновать душу и помрачить разум. Об этом, послушай, как говорит пророк: «Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: «где Бог твой?»» ([Пс.41:4](#)) и еще: «ибо не враг поносит меня, – это я перенес бы» ([Пс.54:13](#)). Род человеческий весьма тщеславен; потому он

легко уловляется и этим. И не просто сказал: «поношений», но еще выразительнее: «служа зрелищем для других». Когда кто терпит поношение наедине, и тогда бывает прискорбно; но гораздо больше, когда – при всех. Представь, как тяжело было им, отказавшимся от низкого иудейства, обратившимся к лучшей жизни и презревшим отеческие (обычаи), терпеть зло от своих домашних и не иметь никакой защиты. Не могу сказать, говорит, что вы, претерпевая это, скорбели; напротив вы даже весьма радовались. Это он выразил словами: «принимая участие в других, находившихся в таком же *состоянии*; ибо вы и моим узам сострадали»; здесь он указывает на апостолов. Не только, говорит, вы не посрамились перед домашними, но приняли участие и в других, терпевших то же. Этим он предлагает им и утешение. Не сказал: «переносили мои скорби», «сделались моими общниками», но просто: «моим узам сострадали». Видишь ли, что он говорит о себе и других узниках? Вы (говорит) не считали узы узам, но вели себя, как мужественные ратоборцы: не только в своих страданиях не нуждались в утешении, но служили утешением и для других.

«И расхищение имущества вашего приняли с радостью». О, какая полнота веры! Потом приводит и причину, побуждая их не только к подвигам, но и к непоколебимости в вере. Видя, говорит, расхищение своего богатства, вы терпели, потому что созерцали богатство невидимое, как видимое, – что свойственно истинной вере, которую и доказали самыми делами. Расхищение могло быть от насилия хищников, так что никто не мог воспрепятствовать этому, и отсюда ещё не видно, что вы терпели расхищение из-за веры. Впрочем, отчасти и видно: вы, если бы захотели, могли бы не подвергаться расхищению, не уверовав; но вы сделали гораздо больше, – перенесли это с радостью; это – дело вполне апостольское и достойное тех мужественных душ, которые радовались, подвергаясь бичеванию. «Они же, – сказано, – пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» ([Деян.5:41](#)). Кто переносит это с радостью, тот показывает, что он уже имеет некоторую награду, и что дело его есть не потеря, а приобретение. Слово: «принять» указывает на их добровольное терпение. Как же вы решились и приняли? «Зная, – говорит, – что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее». Что значить: «непреходящее»? Прочное, не погибающее так, как здешнее.

2. Похвалив их, он потом говорит: «Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние» ([Евр.10:35](#)). Что говоришь? Не сказал: «вы потеряли дерзновение ваше, приобретите его

снова», – чтобы они не впали в отчаяние, – но: «вы имеете его, не теряйте», – чем сильнее воодушевляет их и придаёт им силы. Вы, говорит, имеете дерзновение, чтобы снова приобрести потерянное; для этого требуется большой труд, а не потерять имеющегося – не так. К Галатам он пишет напротив: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» ([Гал.4:19](#)); и справедливо. Они оказывали беспечность, потому, для них нужна была речь более обличительная; а те (оказывали) некоторое малодушие, потому для них нужна была (речь) более снисходительная.

«Итак не оставляйте, – говорит, – упования вашего»; следовательно, они имели великое дерзновение перед Богом. «Которому предстоит, – говорит, – великое воздаяние». Что это значит? Мы, говорит, тогда получим его. Если же оно уготовано в будущем, то не должно искать его здесь. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: вот с нашей стороны все сделано, – он предупреждает такую мысль их и как бы так говорит: если вы знаете, что имеете на небесах имение лучшее, то ничего не ищите здесь; вы имеете нужду в терпении, а не в умножении подвигов, чтобы остаться при том же, чтобы не потерять данного вам; для вас не нужно ничего другого, кроме того, чтобы стоять, как стоите, чтобы, дошедши до конца, вы могли получить обещанное. «Терпение нужно вам, – говорит, – чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное» ([Евр.10:36](#)). Вам нужно только одно – терпеть замедление (в исполнении обещанного), а не снова подвизаться. Вы близ самого венца, перенесли все подвиги, узы, скорби, расхищение вашего имения: что же (остаётся вам)? Вы находитесь близ того, чтобы быть увенчанными; переносите только одно – замедление венца. Какое великое утешение! Он утешает их так, как если бы кто-нибудь говорил с ратоборцем, который победил всех и не имеет ни одного соперника, но, ожидая венца, теряет терпение, пока придёт начальник борьбы и возложит на него венец, и в нетерпении хочет уйти и убежать, не вынося жажды и жара. Это и он выражает, и что говорит? «Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит» ([Евр.10:37](#)). Чтобы они не сказали: когда же придёт? – он ободряет их словами Писания. И в другом месте, когда говорит: «ныне ближе к нам спасение» ([Рим.13:11](#)), он ободряет их тем, что остаётся немного времени. При том говорит не от себя, но словами Писания. Если же тогда говорили: «немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит», то, очевидно, что теперь Он ещё ближе. Таким образом и за ожидание получится немалая награда. «Праведный, – говорит, – верую жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя» ([Евр.10:38](#)). Сильно то

увещание, когда кто докажет, что исполнившие всё могут всё потерять из-за малой слабости. «Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере к спасению души» ([Евр.10:39](#)). «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. В ней свидетельствованы древние» ([Евр.11:1-2](#)). Вот какое он употребляет выражение: «уверенность, – говорит, – в невидимом»! Слово – «уверенность» употребляется о вещах, совершенно очевидных.

Таким образом вера, говорит, есть созерцание неявного и ведёт к такому же полному убеждению в невидимом, как в видимом. Как невозможно не верить видимому, так невозможно быть вере, когда кто не убеждён в невидимом вполне так же, как в видимом. Предметы надежды представляются не имеющими действительности, но вера доставляет им действительность, или лучше, не доставляет, но в этом и состоит их действительность; так например воскресения ещё не было и нет в действительности, но надежда делает его действительным в нашей душе. Вот что значит: «осуществление ожидаемого». Итак, если (вера) есть уверенность в предметах невидимых, то как вы хотите увидеть их, чтобы отпасть от веры и праведности, – так как «праведный верою жив будет»? Если вы хотите увидеть их, то вы уже не верующие. Вы трудились, говорит, вы подвизались; и я говорю это; но потерпите; в этом и состоит вера; не ищите всего здесь.

3. Это сказано евреям, но увещание относится и ко многим из собравшихся здесь. Как и каким образом? К малодушным, к нетерпеливым. Когда они видят, что злые счастливы в делах своих, а они сами несчастливы, то унывают и скорбят, желая наказания и отмщения тем, или ожидая себе наград за труды свои. «Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит», – говорил тогда Павел. Скажем это и мы малодушным. Наказание непременно будет, непременно придёт; воскресение и всё с ним связанное уже при дверях. Откуда, скажешь, это видно? Не говорю – из пророков, потому что у меня речь не к христианам только; но хотя бы то был язычник, я смело обращаюсь и к нему, предлагаю доказательства и ему, и научу его; а как – послушай.

Многое предсказал Христос. Если бы это не сбылось, то ты мог бы не верить и тому; если же всё это сбылось, то почему ты сомневаешься в остальном? Труднее было поверить, пока ничего не сбылось, нежели не верить, когда всё сбылось. Но лучше поясню мысль свою примером. Христос предсказал, что Иерусалим будет взят и подвергнется такому разрушению, какого не было никогда, и что он более уже не будет восстановлен; – и предсказание оправдалось самым делом ([Лк.19:44](#)).

Предсказал, что «будет великая скорбь» ([Мф.24:21](#)), – и сбылось. Предсказал, что проповедь распространится, как посеянное горчичное зерно, – и мы видим, что с каждым днём она более и более распространяется по вселенной ([Лк.13:19](#)). Предсказал, что оставившие отца, или мать, или братьев, или сестер, будут иметь и отцов и матерей, – и это, как видим, исполняется на деле ([Мф.19:29](#)). Предсказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» ([Ин.16:33](#)), т.е. никто не преодолет вас, – и это, как видим сбылось на деле. Предсказал, что «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» ([Мф.16:18](#)), и при том гонимой, и что никто не истребит проповеди, – и об (исполнении) этого предсказания свидетельствуют события. Такие предсказания тогда были весьма невероятны. Почему? Потому, что все они состояли в словах, а доказательств сказанному ещё не было представлено. Теперь же всё это тем больше заслуживает веры. Предсказал, что когда «проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» ([Мф.24:14](#)), – и вот мы уже достигли кончины: большая часть вселенной уже оглашена (Евангелием), и затем предстоит кончина.

Устрашимся, возлюбленные! Что, скажи мне, – тебя беспокоит это кончина? Она действительно близка, но предел жизни и кончина каждого гораздо ближе. «Дней лет наших, – говорит (Псалмопевец), – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет» ([Пс.89:10](#)). День суда близок: устрашимся хотя этого. «Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» ([Пс.48:8](#))? Во многом мы будем раскаиваться тогда; но «из умерших никто не вспоминает о Тебе» ([Пс.6:6](#)). Потому Давид говорит: «предстанем лицу Его со славословием» ([Пс.94:2](#)), т.е. пришествию Его. Здесь все, что мы сделаем, имеет силу; а там уже нет. Скажи мне: если бы кто-нибудь поставил нас на короткое время в раскалённой печи, то не употребили ли бы мы всех мер к своему освобождению, хотя бы потребовалось растратить имущество, или отдать себя в рабство? Как многие, впадши в тяжкие болезни, охотно согласились бы отдать всё, чтобы освободиться от них, если бы только им предоставлен был выбор! Если же здесь непродолжительная болезнь так мучит нас, то что мы станем делать там, когда раскаяние не будет приносить никакой пользы? Скольких мы исполнены теперь пороков, и не чувствуем? Друг друга угрызаем, друг друга терзаем, оскорбляя, обвиняя, клеветца, завидуя славе ближних. И смотри, какое тяжкое зло: когда кто хочет истребить доброе мнение о ближних, то говорит: такой-то говорил мне о нём то-то, – прости мне, Господи, не осуди меня, – я передаю только слух. Для чего же

и говоришь ты, если сам не веришь? Для чего передаёшь? Для чего распространением слуха делаешь его вероятным? Для чего передаешь рассказ, когда он неверен? Ты сам не веришь ему, и просишь Бога, чтобы Он не осудил тебя? Не говори же, а молчи, и избавь себя от всякого страха.

4. Не знаю, откуда вошла в людей эта болезнь: мы стали болтливы; в нашей душе не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увещевая, говорит: «Выслушал ты слово, пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя» ([Сир.19:10](#)); и ещё: услышал слово «безумно», и поболел, – «как рождающая – от младенца» ([Сир.19:11](#)). Мы готовы на обвинения, скоры на осуждения. Если бы мы не сделали никакого другого зла, то и это одно достаточно для того, чтобы погубить нас, свести в геенну, причинить нам тысячи бед. А чтобы ты точнее узнал это, послушай пророка, который говорит: «сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветешь» ([Пс.49:20](#)). Но не я, говоришь, а другой. Нет, – ты. Если бы ты не говорил, то другой не услышал бы; а если бы и услышал, то ты не был бы виновником греха. Недостатки ближних должно замалчивать и прикрывать; а ты под предлогом доброжелательства выставляешь их на показ, делаешься если не обвинителем, то рассказчиком, болтуном, глупцом. О, ужас! Вместе с ним ты срамишь себя самого, и не чувствуешь? Смотри, сколько зол происходит отсюда: ты прогневлишь Бога, огорчаешь ближнего, делаешь себя самого повинным наказанию. Не слышал ли, что Павел говорит о вдовицах? «Притом же они, будучи праздны, – говорит, – приучаются ходить по домам и *бывают* не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно» ([1Тим.5:13](#)).

Таким образом, даже и тогда, когда бы ты верил сказанному о твоём брате, не следует пересказывать, а тем более, когда не веришь. О себе ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осуждённым от Бога? Бойся же, чтобы не быть тебе осуждённым и за болтливость. Здесь ты не можешь сказать: Бог не осудит меня за болтливость, – потому что это дело есть болтливость. Для чего ты распространяешь слух? Для чего умножаешь зло? Оно может погубить нас. Потому и говорит Христос: «Не судите, да не судимы будете» ([Мф.7:1](#)). Но мы нисколько не думаем об этом, и пример фарисея не вразумляет нас. Он сказал правду: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» ([Лк.18:11](#)), сказал тогда, когда никто не слушал его, – и однако осуждён. Если же он осужден, высказав правду и когда никто не слушал его, то какому подвергнутся мучению те, которые всюду разглашают ложное и такое, в чём сами не уверены, подобно болтливым

женщинам? Чего не потерпят они? Положим же на уста свои дверь и ограждение. От болтливости произошло бесчисленное множество зол: расстраивались семейства, разрывались узы дружбы, совершались тысячи других бедствий. Не старайся же, человек, узнавать то, что касается ближнего. Но ты болтлив, ты имеешь этот недостаток? Говори лучше о своих делах Богу, – и это не будет недостатком, а приобретением; говори о своих делах друзьям, друзьям истинным и правдивым, на которых ты полагаешься, чтобы они молились о грехах твоих. Если будешь говорить о чужих делах, то не получишь никакой пользы, никакого приобретения, но ещё повредишь; а если будешь исповедывать свои дела перед Владыкой, то получишь великую награду. «Я сказал, – говорит (Псалмопевец), – «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» ([Пс.31:5](#)).

Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого; никто тебя не обвинит, если ты будешь осуждать сам себя; но обвинит, если ты не будешь осуждать сам себя; обвинит, если ты не будешь обличать сам себя; обвинит, если ты не будешь скорбеть о себе самом. Ты видишь, что кто-нибудь гневается, раздражается, или делает что-нибудь другое безрассудное? Тотчас подумай о своих делах; тогда и его не слишком будешь осуждать, и себя избавишь от бремени грехов. Если мы таким образом будем соразмерять жизнь свою, если таким образом будем благоустраивать её, если будем осуждать самих себя, то конечно не допустим многих грехов, но сделаем много доброго, будем кроткими и умеренными, и получим все блага, обещанные любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 22

[Евр.11:3–4](#). Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое. Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще.

1. Вера требует души бодрственной и юной, возвышающейся над всем чувственным и парящей выше немощных помыслов человеческих. Верующим невозможно быть иначе, как освободившись от общеобычного (порядка вещей). Поэтому, так как души евреев были немощны и хотя начали с веры, но потом от обстоятельств, – разумею страдания и скорби, – ослабели, впали в малодушие и колебались, то (апостол) ободрял их сначала собственными их подвигами: «Вспомните, – говорил он, – прежние дни ваши»; затем Писанием, которое говорит: «Праведный верою жив будет»; потом своими соображениями: «Вера же, – говорил он, – есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Теперь он (ободряет их) примером предков, тех великих и дивных мужей, и как бы так говорит: если тогда, когда блага были у ног, все спасались верою, то тем более мы. Когда душа видит другого разделяющим с нею одно и то же, то успокаивается и чувствует облегчение. Так бывает и в делах веры, так и в скорби, о чем говорит (апостол) в другом месте: «утешиться с вами верою общою, вашею и моею» ([Рим.1:12](#)).

Род человеческий весьма мнителен, не может полагаться на себя самого и боится за верность своих суждений; при том заботится, и весьма много заботится о мнении других. Что же делает Павел? Он ободряет их примером предков, и прежде того – общим соображением. Вера была тогда порицаема, как дело бездоказательное и даже вводящее в заблуждение; потому он доказывает, что самые великие дела совершаются верой, а не рассуждениями. Как же он доказывает это, скажи мне? «Верою, – говорит, – познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое». Известно, говорит, что Бог сотворил из не сущего сущее, из невидимого видимое, из не существующего существующее. Но откуда известно, что Он совершил это «словом». Разум не внушает ничего такого, а напротив говорит, что видимое происходит от видимого же. Особенно философы утверждают, что из ничего не бываете ничего, – так как они люди душевные и ничего не предоставляют вере. Между тем они сами обличают себя, когда, говоря о чем-нибудь великом и высоком,

предоставляют это вере; так, например, они говорят, что Бог безначален и не рождён, между тем разум не внушает и этого, но – противное. И посмотри на великую глупость их. Они говорят, что Бог безначален; а это гораздо удивительнее, нежели происхождение (сущего) из не сущего. Сказать, что Он безначален, что Он не рождён, что Он сам от Себя, а не рождён от другого, гораздо непонятнее, нежели сказать, что Бог сотворил сущее из не сущего. Здесь много вероятного, именно – что Он сотворил нечто, что сотворённое имеет начало, что оно сотворено всецело; а там слова: самобытен, не рождён, не имеет ни начала, ни времени, – скажи мне, не требуют ли веры?

Но (апостол) не указывает на то, что гораздо важнее, а на менее важное: «верую, – говорит, – познаем, что веки устроены словом Божиим». Откуда, говорит, известно, что Бог сотворил всё «словом»? Разум не внушает этого, и никого не было тогда, когда это происходило. Известно по вере; это познание есть дело веры. Потому он и сказал: «верую познаем». Что, скажи, мы «верую познаем»? То, что видимое произошло от невидимого. Это – предмет веры. Сказав вообще, он потом раскрывает это, указывая на лица. Доблестный муж стоит целой вселенной, как выразился (апостол) впоследствии. Именно, указав на пример ста или двух сот лиц, и зная, что количество не важно в сравнении с качеством, он затем сказал: «те, которых весь мир не был достоин» ([Евр.11:38](#)). «Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин». Смотри, на кого он указывает прежде всех, – на пострадавшего, и при том от брата, который ничем не был обижен, но позавидовал (благоволению) Божию. Это страдание было близко к ним: «потому что, – говорит он, – и вы то же претерпели от своих единоплеменников» ([1Фес.2:14](#)). Вместе с тем показывает, что и они терпели от зависти и ненависти. Тот почтил Бога и умер за то, что почтил; а воскресения еще не получил. Доброе настроение его открылось, зависевшее от него сделано; а зависящее от Бога ему ещё не предоставлено. «Лучшую»: (так апостол) называет здесь жертву лучшую, отличнейшую, необходимейшую. Мы, говорит, не можем сказать, что она не была принята; (Бог) принял её и сказал Каину: «если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица» ([Быт.4:7](#)).

Следовательно, Авель и право принес, и право разделил. Однако же за это какое получил вознаграждение? Он был убит рукою брата; осуждение, которому за грех подвергся отец, первый принял на себя праведный сын, и пострадал тем тяжелее, что пострадал от брата, и первый. Он сделал праведное дело, не видя примера ни в ком. В самом деле, на кого взирая, он так почтил Бога? На отца и мать? Но они оскорбили (Бога) за Его

благодетения. На брата? Но и он не почтил Его. Таким образом он сам собою совершил доброе дело. И тогда как он был достоин чести, что он получает? Умерщвляется. Далее (апостол) воздаёт ему ещё другую похвалу: «ею, – говорит, – получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще». Как же ещё иначе было засвидетельствовано, что он – праведник? Огонь, говорится (в Писании), сошёл и сожг его жертвы. Вместо: «И призрел Господь на Авеля и на дар его», (один переводчик) читает: «и воспламенил» ([Быт.4:4](#)). Итак, (Бог) и словами и делом засвидетельствовал, что он праведник, – и однако, видя, что он за Него умерщвляется, не воспрепятствовал, но попустил это.

2. Но у вас (говорит апостол) не так. Как же, когда вы имеете и пророков, и примеры, и множество внушений, знамений и чудес? Таким образом там поистине была вера. Какие чудеса видел тот (Авель) для того, чтобы убедиться, что в воздаяние ему будут дарованы какие-нибудь блага? Не по одной ли вере он был добродетелен? Что значит: «ею он и по смерти говорит еще»? Чтобы не привести их в отчаяние, (апостол) показывает, что (Авель) отчасти получил вознаграждение. Какое? То, что об нём, говорит, много воспоминают. Это именно он и выразил словами: «ею он и по смерти говорит еще»; т.е. (брат) убил его, но не убил вместе с ним его славы и чести. Он не умер; таким же образом не умрёте и вы, – потому что чем кто тяжелее страдает, тем больше слава его. Как же он «по смерти говорит»? Это и есть признак жизни, когда все прославляют, превозносят и ублажают; убеждающий других быть праведными, конечно, «говорит». Не столько действует слово, сколько его страдание. Как небо, делаясь только видимым, «говорит», – так и он, будучи воспоминаем. Если бы даже он сам проповедывал о себе, если бы имел тысячи языков и был в живых, – и тогда ему не удивлялись бы так, как теперь. Иначе сказать, (такая слава) не достигается безнаказанно и легко, и не исчезает.

«Верую Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу. А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает» ([Евр.11:5–6](#)). Он показал веру больше Авелевой. Как? Так, что, хотя он жил и после Авеля, но случившееся с Авелем могло отворотить его (от добродетели). Каким образом? Бог предвидел, что (Авель) будет убит, потому что сказал Каину: «у дверей грех лежит», не прибавляй ещё ([Быт.4:7](#)), – был почитаем от него, и однако не избавил его. Но (Энох) от этого не предался беспечности, не сказал самому себе: какая польза от

трудов и опасностей? Авель почитал Бога, и (Бог) не избавил его. Какая польза умершему оттого, что брат его наказан? Какую выгоду мог он извлечь отсюда? Положим, что подверг (Каина) тяжкому наказанию; но что из того убитому? Ничего такого он не сказал и не подумал, но оставил всё это, зная, что если есть Бог, то без сомнения есть и мздовоздаятель, хотя тогда ещё ничего не знали о воскресении. Если же люди, ещё ничего не знавшие о воскресении, но видевшие здесь противное, так благоугождали, то не тем ли более (должны) мы? Те ни о воскресении не знали, ни примеров не могли видеть. То самое и сделало (Эноха) благоугодившим (Богу), что он ничего не получал. Он знал, что Бог есть мздовоздаятель; но, скажи мне, откуда? Ведь Авелю ещё не было воздаяния. Таким образом разум внушал одно, а вера – противное видимому. Так и вы, говорит (апостол), если видите, что вы не получаете здесь никакого воздаяния, не смущайтесь.

Как же «Верую Енох переселен был»? Благоугождение – (Богу) – было причиною переселения, а причиною благоугождения – вера. В самом деле, если бы он не был убеждён, что получит воздаяние, то как стал бы благоугождать? «без веры угодить Богу невозможно». Почему? Потому что получить воздаяние может только тот, кто верует, что есть Бог и воздаяние. Отсюда и происходит благоугождение. «ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть», а не тому, «что» Он есть. Если же то, что есть (Бог), принимается верою, а не постигается разумом, то возможно ли постигнуть разумом то, что Он есть? Если то, что Он – мздовоздаятель, требует веры, а не умственных соображений, то как можно обнять разумом свойства Его существа? Какой разум может постигнуть их? Есть же люди, которые говорят, что всё существующее существует само собою. Видишь ли, что если мы не веруем во всё, не только в воздаяние, но и в самое бытие Бога, то у нас всё погибает? Многие спрашивают, куда переселён Енох и почему переселён, почему не умер, и не он только, но и Илия, и если они живут, то как живут и в каком состоянии. Но спрашивать об этом совершенно излишне. О том, что первый переселён, а последний вознесён (на небо), Писание сказало; а где они и как существуют, этого не прибавило, – потому что оно не говорит ничего, кроме необходимого. Такое событие, – разумею переселение (Эноха), – произошло вскоре, в самом начале, для того, чтобы человечество питало надежду на прекращение смерти, на уничтожение власти дьявола, на то, что смерть будет уничтожена: ведь он переселён не мёртвый, но так, что не видел смерти. Потому (апостол), сказав, что он переселён живой, прибавляет: «угодил Богу».

Подобно тому, как иной отец, пригрозив сыну и желая привести угрозу в исполнение тотчас же, после того как высказал её, сдерживается однако и медлит, чтобы вразумить и усювестить (сына), оставляя впрочем угрозу во всей силе, так и Бог, выражаясь по-человечески, не удержался, но тотчас же показал, что смерть будет уничтожена. Он сперва попустил смерти поразить праведника, желая сыном утратить отца. Чтобы показать, что определение Его остается во всей силе, Он подверг этому наказанию немедленно не злых людей, но даже благоугодившего Ему, т.е. блаженного Авеля; а вскоре после него переселил Эноха живым. Он не воскресил первого, – чтобы люди не предались беспечности, – а последнего переселил живым; Авелем утратил, а Энохом внушил ревность о благоугождении Ему. Таким образом утверждающие, что всё возвращается и совершается само собою, и не ожидающие воздаяния, не благоугождают (Богу) так же, как и язычники; а «ищущим Его» делами и ведением Он «воздаёт».

3. Итак, имея Мздовоздаятеля, будем делать всё так, чтобы нам не лишиться наград за добродетель. Не думать о таком возмездии, пренебрегать таким воздаянием, – это достойно многих слёз. Как «ищущим Его воздаёт», так не ищущим – напротив: «ищите, и найдете» ([Мф.7:7](#)), сказал (Господь). А как можно обрести Господа? Вспомни, как отыскивается золото, – с великим трудом. «...ищу Господа, – говорит (Псалмопевец), – рука моя простерта ночью и не опускается» ([Пс.76:3](#)). Как мы ищем потерянное, так будем искать и Бога. (При искании чего-нибудь) не устремляем ли мы туда всего ума своего? Не спрашиваем ли всех? Не предпринимаем ли путешествия? Не обещаем ли денег? Положим, у нас потерялся сын. Чего мы тогда не делаем? Какой не проходим суши, какого моря? Не считаем ли и денег, и домов, и всего другого маловажнее его отыскания? И если находим, то удерживаем, принимаем в объятия, не отпускаем от себя. Если, желая найти что-нибудь, мы употребляем все меры к тому, чтобы найти желаемое, то не тем ли более касательно Бога нам следует поступать так, как при отыскании чего-нибудь необходимого, или лучше сказать, не так, а гораздо более?

Но так как мы немощны, то ищи Бога по крайней мере так, как ты ищешь своих денег, или сына. Не предпринимаешь ли ты для этого путешествий? Не путешествовал ли ты когда-нибудь для денег? Не изобретаешь ли всякие к тому средства? И когда найдешь, не бываешь ли тогда весел? «Ищите, – сказано, – и найдете». Искание требует многих забот, особенно касательно Бога, потому что при этом (встречается) много препятствий, много недоразумений, много такого, что поражает наши

чувства. Как солнце, хотя само по себе ясно и является взорам всех, и нам нет нужды искать его, но, если мы закопаем себя в землю и со всех сторон закроем себя, то потребуются много труда, чтобы нам увидеть солнце, – так и здесь: если мы закопаем себя в глубину порочных пожеланий, во мрак страстей и дел житейских, то с трудом в состоянии будем взглянуть, с трудом – поднять голову. Зарытый в глубину чем выше будет смотреть, тем более будет приближаться к солнцу.

Стряхнем же и мы с себя прах, развеем окружающую нас мглу; она густа, непроницаема и не позволяет нам смотреть вверх. А как, скажешь, мы можем разогнать это облако? Если будем привлекать к себе лучи духовного солнца, солнца правды, если будем воздевать руки к небу: «воздеяние, – говорит (Псалмопевец), – рук моих – как жертва вечерняя» ([Пс.140:2](#)), – если с руками будем устремлять горé и ум. Вы, посвященные в тайны, знаете, о чем я говорю; вы вероятно понимаете сказанное и соображаете, на что я намекаю. Будем же устремлять горé наш ум. Я знаю многих мужей, которые почти отделились от земли, свыше меры воздевают руки, скорбят, что невозможно подняться ещё выше, и молятся с таким усердием! Желая, чтобы и вы были такими же всегда; если же не всегда, то часто; если не часто, то хотя иногда, хотя по утрам, хотя по вечерам. Неужели, скажи мне, ты не можешь воздевать рук? Воздевай тогда ум, сколько хочешь; воздевай его до самого неба. Если бы ты захотел достигнуть самой вершины и, поднявшись ещё выше, там шествовать, и это возможно для тебя. Наш ум легче всякой птицы и парит выше. А когда он получит ещё благодать Духа, – о, как тогда он быстр, как стремителен, как перелетает через всё, как не легко спускается вниз и падает на землю! Устроим себе такие крылья; на них мы в состоянии будем перелетать и бурное море настоящей жизни. Быстрейшие из птиц в короткое время безвредно перелетают через горы и холмы, моря и утесы. Таков и ум: когда он бывает окрылён, когда оставляет всё житейское, тогда ничто не может удержать его, тогда он выше всего и даже разженных стрел дьявола.

Дьявол не такой искусный стрелок, чтобы мог достигать до этой высоты, – но что? Он бросает стрелы, – потому, что безстыден, – но они не достигают цели; стрела возвращается к нему без успеха, и не только без успеха, но и на его собственную голову, потому что, будучи брошена им, она непременно должна поразить кого-нибудь. Как (стрела), брошенная людьми, или поражает то, во что брошена, – птицу, стену, одежду, дерево, – или рассекает воздух, так и стрела дьявола непременно должна поразить кого-нибудь; если она не поразила того, в кого брошена, то непременно поражает бросившего. Из многих примеров можно убедиться, что когда ею

не поражаемся мы, то непременно он поражается. Так, например, он строил козни Иову, и его не поразил, а сам был поражён; злоумышлял против Павла, и его не поразил, а сам был поражён. И везде можно видеть это, если мы будем внимательны. Когда он не поражает, тогда сам терпит поражение; а тем более, когда мы, вооружившись и оградив себя против него мечём и щитом веры, тщательно наблюдаем, чтобы не быть уловленными.

Стрела же диавола есть порочное пожелание. В особенности гнев, – это огонь, это пламень, который схватывает, умерщвляет; сожигает. Но мы будем угащать его долготерпением, воздержанием. Как раскалённое железо, будучи опущено в воду, теряет жар свой, так и гнев, попав в душу человека долготерпеливого, нисколько не вредит долготерпеливому, а напротив приносит пользу, так что он становится ещё крепче. Ничто не может равняться с долготерпением. Такой человек никогда не оскорбляется; но как алмазотелы не разбиваются, так и эти души; он выше стрел. Долготерпеливый высок и так высок, что удар стрелы не достигает до него. Когда кто выходит из себя, ты смейся; смейся, впрочем, не явно, чтобы не раздражить его ещё более, но смейся в душе, про себя. Над детьми, когда они ударяют нас с гневом, как бы желая отмстить, мы смеёмся. (Так и над ним) если ты будешь смяться, то между тобою и им будет такое же различие, как между дитятей и мужем; если же станешь огорчаться, то будешь дитятей, потому что гневающийся безрассуднее детей. Скажи мне: когда кто видит, что дитя выходит из себя, то не смеётся ли? То же бывает и с гневающимися: они и малодушны, если же малодушны, то и безрассудны: «раздражительный, – говорит (Премудрый), – выказывает глупость» – значит он – неразумное дитя, – а «у терпеливого человека много разума» ([Притч.14:29](#)). Будем же приобретать это долготерпение, от которого происходит в сохраняющих его великое благоразумие, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 23

[Евр.11:7](#). Верую Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговейно приготовил ковчег для спасения дома своего; его осудил он (весь) мир, и сделался наследником праведности по вере.

1. «Верую, – говорит, – Ной, получив откровение». Как Сын Божий, беседуя о своём пришествии говорил: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж» ([Лк.17:26–27](#)), так и он говорит. Благовременно напоминает он (евреям) пример, близкий к ним; а пример Еноха был только примером веры, Ной же (пример) – и неверия. Утешение и увещание бывает совершенным тогда, когда видно не только то, что верующие удостоиваются чести, но и то, что неверующие терпят противное. Что он говорит в словах: «Верую Ной, получив откровение»? Что это значит? Ему говорит, предсказано было; ответом называет пророчество, как и в других местах говорится: «Ему было предсказано Духом Святым» ([Лк.2:26](#)), ещё: «Что же говорит ему Божеский ответ» ([Рим.11:4](#))? Видишь ли равночестие Духа (с Отцом)? Как Бог даёт ответ, так и Дух Святой. Для чего же (апостол) так сказал? Чтобы показать, что ответ есть пророчество. «О том, что еще не было видимо», – т.е. о дожде, – «благоговейно приготовил ковчег». Разум не внушал ничего такого: и женились, и выходили замуж, и воздух был чист, и признаков никаких не было; а между тем (Ной) убоился; потому (апостол) и говорит так: «Верую Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговейно приготовил ковчег для спасения дома своего». Каким образом? «Его осудил он (весь) мир». Он показывает, что те были достойны наказания, которые и вследствие приготовления (ковчега) не исправились. «И сделался наследником праведности по вере», т.е., в том и обнаружилась его праведность, что он поверил Богу.

Таково свойство души, искренно расположенной к Нему и не считающей ничего достовернее слов Его; а неверию свойственно противное. Ясно, что вера оправдывает. Как мы получили предсказание о геенне, так и он. Тогда смеялись над ним, поносили его и порицали; но он не обращал на это внимания. «Верую Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет. Верую обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования» ([Евр.11:8–9](#)). Скажи мне: кого видел (Авраам), кому бы мог подражать? Отец у него был

язычник и идолопоклонник, пророков он не слышал и не знал, куда идёт. Так как уверовавшие из иудеев смотрели на них (праотцев), как на получивших бесчисленные блага, то (апостол) и говорит, что никто из них ничего не получил, что все остались не вознагражденными и ни один не получил воздаяния. Тот (Авраам) оставил отечество и дом, и вышел, не зная, куда идёт. Впрочем, что удивительного, если он сам (так поступил), когда и потомство его жило так же? Видя, что обещание не исполняется, он не унывал, потому что (Господь) сказал ему: «всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки» ([Быт.13:15](#)). Он видел, как Сын его жил там же, и внук видел себя живущим в земле чужой, и нисколько не смущался.

С самим Авраамом, конечно, это могло произойти, потому что обетование могло исполниться после, в потомстве его, – хотя, впрочем, и ему было сказано: «тебе дам Я и потомству твоему», не сказано: «тебе в семени твоём», а: «тебе дам Я и потомству твоему», – но ни он, ни Исаак, ни Иаков не получили обещанного. Один работал за плату, другой был изгоняем, а он сам подвергался страху и едва спасся; у него одно приобретено было войною, другое погибло бы, если бы он не получил помощи от Бога. Потому (апостол) и говорит: «сонаследниками того же обетования»; не он только один, говорит, но и наследники его. Далее прибавляет нечто такое, что яснее сказанного: «Все сии умерли в вере, не получив обетований» ([Евр.11:13](#)). Здесь представляются два вопроса: как, сказавши, что Енох «переселен был так, что не видел смерти», – говорит теперь: «Все сии умерли в вере»? И еще: как, сказавши: «не получив обетований», – говорит, что Ной получил в награду спасение своего семейства, Енох был переселён, Авель «говорит еще», Авраам получил землю? «Умерли в вере, – говорит, – «не получив обетований». Что же означают слова его? Нужно решить сперва одно, а потом другое. «Все сии, – говорит, – умерли в вере». «Все сии», – говорит он здесь не потому, чтобы они решительно все умерли, но потому что, за исключением Еноха, действительно умерли все, кого мы знаем умершими. А слова: «не получив обетований» – справедливы, так как обетование, данное Ною, не к тому относилось.

2. О каких же обетованиях он говорит? Исааку и Иакову была обещана земля; а Ной, Авель и Енох какие получили обетования? Он говорит здесь или о последних троих, или вместе и о тех. То не было обетованием, что Авель сделался предметом удивления, Енох был переселён, Ной спасся от потопа; всё это даровано им за добродетель, и было некоторым предвкушением будущего. Бог, от начала зная, что человеческий род имеет

нужду в великом снисхождении, дарует нам не только то, что в будущем, но и настоящее. Так и Христос говорил ученикам: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» ([Мф.19:29](#)); и еще: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» ([Мф.6:33](#)). Видишь ли, что и это даётся от Него в виде приложения, чтобы мы не унывали?

Ратоборцы, хотя получают облегчение и в то время, когда находятся в борьбе, но, подчиняясь законам, не имеют полного отдыха, а пользуются им впоследствии; так, и Бог здесь не дарует нам полного успокоения, но, хотя отчасти и дарует, сполна сберегает его для будущей жизни. А что это так, (апостол) сам объяснил, прибавив следующее: «а только издали видели оные, и радовались» ([Евр.11:13](#)). Здесь он намекает на нечто таинственное; указывает, что они предчувствовали всё, сказанное о будущем, о воскресении, о царствии небесном и о прочем, о чём проповедовал Христос, пришедши на землю, – это именно он понимает под обетованиями. И так, или это он говорит, или то, что они, хотя не получили таких обетований, но окончили жизнь, уповая на них; а уповали по одной вере. «Только издали видели», т.е., за четыре поколения, – через столько поколений они вышли из Египта. «...и радовались», – говорит. Они были так уверены в этих (обетованиях), что даже приветствовали их, подобно тому, как мореплаватели, издали увидев города, к которым стремились, прежде нежели войдут в них, обращаются к ним с приветствиями и уже считают их своими. «Ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог» ([Евр.11:10](#)). Видишь ли, что выражение: «не получив» означает, что они ожидали и надеялись на обетования? Если же надежда ведёт к получению, то и нам можно получить. И они, хотя не обладали (обещанными благами), но в своём стремлении к ним созерцали их. А для чего это было? Для того, чтобы пристыдить нас: они даже тогда, как им были обещаны земные (блага), не прилеплялись к ним, но желали будущего града; а нам Бог непрестанно говорит о горнем граде, но мы желаем здешнего. (Бог) говорит им, что Он даст им (блага) настоящего времени, но так как видел, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высших (благ), то Он сподобил их получить не те, а эти, высшие, чтобы показать нам, что не прилепляющиеся к первым достойны последних, – подобно тому, как если бы кто обещал разумному человеку детские игрушки, не для того, чтобы тот принял их, но чтобы показать его любознательность, его стремление к высшему. (Апостол) показывает, что они с такою ревностью отрешались от

земли, что даже не хотели принять предлагаемого. Потому-то получают это потомки их, как люди достойные земли. Что значит: «города, имеющего основание» Разве здешние (города) не имеют оснований? В сравнении с теми не имеют. «Которого художник и строитель Бог».

О, какая похвала этому граду! «Верую и сама Сарра». Этим начал с целью укорить, если бы они оказались малодушнее жены. Но, скажет кто-нибудь, как (может быть названа) верующей та, которая засмеялась? Правда, смех её от неверия, но страх – от веры; слова её: «...я не смеялась. Ибо она испугалась» ([Быт.18:15](#)) происходили от веры. После того, как не стало неверия, явилась вера. «Верую и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший» ([Евр.11:11](#)). Что значит: «к принятию семени»? То, что она, будучи уже как бы мертвою, бесплодною, получила силу удержать семя, зачать. Неспособность её происходила от двух причин: от лет, так как она уже состарилась, и от природы, так как была бесплодна. «И потому от одного, и притом омертвелою, родилось так много, как *много* звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском» ([Евр.11:12](#)). «И потому, – говорит, – от одного, и притом омертвелою, родилось так много». Здесь он выражает не только то, что она родила, но и то, что она сделалась матерью такого множества, какого не имеют и плодоносные утробы. «Как *много* звезд на небе», – говорит. Почему же (в Писании) они часто исчисляются, между тем сказано: как никто не может исчислить звёзд небесных, так и семени вашего ([Быт.13:16](#))? (Писание) говорит это или преувеличенно, или имея в виду тех, которые постоянно рождаются вновь. Предков одного семейства можно исчислить, как произошёл этот от такого-то, а тот от такого-то, но тех, чей род сравнивается с множеством звёзд, (исчислить) невозможно.

3. Таковы обетования Божии, так удобоисполнимо обещанное Им! Если же обещанное Им в виде приложения так удивительно, так чудно, так блистательно, то каково то, чего оно составляет дополнение, чему оно служить избытком? Следовательно, кто блаженнее получающих эти блага и кто несчастнее теряющих? Если все жалеют человека, изгнанного из отечества, если считают жалким потерявшего наследство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается неба и уготованных там благ? Но не оплакивать его только нужно: оплакивают того, кто подвергся какому-либо несчастью не по своей вине; но кто по собственной воле предаётся порокам, тот достоин не слёз, а рыданий, или лучше и он достоин скорби, потому что Господь наш Иисус Христос скорбел и плакал о Иерусалиме, который был нечестив.

Подлинно, мы достойны бесчисленных стенаний, бесчисленных рыданий! Если бы вся вселенная возвысила голос, – и камни, и дерева, и кустарники, и звери, и птицы, и рыбы, – словом, вся вселенная, – если бы, возвысив голос, она стала оплакивать наше лишение этих благ, то и этого плача и рыдания было бы недостаточно. Какое слово, какой ум может представить то блаженство, то добро, удовольствие, славу, радость, веселее, светлость, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» ([1Кор.2:9](#))? Не сказано просто, что (эти блага) превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, «что приготовил Бог любящим Его».

В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворивши нас, Он тотчас, когда мы ещё ничего не сделали, столько даровал нам – и рай, и общение с Ним самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного Он не пощадил для нас, истинного Сына своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких (благ), когда мы были Его врагами, то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями? Чего не дарует, примиривши с Собою? Он беспредельно богат и безгранично желает и старается сделать нас своими друзьями; но мы нисколько не стараемся об этом, возлюбленные. Что я говорю: не стараемся? Не хотим даже принять благ Его так, как Он хочет. А что Он хочет этого более (нас), Он доказал делами своими. Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуем малою частью золота; а Он за нас отдал Сына своего.

Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, возлюбленные; Будем пользоваться дружеским Его расположением: «Вы друзья Мои, – сказал Он, – если исполняете то, что Я заповедую вам» ([Ин.15:14](#)). Увы! Врагов, которые беспредельно были далеки от Него, которых Он несравненно превосходит во всём, Он сделал и называет друзьями своими! Чего же не следовало бы потерпеть для такой дружбы? Но мы, по дружбе с людьми, часто подвергаемся опасностям, а для (дружбы) с Богом не хотим даже истратить денег. Поистине, мы достойны сожаления, скорби, слёз, воплей, великого плача и сетования. Мы уклонились от надежды нашей, пали с высоты нашей, оказались недостойными чести Божией, неблагодарными и бесполезными после благодеяний; диавол лишил нас всех благ; удостоившись быть сынами, братьями и сонаследниками (Божиими), мы ничем не отличаемся от врагов Его, оскорбляющих Его. Какое после этого будет нам утешение? Он призвал нас на небо, а мы сами себя ввергли в геенну. Клятва и ложь, воровство и прелюбодеяние распространились на

земле; одни смешивают кровь с кровью, другие совершают дела хуже кровопролития. Многие из обижаемых, многие из жертв любостяжания лучше желают испытать тысячи смертей, нежели переносить это, и если бы они не боялись Бога, то сами наложили бы на себя руку, – так они желают себе смерти! А это не хуже ли кровопролития?

«О горе мне!, – говорил плакавший пророк, – ...не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми» ([Мих.7:1–2](#)). Будем плакать теперь и мы прежде всего о себе самих; а вы примите участие в плаче моём. Но, может быть, некоторым это противно и они смеются. Поэтому ещё более нужно усилить плачь; мы так безумны и бесчувственны, что не понимаем своего безумия и смеёмся тому, о чём следует рыдать. «Ибо открывается, – человеке, – гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков» ([Рим.1:18](#)). «...грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря» ([Пс.49:3](#)). «Пред Ним идет огонь и вокруг пополает врагов Его» ([Пс.96:3](#)). «Ибо вот, придет день, пылающий как печь» ([Мал.4:1](#)). Но никто не думает об этом; хуже басней считают и презирают столь страшные и ужасные вещи; никто не слушает; все смеются и хохочут. Какая же будет нам польза? Откуда мы получим спасение? Мы погибли, истощились, сделались посмешищем врагов наших и предметом поруганий для язычников и демонов.

4. Гордится, надмевается и радуется теперь диавол; ангелы же, которым мы вверены, стыдятся и скорбят. Нет никого, кто бы исправился; все труды наши напрасны, и вам кажется, что мы говорим вздор. Благовременно и ныне воззвать к небу и, так как никто не слушает, призвать во свидетели стихии: «Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит» ([Ис.1:2](#)). Вы, ещё не падшие, подайте помощь, протяните руку падшим от опьянения, крепкие – немощным, здравые умом – неистовствующим, твердо стоящие – колеблющимся; пусть никто, увещеваю вас, не ставит приятность выше спасения ближнего; и укоризны, и внушения пусть клонятся к одному – к его пользе. Когда горячка овладевает господами, тогда и слуги управляют ими; когда душа господина находится в жару и расслаблении, тогда из толпы слуг, окружающих его, ни один не исполняет повелений господина ко вреду его.

Образумимся, прошу вас; вокруг нас ежедневные войны, потопления, бесчисленные несчастия, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойными, как будто мы делаем угодное (Богу); все мы простираем руки на любостяжание, и никто – на вспомоществование (ближним); все – на хищение, и никто – на помощь; каждый старается, как бы увеличить своё состояние, и никто – как бы помочь нуждающемуся;

каждый всячески заботится, как бы собрать более денег, и никто – как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится и не трепещет. Всё это достойно слёз, укоризн и осуждения. Не хотел бы я говорить об этом, но скорбь вынуждает меня; простите: скорбь заставляет меня говорить многое такое, чего бы и не хотел. Я вижу рану тяжкую, несчастье неутешное, постигшие нас бедствия, превышающие всякое утешение, – мы погибли! «О, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь» ([Иер.9:1](#))? Будем плакать, возлюбленные, плакать и рыдать. Может быть, некоторые здесь говорят: всё-то нам он говорит о плаче, всё-то о слезах. Не хотел бы я, поверьте мне, не хотел бы (говорить об этом), – напротив, (хотел бы) восхвалять и прославлять; но теперь время слёз. Не плакать тяжело, возлюбленные, но делать то, что достойно слёз; не слёз должно убегать, а тех дел, которые достойны слёз. Не казни сам себя, и я не буду скорбеть; не умирай, и я не буду плакать. Когда лежит мёртвец, тогда ты призываешь всех участвовать в скорби и называешь безжалостными тех, которые не плачут; а когда погибает душа, то почему ты советуешь не плакать? Но я не могу быть отцом, и не плакать; я – нежно любящий отец.

Послушайте, что говорит Павел: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения» ([Гал.4:19](#)). Какая мать во время деторождения издаёт столь горькие вопли, как он? Если бы можно было видеть жар внутри души моей, то ты увидел бы, что я сгораю от него более всякой жены или девы, подвергшейся преждевременному сиротству. Не столько жена плачет о своём муже или мать о сыне, сколько я, о всех вас вообще. Я не вижу никакого успеха; всё обращается в клевету и осуждение. Никто не старается угождать Богу; мы только злословим то того, то другого, и говорим: такой-то недостоин быть в клире, такой-то живёт нечестиво. Тогда как нам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других, между тем как не должны делать этого и в том случае, если бы мы были чисты от грехов: «Ибо кто отличает тебя, – говорит (апостол), – Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» ([1Кор.4:7](#)). Как ты осуждаешь брата своего, будучи сам исполнен бесчисленного множества зол? Когда ты скажешь: такой-то человек злой, вредный, порочный, тогда обрати внимание на себя самого, разбери тщательно свои дела, – и ты раскаешься в словах своих. Нет, подлинно нет такого сильного побуждения к добродетели, как воспоминание о своих грехах. Если мы будем постоянно исполнять эти два (правила), то сможем получить обетованные блага, сможем очистить себя

самих и омыться; только нам нужно вкоренить это в уме своём, нужно позаботиться об этом, возлюбленные. Предадимся же мысленно скорби здесь, чтобы там не испытать скорби от наказания, но чтобы насладиться вечными благами, где нет болезни, печали и воздыхания, чтобы достигнуть вечных благ, превосходящих ум человеческий, во Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 24

[Евр.11:13–16](#). Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то *отечество*, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.

1. Первая добродетель, и добродетель всеобщая состоит в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом мире и не иметь ничего общего с здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, – подобно тем блаженным ученикам, о которых (апостол) говорит: «скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин» ([Евр.11:37–38](#)). Они называли себя странниками, а Павел сказал о себе ещё нечто большее: он не только называл себя странником, но говорил, что он мёртв для мира и мир мёртв для него: «для меня, – говорит он, – мир распят, и я для мира» ([Гал.6:14](#)). А мы ведём себя, как (здешние) граждане, и устроаем все дела свои в жизни так, как живые граждане.

Чем праведники были для мира, т.е. странниками и мёртвыми, то мы для неба; а чем были они для неба, т.е. живыми гражданами, то мы для мира. Потому мы и мертвы, что уклонились от истинной жизни и избрали временную; тем мы и прогневаем Бога, что не хотим отстать от земных благ, тогда как нам уготовано небесное блаженство, но, подобно червям, пресмыкаемся из одной земли в другую, а из этой опять возвращаемся в ту, и вообще нисколько не хотим опомниться и отстать от дел человеческих, но, как бы погрузившись в глубокий сон или одурев от опьянения, увлекаемся мечтами. Как люди, предающиеся сладкому сну, не только ночью, но и при наступлении утра и даже светлого дня, лежат в постели и не стыдятся предаваться такому удовольствию, обращая время труда и деятельности в время сна и лени, так и мы, с приближением дня, по прошествии ночи, или лучше сказать, уже по наступлении дня, – а сказано: делайте, «доколе есть день» ([Ин.9:4](#)), – совершаем дела, свойственные ночи, спим, видим сны, услаждаемся мечтаниями. Сомкнулись наши очи – и умственные, и телесные; мы ведём пустые речи, говорим вздор. Мы не почувствовали бы, если бы кто-нибудь нанёс нам глубокую рану, похитил

всё наше имущество и зажѣг самый дом; или лучше сказать, мы даже не ожидаем, чтобы другие сделали это, но сами поступаем так, каждодневно уязвляем и поражаем сами себя, бесстыдствуем, не знаем никакого приличия, никакой чести, и своих постыдных дел ни сами не скрываем, ни другим не позволяем делать это, но с полным бесстыдством делаем себя посмешищем и предметом бесчисленных поруганий для всех видящих и проходящих. Разве вы не знаете, что и сами порочные люди смеются над подобными себе и осуждают их? Бог вложил в нас судилище неподкупное и никогда неизменное, хотя бы мы впали в глубину зла; потому и сами порочные люди осуждают самих себя, и, если кто-нибудь назовѣт их тем, что они на самом деле, стыдятся, гневаются, обижаются.

Так, если не на деле, то на словах, они в совести осуждают свои поступки, или лучше, осуждают и на деле. Ведь если они скрытно и тайно совершают дела свои, то этим дают ясное доказательство того мнения, которое имеют они об этих делах. Зло так очевидно, что все осуждают его, даже и те, которые его совершают; а добродетель такова, что ей удивляются и те, которые не следуют ей. Блудник хвалит целомудрие, любостыжательный осуждает несправедливость, раздражительный удивляется незлобию и порицает малодушие, а развратный – распутство. Почему же, скажешь, они сами делают это? По крайнему нерадению, а не потому, чтобы они считали это добром; иначе они не стали бы стыдиться дел своих и отказываться от них, когда кто-нибудь другой обличает их. Многие, будучи обличены, не выносили стыда и умерщвляли сами себя: таково внутри нас свидетельство того, что хорошо и пристойно; так добрые дела светлее солнца, а противоположные им гнуснее всего!

2. Святые были странниками и пришельцами. Как и каким образом? Где Авраам признаѣт себя странником и пришельцем? Может быть и он признавал; а что признавал себя таким Давид, это несомненно. Послушай, что он сам говорит: «странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» ([Пс.38:13](#)). Те, которые жили в шатрах и за деньги приобретали места для погребения, очевидно, были такими странниками, что даже не имели, где хоронить мертвецов своих. Что же? Не называли ли они себя странниками по отношению только к одной земле палестинской? Нет, по отношению к целой вселенной, – и это справедливо: они не видели в ней ничего такого, чего желали, но всё было для них странно и чуждо. Они хотели упражняться в добродетели, а здесь было множество пороков, и потому всё здешнее было для них чуждо; они не имели ни одного друга, ни одного близкого человека, кроме немногих. А как они были странниками? Они не заботились о здешнем и доказывали это не словами, а самыми делами. Как

и каким образом?

(Бог) сказал Аврааму: оставь мнимое отечество и иди в землю чужую ([Быт.12:1](#)), – и он не остался там по любви к близким, но без сожаления покинул, как бы чужую землю. (Бог) сказал ему: принеси (в жертву) сына своего ([Быт.22:2](#)), – и он принёс его так, как бы вовсе не имел сына, принёс так, как бы не был облечён человеческою природою. Имущество своё он считал общим со всеми приходящими, и ставил это ни во что; первое место предоставлял другим, подвергался опасностям, терпел бесчисленные бедствия; не строил великолепных домов, не роскошествовал, не заботился об одежде и ни о чём другом, что бывает в здешнем мире; напротив, жил жизнью горнего града, был страннолюбив, братолюбив, милосерд, долготерпелив, презирал имущество, настоящую славу и всё прочее. Таков был и сын его. Когда его гнали и нападали на него, он не противился и уступал, как находящийся в земле чужой, – ведь странники, чему бы ни подвергались, переносят всё, так как находятся не в отечестве. И лишение жены он переносил, как странник; он жил высшею жизнью, сохраняя целомудрие и всякое воздержание; родивши сына, он не имел общения с женою; а женился на ней уже тогда, когда прошёл цвет юности, – показав, что он сделал это не по страсти, но чтобы послужить исполнению обетования Божия.

А Иаков? Не искал ли он только одного хлеба и одежды, таких потребностей, которые свойственны истинным странникам, пришедшим в крайнюю бедность? Будучи гоним, он не уступал ли, как странник? Не работал ли по найму? Не терпел ли бесчисленных бедствий, путешествуя везде, как странник? Перенося всё это, они показывали, что ищут другого отечества. О, какое различие! Они ежедневно томилась желанием освободиться отсюда и возвратиться в своё отечество; а мы – напротив. Когда случится какая-нибудь горячечная болезнь, то мы, бросив всё, подобно малым детям, плачем и боимся смерти, – и справедливо терпим это, потому что не живём здесь, как странники, и не спешим туда, как в отечество, а идём, как на казнь. Потому мы и скорбим, что не пользуемся вещами, как должно, а извратили порядок вещей; потому мы и мучимся, тогда как следовало бы радоваться; потому и трепещем, подобно каким-нибудь убийцам и разбойникам, когда им предстоит явиться на суд и когда они припоминают все дела свои, и оттого страшатся и трепещут. Не таковы были те мужи, но они сами спешили туда; а Павел даже воздыхал о том, как он сам говорит: «мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем» ([2Кор.5:4](#)).

Таков был Авраам и подобные ему; они были, говорит (апостол),

странниками для целой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; что препятствовало им, если бы они хотели возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали отечества небесного. Так спешили они удалиться отсюда и так угождали Богу; потому и сам Бог не стыдится называться Богом их. О, какая честь! Он восхотел называться их Богом. Но что, скажешь, важного в том, что Он не стыдится называться Богом их, когда Он называется Богом земли и Богом неба? Это важно, поистине важно, и служит знаком великого блаженства. Почему? Потому, что Он называется Богом неба и земли так же, как и Богом язычников; Он Бог неба и земли, как Творец и Устроитель их; а (Богом) тех святых Он называется не в этом смысле, а как близкий друг их. Объясню вам это примером. Например: в больших домах, когда некоторые из главнейших слуг отличаются перед другими и при том весьма отличаются, управляют всем и имеют великое дерзновение перед господами, тогда господин называется по их имени; и многие так называются. Но что я говорю? Подобно тому, как мог Он называться Богом не язычников, а вселенной, так точно мог Он называться и Богом Авраама. Вы не знаете, какая честь заключается в этом, потому что мы не имеем её.

Ныне Бог называется Господом всех христиан, хотя и это выше нашего достоинства; если же Он называется Богом одного человека, то подумай, сколько в этом величия! Бог вселенной не стыдится называться Богом троих человек, – и справедливо, потому что святые равняются не только этому миру, но и бесчисленному множеству их: «Лучше один праведник, нежели тысяча *грешников*» ([Сир.16:3](#)). Итак очевидно, что они называли себя странниками в этом смысле. Положим даже, что они называли себя странниками по чужой земле: тогда что говорит Давид? Разве он не был царём, не был пророком? Разве он жил не в своём отечестве? Почему же он говорит: «странник я у Тебя и пришлец»? Как – «пришлец»? «Как, – говорит, – и все отцы мои». Видишь ли, что и они были пресельники? У нас, говорит, ныне есть отечество, но не истинное отечество. Как – «пришлец»? Земли; следовательно и они были пришельцы земли. Как они, так и он, и как он, так и они.

3. Будем же странниками и мы, по крайней мере ныне, чтобы Бог не стыдился называться нашим Богом. А для Него было бы стыдно, если бы Он назывался Богом людей порочных; таких Он и сам стыдится, и напротив считает честью для себя быть Богом людей добрых, честных и упражняющихся в добродетели. И мы отказываемся называться господами наших дурных рабов и отвергаем их; когда кто-нибудь, пришедши, скажет нам: такой-то сделал много дурного, не твой ли он слуга? – тогда мы

тотчас говорим: нет, чтобы отклонить от себя позор, потому что есть отношение между рабом и господином, и бесславие переходит с первого на последнего; тем более (стыдится) Бог. Но те мужи были так славны, так много имели дерзновения (перед Богом), что Он не только не стыдился называться их (Богом), но и сам говорил: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» ([Исх.3:6](#)). Будем, возлюбленные, и мы странниками, чтобы не стыдился нас Бог, чтобы не стыдился и не предал геенне.

Таковы были те, которые говорили: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» ([Мф.7:22](#)). Но Христос, смотрите, что говорит им: «Я никогда не знал вас» ([Мф.7:23](#)), как поступили бы, чтобы отклонить от себя позор, и господа дурных слуг, прибегающих к ним. Не знаю вас, говорит Он. А как же Ты наказываешь тех, которых не знаешь? Не знаю, – говорит Он в другом смысле, т.е. отвергаю вас, отказываюсь от вас. Да не услышим и мы этого грозного и страшного изречения! Если те, которые изгоняли бесов, пророчествовали, были отвергнуты за то, что вели жизнь не соответствующую словам, то не тем ли более мы? Но как, скажешь, могут быть отвергнуты те, которые пророчествовали, совершали чудеса и изгоняли бесов? Они могли впоследствии измениться и сделаться порочными; потому и прежние добродетели не принесли им никакой пользы. Нужно иметь не только начало славное, но ещё более славный конец.

В самом деле, скажи мне, оратор не старается ли сделать блистательным заключение своей речи, чтобы удалиться при рукоплесканиях? Градоправитель не является ли более блистательным при конце своего правления? Ратоборец, если не явит блистательного конца и не будет победителем до конца, но, победив всех, сам будет побеждён последним, не лишается ли пользы от всех трудов своих? Кормчий, прошедший целое море, но у пристани разбивший корабль, не теряет ли всего прежнего труда своего? А врач? Если он, избавив больного от болезни, расстроит его тогда, когда мог восстановить окончательно, то не портит ли всего дела? Так бывает и с добродетелью: кто к началу её не прилагает надлежащего и соответствующего ей конца, тот губит всё и погибает. Таковы те, которые вначале весело и гордо выступили на поприще, а потом упали духом и ослабели; потому они и лишились награды и не признаны Владыкой.

Пусть слышат это те из нас, которые преданы сребролюбию. Оно – величайшее беззаконие: «ибо корень всех зол, – говорит (апостол), – есть сребролюбие» ([1Тим.6:10](#)). Пусть слышат те из нас, которые хотят

увеличить своё состояние, – пусть слышат и отстанут от любостыжания, чтобы не услышать того, что слышали те (отверженные Господом). Будем слушать теперь и соблюдать это, чтобы не услышать тогда; будем слушать теперь со страхом, чтобы тогда не услышать в наказание: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» – даже и тогда (не знал вас), когда вы пророчествовали и изгоняли бесов. Можно думать, что в этих словах выражается и ещё нечто другое, именно то, что они и тогда вели жизнь порочную, так как вначале благодать действовала и через людей недостойных. Если она действовала даже через Валаама, то тем более могла действовать через недостойных, для тех, которые имели получить от того пользу. Если же чудеса и знамения не могли избавить от наказания, то тем более, хотя бы кто получил священный сан, хотя бы достиг высшей чести, хотя бы благодать действовала при рукоположении его и во всём прочем, для пользы нуждающихся в предстоятелях, – такой услышит: «Я никогда не знал» тебя, даже и тогда, когда действовала в тебе благодать.

О, какая требуется там чистота жизни! Как она одна сильна для того, чтобы ввести нас в царствие небесное. Как без неё человек погибает, хотя бы он мог являть бесчисленные знамения и чудеса! Ничто не бывает так приятно Богу, как добродетельная жизнь: «Если любите Меня», – говорит (Господь), – не сказал: творите чудеса, но что? – «соблюдайте Мои заповеди» ([Ин.14:15](#)); и еще: «Вы друзья Мои», – не тогда, когда изгоняете бесов, но – «Если заповеди Мои соблюдете» ([Ин.15:10, 14](#)). Первое – дар Божий; а последнее – и дар Божий и вместе дело нашего усердия. Постараемся же сделаться друзьями Божиими, а не остаться врагами Его. Непрестанно мы говорим это, непрестанно убеждаем к этому и себя самих и вас, – и однако нет никакого успеха. Потому я и страшусь, и хотел бы молчать, чтобы не увеличить для вас опасности, так как часто слышать и не поступать так – значить оскорблять Владыку. Но боюсь и другой опасности от молчания для меня самого, если бы я, поставленный на служение слову, стал молчать. Что же, скажете, делать нам, чтобы спастись? Начнём упражняться в добродетелях, пока есть время. Разделим для себя добродетели, как земледельцы разделяют земледелие; в один месяц преодолеем в себе склонность к злословию, дерзость, несправедливый гнев, положим для себя законом и скажем: ныне исправим это; в другой месяц поучимся терпению; в третий – ещё иной добродетели, и, приобретши в ней навык, перейдём к новой, подобно тому, как в учении мы, сохраняя прежнее, приобретаем новое. После того перейдём к презрению богатства, и, во-первых, будем удерживать руки от

любостяжания, а потом, творить милостыню; не будем смешивать всего вместе, – одними и теми же руками и похищать, и подавать милостыню. Затем приступим к другой добродетели, а от неё еще к иной. «Также сквернословие, – говорит (апостол), – и пустословие и смехотворство не приличны вам» ([Ефес.5:4](#)). Исполним и это.

Здесь не требуется ни издержек, ни трудов, ни усилий. Довольно только хотеть, – и всё делается. Не нужно для этого предпринимать далёкого путешествия, или переплывать беспредельное море, но только постараться, оказать усердие и наложить узду на язык против неуместных оскорблений. Исторгнем из души своей гнев, порочные похоти, склонность к чувственным удовольствиям и роскоши, сребролюбие, навык к клятвам и к клятвопреступлениям. Если мы будем таким образом воздвигать самих себя, сначала исторгая терние, а потом насаждая небесное семя, то сможем получить обещанные блага. Придёт Делатель, соберёт нас в житницу, и тогда мы получим все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 25

[Евр.11:17–19](#). Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единокровного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование.

1. Поистине, велика вера Авраама. В Авеле, Ное и Енохе происходила только борьба мыслей и нужно было стать выше человеческих помыслов; а здесь нужно было стать не только выше человеческих помыслов, но показать ещё нечто большее; здесь божественное по-видимому противоречило божественному же, вера – вере, повеление – обетованию. Так, (Бог) сказал ему: «пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего... ибо всю землю, ...тебе дам Я и потомству твоему навеки» ([Быт.12:1, 13:15](#)), и однако не дал ему в ней наследия, даже ни на один шаг. Видишь ли, как события противоречили обетованию? Ещё сказал: «в Исааке наречется тебе семя» ([Быт.21:12](#)), и (Авраам) поверил; и ещё: принеси мне в жертву того, который имеет наполнить всю вселенную своим потомством. Видишь ли противоречие повелений обетованию? Он повелевал противное обетованиям, и однако праведник не смущался и не считал себя обманутым. А вы, говорит (апостол), не можете сказать, что Он обещал вам покой и послал скорбь; вам Он, что обещал, то и делает. Как это? «В мире, – говорил Он, – будете иметь скорбь» ([Ин.16:33](#)); «и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее» ([Мф.10:38–39](#)); и: «если кто приходит ко Мне... не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» ([Лк.14:26, 33](#)); и ещё: «и поведут вас к правителям и царям за Меня» ([Мф.10:18](#)); и еще: «...враги человеку – домашние его» ([Мф.10:36](#)). Здесь скорби, а покой там.

С Авраамом же было напротив: ему повелено было делать противное обетованиям, и однако он не смущался, не колебался и не считал себя обманутым. А вы не терпите ничего такого, что было бы чуждо обетованию, и смущаетесь. Он слышал противное обещанному от самого Обещавшего, и не смущался, но исполнял, как согласное (с обетованием); и действительно оно было согласно; оно противно было помыслам человеческим, но согласно с верою; а каким образом, это апостол сам объяснил нам, сказав: «он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить». Смысл слов его следующий: по той же вере, по которой он веровал, что Бог

даст ему сына, которого у него не было, по той же вере он был убеждён, что Бог воскресит и мёртвого, воскресит закланного. Одинаково было чудно, т.е. по человеческому соображению, как то, что родится сын от утробы омертвевшей, устаревшей и уже сделавшейся неспособною к деторождению, так и то, что закланный воскреснет, – и однако он верил; прежняя вера руководила его (к вере) и в будущее. С другой стороны, он испытал приятное сначала, а прискорбное – напоследок, в старости; а с вами, говорит (апостол), происходит напротив: прискорбное прежде, а приятное после. Это сказано к тем, которые осмеливаются говорить, что Бог, обещав нам блага после смерти, быть может, обманул нас. «Бог силён, – говорит, – и из мёртвых воскресить»; если же «Бог силён и из мёртвых воскресить», то конечно воздаст нам всё; и если Авраам верил за столько лет, что Бог силён воскресить из мёртвых, то тем более мы должны верить этому. Видишь ли, что Бог, как я выше сказал, ещё прежде нежели вошла смерть, возбуждал в праотцах надежду воскресения и приводил их к такому убеждению, что они, по повелению Его, приносили в жертву своих сыновей, через которых надеялись наполнить вселенную, и закаляли их с готовностью?

И ещё нечто другое (апостол) выражает здесь словами: Бог искушал Авраама. Что же такое? Разве Бог не знал, что он был муж терпеливый и доблестный? Совершенно знал. Если же знал, то для чего искушал его? Не для того, чтобы самому узнать, но чтобы другим показать и для всех сделать очевидным его мужество. (Апостол) показывает здесь причину искушений, чтобы не думали, будто они страдают потому, что оставлены Богом. Нам здесь неизбежно подвергаться искушениям, так как много есть гонителей и строящих козни; а там какая была нужда изобретать искушения, которых не было? Очевидно, что это искушение было по Его повелению. Другие искушения бывают по Его попущению, а это было по Его повелению. Если же искушения делают людей столь славными, что Бог и без причины подвергает им своих подвижников, то тем более мы должны переносить всё мужественно. Выразительно здесь (апостол) сказал, что «верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака»; не было никакой другой причины принесения (Исаака в жертву), кроме этой. И далее Он раскрывает ту же мысль. Не может, говорит он, никто сказать, что он имел другого сына и от него ожидал исполнения обетования, а потому смело приносил Исаака в жертву: «имея обетование, – говорит, – принес едиnorodного». Как – «едиnorodного»? А Измаил? Он откуда? Называю едиnorodным, говорит, по отношению к обетованию; и потому, сказав: «едиnorodного», и желая показать, что в этом смысл так называет

его, присовокупляет: «о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя», т.е. от него. Видишь ли, как удивителен поступок патриарха? Ему сказано было: «в Исааке наречется тебе семя», и однако он приносил сына в жертву.

Далее, чтобы кто-нибудь не подумал, будто он сделал это в отчаянии и принятием такого повеления оставил прежнюю веру, а напротив убедился, что и этот поступок подлинно был делом веры, (апостол) говорит, что и здесь он имел веру, и хотя она по-видимому противоречила прежней, однако он не противился, потому что не измерял силы Божией человеческими суждениями, а предоставлял всё вере. Потому он и не убоился сказать, что «Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование», т.е. в образе, в овне. Каким образом? Закланием в жертву овна был спасён (Исаак), так что за овна он получил сына, заклавши в жертву первого вместо последнего. Это было некоторым прообразом; здесь был прообразован Сын Божий, закалаемый в жертву. И заметь, как велико человеколюбие Божие. Так как Он имел даровать людям великую благодать, то, желая сделать это не даром, а как бы должник, Он устрояет, что сперва человек отдаёт сына своего по повелению Божию, – чтобы не казалось великим делом то, что Он сам отдаёт собственного Сына, после того как человек сделал это прежде Него, – чтобы не думали, что Он делает это даром, но и по долгу. Кого мы любим, тому стараемся доставить и то, чтобы казалось, будто мы наперед получили от него какую-нибудь малость, и потом отдаём ему всё, и хвалимся не столько данным, сколько полученным от него, – не говорим: мы дали ему то-то, но: мы получили от него то-то. «Почему, – говорит, – и получил его в предзнаменование», т.е. в образ, так как овен был притчей Исаака, или образом. Так как жертва была совершена и Исаак был заклан в намерении (Авраама), то Бог и даровал его патриарху.

2. Видишь ли, как и отсюда открывается то, о чём я постоянно говорю? Когда мы сделаем ум свой совершенным и покажем, что мы презираем земные вещи, тогда Бог дарует нам и земное, но не прежде того, – чтобы мы, привязанные к земным благам, получивши их, ещё более не привязались к ним. Отреши себя наперёд от рабства, говорит Он, и тогда получай, – чтобы ты получил не как раб, но как господин; презирай богатство, и будешь богатым; презирай славу, и будешь в славе; презирай мщение врагам, и отмстишь им; презирай покой, и получишь его, – чтобы, получая, ты получал не как узник или раб, но как свободный. С малыми детьми мы поступаем так: когда дитя сильно желает детских игрушек, то мы тщательно скрываем их от него, например мяч, или что-нибудь другое,

чтобы оно не отвлекалось от необходимых занятий; а когда оно не обращает на них внимания и не желает их, тогда мы без опасения даём их, зная, что от этого не будет ему никакого вреда и эта забава не сможет отклонить его от необходимых занятий. Так и Бог поступает с нами: когда Он видит, что мы не желаем земных (благ), то позволяет нам пользоваться ими, потому что тогда мы владеем ими, как свободные и как мужи, а не как дети.

А что действительно, когда ты будешь презирать мщение врагам, тогда и отмстишь им, об этом, послушай, что говорит (апостол): «если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его», и прибавляет: «ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» ([Рим.12:20](#)). Что действительно, когда ты будешь презирать богатство, тогда получишь его, об этом послушай, что Христос говорит: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» ([Мф.19:29](#)). Что действительно, когда ты будешь презирать славу, тогда получишь её, об этом послушай, что опять Христос говорит: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою»; и еще: «кто унижает себя, тот возвысится» ([Мф.20:26, 23:12](#)). Что говоришь ты? Если я даю пить врагу, то наказываю его? Если раздаю имущество, то владею им? Если смиряюсь, то делаюсь высоким? Да, говорит, такова моя сила; она производит противоположное через противоположное; Я богат и премудр, – не бойся; природа вещей повинуется моей воле, а не Я следую природе; Я всё совершаю, а не другое что-нибудь руководит мною; потому Я могу переменить и преобразовать всё. И удивительно ли, что так бывает в таких вещах, когда то же самое бывает и во всём другом?

Так, когда ты вредишь (другому), тогда вредишь самому себе; а когда тебе вредят (другие), тогда ты не терпишь вреда; когда ты мстишь, тогда (не другому) мстишь, а себе самому. Кто любит неправду, говорит (Премудрый), тот «ненавидит душу свою» ([Притч.29:24](#)). Видишь ли, что в таком случае ты не (другому) вредишь, а себе самому? Потому и говорит Павел: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными» ([1Кор.6:7](#))? Видишь ли, что это не значит – терпеть вред? Когда ты обижаешь (другого), тогда обижаешь самого себя. Это отчасти многим известно: иногда говорят друг другу: отойдём отсюда, чтобы не унизить самих себя. Почему? Потому, что велико различие между тобою (оскорбляющим) и им (оскорбляемым); какие бы ты ни причинил ему оскорбления, они обращаются ему в честь. Будем так рассуждать всегда, и мы станем выше оскорблений; а каким образом, это я объясню. Если бы мы стали враждо-

вать против носящего порфиру, то оскорбления, направленные на него, обратились бы на нас самих, так как, порицая его, мы сами делаемся достойными порицания.

Что же, скажи мне, твои слова значат? Будучи гражданином неба, обладая горним любомудрием, для чего ты унижаешь себя самого наравне с тем, который помышляет только о земном? Хотя бы у врага твоего было несчетное имущество, хотя бы у него была власть, он не знает твоего добра. Не унижай же себя, оскорбляя его; пощади себя, не его; воздай честь себе, не ему. Не говорит ли пословица: кто почитает (другого), тот почитает самого себя? И справедливо: не его он почитает, а себя самого. Послушай слов Премудрого, который говорит: «кротостью прославляй душу твою и воздавай ей честь по ее достоинству» ([Сир.10:31](#)). Что значит: «по ее достоинству»? Если кто, говорит, обманул тебя из любостяжания, не делай того же; если оскорбил, не оскорбляй. Скажи мне, прошу тебя: если какой-нибудь бедняк возьмёт кусок грязи, валявшийся на дворе твоём, то неужели ты поведёшь его за это в судилище? Нет. Почему? Чтобы не унижить себя самого, чтобы не стали все осуждать тебя. Так и здесь. Богач есть бедняк; и чем более он богатеет, тем более становится бедным истинною бедностью. Золото – это грязь, брошенная на двор, а не лежащая в твоём доме; дом же твой – небо. Потому, если ты за это позовёшь его в судилище, то не осудят ли тебя горние граждане? Не извергнут ли они тебя из своего отечества, – тебя, который так низок, так презрен, что из-за малого куска грязи решаешься вести тяжбу? Если бы даже весь мир был твоим и кто-нибудь отнял его у тебя, то и тогда тебе следовало бы только отвернуться от него.

3. Разве ты не знаешь, что если увеличишь вселенную в десять раз, или во сто, или в десять тысяч, или вдвое против этого, и тогда она даже в малой доле не сравнится с благами небесными? Кто восхищается здешними благами, тот оскорбляет тамошние, если он считает достойными привязанности первые, так далеко отстоящие от последних; а лучше сказать, он и не в состоянии восхищаться последними, – как в самом деле (он может быть способным к этому), пристрастившись к первым? Расторгнем же когда-нибудь, увещаваю вас, эти цепи и сети, – т.е. земные дела. Доколе мы будем наклоняться к земле? Доколе будем строить козни друг другу, подобно зверям или рыбам? Впрочем и звери не строят козней сродным себе, но разнородным; так, медведь не скоро убьёт медведя, змея не убьёт змеи, уважая сродство; а ты даже того, кто сроден тебе и с кем ты имеешь бесчисленные соотношения, – одинаковость происхождения, разумность, познание Бога, силу над природою и многое

другое без числа, -ты своего сродника, имеющего одну с тобою природу, убиваешь и обременяешь множеством зол. Что в том, если ты не вонзаешь в него меча и рукою не поражаешь его шеи? Ты делаешь хуже этого, подвергая его постоянным скорбям. Если бы ты сделал первое, то избавил бы его от забот; а теперь ты предаёшь его голоду и рабству, отчаянию и многим другим грехам. Говорю это, и не перестану говорить, не для того, чтобы побуждать вас к убийству или советовать – делать зло меньшее, но чтобы вы не надеялись остаться ненаказанными. «Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его, – говорит (Премудрый) – есть кровопийца». ([Сир.34:21](#)).

Удержим руки свои, прошу вас, удержим, или, лучше сказать, не удержим, но протянем их на добро, – не на любостяжание, а на милостыню; пусть не будет рука наша бесплодна и суха; суха же та рука, которая не творит милостыни, а та, которая простирается на любостяжание, скверна и нечиста. Никто пусть не вкушает пищи с такими руками, потому что это – обида для приглашённых. Скажи мне: если бы кто-нибудь пригласил нас возлежать на коврах, мягком ложе и вышитых золотом одеждах, в блестящем и великолепном доме, и, окружив нас множеством слуг, потом поставив стол из серебра и золота и наполнив его различными роскошными яствами, просил кушать с тем только условием, чтобы мы не гнушались руками его, запачканными грязью или калом человеческим, и позволили ему в таком виде возлежать вместе с нами, – то вынес ли бы кто такую казнь и не счёл ли бы этого за обиду? Я думаю, что всякий тотчас убежал бы. Между тем теперь ты видишь не руки только запачканными грязью, но и самые яства, и не отказываешься, не убегаешь, не обличаешь, но если человек со властью, то считаешь великим делом (быть у него) и губишь душу свою, вкушая такую пищу. Ведь любостяжание хуже всякой грязи; оно оскверняет не тело, но душу, так что трудно бывает очистить её. А ты видишь за столом оскверненного этою грязью, видишь и руки, и лице его, и дом, и стол наполненными ею, – подлинно же такие яства сквернее и отвратительнее навоза, или что только есть ещё худшего, – возлежишь с ним, считая это за честь для себя и как бы получая удовольствие?

Или ты не стыдишься Павла, который позволяет беспрепятственно приступать даже к столу язычников, в случае нашего желания, но запрещает быть у любостяжателей, хотя бы даже мы того желали? «Кто, – говорит он, – называясь братом, остается блудником», – называя здесь братом всякого вообще верующего, а не монаха. В самом деле, что доставляет нам братство? Баня пакибытия, возможность – называть Бога

отцом. Потому оглашенный, хотя бы он был монахом, не есть брат; верующий же, хотя бы он был мирянином, есть брат. «Кто, – говорит, – называясь братом». Тогда ещё не было и следов монашества, – всё это блаженный (Павел) говорил, мирянам. «Кто, – говорит, – называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» ([1Кор.5:11](#)). О язычниках он (говорит) не так, – а как? «Если кто из неверных, – разумея язычников, – позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте» ([1Кор.10:27](#)). «Кто, называясь братом, остается... пьяницею».

4. Вот, какая строгость! А мы не только не убегаем от пьяниц, но сами идём к ним, чтобы участвовать в делах их. Потому у нас всё извратилось, всё смешалось, расстроилось и погибло. Скажи мне: если бы кто-нибудь из таких людей пригласил тебя на приготовленное пиршество, – тебя, который считаешься бедным и презренным, – потом услышал бы от тебя: так как предлагаемое собрано любостыжанием, то я не стану осквернять свою душу, – тогда он не устыдился ли бы, не смешался ли бы, не смутился ли бы? Действительно, одного этого было бы достаточно для его исправления, для того, чтобы он считал себя несчастным при богатстве своём, а тебе удивлялся при бедности твоей, видя, с какою разборчивостью ты пренебрегаешь им. Но мы, не знаю отчего, сделались рабами людей, тогда как Павел непрестанно внушает: «не делайтесь рабами человеков» ([1Кор.7:23](#)). Отчего мы сделались рабами людей? От того, что наперёд сделались рабами чрева, богатства, славы и всего прочего, утратили свободу, которую даровал нам Христос.

Что же, скажи мне, будет с тем, кто сделался рабом? Послушай, что говорит Христос: «раб не пребывает в доме вечно» ([Ин.8:35](#)). Вот решительный приговор, что он никогда не войдёт в царство (небесное), – потому что оно именно обозначается этим домом: «В доме Отца Моего, – говорит (Господь), – обителей много» ([Ин.14:2](#)). Таким образом раб не пребывает в доме во век, – рабом называет Он раба греху, – а кто в доме не пребывает во век, тот пребывает во век в геенне, ни откуда не получая утешения. Но зло дошло до такой степени, что они из подобного имущества подают даже милостыню, и многие принимают. От этого мы лишились дерзновения и уже не можем укорять никого. Будем же хотя отныне убегать зла, которое происходит отсюда; а вы, которые осквернились этою нечистою, удержитесь от такого зла и обуздайте своё пристрастие к подобным пиршествам, чтобы нам хотя ныне умилоствить Бога и получить обещанные блага, которых да сподобимся все мы,

благодарью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 26

[Евр.11:20–22](#). Верою в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. Верою Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.

1. «Многие, – говорит (Господь), – пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» ([Мф.13:17](#)). Неужели праведники знали всё будущее? Конечно. Если Сын (Божий) не открывался тем, которые не могли принять Его по своей немоци, то без сомнения открывался прославившимся добродетелями. Так и Павел говорит теперь, что они знали будущее, т.е. воскресение Христово. Или это он говорит, или слова его: «верою в будущее» относятся не к будущему веку, а к имеющему быть здесь впоследствии. Иначе, как человек, находящийся в чужой земле, мог давать такие благословения? И с другой стороны, почему он, получив благословение, сам не испытал его исполнения? Видишь ли, что и об Иакове можно сказать то же, что я сказал об Аврааме, т.е. что он не воспользовался благословением, но плоды этого благословения перешли к его потомкам, а он сам видел их в будущем? Действительно, мы знаем, что брат его жил в большом довольстве. Он проводил всю жизнь в рабстве, работе, опасностях, безпокойствах, огорчениях и страхе, и на вопрос фараона отвечал: «малы и несчастны дни жизни моей» ([Быт.47:9](#)); а тот – в безопасности и полной свободе, и впоследствии был страшен (для Иакова). Когда же исполнились благословения (данные ему), если не в будущем?

Видишь, как порочные издавна наслаждались здешними благами, а праведные – напротив, хотя и не все. Вот Авраам был праведник и наслаждался здешними благами, впрочем со скорбями и искушениями, – у него было только богатство, а все прочие обстоятельства его были исполнены скорбей. Да и невозможно праведнику не испытывать скорбей, хотя бы он и был богатым, – если он готов терпеть потери, несправедливости и всё прочее, то по необходимости испытывает скорби. Таким образом он, хотя и наслаждается богатством, но не без скорбей. Почему? Потому, что он чувствует скорби и печали. Если же тогда праведники испытывали скорби, то тем более теперь. «Верою в будущее, – говорит, – Исаак благословил Иакова и Исава». Хотя Исав был старший, но он поставляет наперед Иакова – за добродетели его. Видишь, какова была

вера (Исаака)? Почему бы в самом деле он обещал сыновьям столь великие блага, если только не по вере в Бога? «Верую Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова». Здесь надобно бы изложить все его благословения, чтобы яснее открылась и вера его, и пророчество. «И поклонился, – говорит, – на верх жезла своего». Здесь (апостол) показывает, что Иаков не только сказал, но так надеялся на будущее, что показал это и самым делом. Так как от Ефрема имел восстать другой царь, то он и говорит: «и поклонился на верх жезла своего», т.е., будучи уже старцем, он поклонился Иосифу, выражая имеющее быть поклонение ему от всего народа. Это отчасти уже исполнилось, когда ему кланялись братья, но должно было исполниться и после через десять поколений.

Видишь, как он предсказал будущее? Видишь, какую праотцы имели веру, как они веровали в будущее? Приводимые здесь примеры служат примерами, одни – терпения в страданиях и лишении всех благ, каковы относительно Авраама и Авеля, другие – веры в то, что есть Бог и воздаяние, каков пример относительно Ноя. Слово – вера имеет много значений, – оно выражает то одно, то другое; здесь же означает, что будет воздаяние, что не всех ожидает одно и то же, что надобно подвизаться прежде наград. Пример Иосифа есть пример одной веры. Иосиф слышал, что Бог возвестил и обещал Аврааму: «всю землю, ...тебе дам Я и потомству твоему навеки» ([Быт.13:15](#)), и потому, будучи в чужой земле и еще не видя исполнения обещания, не падал духом, но веровал так, что и напоминал об исходе и сделал завещание о костях своих. Таким образом он не только сам веровал, но и других возводил к вере. Для того он и завещал, чтобы они всегда помнили об исходе; и не завещал бы он о костях своих, если бы не был уверен, что будет исход. Если после этого кто-нибудь скажет: вот и праведники заботились о могилах, то мы такому отвечаем: они заботились именно поэтому, а не почему-либо другому, так как знали, что «Господня – земля и что наполняет ее» ([Пс.23:1](#)). Не безызвестно было это и (Иосифу), жившему в таком любомудрии и проведшему всю жизнь свою в Египте, Он конечно мог бы, если бы захотел, возвратиться оттуда, а не сетовать и скорбеть; если же он, вызвав отца своего туда, завещал вынести оттуда кости свои, то не очевидно ли, что по этой причине?

2. А что же, кости самого Моисея, скажи мне, лежат не в чужой ли земле? Мы не знаем, где лежат кости Аарона, Даниила, Иеремии и многих апостолов. Гробы Петра, Павла, Иоанна и Фомы известны, а столь многих других совершенно неизвестны. Но мы не должны сокрушаться об этом и малодушествовать; где бы мы ни были погребены, «Господня – земля и что

наполняет ее». Непременно бывает то, что должно быть; проливать же слезы, сокрушаться и оплакивать умерших свойственно малодушию. «Верую Моисей по рождении три месяца скрывается был родителями своими» ([Евр.11:23](#)). Видишь, как они здесь на земле надеялись на имевшее быть после их смерти? И многое действительно совершилось после их смерти. Это сказано к тем, которые говорят: после их смерти исполняется то, чего они не получили при жизни и на что не надеялись после смерти. Но Иосиф не говорил: Бог не дал (обетованной) земли при жизни ни мне, ни отцу моему, ни деду моему, которого добродетель заслуживала уважения, – как же Он удостоит порочных людей того, чего не удостоил их? Он не говорил так, но превозмог и победил всё это верою. Сказав об Авеле, Ное, Аврааме, Исааке, Иакове, Иосифе, которые все славны и знамениты, (апостол) потом ещё усиливает утешение, представляя в пример лица неизвестные. Нисколько не удивительно, что так поступали знаменитые лица, и оказаться ниже их не так прискорбно; но прискорбно – оказаться ниже лиц неизвестных. Он начинает с родителей Моисея, людей неизвестных и не имевших ничего такого, что имел сын; а потом, продолжая речь, сильнее выражает нелепость (неверия), указывая на блудных женщин и вдовиц: «Верую, – говорит, – Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными» ([Евр.11:31](#)).

Он представляет последствия не только веры, но и неверия, как например при Ное. Впрочем, нужно сказать о родителях Моисея. Фараон повелел истребить всех младенцев мужского пола, и никто не избег опасности. Почему же они надеялись спасти своё дитя? По вере. Какой вере? «...ибо видели они, – говорит, – что дитя прекрасно». Самый вид его располагал их к вере. Так праведнику даруется великая благодать с самого начала, ещё с пеленок, и это делает не природа, а Бог. Смотри, в самом деле, новорожденное дитя сразу оказалось прекрасным, а не безобразным. Чьё это было (дело)? Не природы, а благодати Божией, которая подвигла и язычницу – египтянку и воодушевила её так, что она взяла и приняла к себе (младенца). Между тем у них (родителей его) вера не имела достаточного основания, – чего можно было надеяться от одного внешнего вида? А вы, говорит (апостол своим слушателям), воруете от дел, имея много залогов веры; действительно, с радостью принять расхищение имущества и тому подобное, это – дело веры и терпения. Но так как они веровали, а потом стали малодушествовать, то он показывает, что вера древних была продолжительна, как например вера Авраама, хотя обстоятельства по-видимому препятствовали ей. «И не уstraшились, –

говорит, – царского повеления». Хотя оно приводилось в исполнение, но они просто выжидали. Это было делом родителей, а Моисей сам сюда ничего не привнёс.

Далее опять приводит другой пример, близкий (к слушателям), и даже гораздо более того. Какой именно? «Верую Моисей, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние» ([Евр.11:24–26](#)). Он как бы так говорит им: никто из вас не оставил ни царского двора, и двора великолепного, ни таких сокровищ, и не отказался быть царским сыном, когда это было возможно, как сделал Моисей. А что он не просто отказался от этого, (апостол) объяснил, сказав: «отказался», т.е. пренебрёг, погнушался. Когда предстояло небо, то излишне было бы восхищаться двором египетским.

3. И смотри, как чудно здесь Павел выразился. Он не сказал: считая небо и небесные предметы богатством большим сокровищ египетских, – но что? «Поношение Христово». Быть поносимым ради Христа он считал лучшим, нежели жить в удовольствиях; это для него само по себе было наградой. «Лучше захотел страдать с народом Божиим». Вы, говорит, страдаете сами за себя; а он предпочёл страдать за других и добровольно подверг себя таким опасностям, тогда как мог бы и жить благочестиво, и пользоваться благами. «...нежели иметь временное греховное наслаждение». Грехом называется здесь нежелание страдать вместе с другими: это, говорит, он считал грехом. Если же он считал грехом неготовность страдать с другими, то следует, что великое благо – страдание, которому он добровольно подвергся, оставив царский двор. Он сделал это, провидя нечто великое. Потому (апостол) и сказал: «поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища».

Что значит: «поношение Христово»? Т.е. такое поношение, которое вы терпите, поношение, которое терпел Христос, или то, что он потерпел за Христа, когда злословили его за камень, из которого он извёл воду: «камень же, – говорит, – был Христос» ([1Кор.10:4](#)). Когда бывает поношение Христово? Когда мы, оставляя отеческие обычаи, терпим поругание, – когда, страдая, прибегаем к Богу. Так и он терпел поношение Христово, когда слышал: «не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина» ([Исх.2:14](#))? Поношение Христово в том, чтобы терпеть до конца и до последнего издыхания, подобно как сам Он терпел поношения

и слышал: «если Ты Сын Божий» ([Мф.27:40](#)), от тех, за кого распинался, от своих соплеменников. Поношение Христово в том, когда кто терпит поношение от своих, от тех, кому благодетельствует. Так и Моисей терпел поношение от того, кому благодетельствовал. Здесь (апостол) ободряет их, показывая, что так терпел Христос и Моисей, два знаменитые лица; это поношение более Христово, нежели Моисеево, так как происходило от своих. И как последний нисколько не противился, так и первый не посылал молний, но, когда Его поносили, Он переносил всё от кивавших своими главами. Так как, вероятно, и они (тогдашние евреи) слышали то же и желали воздаяния, то (апостол) говорит, что Христос и Моисей также страдали.

Таким образом жизнь, исполненная удовольствий, есть греховная, а исполненная поношений – Христова. Чего же ты желаешь теперь? Поношения Христова, или удовольствий? «Верою оставил он Египет, не убоявшись гнева царского, ибо он, как бы видя Невидимого, был тверд» ([Евр.11:27](#)). Как ты говоришь – не убоялся? Писание, напротив, говорит, что, услышав, он убоялся, искал поэтому спасения в бегстве, убежал, скрылся, и после того находился в страхе. Вникни внимательнее в сказанное; слова: «не убоявшись гнева царского» сказаны по отношению к тому, что он после опять предстал (перед царя). Если бы он боялся, то после опять не предстал бы, не принял бы на себя дела ходатайства; а если он принял на себя это дело, то, значит, во всём полагался на Бога. Не сказал: (царь) ищет меня, домогается этого, и я не могу возвратиться. Следовательно и бегство его было делом веры. А почему, скажете, он не остался? Чтобы не подвергать себя предусмотренной опасности. Искушающему (Бога) свойственно бросаться в опасности и говорить: посмотрю, сохранит ли меня Бог. Так говорил и Христу диавол: «если Ты Сын Божий, бросься вниз...» ([Мф.4:6](#)). Видишь, что диавольское это дело – подвергать себя опасностям тщетно и напрасно, и испытывать, сохранит ли нас Бог?

(Моисей) не мог защищать тех, которые были так непризнательны к его благодеяниям; следовательно нелепо и безрассудно было бы оставаться там. Всё же это он совершал потому, что «видя Невидимого, был тверд». Так и мы, если будем всегда созерцать Бога умом, если будем постоянно помнить о Нём, то для нас всё окажется легким, всё сносным, всё мы будем переносить удобно и станем выше всего. Ведь, если при виде любимого человека и даже при воспоминании о нём, наша душа ободряется и ум возвышается, и всё мы переносим легко, услаждаясь этим воспоминанием, – то имеющий в уме Того, кто удостоил нас истинной

любви, и памятующий о Нём может ли чувствовать какую-нибудь скорбь, или бояться чего-нибудь страшного и опасного? Будет ли он когда-нибудь малодушествовать? Никогда. Для нас всё представляется трудным потому, что мы не помним о Боге, как должно, не имеем Его постоянно в уме своём. Он справедливо мог бы сказать нам: ты забыл Меня, и Я забуду, тебя. Так происходит двойное зло: мы забываем Его, и Он – нас. Эти два обстоятельства, хотя тесно соединены между собою, всё же остаются двумя. А великое дело, чтобы Бог помнил о нас, велико и то, чтобы мы помнили о Нём; от одного зависит избрание добра, от другого – преуспевание в нём и окончание. Поэтому говорит пророк: «я воспоминаю о Тебе с земли Иорданской, с Ермона, с горы Цоар» ([Пс.41:7](#)). Так говорит народ израильский, находясь в Вавилоне: «там вспоминал о Тебе».

4. Так должны говорить и мы, подобно жившим в Вавилоне. Хотя мы живём и не между (чужеземными) неприятелями, но также находимся среди врагов. И из тех одни жили, как пленники, а другие не чувствовали плена, как например Даниил и три отрока. Они, находясь в плену, были в этой стране славнее самого царя, который пленил их; и пленивший поклонился пленённым. Видишь, как велика добродетель? В самом плену (царь) служил им, как господам; следовательно он был более пленником, нежели они. Не так было бы удивительно, если бы он поклонился им, пришедши в их отечество, или если бы они там царствовали. Удивительно то, что сделавший их узниками, взявши в плен и имевший их в своей власти на виду у всех не постыдился поклониться им и принести жертву. Видите, как поистине славны дела Божии, а дела человеческие – тьма? Не знал он, что уводил (в плен) господ себе и ввергал в печь тех, которым должен был поклониться; а для них все бедствия были как бы сон.

Будем же бояться Бога, возлюбленные, будем бояться Его, – и тогда, хотя бы мы попали в плен, будем славнее всех. Пусть будет присущ нам страх Божий, – и тогда ничто не опечалит нас, будет ли то бедность, или болезнь, или плен, или рабство, или что-нибудь другое прискорбное, но даже и это всё станет содействовать нам к достижению противоположного. Те были пленниками, и царь поклонился им; Павел был скинотворец, и ему хотели принести жертву, как Богу. Здесь представляется вопрос, – многие спрашивают: почему апостолы отвергли жертвоприношение, разодрали свои одежды, удержали народ от этого намерения и со слезами говорили: «что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки» ([Деян.14:15](#)), а Даниил ничего подобного не сделал? Что он был муж смиренный и не менее их воздавал славу Богу, это видно из многого. И, во-первых, особенно видно из того, что он был любим Богом;

если бы он присвоил себе божескую честь, то Бог не попустил бы ему остаться в живых, не говорю уже благоденствовать; во-вторых, из того, что он с великим дерзновением говорил: «А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих, но для того, чтобы открыто было царю разумение» ([Дан.2:30](#)); в-третьих, из того, что он был во рву для Бога и, когда пророк принёс ему пищу, то он сказал: «вспомнил Ты обо мне, Боже» ([Дан.14:38](#)), – таково было у него смирение и сокрушение! Он был во рву для Бога, и считал себя недостойным того, чтобы (Бог) помнил об нём и услышал его. А мы, дерзая совершать безчисленное множество нечистых дел и будучи преступнее всех, отступаем (от Бога), если только не услышана первая наша молитва. Поистине, великое расстояние между ними и нами, как между небом и землёю, или ещё более.

Что говоришь ты, (пророк)? После столь многих подвигов, после чуда, совершившегося во рву, ты считаешь себя так уничиженным? Да, говорит; что бы мы ни делали, мы «рабы ничего не стоящие» ([Лк.17:10](#)). Так он исполнял евангельскую заповедь ещё прежде её изречения, и считал себя ничтожным. Бог вспомнил обо мне, – говорил он. И самая молитва его, смотри, какого исполнена смирения. Так говорили и три отрока: «согрешили мы, и поступили беззаконно» ([Дан.3:29](#)), и всегда проявляли своё смирение. Даниил имел безчисленное множество поводов превозноситься, но знал, что всё это было у него потому, что он не превозносился, и не губил сокровища. Все люди и вся вселенная прославляли его не потому только, что царь, повергшись ниц пред ним, принёс ему жертву, но потому, что признавал его богом тот, кого самого считали богом вселенной, как видно из слов пророка Иеремии: «одевающий землю, как ризу», и ещё: «Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора» рабу моему ([Иер.27:6](#)). И из его писаний также видно, что ему удивлялись не только там, где он жил, но и везде, и когда он писаниями засвидетельствовал рабство и чудо, то стал ещё более известным, нежели как если бы прочие народы сами видели его у себя. Равным образом, удивлялись и мудрости его: «вот, – говорит (пророк), – ты премудрее Даниила» ([Иез.28:3](#))? И после всего этого он был так смирен, что готов был тысячу раз умереть за Владыку.

5. Почему же, при таком смирении, он не отверг как поклонения ему от царя, так и жертвы? Об этом я не скажу: для меня довольно только предложить вопрос, а остальное предоставляю вам, чтобы хотя таким образом возбудить ум ваш. Итак, увещаваю вас предпринимать всё по страху Божию, имея столько примеров того, что мы непременно получим и здешние блага, если искренно будем стремиться к будущим. А что

(Даниил) поступил так не по гордости, это видно из слов, которые он сказал: «дары твои пусть останутся у тебя» ([Дан.5:17](#)). Здесь опять представляется другой вопрос: почему он, отказавшись на словах, на деле принял эту честь и стал носить цепь? Ирод, слышавший слова: «голос Бога, а не человека» ([Деян.12:22](#)), и не воздавший славы Богу, расторгся так, что вывалились внутренности его; а он (Даниил) принял божескую честь, и не на словах только. Здесь необходимо объяснить, что это значит. Там народ мог впасть в большее идолопоклонство, а здесь – нет. Почему? Потому, что когда (Даниила) считали таким, то честь относилась к Богу, как он сам наперед сказал: «мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих» ([Дан.2:30](#)).

С другой стороны, и не видно, чтобы он принял жертвоприношение. Хотя царь сказал, что надобно принести жертву, но не видно, чтобы это было приведено в исполнение. А там уже привели волов для жертвоприношения, и назвали одного (апостола) Юпитером, другого Меркурием. Цепь же он принял для того, чтобы сделать себя заметным (для других). Но почему он невидимому не отверг жертвы? Там ещё не совершили (жертвоприношения), а только приступали, и однако апостолы воспрепятствовали; потому и здесь следовало бы остановить дело; при том там был весь народ, а здесь царь. Почему пророк не отклонил, об этом я сказал прежде, – т.е. потому, что он приносил ему жертву не как Богу, ко вреду богопочтения, а по случаю великого чуда. Как так? Он издал такое повеление ради Бога, исповедав тем Его владычество; следовательно не отнимал у Него чести. А те не так: они считали самих (апостолов) богами, потому и были удержаны.

Кроме того (Навуходоносор) наперед поклонился, и потом уже поступил так; а поклонился он ему не как Богу, но как мудрому человеку. Впрочем и не видно, чтобы он принёс жертву; если же и принёс, то против воли Даниила. Также: почему Навуходоносор назвал его Валтасаром – именем самого Бога? Так мало (язычники) уважали богов своих, что и пленнику дал это имя тот, кто всем повелевал поклоняться различным и разнообразным истуканам и почитал дракона. При том вавилоняне были гораздо неразумнее листрян; потому невозможно было тотчас же образумить их. И многое можно было бы сказать здесь, но пока и этого довольно. Итак если мы хотим получить все блага, то будем искать благ Божиих. Как ищущие мирских благ теряют и те, и другие, так и предпочитающие блага Божии получают и те, и другие. Будем же искать последних, а не первых, чтобы нам сподобиться обещанных благ во Христе Иисусе Господе нашем.

Беседа 27

[Евр.11:28–31](#). Верую совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их. Верую перешли они Чермное море, как по суше, – на что покусившись, Египтяне потонули. Верую пали стены Иерихонские, по семидневном обхождении. Верую Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными.

1. Много предметов Павел обыкновенно раскрывает среди (своей речи) и бывает обилён мыслями. Такова благодать Духа: она не заключает во множестве слов мало мыслей, но в кратких словах излагает много великих мыслей. Смотри, как он, предлагая по порядку увещания и беседуя о вере, напоминает о таком прообразе и таинстве, которого истина – у нас. «Верую, – говорит, – совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их». Что значит: «пролитие крови»? в домах был закалаем агнец, и кровью его помазывались пороги; это служило ограждением от гибели, назначенной египтянам. Потому, если кровь агнца сохраняла иудеев невредимыми среди египтян и во время такой опасности, то тем более может спасти нас кровь Христова, которую помазуются не пороги, но души наши, – потому что и ныне губитель ходит вокруг нас среди настоящей глубокой ночи. Оградим же себя эту жертвою. Пролитием называет помазание, так как и нас Бог извел из Египта, из тьмы, из идолопоклонства. Средство было неважно, а действия его велики; средство – кровь, а действия – спасение, ограждение, избавление от гибели. Ангел убоился крови, так как знал, чего она была прообразом; он убоился, уразумев смерть Владычню, почему и не коснулся порогов. Моисей сказал: помажьте (пороги), и евреи помазали, и, помазавши, были уверены в безопасности.

А вы, имея кровь самого Агнца (Божия), не уверяетесь? «Верую перешли они Чермное море, как по суше». Опять сравнивает с народом целый народ, чтобы мы не говорили, что не можем быть святыми. «Верую, – говорит, – перешли они Чермное море, как по суше, – на что покусившись, Египтяне потонули». Здесь он приводит им на память бедствия египетские. Как – «верую»? Они надеялись перейти чрез море и молились о том, или лучше, молился Моисей. Видишь, как вера всегда превышает рассуждения, немощь и ничтожество человеческие? Видишь, что они, как скоро уверовали, то и избавились от бедствия – и при

помазании кровью дверей, и в Чермном море? Очевидно, что это была вода, так как (египтяне), вошедши в неё, потонули; следовательно, это не призрак был, а действительность. Как растерзанные львами и сожженные в печи доказывают, что это была действительность, так и здесь видно действительное событие, послужившее одним во славу и спасение, а другим в погибель. Вот какое большое благо – вера! Она спасает нас и тогда, когда мы приходим в безвыходное положение, когда угрожает нам самая смерть, когда, наши обстоятельства отчаянны. Действительно, что тогда оставалось им делать? Египтяне и море окружали их безоружных, и надлежало или бежать и утонуть, или попасть в руки египтян; но (вера) спасла их из этого безвыходного положения. Вода разостлалась пред ними, как суша, а тех потопила, как море; для них она забыла законы природы, а против тех вооружилась. «Верою пали стены Иерихонские, по семидневном обхождении». Трубные звуки никак не могут разрушить каменных стен, хотя бы кто трубил тысячу лет; а вера может делать всё!

2. Видишь ли, как (вера) всегда не следует порядку или законам природы, но совершает всё неожиданно? Так и здесь все было неожиданно. Сказав неоднократно, что надобно верить надеждам на будущее, (апостол) всю эту речь составил так, что делается ясным, как не только ныне, но и издревле все чудеса совершались и получались ею (верою). «Верою Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными». Стыдно, если в вас окажется веры менее, нежели в блудниц. Она, услышав слова вестников, тотчас поварила, почему и последствия были таковы: когда все погибли, она одна спаслась. Не говорила она сама в себе: останусь со многими другими, моими (согражданами); не сказала: могу ли я быть умнее столь многих разумных мужей, которые не верят, а я поверю? Не сделала она ничего такого, что другой мог бы сказать и сделать, но поверила сказанному.

«И что еще скажу? Недостанет мне времени...» ([Евр.11:32](#)). (Апостол) более не приводит примеров, но, окончив блудницею и пристыдив качеством этого лица, не распространяется более в повествованиях, чтобы не показаться многословным; впрочем и не (совершенно) оставляет их, но весьма мудро перечисляет их мимоходом, достигая двойкой пользы – избегая излишества и не нарушая полноты. Он и не умалчивает совершенно и не наскучивает многословием, но избегает того и другого. Когда кто усилено доказывает что-нибудь и слишком распространяется в доказательствах, тогда он становится в тягость слушателю, уже убежденному, наскучивает ему и изобличает своё честолюбие. Ведь нужно сообразоваться с пользою. «И что еще скажу? Недостанет мне времени,

чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках». Некоторые осуждают Павла за то, что он поставил Барака, Симпсона и Иефеая на этом месте. Но что говоришь? Разве он мог не упомянуть об них, упомянув о блуднице? Здесь речь идет не о прочих обстоятельствах их жизни, но о том, была ли у них вера, сияли ли они верою. «И (других) пророках, которые верою побеждали царства» ([Евр.11:32–33](#)). Видишь ли, что (апостол) не свидетельствует здесь об их славной жизни? Не в этом здесь преимущественно состоит и вопрос, а раскрывается вера. Именно, спрашивается: верою ли они совершали всё? «Верою, – говорит он, – побеждали царства, бывшие при Гедеоне творили правду». Кто? Те же самые. Или правдою он называет здесь человеколюбие. «Получали обетования». Думаю, что это сказал он о Давиде. Какие же обетования получил он? Те, которые заключались в словах, что семя его сядет на престол его ([Пс.131:11](#)).

«Заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча» ([Евр.11:33–34](#)). Смотри, как находились в смертной опасности – Даниил, окруженный львами, три отрока, бывшие в печи, Авраам, Исаак и Иаков – в различных искушениях, и однако не отчаивались. Такова вера: когда обстоятельства противодействуют, тогда и должно верить, что нет ничего противодействующего, а всё соответственно. «Избегали острия меча». Думаю, что и это сказал он также о трёх отроках. «Укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих». Здесь он разумеет обстоятельства исхода из плена вавилонского. «От немощи», т.е. от плена. Когда обстоятельства иудеев находились в отчаянном положении, когда они несколько не отличались от мертвых костей, тогда и произошло возвращение их (из плена). Кто в самом деле мог надеяться, что они выйдут из Вавилона, и не только выйдут, но сделаются сильными и «прогонят полки чужих»? Но с нами, скажут, ничего такого не случилось. Но всё это – прообразы будущего. «Жены получали умерших своих воскресшими» ([Евр.11:35](#)). Здесь он говорит о пророках Елисее и Илие, которые воскрешали мертвых. «Иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение». Но мы, скажут, не сподобились видеть воскресения. Но, говорит, я могу указать и таких мужей, которые были замучены, не получив освобождения, «дабы получить лучшее воскресение». Почему, скажи мне, они не захотели (оставаться в живых), тогда как могли жить? Не потому ли, что ожидали лучшей жизни? Те, которые воскрешали других, сами предпочли умереть, чтобы получить лучшее воскресение, а не такое, какого удостоились дети тех жен. Здесь, мне кажется, он разумеет Иоанна (Крестителя) и Иакова,

потому что избиением¹² обозначается отсечение головы. Они могли бы взирать на свет солнечный, могли бы не делать обличений, и однако решились умереть; и те, которые воскрешали других, сами избрали себе смерть, чтобы получить лучшее воскресение. «Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке» ([Евр.11:36–37](#)).

3. Он оканчивает тем, что более близко (к слушателям), потому что особенное утешение получается тогда, когда представляется скорбь, происшедшая от одинаковой причины, а если ты будешь говорить, хотя бы весьма сильно, но о такой скорби, которая происходила не от одинаковой причины, то ничего не сделаешь. Поэтому он и оканчивает речь указанием на узы, темницы, бичевания, побиение камнями, разумея бывшее со Стефаном и Захариєю: «умирали, – прибавляет он, – от меча». Что говоришь ты? Одни «избегали острия меча», а другие «умирали от меча»? Что же это значит? Что ты превозносишь? Чему удивляешься? Первому, или последнему? Поистине, говорит, тому и другому. Первому потому, что оно близко к вам; а последнему потому, что вера оказывала свою силу при самой смерти, и это есть прообраз будущего. То и другое – чудеса веры: и то, что она совершает великие дела, и то, что терпит великие бедствия и не думает о страданиях. Ты не можешь, говорит, сказать, что это были люди грешные и ничтожные; нет, если бы даже ты противопоставил им целый мир, то увидел бы, что они перетягивают весы и оказываются более важными. Потому он и сказал так: «те, которых весь мир не был достоин» ([Евр.11:38](#)). Что же могли бы получить здесь в награду те, которых достойного нет ничего в мире? Здесь (апостол) возвышает их ум, научая не прилепляться к настоящему, но помышлять о том, что выше всех предметов настоящей жизни, если весь мир недостоин их. Что же ты желаешь получить здесь? Обидно было бы, если бы ты получил награду здесь.

Итак, не будем думать о мирском, не станем искать воздаяния здесь, не будем столь жалкими. Если весь мир недостоин их, то для чего ты домогаешься части его? И это справедливо, потому что они – друзья Божии. Миром же называет здесь или людей, или самое творение. Писание обыкновенно называет так и то, и другое. Если, говорит, взять всё творение вместе с людьми, и тогда оно не сравняется с ними в достоинстве, – и справедливо. Как тысячи мер сена и соломы не могут сравниться в цене с десятью жемчужинами, так – и с ними: «Лучше один праведник, нежели тысяча грешников» ([Сир.16:3](#)). Под тысячами здесь разумеется не какое-либо известное число, но неопределенное множество. Представь, как

много значит праведник. «Иисус воззвал к Господу... и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!», и было так ([Нав.10:12](#)). Пусть выйдет вся вселенная, или даже две, три, четыре, десять, двадцать вселенных, пусть скажут и сделают это: нет, они не смогут! А друг Божий повелевал творениями Друга, или, лучше сказать, просил Друга, и служебные силы подчинялись ему, дольний повелевал горними.

Видишь, что эти силы существуют для служения и исполняют определенное назначение? Такое дело больше Моисеева. Что именно? То, что не одно и то же повелевать морем, и силами небесными. И первое важно, даже весьма важно, но не может сравниться с последним. А отчего это совершилось, послушай. Отчего же? Имя Иисуса было прообразом Христа. Потому-то, т.е., так как он имел преобразовательное имя – Иисус, творение утрастилось самого имени. Как, разве никто другой не назывался Иисусом? Но он был назван этим именем, как прообразом; его звали прежде Авсием, а потом переименовано ему имя, и это было предсказанием и пророчеством. Он ввел народ (израильский) в землю обетованную, как Иисус Христос (вводит нас) на небо. Ни закон, ни Моисей не сделали этого, но остались вне; закон не может вводить туда, но благодать. Видишь, как прообразования были предначертаны издревле? (Иисус Навин) повелевал природою, или лучше, главною частью природы, сам находясь на земле, чтобы ты, видя Иисуса (Христа) в образе человека, изрекающего то же самое, не смущался и не изумлялся. Тот, ещё при жизни Моисея, обращал в бегство врагов; этот, и при существовании закона, управляет всем, хотя и не открыто. Впрочем посмотрим, как сильна добродетель святых.

4. Если здесь они совершают такие дела, если здесь действуют так, как ангелы, то что там? Какую там они имеют славу? Может быть, каждый из вас хотел бы быть таким, чтобы повелевать солнцем и луною. Здесь заметим: что сказали бы при этом те, которые утверждают, будто небо есть круглое тело? Почему он не сказал: «стой, солнце», но прибавил: «над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!», т.е., чтобы день сделался больше? То же было и при Езекии: солнце возвратилось назад ([Ис.38:8](#)). Но последнее чудеснее первого, т.е., что солнце пошло опять в противоположную сторону, не совершив ещё своего течения. А мы, если захотим, можем достигнуть большего. Что в самом деле обещал нам Христос? Не останавливать солнце, или луну, не возвращать назад солнце, – а что? «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, – говорит Он, – и Мы придем к нему и обитель у него сотворим»

([Ин.14:23](#)). Какая мне нужда в солнце и луне и в этих чудесах, если сам Владыка всего сойдёт ко мне и поселится у меня. Нет мне в том нужды. Какая мне нужда во всём этом? Он сам будет для меня солнцем, луною и светом. Скажи мне: чего бы ты хотел, пришедши в царский дворец, – того ли, чтобы иметь возможность перестанавливать вещи, прикрепленные (к своему месту), или быть в такой близости к царю, чтобы он склонился сам придти к тебе? Не более ли (хотел бы ты) последнего, нежели первого? Что же?

Разве не удивительно, что человек повелевает так же, как и Христос? Но Христос, скажешь, при этом не имеет нужды в Отце, а действует собственной властью. Так; исповедуй же наперёд и скажи, что Он не имеет нужды в Отце и действует собственной властью; тогда и я спрошу тебя, или лучше, научу тебя касательно молитвы, которую Он произносил, что она была делом Его снисхождения и домостроительства, – ведь Христос, конечно, был не менее Иисуса Навина, – и что Он может научать нас и без молитвы. Как учителя, когда ты слышишь его лепечущим и перечисляющим буквы, ты не называешь незнающим, и когда он спрашивает: где такая-то буква? – ты понимаешь, что он спрашивает не по незнанию, а потому, что хочет вразумить учащегося, – так и Христос совершал молитву, не имея нужды в молитве, но желая научить тебя – быть постоянно внимательным к молитве, совершать её непрестанно, бодрственно и неусыпно. Под неусыпностью я разумею не только то, чтобы пробуждаться ночью, но чтобы и днём бодрствовать в молитвах: такой именно человек называется неусыпным. И ночью молясь, можно спать, и днём, не молясь, можно бодрствовать, когда душа бывает устремлена к Богу, когда она понимает, с Кем беседует и к Кому обращено её слово, когда содержит в уме, что ангелы предстоят Ему со страхом и трепетом, – а сам-то (человек) приступает, зевая и почесываясь.

Великое оружие – молитва, если она совершается с надлежащими мыслями. Чтобы тебе уразуметь её силу, обрати внимание на следующее: непрестанная молитва преодолела безстыдство, несправедливость, жестокость и грубость: «слышите – сказал (Господь), – что говорит судья неправедный» ([Лк.18:6](#)). Она преодолела леность, и чего не сделала дружба, то сделала непрестанная молитва: «Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит» ([Лк.11:8](#)). И недостойную (жену) непрестанная молитва сделала достойною: «нехорошо, – сказал (Господь), – взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» ([Мф.15:26–27](#)).

5. Будем же прилежны в молитве; она представляет великое оружие, если совершается усердно, без тщеславия, от искреннего сердца; она обращала в бегство врагов; она оказывала благодеяние целому народу и при том недостойному: «Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его, – говорит (Бог), – и иду избавить его» ([Исх.3:7–8](#)); она – спасительное лекарство, предохраняющее от грехов и исцеляющее от преступления; к ней прибежала и оставленная всеми вдова. Потому, если мы будем молиться со смирением, если будем ударять себя в грудь, подобно мытарю, если будем произносить, подобно ему, слова: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» ([Лк.18:13](#)), то получим всё. Правда, мы не мытари; но у нас есть другие грехи, не меньше его (грехов). Не говори мне, что ты грешен в малом; всякое (греховное) дело в существе своём одинаково. Как убийцей одинаково называется и тот, кто убил дитя, и тот, кто убил мужа, так и любостыжательным – любостыжательный и в малом, и в великом. И злопамятство – немалый, но великий грех: «пути же злопамятных, – говорит (Премудрый), – к смерти» ([Притч.12:28](#)); и (Христос говорит): «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду», равно как и говорящий брату своему: «рака» или «безумный», и тому подобное ([Мф.5:22](#)).

Мы недостойно причащаемся страшных таин, завидуем, злословим; а некоторые из нас часто и упиваются. Каждое из этих дел само по себе достаточно для того, чтобы лишить нас царствия (небесного); а если они соединятся вместе, то какое мы можем иметь оправдание? Много нам нужно каяться, возлюбленные, много молиться, много терпеть, много оказывать усердия, чтобы получить обетованные нам блага. Будем же говорить и мы: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!»; или лучше – не говорить только, но и думать так; и если кто другой будет обличать нас, не станем гневаться. Тот (мытарь) слышал (как об нём было сказано): «не таков, ...как этот мытарь», ([Лк.18:11](#)), и не раздражился, но пришёл в сокрушение, – получил оскорбление, но сам не отвечал оскорблением. Тот открыл его рану, а он нашёл лекарство. Будем же говорить: «будь милостив ко мне грешнику!», и когда другой скажет нам то же, не будем досадовать. Если же мы, хотя сами признаём за собою много дурного, но, слыша это от других, негодуем, то это уже не есть смирение и исповедание, а честолюбие и тщеславие. Неужели, скажешь, называть себя самого грешником значит тщеславиться? Да; этим путём мы приобретаем славу людей смиренных, становимся предметом удивления, похвал; а если бы мы стали говорить о себе противное, то заслужили бы презрение. Так мы и это дело совершаем из тщеславия.

В чём же состоит смирение? В том, чтобы переносить, когда кто-нибудь другой поносит нас, сознавать грех свой, терпеть злословие. Впрочем и это было бы знаком не столько смирения, сколько благоразумия. Между тем мы теперь хотя сами себя называем грешными, недостойными, и говорим многое другое, но если кто-нибудь другой скажет об нас что-либо подобное, то мы раздражаемся, свирепеем. Видишь ли, что у нас нет исповедания грехов и даже благоразумия? Ты сам называешь себя таким; не досадуй же, когда слышишь то же от других, когда обличают тебя другие. Когда другие поносят тебя, тогда чрез это обличаются грехи твои; они на себя налагают бремя, а тебя приводят клюбомудрию. Послушай, что говорил блаженный Давид, когда проклинал его Семей: «оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие» ([2Цар.16:11–12](#)). А ты, сам о себе говоря много дурного, негодуешь, если не слышишь себе от других тех похвал, какие воздаются великим праведникам. Не видишь ли, что ты шутишь в делах нешуточных? Так мы отклоняем похвалы из желания других похвал, чтобы после получить большие похвалы, чтобы нам ещё более удивлялись. Так, не допуская похвал, мы делаем это для увеличения их; и всё вообще делается у нас из тщеславия, а не по правде. Потому-то у нас все пусто, всё неверно. Итак, увещаю вас, удержимся хотя ныне от источника зол – тщеславия, и станем жить богоугодно, чтобы нам сподобиться и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем.

Беседа 28

[Евр.11:37–38](#). ...Скитались в мило́тях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.

1. И всегда, но особенно когда я размышляю о подвигах святых, мне приходит на мысль – осуждать свои дела; мы и во сне не испытывали того, в чём эти мужи провели всё время, не в наказание за грехи, но постоянно совершая добрые дела и постоянно подвергаясь скорбям. Представь Илию, о котором теперь начинается у нас, речь; а о нём здесь говорит (апостол) в словах: «...скитались в милотях», и им оканчивает примеры, не оставляя, впрочем, и других, так как и для них, то же самое было делом обыкновенным. Сказав об апостолах, что они «были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча», он опять восходит к Илие, который пострадал подобно им. Так как они ещё не имели такого мнения об апостолах, то он предлагает увещание и утешение в пример того, кто был вознесён и кому они весьма удивлялись. «Скитались, – говорит, – в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин». По преизбытку скорбей они не имели, говорит, ни одежды для прикрытия себя, ни города, ни дома, ни убежища, подобно как и Христос говорил о Себе: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» ([Мф.8:20](#)).

Что я говорю: ни убежища? Даже покоя. И в пустынях они не находили покоя: не сказал (апостол), что они пребывали в пустынях, но что и там скитались и оттуда были изгоняемы, не только из обитаемых стран, но и из необитаемых. Здесь он упоминает и о местах, где они находились, и о том, что там происходило с ними: «терпя недостатки, – говорит, – скорби». Вас, говорит, осуждают за Христа; то же делали и с Илиею; но за что его осуждали, гнали, преследовали и заставляли томиться голодом? То же самое и они тогда терпели, как он говорит в другом месте, что братия рассудили послать страждущим ученикам: «Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее» ([Деян.11:29](#)). Так было с ними. «Терпя... озлобления», – говорит, т.е. страдая, подвергаясь изгнаниям, опасностям. То же самое было и с ними. А слова: «скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли», означают не что иное, как то, что они скитались, подобно беглецам и переселенцам, подобно людям, виновным в

тяжких преступлениях и недостойным взирать на солнце, и даже в пустынях не находили убежища, но постоянно должны были бегать, должны были, искать пристанища, должны были живыми зарываться в землю, постоянно подвергаться страху. «И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» ([Евр.11:39–40](#)).

Какая же, говорит, награда за такую надежду? Какое воздаяние? Великое, и столь великое, что даже не может быть выражено словом: «не видел того глаз, – говорит, – не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» ([1Кор.2:9](#)); Но они ещё не получили этого, ещё ожидают, скончавшись в таких скорбях. Уже прошло столько времени, как они остались победителями, и ещё не получили награды; а вы, находясь ещё в подвиге, сетуете? Подумайте, что значит и чего стоит Аврааму и апостолу Павлу ожидать, когда ты достигнешь совершенства, чтобы тогда иметь возможность получить награду. Спаситель предсказал, что он не даст им награды, пока мы не придем, подобно тому, как чадолюбивый отец говорит благонравным и исполнившим своё дело детям, что не даст им есть, пока не придут их братья. А ты сетуешь, что ещё не получил награды? Что же делать Авелю, который прежде всех победил и остается неувенчанным? Что – Ною? Что – другим, жившим в те времена и ожидающим тебя и тех, которые будут после тебя?

Видишь, что мы имеем преимущество пред ними? Поэтому хорошо сказал (апостол): «Бог предусмотрел о нас нечто лучшее». Чтобы не казалось, будто они имеют преимущество пред нами в том, что увенчиваются первые, (Бог) определил увенчать всех в одно время, и тот, кто победил за столько лет, получить венец вместе с тобою. Видишь ли попечение (о нас Божие)? И не сказал: да не без нас будут увенчаны, но: «дабы они не без нас достигли совершенства»; значит – тогда они и совершенными окажутся. Они предупредили нас в подвигах, но не предупредят в получении венцов; и это не есть несправедливость к ним, но честь нам, так как и они ожидают своих братьев. Если все мы – одно тело, то для этого тела более удовольствия, когда оно увенчается всецело, а не по частям. Праведники потому и достойны удивления, что они радуются благам братьев так же, как своим собственным. И они сами желают – быть увенчанными с другими своими членами, потому что в общем прославлении – великое удовольствие. «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей» ([Евр.12:1](#)).

2. Писание часто заимствует утешение в бедствиях от обыкновенных

явлений, как, например, когда пророк говорит: «от зноя и для убежища и защиты от непогод и дождя» избавит тебя ([Ис.4:6](#)), и Давид: «Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью» ([Пс.120:6](#)). Так (и апостол) здесь говорит, что как облако своею тенью защищает того, кого палят жгучие лучи, так и воспоминание о святых восстанавливает и укрепляет душу, удрученную бедствиями. Не сказал: висящий над нами, но: «вокруг себя такое облако», что означает более и показывает, что, облекая кругом, (это облако свидетелей) делает нас более безопасными. Свидетелями же он называет не только новозаветных мужей, но и ветхозаветных, потому что и они свидетельствовали о величии Божьем, как, например, три отрока, современники Или и все пророки. «Свергнем с себя всякое бремя». Какое – «всякое»? Т.е. сон, нерадение, низкие помыслы, всё человеческое. «И запинаящий нас грех». «Запинающий», – говорит, т.е. или удобно овладевающий нами, или удобно побеждаемый; лучше последнее, так как мы можем, если захотим, легко победить грех, – «и с терпением, – говорит, – будем проходить предлежащее нам поприще». Не сказал: будем бороться, или: будем ратовать, или: будем сражаться, но что всего легче на поприще, то и поставляет на вид. Не сказал также: усилим течение, но: будем терпеливы в том же самом течении, не будем ослабевать. «Будем проходить предлежащее нам поприще». Потом представляет главное утешение, которое он предлагает и прежде, и после, – Христа: «взирая на начальника и совершителя веры Иисуса» ([Евр.12:2](#)).

Так и сам Христос постоянно говорил ученикам: «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его» ([Мф.10:25](#))? и ещё: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего» ([Мф.10:24](#)). «Взирая», – говорит, т.е., чтобы нам научиться подвигам, будем взирать на Христа. Как во всех искусствах и упражнениях мы смотрим на учителей и таким образом напечатлеваем искусство в душе своей, при помощи зрения извлекая для себя некоторые правила, – так точно и здесь. Если мы хотим подвизаться и научиться подвизаться хорошо, то будем взирать на Христа, начальника веры и совершителя Иисуса. Что это значит? Т.е. он внедрил в нас веру, он положил начало, как и Христос говорил ученикам своим: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» ([Ин.15:16](#)); и Павел говорит: «тогда познаю, подобно как я познан» ([1Кор.13:12](#)). Если же он сам положил в нас начало, то он же совершит и конец. «Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление» ([Евр.12:2](#)), т.е., он мог бы и не страдать, если бы захотел, потому что он «не сделал греха, и не было лжи в устах Его» ([Ис.53:9](#)), как и сам он говорит в Евангелии: «идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» ([Ин.14:30](#)).

Следовательно, он мог бы, если бы захотел, не идти на крест: «Я отдаю жизнь Мою, – говорит Он, – чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее» ([Ин.10:17–18](#)).

Если же Он, не имея никакой нужды быть распятым, распялся для нас, то не тем ли более справедливо нам переносить всё мужественно? «Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление». Что значит: «пренебрегши посрамление»? Он избрал, говорит, поносную смерть. Пусть Он умер: но для чего поносною смертью? Не для чего иного, как для того, чтобы научить нас – ставить ни во что славу человеческую. Потому он и избрал такую (смерть), не будучи причастен греху, чтобы научить нас мужественно встретить её и ставить её ни во что. Почему не сказал: о скорби, но: о срамоте? Потому что (Христос) переносил это не со скорбью. Что же наконец? Послушай, что говорит далее: «и воссел одесную престола Божия». Замечаешь победную награду? То же говорит Павел и в другом послании: «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» ([Флп.2:9–10](#)). Это говорит он (о Христе) по плоти. Впрочем, если бы и не было никакой награды, то этого примера достаточно было бы для убеждения нас переносить всё; ныне же предлагаются нам и награды, и не какие-нибудь, а великие и неизреченные.

Итак, когда мы будем терпеть что-нибудь подобное, то прежде, чем на апостолов, будем взирать на Христа. Почему? Потому что вся жизнь Его была исполнена скорбей: он часто слышал, как называли Его беснующимся, обманщиком, чародеем. Иногда Иудеи говорили: «не от Бога Этот Человек» ([Ин.9:16](#)); а иногда: «обольщает народ» ([Ин.7:12](#)); и ещё: «обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну» ([Мф.27:63](#)); и в чародействе обвиняли Его, говоря: «Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» ([Мф.12:24](#)), и в том, что Он беснуется и имеет беса: не правду ли сказали мы, говорили, что Он «одержим бесом и безумствует» ([Ин.10:20](#))? И такие отзывы выслушивал Он от них, в то время, когда оказывал благодеяния, совершал чудеса, являл дела Божии. Если бы Он выслушивал это, не делая ничего подобного, то не было бы удивительно; но если Он, научая истине, был называем обманщиком, – изгоняя бесов, был порицаем как имеющий беса, – истребляя всё противное, был провозглашаем за чародея, – то не крайне ли это удивительно? Действительно, на Него непрестанно возводили такие обвинения.

3. Если хочешь знать и те насмешки и порицания, которые были направлены против Него и которые особенно возмущают наши души, то послушай, как смеялись, во-первых, над Его происхождением: «не Иисус ли это, – говорили, – не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда» ([Мф.13:55](#); [Ин.6:42](#))? И над отечеством Его смеялись, говоря, что Он – из Назарета, и выражаясь так: «рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк» ([Ин.7:52](#)). Но он переносил все эти насмешки. Говорили также: «Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид» ([Ин.7:42](#))? Хочешь ли видеть и те оскорбления, которые были наносимы Ему при самом кресте? Кланялись Ему в насмешку, били и заушали Его и говорили: «прореки нам, Христос, кто ударил Тебя» ([Мф.26:68](#)); подносили уксус и говорили: «если Ты Сын Божий, сойди с креста» ([Мф.27:40](#)). Даже раб архиерейский ударил Его, а (Господь) сказал: «если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня» ([Ин.18:23](#))? Издеваясь над Ним, одели Его в хламиду и плевали Ему в лицо, и постоянно ругались над Ним, искушая Его. Хочешь ли видеть обвинения против Него, и тайные и явные, и со стороны учеников? «Не хотите ли и вы отойти» ([Ин.6:67](#))? – говорил он им; и: «не бес ли в Тебе»? – говорили уже уверовавшие ([Ин.7:20](#)). Разве Он, скажи мне, не удалялся постоянно то в Галилею, то в Иудею? Не от пеленок ли подвергался он многим искушениям? Не младенцем ли он был, когда мать, взяв Его, убежала в Египет? Потому (Павел) и говорит: «взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия».

Будем же взирать на Него, равно и на (страдания) учеников Его, читая и внимая тому, что говорит Павел: «в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии» ([2Кор.6:4–6](#)); и ещё: «Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим» ([1Кор.4:11–13](#)). Может ли из нас кто-нибудь сказать, что он перенес хотя малейшую часть таких страданий? Мы, говорит он, как обманщики, как безчестные, как ничего не имеющие ([2Кор.6:10](#)); и ещё: «От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях», в скорбях, в тесноте, в

голоде ([2Кор.11:24–26](#)). А что всё это угодно было Богу, о том послушай, как он сам говорит: «Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но *Господь* сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»" ([2Кор.12:8–9](#)). «Посему, – говорит, – я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях», в ранах, в темницах, «чтобы обитала во мне сила Христова» ([2Кор.12:9–10](#)). И сам Христос, послушай, что говорит: «В мире будете иметь скорбь» ([Ин.16:33](#)). «Помыслите, – продолжает (апостол), – о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнечь и не ослабеть душами вашими» ([Евр.12:3](#)). Справедливо он прибавил это, потому что если страдания ближних ободряют нас, то какого утешения не доставят нам страдания Владыки? Чего не сделают с нами? И заметь, как он, не исчисляя всего, в этом прибавлении обозначил всё словом: «прекословие» (синод. – «поругание»); заушения, насмешки, оскорбления, поношения, поругания, всё это он назвал «прекословие», и не только это, но и всё то, что было во всю жизнь Его учительства. Будем же, возлюбленные, постоянно вспоминать об этом, будем ночью и днём содержать это в мыслях своих, зная, что это принесёт нам великие блага, что мы получим отсюда великую пользу.

Великое, действительно великое утешение для нас – страдания Христа и апостолов. Этот путь к добродетели (Христос) считал столь прекрасным, что и сам шёл по нему, не имея в том нужды; скорбь признавал Он так полезною для нас, как бы она была источником радости. Послушай в самом деле, что сам Христос говорит: «и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» ([Мф.10:38](#)). Таким наставлением он внушает как бы следующее: если ты ученик, то подражай учителю, – это свойственно ученику. Если же он шёл по скорбному пути, а ты идёшь по радостному, то ты идёшь не по тому пути, по которому он шёл, а по другому. Какой же ты последователь, когда не следуешь? Какой ты ученик, когда не подражаешь учителю? Так и Павел говорит: «мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии» ([1Кор.4:10](#)). Согласно ли, говорит, с разумом – иметь вам противоположные с нами стремления, и вместе быть вам учениками, а нам учителями? Итак, возлюбленные, великое благо – скорбь; она производит два величайшие дела, очищает грехи и делает нас мужественными.

4. Но что, скажешь, если она преодолет и погубит? Нет, не скорбь делает это, а наша леность. Как так? Если мы будем бодрствовать, если будем молить Бога, чтобы Он не попустил нам «быть искушаемыми сверх сил» ([1Кор.10:13](#)), если всегда будем преданы Ему, то мы устоим

мужественно и выдержим борьбу. Пока мы будем иметь Его своим помощником, до тех пор хотя бы искушения сильнее всяких бурь нападали на нас, они будут для нас сеном и листьями, легко уносимыми (ветром). Послушай Павла, который говорит: «все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» ([Рим.8:37](#)); и ещё: «думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» ([Рим.8:18](#)); и ещё: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» ([2Кор.4:17](#)). Смотри, какие опасности, кораблекрушения, непрестанные скорби и всё тому подобное он называет легким, и подражай этому алмазному, как бы совершенно не облеченному телом.

Ты находишься в бедности? Но не в такой, в какой был Павел, искусившийся и в голоде, и в жажде, и в наготе; и не один только день он терпел это, а переносил постоянно. Откуда это известно? Послушай, как он сам говорит: «Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу» ([1Кор.4:11](#)). О, сколько терпел (этот муж), уже прославившейся проповедью, уже двадцать лет подвизавшийся к тому времени, как он писал это. «Знаю, – говорит, – человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба» ([2Кор.12:2](#)); и в другом месте: «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим» ([Гал.1:18](#)). И ещё, послушай, как он говорит: «Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою» ([1Кор.9:15](#)). И не только так, но ещё, послушай, что он говорит: «мы как сор для мира» ([1Кор.4:13](#)). Что хуже голода, холода, козней от братьев, которых, впрочем, он называет лжебратьями? Не называли ли его и губителем вселенной, и оболстителем, и обманщиком? Не били ли его бичами? Будем же содержать это в уме, возлюбленные, будем помышлять об этом, будем помнить это, и мы никогда не падём духом, хотя бы нас обижали, хотя бы грабили, хотя бы причиняли тысячи других бедствий.

Дай Бог нам благоденствовать на небесах, а всё здешнее сносно; дай Бог нам достигнуть блаженства там, а всё здешнее несколько не важно. Это – тень и сновидение; каково бы оно ни было, но в сравнении с будущим и ожидаемым в нём нет ничего тяжкого ни по качеству, ни по времени. Что можем мы сравнить с тамошними мучениями, с огнём неугасаемым, с червем неумирающим? Что здешнее можно сравнить со скрежетом зубов, заключением во тьму кромешную, яростью, печалью, вздыханием? А в отношении времени, что значат даже десятки тысяч лет сравнительно, с безпредельными и нескончаемыми веками? Не малая ли

это капля пред безпредельною бездною? А тамошние блага? Они несравненно превосходнее здешних: «не видел того глаз, – говорит (апостол), – не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» ([1Кор.2:9](#)). И они также будут продолжаться в бесконечные веки. Поэтому ужели не стоит для них тысячекратно пострадать, быть убитым, быть сожженным, претерпеть тысячи смертей, перенести всё, что только есть ужасного и на словах, и на деле? Ведь если (может случиться, что) мы будем жить сгорая в огне, то не следует ли перенести всё, чтобы удостоиться тех обещанных благ?

Но для чего я напрасно говорю это людям, которые не хотят даже отказаться от привязанности к деньгам, считают их как бы бессмертными и, если подадут только малое из многого, то думают, что уже исполнили всё? Нет, это – не милостыня; милостыня – (подавание) той вдовы, которая пожертвовала «что имела, все пропитание свое» ([Мк.12:44](#)). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай по крайней мере всё лишнее; пусть будет у тебя всего достаточно, но без излишества. Но никто не подаёт даже и лишнего; а тюка ты имеешь множество слуг и шелковые одежды, то все это лишнее. Нет ни нужды, ни пользы в том, без чего мы можем жить; это – лишнее и извне привходящее. Посмотрим же, если угодно, без чего мы не можем жить. Если мы имеем только двоих слуг, то можем жить. Ведь если некоторые живут вовсе без слуг, то какое мы можем иметь оправдание, не довольствуясь двумя? Мы можем иметь и кирпичный дом с тремя комнатами, и этого будет для нас достаточно; разве, скажи мне, нет людей, которые с детьми и женою занимают только одну комнату? Пусть же будут у тебя, если хочешь, двое слуг. Но не стыдно ли, говорят, свободной женщине ходить с двумя только слугами? Нет, не с двумя слугами стыдно ходить свободной, а стыдно ходить со многими. Может быть, вы смеётесь слушая это. Поверьте, стыдно ходить со многими. Точно какие продавцы овец, или торговцы невольниками, вы считаете чем-то важным – ходить в сопровождении множества слуг. Это – гордость и тщеславие; а то – благоразумие и скромность. Свободной женщине нужно отличаться не множеством идущих за нею: что за добродетель – иметь много невольников? Это несвойственно нашей душе; а что несвойственно душе, то не делает её свободною. Когда она довольствуется немногим, тогда она истинно свободна; а когда нуждается во многом, тогда она – раба и хуже невольников.

5. Скажи мне: ангелы не одни ли обтекают вселенную и нуждаются ли в ком-нибудь, кто бы следовал за ними? Неужели потому они, не нуждающиеся в этом, хуже нас, нуждающихся? Если же не иметь нужды в

сопровождающих свойственно ангелам, то кто ближе к ангельской жизни, – та ли, которая имеет нужду во многих слугах, или которая – в немногих? И разве это стыдно? Стыдно делать что-нибудь порочное. Кто, скажи мне, более обращает на себя внимание находящихся на площади, – та ли, которую сопровождают многие, или которую – немногие? А ещё более этой, сопровождаемой немногими, – не та ли, которая выходит одна, без всякой пышности? Видишь ли, как первое постыдно? Кто более обращает на себя внимание находящихся на площади, – та ли, которая носит красивые одежды, или та, которая одевается просто и неизысканно?

Кто более обращает на себя внимание находящихся на площади, – та ли, которая едет на мулах, с позолоченными покрывами, или та, которая выходит просто и как случилось, но с приличием? Не правда ли, что на последнюю мы не обращаем особенного внимания, хотя и видим её, а первую не только многие стараются увидеть, но и спрашивают: кто это такая и откуда? Не стану говорить, сколько отсюда рождается зависти. Что же, скажи: мне, стыднее – быть, или не быть предметом наблюдения? Когда бывает более стыдно, – когда все смотрят на неё, или когда никто не смотрит, – когда стараются узнать о ней, или когда нисколько не заботятся? Видишь ли, что не из стыда, а из тщеславия мы делаем все это. Впрочем, вас невозможно отучить от этого, и потому для меня довольно будет внушить вам, что простота не постыдна. Постыден один грех, которого никто не считает постыдным, а скорее считает таким всё другое, кроме греха. Одежды должны быть у нас сообразные потребности, а не излишние; впрочем, чтобы нам не слишком опечалить вас, внушаю только, что у нас не должны быть ни позолоченные одежды, ни тонкие покровы. Не я говорю это, не мои это слова, но блаженного Павла, который, послушай, как увещевает жен украшать себя: «не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою» ([1Тим.2:9](#)). Чем же, Павел, научи нас? Может быть, скажут, что одни только золотые одежды драгоценны, а шелковые не драгоценны; научи же нас, чем именно?

«Имея, – говорит он, – пропитание и одежду, будем довольны тем» ([1Тим.6:8](#)). Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала; для того Бог и дал нам её, чтобы мы прикрывали наготу, а это может делать и всякая недорогая одежда. Может быть, теперь и смеётесь вы, нося шелковые одежды. Поистине, это достойно смеха. Что заповедал Павел, а что делаем мы? Не к одним только женам я обращаю свое слово, но и к мужьям. Всё, что мы имеем, кроме этого, есть лишнее. Одни только нищие не имеют лишнего, но и то, может быть, по необходимости, так что, если бы можно было, то и они не отказались бы. Впрочем по наружности ли

только, или в действительности, по крайней мере они не имеют лишнего. Так и мы будем носить одежды, удовлетворяющие необходимости. В самом деле, к чему служит обилие золота? Это прилично действующим на сцене; это – одежда их, тех распутных женщин, которые делают всё для того, чтобы выставиться. Пусть наряжается актриса или танцовщица; ей хочется привлечь к себе всех. А посвятившая себя благочестию не так должна украшаться; у ней есть другое украшение, гораздо лучшее.

И у тебя есть своё зрелище; украшайся прилично этому зрелищу; облакайся в этот наряд. Какое же твоё зрелище? Небо, лик ангелов. Говорю не об одних только посвятивших себя девству, но и о мирских; для всех, верующих во Христа, открыто это зрелище. Будем же говорить то, чём можно доставить удовольствие этим зрителям, и одеваться так, чтобы они радовались. Скажи мне, в самом деле, если бы блудница, оставив золотые украшения и одежды, смех, шуточные и непристойные выражения, оделась в простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивые речи, беседовать о целомудрии и не произносить ничего неприличного, – то не встали ли бы все, не нарушилось ли бы зрелище, не выгнали ли бы её вон, как не умеющую применяться к народу и говорящую о том, что чуждо этому сатанинскому зрелищу? Так, если и ты, одевшись в свойственные ей одежды, войдёшь на зрелище небесное, то зрители изгонят тебя вон. Там нужны не эти золотые одежды, а другие. Какие же? Те, о которых говорит пророк: «одежда ее шита золотом» ([Пс.44:14](#)). Не тело нужно делать белым и блестящим, но украшать душу, потому что она подвизается и борется. «Вся слава дщери Царя внутри», – говорит (пророк). Так украшай себя. Тогда ты избавишься от множества и других зол, освободишь и мужа от забот и себя от хлопот; тогда ты будешь и почтенна в глазах мужа, – если не станешь нуждаться во многом.

6. Всякий человек обыкновенно гордится перед теми, которые нуждаются в нём; а когда видит неимеющих в нём нужды, тогда умеряет гордость и говорит с ними, как с равными. Так и муж, если увидит, что ты ничего не требуешь от него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы он был крайне высокомерен, будет уважать тебя гораздо более, нежели видя тебя одетую в золотые одежды, и ты уже не будешь больше его рабою. В ком мы имеем нужду, тому по необходимости подчиняемся; если же воздержим себя, то не будем ему подвластны, и он поймёт, что мы по страху Божию оказываем ему некоторое повиновение, а не за (подарки) его. Между тем теперь он поступает как бы оказавши нам великие благодеяния и, какой бы чести ни удостоивался от нас, думает, что ещё не

вся честь воздана ему; а тогда, если он удостоится хотя малой чести, будет благодарен, не станет упрекать и сам не будет вынужден предаваться любостыжанию для тебя.

Что может быть безразднее, как собирать золотые украшения для того, чтобы показывать их в банях и на торжищах? Но, впрочем, еще может быть несколько неудивительно, что (это делается) в банях и на торжищах; а весьма смешно входить и в церковь одетой таким образом. К чему входит сюда в золотых украшениях та, которая должна здесь выслушать, что нужно украшаться «не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой» (1Тим.2:9)? Для чего же ты, жена, входишь сюда? Не спорить ли с Павлом и доказать, что, хотя бы он тысячу раз говорил это, ты не исправишься? Не обличать ли нас – учителей и показать, что мы напрасно говорим об этом? Скажи мне: если какой-нибудь язычник и неверный, услышав приведенное место, где блаженный Павел убеждает жен не украшаться «не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой», и имея жену верную, увидит, что она много заботится об украшении себя и наряжается в золотые одежды, чтобы идти в церковь, то не скажет ли он самому себе, когда она одевается и убирается в своей спальне: зачем жена моя остаётся в спальне? Зачем медлит? Зачем надевает золотые (украшения)? Куда хочет идти? в церковь? Для чего? Для того, чтобы услышать: не украшайте себя «многоценной одеждой»? Не станет ли он после этого смеяться? Не будет ли издеваться? Не сочтёт ли наше (учение) шуткою и обманом?

Потому, увещаю вас, предоставим золотые (украшения мирским) торжествам, зрелищам и модным лавкам; образ же Божий должен украшаться не этим; свободная должна украшаться свободой; а свобода чужда гордости и тщеславия. Таким образом, ты приобретёшь славу и от людей, если хочешь приобрести её. Жене мужа богатого мы не столько удивляемся тогда, когда она одета в золотые и шелковые одежды, – это обыкновенно для всех, – сколько тогда, когда она будет одета в одежду простую и неизысканную, сделанную из одной только шерсти; этому все будут удивляться, этому станут рукоплескать. В украшении себя золотыми и драгоценными одеждами она имеет себе много сообщниц (делающих то же); если она превзойдёт одну, её превзойдёт другая; если превзойдёт всех, и тогда не сравнится с самой царицей. А тогда она превзойдёт всех, и даже саму жену царя, потому что она одна при великом богатстве изберёт свойственное бедным. Так, если даже мы домогаемся славы, то здесь больше славы. Говорю это не одним вдовам и богатым, – здесь ведь, кажется, и самое вдовство заставляет поступать так, – но и замужним. Но иначе, скажешь, я не буду нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться,

а множеству беднейших жен, или лучше сказать, не нравиться, а унижать их и оскорблять и тем увеличивать их бедность. И какие хулы произносятся из-за тебя! Бедность, говорят, не должна быть; Бог ненавидит нуждающихся, Бог не любит бедных. А что ты не мужу хочешь нравиться и не для него наряжаешься, это очевидно для всех из твоих собственных поступков. Как только ты переступаешь порог спальни, тотчас снимаешь всё, и одежды, и золотые (украшения), и драгоценные камни, и дома, конечно, не носишь их. Если же в самом деле ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностью, кротостью, честностью; и поверь мне, жена, как бы муж твой ни был низок и неводержан, гораздо более удержит его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умеренность. Развратного (мужа) не удержишь, хотя бы ты придумывала тысячи подобных (украшений); это знают те, которые имели таких мужей; и как бы ты ни наряжалась, этот развратник уйдёт к другой; а целомудренному и скромному угодишь не этим, но совершенно противным; этим только оскорбишь его, внушив ему подозрение своею привязанностью к нарядам. Если муж, по скромности и благоразумно, и не скажет этого, то всё же осудит тебя тайно, и от огорчения и досады не удержится. Таким образом не лишаешь ли ты себя всякого удовольствия, возбуждая против себя ненависть?

7. Может быть, вы с негодованием слушаете сказанное, огорчаетесь и говорите: он ещё более раздражает мужей против жен. Нет, я говорю это не с тем, чтобы раздражить мужей, но желая, чтобы вы поступали так добровольно для вас самих, а не для них, – не с тем, чтобы их избавить от досады, но чтобы вас отклонить от житейских прихотей. Ты желаешь казаться красивою? И я желаю этого, но только – тою красотою, которой требует Бог, красотою, которой хочет Царь (небесный). Кого ты желаешь, иметь любовником – Бога, или людей? Если ты будешь прекрасна этою красотою, то Бог «возжелает Царь красоты твоей» ([Пс.44:12](#)); а если – тою без этой, то он отвернётся от тебя, любовниками же твоими будут развратные люди, потому что не добрый человек тот, кто любит замужнюю женщину. Так рассуждай и о внешних украшениях. То украшение, украшение душевное, привлекает Бога; а это (украшение телесное) – людей развратных. Видишь, что я беспокоюсь о вас, забочусь о вас, о том, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными, чтобы вместо людей развратных вы имели любовником Владыку всех Бога? А имеющая Его любовником кому подобна? Она в ангельском хоре. Если возлюбленная царя считается блаженною больше всех, то чего достаивается та, которую любит Бог великою любовью? Если

противопоставить ей целую вселенную, то ничто не сравнится с красотой её.

Будем же заботиться об этой красоте, будем украшаться этим украшением, чтобы нам войти на небеса, в духовные обители, в нетленный брачный чертог. Красота телесная от всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болезнь, ни заботы не искажают её, – что впрочем невозможно, – и тогда она не продолжается и двадцати лет; а эта (красота душевная) всегда цветёт, никогда не увядает; она не боится никакой перемены, ни наступившая старость ненаводит на неё морщин, ни приключившаяся болезнь не заставляет увядать, ни беспокойная забота не вредит, но она выше всего этого. Напротив, та (красота телесная) не успеет появиться, как уже исчезает, и, появившись, возбуждает удивление не во многих. Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будем же заботиться об этой красоте, а не о той; будем её приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками. Не девам только это заповедано, но душам девственным; если бы это было заповедано просто девам, то другие пять не были бы отвергнуты. Следовательно, это относится ко всем, кто девствен душою, кто чужд житейских попечений, а эти попечения развращают души. Потому, если мы останемся чистыми, то войдём туда и будем приняты.

«Ибо я ревную о вас ревностью Божию; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» ([2Кор.11:2](#)). Не девам сказал он это, а целому обществу Церкви. Нерастленная душою есть дева, хотя бы она и имела мужа; она девственна истинною, чудною девственностью; самое телесное девство есть последствие и тень этой девственности, а она есть истинное девство. Будем же приобретать её, и мы тогда будем в состоянии взирать на жениха с светлым лицом, войти с горящими светильниками, если у нас не оскудеет этот елей, если мы растопим золотые (украшения) и извлечём из них елей, который делает светильники горящими; а этот елей есть человеколюбие. Если мы уделим другим из нашего имущества, если соделаем из него елей, тогда он поможет нам, и мы не станем говорить в то время: «дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут», не будем нуждаться в других, не будем исключены, отошедши к продающим, и не услышим, стуча в двери, тех страшных и ужасных слов: «не знаю вас»; но будем признаны, войдём вместе с женихом и, вошедши в духовный брачный чертог, будем наслаждаться безчисленными благами ([Мф.25:8, 12](#)). Если и здесь чертог жениха бывает так блестящ и брачные покои так прекрасны, что никто из зрителей не может насмотреться, то не тем ли более там?

Небо есть брачный покой, а чертог Жениха лучше неба; туда мы и войдем. Если же так прекрасен чертог Жениха, то каков сам Жених? Но что я говорю: сняв золотые (украшения), отдадим их нуждающимся? Если бы нужно было даже продать самих себя, из свободных сделаться рабами, для того, чтобы иметь возможность быть вместе с этим Женихом, наслаждаться Его красотой, или только взирать на лице Его, то не должно ли было бы с охотой исполнить всё это? Для того, чтобы видеть только земного царя, мы часто за взгляд на него бросаем всё, что у нас под руками, и даже самое необходимое; для Царя же и вместе Жениха небесного, для того, чтобы не только удостоиться видеть Его, но и предшествовать Ему со светильниками, быть близ Него и оставаться с Ним навсегда, чего не должно делать, чего совершить, чего перенести? Потому, увещаю вас, будем хотя несколько стремиться к этим благам, будем любить этого Жениха, будем девственными истинным девством; а Владыка желает от нас девственности душевной. С нею мы войдём на небо, не имея «пятна, или порока, или чего-либо подобного» ([Еф.5:27](#)), и получим обещанные нам блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Беседа 29

[Евр.12:4–7](#). Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?

1. Есть два рода утешения, которые, по-видимому, противоположны между собою, но взаимно много подкрепляют друг друга; оба (апостол) и приводит здесь. Именно: один состоит в том, когда мы говорим, что некоторые люди много пострадали: душа делается спокойною, если находит многих соучастников своих страданий. Это (апостол) представил выше, когда сказал: «Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий» ([Евр.10:32](#)). Другой состоит в том, когда мы говорим: ты немного пострадал: такими словами мы ободряемся, возбуждаемся и делаемся более готовыми – терпеть всё. Первое успокаивает изнуренную душу и доставляет ей отдых; а второе возбуждает её от лености и беспечности и отклоняет от гордости. Так, чтобы от приведённого свидетельства не родилась у них гордость, смотри, что (Павел) делает: «Вы еще не до крови, – говорит, – сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение». Он не вдруг высказал последующие слова, но наперёд представил им всех, подвизавшихся «до крови», затем заметил, что страдания Христовы составляют славу, и потом уже удобно перешёл (к последующему).

Так он и в послании к Коринфянам говорит: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое», т.е. малое ([1Кор.10:13](#)), потому что таким именно образом душа может пробудиться и ободриться, когда она представит, что ещё не всего достигла, и убедится в том предшествующими событиями. Смысл слов его следующий: вы ещё не подверглись смерти, вы только потеряли имущество и славу, вы только потерпели изгнание; Христос пролил кровь свою за вас, а вы и за себя не пролили её; Он даже до смерти стоял за истину, подвизаясь за вас, а вы ещё не подвергались опасностям, угрожающим смертью. «И забыли утешение», т.е. опустили руки, ослабели. «Не до крови, – говорит, сражались (слав. – встали), подвизаясь против греха». Здесь он показывает, что и грех сильно нападает и также вооружен, – слово: «встали» говорится

к стоящим. «И забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя». Представив утешение от дел, теперь он сверх того прибавляет утешение от изречений, от приведённого свидетельства: «не унывай, – говорит, – когда Он обличает тебя». Итак это – дело Божие; а не мало доставляет утешения то, когда мы убеждаемся, что случившееся могло произойти по действию Божию, по Его поущению.

Так и Павел говорит: «Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но *Господь* сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»" ([2Кор.12:8–9](#)). Следовательно Он сам попускает это. «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает». Ты не можешь, говорит, сказать, что есть какой-нибудь праведник, не терпевший скорбей, и хотя нам так кажется, но иных скорбей мы не знаем. Следовательно, всякому праведнику необходимо пройти путём скорби. И Христос сказал, что «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» ([Мф.7:13–14](#)). Если же войти в жизнь можно только таким образом, а иначе невозможно, то следует, что тесным путём шли все те, которые вошли в жизнь. «Если вы терпите наказание, – говорит, – то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?» Если (Бог) наказывает вас, то для исправления, а не для истязания, не для мучения, не для страданий.

Смотри, как (апостол) тем самым, из-за чего они считали себя оставленными, внушает им уверенность, что они не оставлены, и как бы так говорит: претерпевая такие бедствия, вы уже думаете, что Бог оставил и ненавидит вас? Нет, если бы вы не страдали, тогда следовало бы опасаться этого, потому что если он «бьет же всякого сына, которого принимает», то небиемый, быть может, не сын. Но как, скажете, разве злые люди не страдают? Конечно, страдают, – как же иначе? – но он не сказал: всякий биемый есть сын, а: «бьет же всякого сына». Потому ты не можешь говорить: есть много и злых людей, которых бьют, например человекоубийцы, разбойники, чародеи, гробокопатели. Они бывают наказываемы за собственные злодеяния; они бывают не биемы, как сыны, но наказываемы, как злодеи; а вы – как сыны. Видишь ли, как он отовсюду заимствует доказательства, – и от событий, упоминаемых в Писании, и от изречений, и от собственных рассуждений, и от примеров, случающихся в жизни? Далее указывает ещё и на общее обыкновение: «Если же, –

говорит, – остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» ([Евр.12:8](#)).

2. Видишь ли, что, как я и выше сказал, сыну невозможно оставаться ненаказанным? Как в семействах отцы не заботятся о детях незаконнорожденных, хотя бы они ни чему не учились, хотя бы никогда не сделались известными, о законных же сыновьях заботятся, чтобы они не были беспечными, – таки в настоящем случае. Потому, если не быть наказанными свойственно детям незаконнорожденным, то нужно радоваться наказанию, как знаку истинного родства. Поэтому самому (апостол) и говорит: «Притом, *если* мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?» ([Евр.12:9](#)). Опять заимствует ободрение от собственных их страданий, которые они сами терпели. Как там говорил: «Вспомните прежние дни ваши», так и здесь говорит: «Бог поступает с вами, как с сынами», – вы не можете сказать, что вы не в состоянии переносить, – и при том «Господь, кого любит, того наказывает». Если же (дети) повинуются плотским родителям, то как вы не будете повиноваться Отцу небесному? При том здесь не в этом только различие и не в лицах только, но и в самых побуждениях и действиях. Не по одному и тому же побуждению наказывают Он и они (Бог и плотские родители). Потому (апостол) и прибавляет: «Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его» ([Евр.12:10](#)), т.е. они часто делают это для собственного удовольствия и не всегда имея в виду пользу, здесь же нельзя этого сказать, так как (Бог) делает это не из каких-нибудь собственных видов, а для вас, единственно для вашей пользы; те наказывают, чтобы вы и для них были полезны, а нередко и напрасно, здесь же не бывает ничего подобного.

Видишь, какое и отсюда происходит утешение? Мы в особенности привязываемся к тем, в которых видим, что они не из каких-нибудь собственных видов приказывают нам, или дают наставление, но все их заботы клонятся к нашей пользе. Тогда-то и бывает искренняя любовь, любовь настоящая, когда кто любит нас, несмотря на то, что мы совершенно бесполезны для любящего. Так и (Бог) любит нас не для того, чтобы получить что-либо от нас, но чтобы дать нам; Он наказывает, делает всё, принимает все меры к тому, чтобы мы сделались способными к принятию Его благ. «Те, – говорит (апостол), – наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его». Что значить: «в святости Его»? Т.е. чистоты, –

чтобы мы сделались достойными Его, по возможности. Он заботится, чтобы вы приняли, и употребляет все меры к тому, чтобы дать вам; а вы не стараетесь о том, чтобы принять. «Я сказал, – говорит (Псалмопевец), – Господу: Ты – Господь мой; блага мои Тебе не нужны» ([Пс.15:2](#)). «Притом, если мы, – говорит, – будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?» «Отцу духов», – говорит так, разумея или дары (духовные), или молитвы, или безплотные Силы. Если с таким (расположением духа) мы умрём, то и получим жизнь. Хорошо он сказал: «Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней, – потому что угодное людям не всегда бывает полезно, – а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его».

3. Следовательно, наказание полезно; следовательно, наказание доставляет святость. И, конечно, так. Ведь, если оно истребляет леность, порочные пожелания, привязанность к предметам житейским, если оно сосредоточивает душу, если располагает её презирать всё здешнее, – а отсюда и происходит скорбь, – то не свято ли оно, не привлекает ли оно благодати Духа? Будем же постоянно представлять себе праведников и помнить, почему все они прославились, и всех раньше Авель и Ной: разве не посредством скорбей? Да и невозможно, чтобы один праведник не скорбел среди такого множества нечестивых. «Ной, – говорит Писание, – был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом» ([Быт.6:9](#)). Подумай: если теперь, имея такое множество мужей, и отцов, и учителей, добродетелям которых мы можем подражать, мы, однако, испытываем столько скорбей, то как должен был страдать он, будучи один среди столь многих? Но говорить ли мне о том, что было во время чудного и необыкновенного потопа? Говорить ли об Аврааме, о том, что ему случалось терпеть, как-то: о непрестанных его странствованиях, лишении жены, опасностях, сражениях, искушениях? (Говорить ли) об Иакове, сколько бедствий он перенёс, будучи отовсюду изгоняем, трудясь напрасно и изнуряя себя для других? Нет нужды перечислять все его искушения; довольно будет привести свидетельство, которое он сам высказал в беседе с фараоном: «дней странствования моего сто тридцать лет; малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих во днях странствования их» ([Быт.47:9](#)). Говорить ли об Иосифе, Моисее, Иисусе (Навине), Давиде, Самуиле, Илии, Данииле и всех пророках? Ты найдёшь, что все они прославились посредством скорбей. А ты, скажи мне, хочешь прославиться посредством удовольствий и роскоши? Но это невозможно. Говорить ли об апостолах? И они

превзошли всех скорбями. Но что я говорю? Сам Христос тоже сказал: «В мире будете иметь скорбь» ([Ин.16:33](#)); и еще: «вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется» ([Ин.16:20](#)).

«Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» ([Мф.7:14](#)). Господь этого пути сказал, что он узок и тесен; а ты ищешь широкого? Не безразсудно ли это? Потому ты и не достигнешь жизни, что идёшь другим путём, а достигнешь гибели, потому что избрал путь, ведущий туда. Хочешь ли, я расскажу и представлю тебе людей, преданных роскоши? От позднейших обратимся к древнейшим. Богач, горящий в огне, иудеи, преданные чреву, для которых чрево было богом, которые в пустыне постоянно искали наслаждений, – почему погибли? Подобно современникам Ноя, не потому ли, что избрали эту роскошную и развратную жизнь? Также и содомляне (погибли) за чревоугодие: «пресыщении, – сказано, – и праздности» ([Иез.16:49](#)). Так сказано о содомлянах. Если же пресыщение хлебом произвело столько зла, то что сказать о других наслаждениях? Не был ли неводержан Исав? Не таковы ли были те из сынов Божиих, которые прельстились женами и увлеклись в пропасть? Не таковы ли были те, которые удовлетворяли похоти на мужчинах? И все цари языческие, вавилонские, египетские, не бедственно ли окончили жизнь? Не преданы ли они мучению? Но не то же ли, скажи мне, бывает и теперь?

Послушай, что говорит Христос: «Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских» ([Мф.11:8](#)); а те, которые не носят таких одежд, те – на небесах. Мягкая одежда расслабляет и твердую душу, изнеживает и расстраивает; и как бы ни было крепко и сильно тело, которое она облекает, от такой роскоши оно скоро делается изнеженным и слабым. Скажите мне: почему, думаете вы, женщины бывают так слабы? Неужели только от природы? Нет, но и от образа жизни и от воспитания; их делают такими изнеженное воспитание, праздность, омовения, намащения, изобилие ароматов, мягкое ложе. И чтобы тебе понять это, послушай, что я скажу. Из кучи деревьев, растущих в пустыне и колеблемых ветрами, возьми какое-нибудь растение и посади на место влажное и тенистое, – и ты увидишь, как оно сделается хуже, нежели каким ты взял его сначала. А что это справедливо, доказательством служат женщины, воспитывающаяся в деревнях; они бывают гораздо крепче городских мужчин и могли бы преодолеть многих из них. А когда тело делается изнеженным, то по необходимости вместе с ним и душа испытывает то же зло, потому что отправления души по большей части соответствуют состоянию тела. Во время болезней мы бываем иными по причине расслабления, а во время

здоровья опять иными.

Как в музыкальных инструментах, когда струны издают звуки мягкие и слабые и они нехорошо натянуты, то уменьшается и достоинство искусства, принужденного покоряться слабости струн, так и в теле: душа терпит от него много вреда, много стеснения; она испытывает горькое рабство, когда тело имеет нужду в частом врачевании. Потому, увещеваю вас, будем стараться делать его крепким, а не болезненным. Не одним мужьям я говорю это, но и женам. Для чего ты, жена, постоянно расслабляешь тело свое роскошью и делаешь его негодным? Для чего губишь силу его тучностью? Ведь тучность составляет слабость для него, а не силу. Если же ты, оставив это, будешь вести себя иначе, тогда явится и красота телесная по желанию твоему, как скоро будет сила и свежесть. А если, напротив, будешь подвергать его безчисленным болезням, то не будет у тебя ни здорового цвета, ни свежести, но постоянно будешь чувствовать себя дурно.

4. Вы знаете, что как прекрасен бывает хороший дом, когда озаряет его ясная погода, так и красивое лицо делается ещё лучше от веселого расположения духа; а когда (душа) уныла и прискорбна, тогда (и лицо) становится безобразнее. Унылость происходит от болезней и расстройства здоровья; а болезни происходят от расслабления тела пресыщением. Так и по этой причине вы должны избегать пресыщения, если верите мне. Но есть, скажете, некоторое удовольствие в пресыщении? Не столько удовольствия, сколько неприятностей. Удовольствие ограничивается только гортанью и языком; когда трапеза кончилась, или когда пища съедена, ты становишься подобным тому, кто и не участвовал (в трапезе), и даже, гораздо хуже его, потому что ты выносишь оттуда тяжесть, расслабление, головную боль и склонность ко сну, похожему на смерть, а часто и бессонницу от пресыщения, одышки и отрыжки, и тысячу раз проклинаешь свой желудок, вместо того, чтобы проклинать невоздержность.

Итак, не будем утучнять тела, но послушаем Павла, который говорит: «попечения о плоти не превращайте в похоти» ([Рим.13:14](#)). Набивающий желудок делает то же, как если бы кто-нибудь, взявши пищу, бросил её в нечистый ров, или даже не то, а гораздо хуже, потому что последний наполняет только ров без вреда для себя самого, а первый навлекает на себя тысячу болезней. Питает нас только то, что принимается в потребном количестве и может перевариться; а лишнее сверх необходимого не только не питает, но ещё приносит вред. Между тем никто не замечает этого, обольщаясь нелепым удовольствием и обычным пристрастием. Ты хочешь

питать тело? Оставь же лишнее, давай ему необходимое, и столько, сколько может перевариться; не нагружай его слишком, чтобы не потопить. Принимаемое в потребном количестве и питает, и доставляет удовольствие; действительно, ничто не доставляет такого удовольствия, как хорошо переварившаяся пища; ничто так не способствует здоровью, ничто так не поддерживает живости чувств, ничто так не предотвращает болезней.

Таким образом принимаемое в потребном количестве служит и к питанию, и к удовольствию, и к здоровью, а излишнее – ко вреду, к неприятностям и болезням. Пресыщение производит то же, что делает голод, или даже гораздо худшее. Голод в короткое время изнуряет и доводит человека до смерти; а пресыщение, разъедая тело и производя в нём гниение, подвергает его продолжительной болезни и потом тягчайшей смерти. Между тем голод мы считаем несносным, а к пресыщению, которое вреднее его, стремимся. Откуда в нас такая болезнь? Откуда такое безумие? Не говорю, что нужно изнурять себя, но нужно принимать пищу так, чтобы тело и получало удовольствие, истинное удовольствие, и могло питаться, чтобы оно было благоустроенным и благонадежным, крепким и способным орудием для действий души. Если же оно переполнится пищею, которая будет, так сказать, расторгать самые запоры и составные связи, то уже бывает не в состоянии удержать этого наводнения, – вторгшееся наводнение расторгает и разрушает всё.

«Попечения о плоти, – говорит, – не превращайте в похоти». Хорошо он сказал: «в похоти», потому что пресыщение есть пища для порочных желаний, и пресыщающийся, хотя бы он был мудрее всех, по необходимости терпит какой-нибудь вред от вина, и от яств, по необходимости чувствует расслабление, по необходимости возбуждает в себе сильный пламень. Отсюда – блуд, отсюда – прелюбодеяние. Голодный желудок не может возбудить плотской похоти, равно как и (желудок) довольствующийся умеренною пищею; порочные же пожелания рождаются в желудке, предающемся пресыщению. Как земля, слишком влажная, и навоз, окропляемый (водою) и имеющий слишком много мокроты, рождают червей, и, напротив, земля, не имеющая такой сырости, приносит обильные плоды, – потому что не содержит в себе ничего лишнего, – и будучи даже необрабатываема, произращает зелень, а будучи обрабатываема, приносит плоды, – так точно и мы. Потому не будем делать из плоти, нашей (тело) бесполезное, негодное, или вредное, но будем произращать в ней добрые плоды и плодоносные растения, и прилагать старание, чтобы они не завяли от пресыщения, – так как и они

могут загноиться и породить червей вместо плодов. Так, врожденная похоть, если ты станешь чрез меру насыщать её, порождает удовольствия отвратительные и даже весьма отвратительные. Будем же всячески истреблять в себе это зло, чтобы нам сподобиться обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем (с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков, Аминь).

Беседа 30

[Евр.12:11–13](#). Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности. Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось.

1. Принимающие горькие лекарства сначала испытывают неприятное чувство, а потом чувствуют пользу. Такова и добродетель, таков и порок: в последнем испытывается сначала удовольствие, а потом скорбь; в первой – сначала скорбь, а потом удовольствие. И однако то и другое неравно; совершенно не одно и то же – наперед испытать скорбь, а после удовольствие, или – испытать наперед удовольствие, а после скорбь. Почему? Потому что в последнем случае ожидание будущей скорби уменьшает настоящее удовольствие, а в первом ожидание предстоящего удовольствия много ослабляет настоящую скорбь, так что иногда там не чувствуется даже никакого удовольствия, а здесь – никакой скорби. Впрочем не в этом только отношении есть различие, но и в другом. В каком именно? В том, что неравны относительно продолжительности времени, но одно меньше, а другое гораздо больше. Подобное (различие) ещё значительнее в предметах духовных. Отсюда Павел и заимствует утешение; он ссылается опять на общее мнение, которому никто не может противоречить, как общему приговору, потому что когда кто-нибудь высказывает мысль, признаваемую всеми, то все соглашаются и никто не возражает. Вы скорбите? – говорит он; это понятно; таково всегда наказание; с этого оно начинается. Потому он и продолжает: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью». Хорошо сказал он: «кажется», потому что наказание на самом деле не есть скорбь, но только таковою кажется; и при том не одно какое-нибудь наказание таково, а другое не таково, но всякое: «всякое, – говорит, – наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью», т.е. и человеческое, и духовное. Видишь ли, как он ссылается на общие мнения? «Кажется, – говорит, – ...печалью», следовательно не есть на самом деле. И действительно, от какой скорби может происходить радость? Ни от какой; равно и ни от какой радости не происходит скорбь.

«Но после наученным через него доставляет мирный плод праведности». Здесь он понимает не (один) плод, но (многие) плоды, вы-

ражая так великое их множество. «Наученным через него», – говорит. Что значит: «наученным через него»? Долго терпевшим и страдавшим. Видишь, какое употребляет он благоприятное выражение? Итак «наказание» есть научение, делающее ратоборца сильным, непреодолимым в подвигах, непобедимым в сражениях. Если же «всякое наказание» таково, то таково же и настоящее. Потому надобно ожидать от него добрых последствий, приятного и мирного конца. Не удивляйся, что оно, будучи горьким, приносит плоды сладкие; точно так и на деревьях кора бывает почти безвкусна и жестка, а плоды сладки. Всё это он заимствовал из общеизвестного опыта. Если же надобно ожидать таких последствий, то что вы сетуете? Для чего, перенесши неприятное, отчаиваетесь в приятном? Вы перенесли неприятности, которые следовало перенести, – не теряйте же надежду на воздаяние.

«Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось». Говорит как бы скороходам, бойцам и ратоборцам. Видишь ли, как он вооружает их, как возбуждает их? Это говорит он о самых помыслах: «ходите прямо», т.е. идите прямо, не сомневаясь. Если «наказание» происходит от любви и благопопечительности и ведёт к доброму концу, – как доказал он и делами, и словами, и всем, – то для чего вы ослабеваете? Так делают только отчаявшиеся, не подкрепляемые надеждою на будущее. Идите, говорит, прямо, чтобы хромящее не кривилось более, но пришло в прежнее состояние, потому что кто ходит хромя, тот усиливает это зло. Видишь, что от нас зависит совершенно исцелиться? «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» ([Евр.12:14](#)). О чём говорил он выше в словах: «Не будем оставлять собрания своего» ([Евр.10:25](#)), то же выражает и здесь. В искушениях ничто столько не делает нас удобопобеждаемыми и удобоуловляемыми, как разделение. И вот тому доказательство: рассей отряд (воинов) в сражении, и неприятелям не будет никакого труда – взять и связать их, нападая на них разделившихся и оттого сделавшихся более слабыми.

«Старайтесь, – говорит, – иметь мир со всеми и святость». Следовательно – и с делающими зло. То же говорит он и в другом месте: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» ([Рим.12:18](#)). Ты со своей стороны, говорит, имей мир, ни в чём не нарушая благочестия; а зло, которому подвергаешься от других, переноси мужественно, потому что терпение – великое оружие в искушениях. Так и Христос укреплял учеников своих: «Вот, Я посылаю вас, – говорил Он, –

как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» ([Мф.10:16](#)). Что Ты говоришь? Мы «среди волков», а Ты повелеваешь нам быть, «как овцы» и «как голуби»? Да, говорит Он, потому что ничто столько не пристыжает делающих зло, как если мы мужественно переносим наносимые (оскорбления) и не мстим ни словом, ни делом; это и нас умудряет, уготовляя нам большую награду, и им приносит пользу. Но такой-то жестоко оскорбил тебя? Ты благословляй его, и смотри, сколько от того приобретёшь благ: прекратишь зло, приготовишь себе награду, пристыдишь его, и сам не потерпишь ничего худого.

«Старайтесь иметь мир со всеми и святость». Что значит: «святость»? Целомудрие и воздержание в брачной жизни. Кто безбрачен, говорит, тот оставайся чистым, или вступай в брак; а кто в браке, тот не прелюбодействуй, но довольствуйся своею женою; и это – святыня. Как так? Не брак есть святыня, но брак сохраняет святыню, происходящую от веры, не попуская прилепляться к блуднице; брак «честен», но не свят ([Евр.13:4](#)); брак чист, но он не доставляет святости, а только не попускает осквернять святость, происходящую от веры. «Без которой, – говорит, – никто не увидит Господа». То же говорит он и в послании к Коринфянам: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» ([1Кор.6:9–10](#)). В самом деле, как ставший одним телом с блудницею может быть телом Христовым? «Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие; чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца» ([Евр.12:15–16](#)). Видишь, как он везде заповедует всякому содействовать общему спасению? «Наставляйте друг друга каждый день, – говорит он (в другом месте), – доколе можно говорить: «ныне»" ([Евр.3:13](#)).

2. Не предоставляйте, говорит, всего учителям, не возлагайте всего на предстоятелей; и вы можете назидать друг друга. То же писал он и фессалоникийцам: «увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете»; и ещё: «утешайте друг друга сими словами» ([1Фес.5:11, 4:18](#)). Тоже и вам мы теперь советуем. Вы можете, если захотите, больше нас сделать друг для друга; вы чаще обращаетесь друг с другом, лучше нас знаете дела свои, видите взаимные недостатки, больше имеете откровенности, любви и общительности; а это не маловажно для научения, но доставляет великие и благодетельные удобства. Вы лучше нас можете и обличать и убеждать друг друга. И кроме того, я – один, а вас много, и все вы, сколько вас есть, можете быть учителями. Потому увещаваю вас, не

пренебрегайте таким дарованием; каждый из вас имеет или жену, или друга, или слугу, или соседа; обличай его, убеждай его. Да и не безразумно ли – для угощения устраивать собрания и содружества, иметь назначенный день для свидания друг с другом, восполнять недостающее у одного общими средствами, например, когда нужно устроить похороны, или обед, или в чём-нибудь другом помочь ближнему, – а для изучения добродетели не делать этого? Пусть же, увещаю вас, никто не пренебрегает, – великую за то награду получить он от Бога.

Знайте, что кому вверено пять талантов, тот – учитель; а кому – один, тот – ученик. Если же ученик скажет: я ученик, мне нет дела, – и скроет этот общественный, полученный им от Бога дар слова, несколько не увеличив его, если не станет ни увещевать, ни советовать, ни обличать, ни вразумлять, когда может, но зароет в землю, – а действительно, сердце, скрывающее дар Божий, есть земля и пепел, – и так если он скроет или по лености, или по нечестию, то не послужат к оправданно его слова: я имею только один талант. Ты имел один талант? Тебе следовало принести ещё хотя один, удвоить талант; если бы ты принёс ещё один, то не был бы виновен. И принесшему в добавок два таланта (Господь) не сказал: почему ты не принёс пяти? – но удостоил его такой же награды, как и принесшего в добавок пять талантов. Почему? Потому, что он делал, сколько мог, не предался лености оттого, что получил менее получившего пять талантов, не воспользовался незначительностью (дара) для беспечности. Так и тебе не следовало смотреть на имеющего два таланта; или лучше, нужно было и с него брать пример; как он, имея два таланта, подражал имевшему пять, так и тебе следовало подражать имевшему два. Если владеющего богатством и не подающего (бедным) ожидает наказание, то имеющего возможность увещевать каким бы то ни было образом, и не поступающего так, не ожидает ли наказание величайшее? Там питается тело, а здесь – душа; там ты спасаешь от временной смерти, а здесь – от вечной.

3. Но, скажешь, у меня нет дара слова? Нет и нужды в (особенном) даре слова, или в красноречии. Когда ты увидишь друга прелюбодействующим, то скажи ему: худое дело ты делаешь; неужели тебе не стыдно, неужели не совестно? Ведь это – порок. Но, скажешь, разве он не знает, что это – порок? Конечно, знает, но он увлекается похотью. И больные знают, что пить холодную воду вредно, однако нуждаются в предостережении. Кто одержим страстью, тот не скоро может излечить сам себя. Потому тебе, здоровому, нужно помогать его врачеванию. Если он не убедится твоими словами, то наблюдай, когда он пойдёт, и удерживай его; может быть, он и устыдится. Но какая, скажешь, польза в

том, если он сделает это для меня, если будет удержан мною? Не рассуждай слишком много; наперед удержи его каким бы то ни было образом от порочного дела; пусть он приучится не бросаться в эту пропасть; чрез тебя ли, или чрез что-либо другое он удержится, польза от этого будет. Когда ты приучишь его не ходить туда, то потом, успокоив мало-помалу, можешь научить его, что этого не должно делать для Бога, а не для человека. Не усиливайся исправить всё вдруг, – это невозможно, – но постепенно и понемногу. Если увидишь его идущим для кутежа и на пьянственные пиршества, то и здесь поступи также, и вместе попроси его, чтобы он помог и тебе и вразумил, если он заметит в тебе какой-нибудь недостаток. Тогда он обратит обличение на себя самого, видя, что и ты нуждаешься в обличении и что ты помогаешь ему не как человек, исправный во всём, и не как учитель, но как друг и брат. Скажи ему: я был пригоден тебе, напомнив о полезном; и ты, если заметишь во мне какой-нибудь недостаток, удержи и исправь меня; если увидишь меня гневающимся, или предающимся любостыжанию, останови, обуздай своим увещанием. Вот дружба; вот как «брат от брата вспомоществуемый – как город крепкий и высокий» ([Притч.18:19](#))!

Действительно, не в том состоит дружба, чтобы вместе есть и пить; такая (дружба) бывает и у разбойников и человекоубийц; но если мы – друзья, если истинно заботимся друг о друге, то именно в этом должны помогать друг другу. Вот что ведёт нас к дружбе благотворной; вот что может спасти нас от геенны! Итак, ни обличаемый не должен огорчаться, – мы ведь – люди и имеем недостатки, – ни обличающий не должен делать это с насмешкой, с презрением или для разглашения, но наедине и с кротостью; обличающему нужна именно великая кротость, чтобы расположить обличаемого – перенести болезненное врачевание. Не видите ли у врачей, когда они прижигают, или отсекают, с какою кротостью они применяют врачество? Тем более должны так поступать обличающие, потому что обличение сильнее огня и железа приводит в раздражение. Врачи всячески стараются, чтобы сделать отсечение спокойнее и, как можно, легче, и для того, приступив к нему и исполнив несколько, останавливаются, чтобы дать отдохнуть больному.

Так должно делать и обличения, чтобы обличаемые не отстранились от нас. Если бы при этом нам пришлось выслушать оскорбления, или даже получить удары, мы не должны останавливаться. И подвергающиеся болезненному врачеванию много кричат против врачующих; однако, врачи не смотрят ни на что, а только на здоровье страждущих. Так и здесь нужно делать всё, чтобы обличение принесло пользу, нужно переносить всё, имя

в виду предстоящую награду. «Носите бремена друг друга, – говорит (апостол), – и таким образом исполните закон Христов» ([Гал.6:2](#)). Таким образом, и обличая и перенося друг от друга обличения, мы можем исполнить Христово домостроительство. Таким образом вы облегчите и наш труд, помогая нам во всём, подавая руку помощи, делаясь участниками и сообщниками спасения как одни других, так и каждый своего собственного. Будем же терпеть, и нося «бремена друг друга», и обличая один другого, чтобы нам сподобиться обещанных нам благ во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

Беседа 31

[Евр.12:14](#). Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа.

1. Есть много отличительных принадлежностей христианства, но больше всех и лучше всех – любовь друг к другу и мир. Потому и говорит Христос: «мир Мой даю вам»; и ещё: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» ([Ин. 14:27, 13:35](#)). Потому и Павел теперь говорит: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, т.е. честность, – без которой никто не увидит Господа». «Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией» ([Евр.12:15](#)). Как бы путешественникам, идущим по длинному пути в большом обществе, говорит: смотрите, чтобы кто-нибудь не отстал; я желаю не только того, чтобы вы сами достигли, но чтобы вы наблюдали и за другими, «чтобы кто не лишился, – говорит, – благодати Божией». Благодатию Божией он называет будущие блага, евангельскую веру, добродетельную жизнь: всё это от благодати Божией. Не говори же мне, что один только (человек) погибает; и за этого одного Христос умер, Христос умер за одного, а ты о нём не заботишься? «Наблюдайте», – говорит, т.е. тщательно наблюдая, осматриваясь, разведывая, как поступают со слабыми, и всячески исследуя и узнавая.

«Да не будет между вами корня, произращающего яд и полынь». Это говорится во Второзаконии ([Втор.29:18](#)), а самое выражение в переносном смысле заимствовано из примера растений. «Да не будет между вами корня, – говорит, – произращающего яд и полынь», подобно как и в другом месте он говорит: «малая закваска квасит все тесто» ([1Кор.5:6](#)). Не потому только, говорит, я желаю этого, но и по причине происходящего отсюда вреда. Если будет такой корень, то не позволяй ему пускать ростков, но вырывай его, чтобы он не принёс свойственных ему плодов, чтобы не заразил и не осквернил других. «Чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие». Справедливо он называет грех горьким; действительно, нет ничего столь горького, как грех. Это знают те, которые поели (худых) дел угрызаются совестью и испытывают великую горечь. (Грех), будучи чрезвычайно горьким, расстраивает самый рассудок. Свойство горького – быть вредным. И прекрасно он выразился: «корня, произращающего яд и полынь»; не сказал: горький, но: «произращающего яд и полынь». Горький корень

может приносить плоды сладкие; но корень, источник и основание «горечи», никогда не может приносить плода сладкого, в нём всё горько, нет ничего сладкого, всё невкусно, всё неприятно, всё исполнено ненависти и отвращения. «Чтобы им, – говорит, – не осквернились многие», т.е. чтобы того не было, отлучайте от себя людей развратных.

«Чтобы не было *между вами* какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства» ([Евр.12:16](#)). Но разве Исав был блудодеем? Не то говорит он здесь, будто Исав был блудодеем, а противопоставляет это словам: «иметь мир со всеми и святость»; слово же «нечестивец» к нему относится. Итак, пусть никто не будет, подобно Исаву, сквернителем, т.е. чревоугодником, невоздержным, преданным миру, презирающим блага духовные. «...который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства», т.е., который данную от Бога честь отдал по собственной беспечности и для малого удовольствия потерял величайшую честь и славу. Это относится собственно к ним (евреям) и свойственно людям низким, нечистым.

Нечист не один только прелюбодей, но и чревоугодник, который есть раб чрева; он – раб и другого удовольствия, которое принуждает его предаваться любостыжанию, принуждает похищать чужое, совершать множество безчестных дел; будучи рабом этой страсти, он часто и богохульствует. Тот почёл за ничто первородство и, заботясь о временном наслаждении, дошёл до того, что продал первородство своё. Таким образом первородство уже принадлежит нам, а не иудеям. Это вместе имеет отношение и к их страданиям: (апостол) как бы внушает, что первый сделался последним, а второй первым; этот – первым чрез воздержание, а тот – последним по беспечности. «Ибо вы знаете, – говорит, – что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей *отца*, хотя и просил о том со слезами» ([Евр.12:17](#)).

2. Что это значит? Неужели он отвергает покаяние? Нет. Но как же говорит: «не мог переменить мыслей *отца*»? Если он осуждал себя, если сильно плакал, то почему «не мог переменить мыслей *отца*»? Потому, что это не было следствием раскаяния. Как печаль Каина не была следствием раскаяния, – что и доказал он убийством, – так и здесь слова (Исава) не были следствием раскаяния, – что после он также доказал убийством: и он намерением своим умертвил Иакова. «Приближаются, – говорил он, – дни плача по отце моем, и я убью Иакова, брата моего» ([Быт.27:41](#)). Потому слёзы не могли сообщить ему покаяния. И не просто сказал (апостол): «не мог переменить мыслей *отца*», – но: «хотя и просил о том со слезами». Почему? Потому, что не раскаялся надлежащим образом, – а это и есть

покаяние, – не раскаялся, как следовало. Иначе к чему (апостол) говорил это? Почему он теперь увещевал сделавшихся беспечными, хромающими, колеблющимися и расслабленными? Ведь это – начало падения. Мне кажется, здесь он намекает на некоторых прелюбодеев, но пока не хочет прямо обличать их, а представляется незнающим о них, чтобы они исправились. Нужно было сначала представиться незнающим, а потом, если они будут упорствовать, употребить и обличение, чтобы они не сделались безстыдными. Так и Моисей поступил с Замврием и Хазвиею ([Числ.25:15](#)). «Не мог переменить мыслей *отца*».

«Не мог, – говорит, – переменить мыслей *отца*», или потому, что согрешил более, нежели сколько можно загладить покаянием, или потому, что не принёс достойного покаяния. Следовательно есть грехи, превышающие покаяние. Смысл слов его следующий: не будем допускать падения неисцельного; пока мы только хромаем, то легко исправиться; а когда расстроимся совершенно, тогда что будет с нами? он обращает, это к тем, которые ещё не пали, удерживает их страхом и говорит, что падший не может получить утешения. А падшим, чтобы они не предались отчаянию, он внушает противное и говорит так: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» ([Гал.4:19](#)); и ещё: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» ([Гал.5:4](#)). Так он говорит падшим. Стоящий, слыша, что падшему невозможно получить прощение, делается более крепким и обнадёженным в стоянии; а если употребит ту же строгость в отношении к падшему, то он никогда не восстанет, потому что с какою надеждою он начнёт своё исправление? Не только плакал, говорит (апостол), но и «просил»; и таким образом он не отвергает покаяния словами: «...не мог переменить мыслей *отца*», а только более укрепляет их, чтобы они не падали. Пусть же помнят это те, которые не верят геенне; пусть размышляют об этом те, которые думают грешить безнаказанно. Почему Исав не получил прощения? Потому, что не раскаялся, как должно.

3. Хочешь ли видеть истинное покаяние? Послушай о покаянии Петра после отречения. Евангелист, повествуя нам об нём, говорит: «И выйдя вон, плакал горько» ([Мф.26:75](#)). Потому и был прощён ему этот грех, что он раскаялся, как должно, хотя тогда ещё не было принесено жертвоприношение, ещё не была совершена жертва, ещё не был сокрушён грех, но господствовал и свирепствовал. А чтобы тебе знать, что отречение (Петра) было следствием не столько его беспечности, сколько оставления Богом, который научал его – знать меру человеческую и не противиться тому, что говорит Учитель, не считать себя выше других, а помнить, что

без Бога ничего быть не может, что «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» ([Пс.126:1](#)), – послушай, как Христос, желая укрепить его и научить смирению, говорил ему одному: « И сказал Господь: Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» ([Лк.22:31–32](#)). Так как он, вероятно, много думал о себе, сознавая, что он любит Христа больше всех, то ему попущено было пасть, отречься от Учителя; потому он и плакал горько, и другие выражал чувствования, следующие за плачем. Чего в самом деле он не сделал? Он подвергал себя впоследствии безчисленным опасностям, доказав во всём свое мужество и твердость душевную.

Раскаялся и Иуда, но худо, потому что удавился; раскаялся, как я говорил, и Исав, а правильнее – он совершенно не раскаялся, потому что слёзы его были слезами не покаяния, а скорее злобы и гнева, как видно из последствий; раскаялся блаженный Давид, выражавшийся так: «каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» ([Пс.6:7](#)). Давно допущенный грех он оплакивал после стольких лет и после стольких поколений, как бы совершённый недавно. Кающемся должно не гневаться, или раздражаться, но сокрушаться, как осуждённому, как не имеющему дерзновения, как обличённому, как ожидающему спасения от одной милости, как оказавшему себя непризнательным к благодетелю, неблагодарным, безчестным и достойным безчисленных мучений. Если он станет помышлять об этом, то не будет гневаться и раздражаться, но вздыхать, скорбеть, плакать и рыдать день и ночь. Кающемся не должно никогда предавать забвению грехи свои, но молить Бога, чтобы он не вспоминал об них, а самому никогда об них не забывать: если мы будем об них помнить, то Бог забудет их. Будем же осуждать и наказывать сами себя: таким образом мы умилюстивим Судью.

Грех исповеданный становится меньше, а неисповеданный больше. Если ко греху присоединяется безстыдство и неблагодарность, то он никогда не остановится; да и как такой человек может остерегаться, чтобы не впасть в те же грехи, которые прежде он совершил по неведению? Итак, увещаю вас, не будем отпираться, не будем безстыдничать, чтобы нам против воли не подвергнуться наказанию. Каин услышал от Бога: «где Авель, брат твой?» и сказал: «не знаю; разве я сторож брату моему?» ([Быт.4:9](#))? Видишь, как это сделало грех тягчайшим? Не так поступил отец его, – а как? Услышав: «где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» ([Быт.3:9–10](#)). Великое благо – сознавать грехи и постоянно помнить об них; ничто так не исцеляет от

греховных навыков, как постоянное памятование (о грехах); ничто так не делает человека медлительным к совершению зла. Знаю, что совесть уклоняется и не любит мучиться воспоминанием о грехах; но ты делай душе принуждение и налагай на неё узду; она свирепствует, как необузданный конь, и не хочет убедиться, что она согрешила. Но всё это – сатанинское дело. А мы будем убеждать её, что она согрешила, чтобы она покаялась и, покаявшись, избавилась от наказаний. Как, скажи мне, ты хочешь получить прощение во грехах, не исповедав их? Согрешивший, конечно, достоин милости и сострадания; но ты, ещё не убедившийся, что согрешил, как хочешь быть помилованным, будучи столь безстыдным в согрешениях?

Убедим же себя, что мы согрешили; не языком только будем говорить это, но и умом; не только будем называть себя грешниками, но и представлять грехи свои, исчисляя каждый порознь. Я не говорю тебе: выставляй себя на показ пред всеми, обличай себя при других; но советую следовать пророку, который говорит: «открой Господу путь твой» ([Пс.36:5](#)). Исповедуй грехи свои пред Богом, исповедуй пред Судиею, молясь, если не языком, то памятью, и таким образом ищи помилования. Если ты будешь постоянно содержать в памяти грехи свои, то никогда не будешь помнить зла ближнему, – не говорю: если ты будешь только сознавать, что ты грешник: это не столько может смирить душу, сколько самые грехи, исчисляемые порознь. Постоянно имея их в памяти, ты не станешь ни помнить зла, ни гневаться, ни злословить, ни надмеваться, ни впадать снова в те же грехи, и сделаешься более крепким к совершению добрых дел.

4. Видишь, сколько благ происходит от памятования о грехах? Потому начертаем их в умах наших. Знаю, что душа отклоняет от себя столь неприятное памятование; но будем принуждать, будем заставлять её. Лучше ей теперь пострадать от памятования о грехах, нежели в то время от наказания за них. Ныне, если ты будешь помнить об них, постоянно исповедывать их пред Богом и молиться об их (прощении), то скорее истребишь их. Если же забудешь их ныне, то поневоле вспомнишь о них, тогда, когда они будут обнаружены пред целою вселенною и объявлены пред всеми – и друзьями, и врагами, и ангелами. Ведь не Давиду одному сказал (Господь): «ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем» ([2Цар.12:12](#)), но и всем нам. Ты боялся, скажет Он, людей и стыдился их более, нежели Бога; ты не думал о всевидящем Боге, а стыдился людей, потому что «Страх его – только глаза человеческие» ([Сир.23:26](#)); за всё это ты отдашь отчет, – Я обличу тебя, обнаружив пред

глазами всех грехи твои. А что это справедливо, – что в тот день обнаружатся грехи всех нас, если мы ныне не истребим их частым о них памятованием, – послушай, как обнаруживается жестокосердие и бесчеловечность тех, которые здесь не были милостивыми: «ибо алкал Я, – говорит, – и вы не дали Мне есть» ([Мф.25:42](#)). Когда говорится это? в уединенном ли и тайном месте? Нет, – но когда? Когда «приидет Сын Человеческий во славе Своей», и соберёт «все народы», когда «отделит» одних от других, поставив их «по правую» и «по левую», тогда и скажет в слух всех: «ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть».

Вспомни ещё, как пять дев услышат пред всеми: «истинно говорю вам: не знаю вас» ([Мф.25:12](#)). «Пять» и «пять» здесь означают не числом только пять, но всех злых, жестоких и бесчеловечных дев, равно и тех, которые не таковы. Также и зарывши (в землю) один талант услышал при всех – и при тех, которые принесли пять, и при тех, которые принесли два таланта: «лукавый раб и ленивый» ([Мф.25:26](#)). И не словами только, но и делами он тогда обличить их, как и евангелист говорит: «воззрят на Того, Которого пронзили» ([Ин.19:37](#)). Общее будет воскресение всех – и грешных, и праведных; всех вместе будет судить Судия. Представь же тех, которые в скорби и печали будут ввергаемы в огонь, тогда как другие будут увенчаны. «Приидите, – скажет Он, – благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»; а другим: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» ([Мф.25:34, 41](#)). Будем не только слушать эти слова, но и начертывать их пред глазами нашими.

Представим, что он сам теперь явился пред нами и говорит это, и что мы ввергаемся в тот огонь. Что мы почувствуем в душе? Чем утешим себя? А что – тогда, когда мы будем разделены на две стороны? Что – тогда, когда будем обвиняемы в похищении чужого? Какое представим оправдание, какое благовидное извинение? Никакого; но неизбежно повлекут нас, связанных и с поникшими головами, в отверстия горящих печей, в огненную реку, во тьму, на безконечные мучения, и не будем иметь никого, кто бы избавил нас. Ведь невозможно отсюда перейти туда: «между нами и вами, – скажут (праведные), – утверждена великая пропасть» ([Лк.16:26](#)); и даже, если бы они желали, и тогда невозможно перейти и подать руку помощи, но неизбежно будем мы гореть вечно, и никто не поможет нам, хотя бы то был отец, или мать, или кто-нибудь другой, даже имеющий великое дерзновение пред Богом. «Человек, – сказано, – никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него» ([Пс.48:8](#)).

Итак, если нельзя возлагать надежду спасения на другого, а только на

человеколюбие Божие и затем на самого себя, то, увещаю вас, будем делать всё, чтобы жизнь наша была чиста и поведение безукоризненно, чтобы нам с самого начала не допускать никакого осквернения; а если допустим, то не будем предаваться усыплению после осквернения, но постоянно очищать нечистоту покаянием, слезами, молитвами, милостынею. А что, скажешь, если я не в состоянии творить милостыню? Но ты имеешь чашу холодной воды, как бы ты ни был беден; ты имеешь две лепты, в какой бы бедности ты ни находился; ты имеешь ноги, чтобы посетить больных, или сходить в темницу; ты имеешь кровлю, чтобы принять странников. Нет, подлинно нет никакого оправдания не творящему милостыни. Об этом часто мы говорим вам, чтобы хотя несколько иметь успеха от частого повторения; говорим, заботясь не столько о благодетельствуемых, сколько о вас самих. Им вы даёте (блага) здешние, а сами получите за то (блага) небесные, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 32

[Евр.12:18–24](#). Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); и столь ужасно было это видение, *что и* Моисей сказал: «я в страхе и трепете». Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева.

1. Во храме (иудеев) было дивное святое святых, было у них и страшное – происходившее на горе Синае: огонь, облако, мрак, буря, потому что на Синае, сказано, Бог открывался в огне, буре и мраке ([Втор.5:22](#)). Ничего такого не было при учреждении нового завета; но он дан был Христом в простой Его беседе. Смотри, как (апостол) ещё делает сравнение между ними, справедливо поставляя все это после. Представив им множество доказательств и уже объяснив различие между двумя заветами, он наконец, после сказанного выше, легко приступает и к этому. Что же говорит он? «Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою)». Это было страшно, говорит, так страшно, что и слушать было невозможно, и даже зверь не смел приближаться. Но это ещё не таково, каково последующее. Что Синай в сравнении с небом? Что осязаемый огонь в сравнении с неосязаемым Богом? «Бог наш есть огонь поядающий» ([Евр.12:29](#)). А что действительно происходившее тогда на горе было страшно, видно из тех слов, которые сказали (евреи): «И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть» ([Исх.20:19](#)). «Ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); и столь ужасно было это видение, *что и* Моисей сказал: «я в страхе и трепете»".

Удивительно ли, что народ, как говорится (в Писании), чувствовал такой страх, если и сам (Моисей), входивший в мрак, где находился Бог, говорил: "я в страхе и трепете". Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева». Видишь, сколькими (доводами) он доказал превосходство нового завета пред ветхим? Вместо земного Иерусалима – небесный: «вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму»; вместо Моисея – Иисус: «и к Ходатаю нового завета Иисусу»; вместо народа – все ангелы: «и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев». Кого же он понимает под именем первородных: «и церкви первенцев»? Все сонмы верных; их же он называет и духами «праведников, достигших совершенства».

Итак не скорбите, говорит; вы будете с ними. Что значит: «Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева»? Разве кровь Авеля говорила? Да; а каким образом, о том послушай Павла, который говорит: «Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще» ([Евр.11:4](#)). То же и сам Бог выражает, когда говорит: «голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» ([Быт.4:10](#)). Таким образом или это здесь можно разуместь, или то, что (кровь Авелева) ещё и ныне прославляется, впрочем не так, как (кровь) Христова, потому что эта очистила всех и издаёт глас тем славнейший и важнейший, чем больше свидетельствуют о ней сами дела. «Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от *Глаголющего* с небес, Которого глас тогда поколебал землю, и Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова: «еще раз» означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое. Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядающий» ([Евр.12:25–29](#)). То страшно, а это гораздо более чудно и славно, потому что здесь – нет ни мрака, ни облака, ни бури, как там. А для чего тогда Бог являлся в огне? Этим, кажется мне, означаетсяс неясность ветхого завета, туманность и прикровенность закона; а с другой стороны выражается, что Законодатель должен быть страшен и грозен для преступников.

2. Для чего трубные звуки? Это правильно, – потому что здесь как бы царь присутствовал. Так будет и при втором пришествии: «ибо вострубит», – говорит (апостол), и все мы восстанем ([1Кор.15:52](#)). Воскресение всех будет совершено силою Божией. А глас трубный означает не что иное, как то, что всем должно воскреснуть. Тогда (на Синае) всё было чувственное – и видения, и звуки; а последующее всё – духовное и невидимое. Огонь означает то, что Бог есть «огнь, – говорит (апостол), – огонь поядающий» есть ([Евр.12:29](#)). Облако, мрак и дым выражают опять ничто страшное. Так и Исаия говорит: «и дом наполнился курениями» ([Ис.6:4](#)). А для чего буря? Род человеческий был безпечен; потому нужно было пробудить его; и, конечно, не было такого безпечного человека, который, не возвёл бы мыслей своих горе, когда это происходило и когда совершалось законоположение. «Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом» ([Исх.19:19](#)), потому что нужно было, чтобы слышен был голос Божий. Так как (Бог) хотел чрез Моисея преподать закон, то и делает его достойным веры. (Евреи) не видели Моисея по причине облака, и не слышали его по причине его косноязычия. Что же? Сам Бог отвечал ему «голосом», как бы говоря к народу и делая для него внятными законоположения. Но обратимся к вышесказанному. «Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово». Следовательно, они сами были причиною того, что Бог явился им чувственным образом. Что говорили они? «говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог» ([Исх.20:19](#)).

Некоторые, делая сравнение, унижают всё тогдашнее, чтобы более возвысить настоящее; но я считаю и то дивным, – ведь и там были дела Божьи и явления Его силы, – но вместе доказываю, что наше гораздо превосходнее и удивительнее. Оно вдвойне велико: как славное и важнейшее, и вместе с тем как более доступное и кроткое. Так и в послании к Коринфянам (апостол) говорит: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, ...на славу Господню» – взираем, – «а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое» ([2Кор.3:18, 13](#)). Те, говорит, не удостоились того, чего мы. Чего же они удостоились? Они видели мрак и облако, слышали голос. Но и ты слышал голос Божий, только не чрез облако, а чрез плоть (Христову), и притом не смутился и не утрашился, но стоял и беседовал с Ходатаем. Мраком (Писание) означает также невидимость: «и мрак, – говорит – (Псалмопевец), – под ногами Его» ([Пс.17:10](#)). Тогда и Моисей утрашился, а ныне – никто; тогда народ стоял

внизу, а мы не внизу, но выше неба, близ самого Бога, как сыны Его, а не так, как Моисей; там была пустыня, а здесь город, и тьмы ангелов. «К торжествующему собору», – здесь апостол выражает радость и веселие в противоположность облаку, мраку и буре. «И церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу». Те не подходили, а стояли вдали, равно как и Моисей; а вы приступили. Здесь (апостол) внушает им также и страх: «и к Судии, – говорит, – всех Богу»; следовательно, он будет судить не только иудеев, или верных, но всю вселенную. «И к духам праведников, достигших совершенства» – называет так души благочестивых.

«И к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления», т.е. очищения, «говорящей лучше, нежели Авелева». Если же кровь говорит, то тем более находится в живых сам Закланый. А что говорит она – послушай: «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» ([Рим.8:26](#)). Каким образом говорит? Входя в чистую душу, возвышая её и побуждая говорить. «Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего», т.е., не ослушайтесь. «Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания». Кого он здесь понимает? Мне кажется, Моисея. Смысл же слов его следующий: если те не избегли (наказания), не послушавшись заповедавшего на земле, то как можем мы не слушаться заповедующего с неба? Здесь он выражает не то, будто там был иной (законодатель), – вовсе нет, – не указывает он одного там, а другого здесь, но говорит: что страшен изрекающий с неба. Хотя и там и здесь один и тот же, но особенно страшен изрекающий здесь. Апостол говорит о различии не лиц, а даров. Откуда это видно? из дальнейших слов его: «Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес». Что же? Иной ли здесь, и иной там? Как же он говорит: «Которого глас тогда поколебал землю»? А землю поколебал голос давшего тогда закон. «И Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо». Таким образом всё будет изменено и устроится к лучшему свыше; это выражается здесь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая в мире временном, бедствуя в мире скоропреходящем? Если бы в будущей судьбе мира была ненадежность, то ожидающему конца следовало бы скорбеть. «Слова: «еще раз», – говорит, – означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое». А что непоколебимо? Будущее.

3. Будем же делать всё, чтобы получить эти блага, чтобы наслаждаться этими благами. Так, прошу и умоляю вас, будем стараться об этом. Никто

не строит в городе, который готов разрушиться. Скажи мне, прошу тебя: если бы кто-нибудь сказал, что такой-то город чрез год разрушится, а такой-то никогда, – неужели ты стал бы строить в том, который должен разрушиться? Потому я и говорю теперь: не будем созидать в этом мире; он скоро разрушится и всё погибнет. Но что я говорю: он скоро разрушится? Прежде его разрушения мы сами погибнем, пострадаем и выйдем из самих себя. Для чего мы строим на песке? Будем строить на камне ([Мф.7:25](#)), и тогда, что бы ни случилось, здание наше останется несокрушимым, ничто не будет в состоянии разрушить его. И это несомненно, потому что то место недоступно ни для каких нападений, тогда как здешнее доступно; здесь и землетрясения, и пожары, и нашествия врагов лишают нас (зданий наших) ещё при жизни, а часто вместе с ними губят и нас самих. Если же (здание) уцелеет, то или болезнь поражает нас скорее его, а если не совсем поражает, то не позволяет пользоваться им спокойно: в самом деле, какое удовольствие там, где болезни, клеветы, зависть, козни? Или, если ничего такого не случается, то часто мы не имеем детей, и потому сетуем и скорбим, не зная, кому передать свои дома и всё прочее, и досадуя, что трудимся для других; а часто наше имущество переходит в наследство к врагам, не только после нашей смерти, но ещё при жизни. Что может быть прискорбнее, как трудиться для врагов, и для того, чтобы они наслаждались, умножать грехи свои? Примеров этого мы видим в городах множество; умалчиваю об них, чтобы не опечалить лишившихся; я мог бы назвать поименно некоторых из них, рассказать много примеров и указать вам на многие дома, которых владетелями сделались враги трудившихся над ними; и не только дома, но и рабы, и все наследство часто переходило к врагам. Таковы блага человеческие!

На небесах же не нужно опасаться ничего подобного; там не займет места умершего другой – враг его, и не завладеет наследством; там нет ни смерти, ни вражды, а только – обители святых, и у этих святых ликование, радость, веселие: «глас радости и спасения, – говорит (Псалмопевец), в жилищах праведников»([Пс.117:15](#)). (Эти обители) вечны, не имеют конца; они не падают от времени, не переменяют владельцев своих, но стоят и цветут постоянно; и это несомненно, потому что там нет ничего тленного и скоропреходящего, но все бессмертно и нетленно. Будем же употреблять свое имущество на построение этого здания; нам не нужны будут ни архитекторы, ни рабочие; эти дома строятся руками бедных, хромыми, слепыми, убогими; они созидают эти обители. И не удивляйся этому, когда они приобретают нам даже царство и доставляют нам дерзновение пред

Богом.

4. Милостыня есть превосходная художница и покровительница упражняющихся в ней; она любезна Богу и находится близ Него, легко испрашивая милость тем, кому хочет, только бы мы не оскорбляли её; а она оскорбляется тогда, когда мы делаем её из похищенного имущества; если же она чиста, то доставляет великое дерзновение воссылающим её (к Богу). Сила её такова, что она умоляет даже за падших и согрешивших. Она разрешает (адские) узы, разгоняет мрак, погашает пламень, умерщвляет червя, избавляет от скрежета зубов. Для неё беспрепятственно отверзаются врата небесные. Как у входящей царицы никто из стражей, приставленных к дверям, не смеет спрашивать, кто она и откуда, но все тотчас принимают её, так точно бывает и с милостынею: она поистине есть царица, делающая людей подобными Богу. «Итак, будьте милосерды, – сказал (Господь), – как и Отец ваш милосерд» ([Лк.6:36](#)). Она легка и быстролетна, имеет золотые крылья и полёт, улаждающий ангелов. У неё, говорит (Псалмопевец), – «крылья голубки, серебристые и с междуплечиями ее блестящими, как золото» ([Пс.67:14](#)). Она летает, как голубь, золотой и живой, одарённый нежным взглядом и кротким глазом. Нет ничего прекраснее этого глаза. Красив павлин, но в сравнении с этим голубем он – ворона: так прекрасна и удивительна эта птица! Она постоянно смотрит вверх и окружается великою славою Божией; она есть дева с золотыми крыльями, разукрашенная и имеющая лицо белое и кроткое; она легка и быстролётна и предстоит престолу Царскому. Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетает, является и избавляет нас от наказания, осеняя своими крыльями. Богу она угодна более жертвы, о ней он часто беседует: так она любезна Ему! «Сироту и вдову и убогого, – говорит (Псалмопевец), – Господь... поддерживает» ([Пс.145:9](#)). Её именем сам Бог любит называться: «Щедр и милостив Господь, – говорит Давид, – долготерпелив и многомилостив» и истинен ([Пс.144:8](#), [Чис.14:18](#)); и ещё: «до небес велика милость Твоя» ([Пс.56:11](#), [102:11](#)). Она спасла род человеческий, – потому что если бы Бог не помиловал нас, то все погибло бы; она примирила нас, бывших врагами; она доставила нам безчисленные блага; она побудила Сына Божия сделаться рабом и истощить себя.

Будем же, возлюбленные, ревновать о той, которою мы спасены; будем любить её, предпочитать её богатству, и без богатства соблюдать душу свою милосердою. Ничто столько не отличает христианина, как милостыня; ничему столько не удивляются неверные и все, как делам милосердия. И мы часто нуждаемся в этом милосердии, и каждый день взываем к Богу: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей»

([Пс.50:3](#)). Наперёд мы сами начинаем (дела милосердия), или, лучше сказать, не мы начинаем прежде, но сам Бог уже явил милость свою к нам. Будем же, возлюбленные, хотя позади следовать за Ним. Если люди милуют милостивого, хотя бы он сделал множество грехов, то тем более – Бог. Послушай пророка, который говорит: «А я, как зеленеющая маслина, в доме Божиим» ([Пс.51:10](#)). Будем подобны маслине; оградимся со всех сторон заповедями, потому что недостаточно быть только маслиною, но (надобно быть) и плодovитою. Есть люди, которые подают милостыню мало, или во весь год однажды, или один раз в каждую неделю, или только при случае; они – маслины, но не плодovитые, и даже сухие; как подающие милостыню, они – маслины, а как подающие не щедро, они – маслины неплодovитые. Будем же плодovитыми. Я часто говорил и теперь повторяю: важность милостыни измеряется не количеством подаваемого, но расположением подающего. Вы знаете (евангельское сказание) о вдовице; хорошо – всегда приводить на память этот пример, чтобы и бедный не отчаивался, представляя её, положившую две лепты. При построении скинии некоторые принесли волну ([Исх.35:26](#)); но и они не были отвергнуты. Если бы имевшие золото принесли волну, то были бы прокляты; но так как у принесших её только это и было, то они не отвергнуты. Так и Каин был осуждён не за то, что принёс в жертву малоценное, но за то, что принёс самое малоценное из всего, что имел: «Проклят лживый, – говорит (пророк), – у которого в стаде есть неиспорченный самец..., а приносит в жертву Господу поврежденное» ([Мал.1:14](#)). Не просто так сказал, но: если имеет и бережёт.

Следовательно, кто не имеет, тот не подлежит осуждению, или лучше, тот даже достоин награды. Что маловажнее двух лепт и ничтожнее волны? Что малоценнее меры муки? Но (Бог) благоволил принять и это наравне с тельцами и золотом. «Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет» ([2Кор.8:12](#)); и ещё: «Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, – говорит (Премудрый), – когда рука твоя в силе сделать его» ([Притч.3:27](#)). Потому, увещаваю вас, будем охотно раздавать имущество своё бедным; хотя бы оно было и мало, мы получим награду равную с подающими много, и даже большую, нежели раздающие тысячи талантов. Если мы будем делать это, то получим неизреченные сокровища от Бога, т.е., если будем не только слушать, но и делать, не только одобрять, но и показывать на деле. Да сподобимся их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 33

[Евр.12:28–29](#). Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядающий.

1. Как в другом месте (апостол) говорит: «видимое временно, а невидимое вечно» ([2Кор.4:18](#)), и отсюда заимствует утешение в бедствиях, которым мы подвергаемся в настоящей жизни, так точно он поступает и здесь, и говорит: «будем хранить благодать», т.е. будем благодарить Бога, будем твердыми. Мы должны не только не роптать в настоящих бедствиях, но и воздавать Богу величайшую благодарность за них ради благ будущих. «Которою будем служить благоугодно Богу», т.е., тогда мы и служим благоугодно Богу, когда за всё благодарим Его. «Все делайте, – говорит, – без ропота и сомнения» ([Флп.2:14](#)). Какие бы дела ни совершал человек ропщущий, он унижается и теряет награду, подобно израильтянам, – а вы знаете, какому подверглись они наказанию за ропот. Потому не ропщите, говорит (апостол). Невозможно служить благоугодно (Богу), не воздавая Ему благодарности за всё – и за искушения, и за утешения. «С благоговением и страхом», т.е., не будем говорить ничего дерзкого, ничего безстыдного, но станем благоустроить себя так, чтобы заслужить уважение; это и значат слова: «с благоговением и страхом... Братолюбие между вами да пребывает. Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам» ([Евр.13:1–2](#)).

Смотри, как (апостол) заповедует им хранить то, что уже было у них, и не прибавляет ничего другого; он не сказал: будьте братолюбивы, но: «Братолюбие между вами да пребывает»; не сказал: будьте страннолюбивы, как будто они не были такими, но: «Страннолюбия не забывайте», – потому что это могло случиться от скорбей. Далее прибавляет то, что особенно могло ободрить их: «ибо через него некоторые, – говорит, – не зная, оказали гостеприимство Ангелам». Видишь, какая честь, какая польза? Что значит: «не зная»? Угостили (ангелов), сами не зная того. За то Авраам и удостоился великой награды, что угостил ангелов, не зная, что они – ангелы; а если бы он знал, то это было бы несколько неудивительно. Некоторые думают, что (апостол) понимает здесь и Лота и о нём говорит это. «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле. Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев

судит Бог. Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть» ([Евр.13:3-5](#)). Заметь, как часто он говорит о целомудрии. И прежде говорил: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость»; и ещё: «чтобы не было между вами какого блудника, или нечестивца» ([Евр.12:14, 16](#)); и теперь говорит: «блудников же и прелюбодеев судит Бог». При том везде с запрещением соединяет угрозу наказания, и – обрати здесь внимание – как именно.

«Старайтесь, – говорит, – иметь мир со всеми и святость», и прибавляет: «без которой никто не увидит Господа»; а тут: «блудников же и прелюбодеев судит Бог»; наперед сказал: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно», а потом прибавил угрозу наказания, показывая, что он справедливо сделал дальнейшую прибавку. Ведь, если супружество дозволено, то блудник справедливо наказывается и прелюбодей справедливо подвергается мучению. Здесь он направляет речь против еретиков. Притом не сказал: никто не должен быть блудником, но, уже сказав о том прежде один раз, присовокупляет это, как общую заповедь, не направляя прямо против них. «Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть». Не сказал: ничего не приобретайте, но: «Имейте нрав несребролюбивый», т.е. пусть ум ваш будет свободен, пусть мысли ваши будут выражать любомудрие; а это обнаружится, если мы не станем искать лишнего, если будем довольны только необходимым. Выше он говорил: «и расхищение имения вашего приняли с радостью» ([Евр.10:34](#)); а здесь увещевает не быть сребролюбивыми; «довольствуясь, – говорит, – тем, что есть». Далее присовокупляет и здесь утешение, чтобы они не отчаивались: «так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?» ([Евр.13:6](#)). Вот опять утешение в искушениях!

«Поминайте наставников ваших» ([Евр.13:7](#)). Это он старался внушить и выше, когда говорил: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость»; то же заповедовал и фессалоникийцам, когда говорил, чтобы они почитали наставников «с любовью» ([1Сол.5:13](#)). «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» ([Евр.13:7](#)). Какая здесь последовательность мыслей? Весьма хорошая; взирая, говорит, на их «жизни», т.е. на жизнь, подражайте вере их, потому что вера – от чистой жизни. Или же верою называет он здесь твердое убеждение. Каким образом? Они, говорит, твердо веровали в будущее, и потому вели превосходную жизнь; они не вели бы чистой жизни, если бы сомневались или колебались касательно будущего. То же самое он внушает и здесь. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот

же. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими»([Евр.13:8–9](#)).

2. Здесь словом: «вчера» (апостол) означает всё прошедшее время; словом: «сегодня» – настоящее; словом: «во веки» – будущее, не имеющее конца. А смысл слов его следующий: вы слышали первосвященника, но первосвященника не временного; Он всегда тот же. Может быть, тогда некоторые говорили, что Распятый не есть ожидаемый Христос, но придёт другой; потому и говорит: «вчера и сегодня и во веки», выражая, что придёт опять пришедший Христос, что Он один и тот же и прежде был, и есть, и будет во веки. И ныне иудеи говорят, что придёт другой (Христос); они, отвергшись пришедшего, предадутся антихристу. «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь»; желает, чтобы они не увлекались не только чуждыми, но и различными учениями; он знал, что от тех и других происходит гибель для увлекающихся. «Ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими». Здесь он намекает на тех, которые предписывают правила касательно пищи. Для веры всё чисто; нужна вера, а не яства.

«Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии» ([Евр.13:10](#)). То, что у нас, говорит, не походит на иудейское, так что даже первосвященнику (иудейскому) не позволено участвовать в наших (таинствах). Когда он сказал: не соблюдайте (учения о пище), то, по-видимому, опровергал собственные действия; потому он опять обращается к тому же. А мы, скажут, разве не соблюдаем этого? Соблюдаем, и весьма строго, так что даже священникам (иудейским) не дозволяем участвовать в наших (таинствах). «Так как тела животных, которых кровь для *очищения* греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, – то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат» ([Евр.13:11–12](#)). Видишь ясный прообраз? Там, говорит, «вне стана»; и здесь «вне врат». Как жертвы, приносимые за грехи, были некоторым прообразом и сжигались за станом, так и Иисус, принеся Себя за грехи наши, пострадал за вратами.

Потому и мы должны подражать Пострадавшему за нас, и быть вне мира, или, лучше, вне дел мирских. Это (апостол) и выражает далее: «Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» ([Евр.13:13](#)), т.е., претерпевая то же самое, участвуя в Его страданиях. Как Он, будучи осуждён, распят за вратами, так и мы не будем стыдиться удаляться от мира; это внушает (апостол) словами: «вне стана», и «вне врат». «Ибо не имеем здесь, – говорит, – постоянного града, но ищем будущего. Итак будем через Него

непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его» ([Евр.13:14–15](#)). «Через него», т.е. первосвященником, в отношении к плоти. «Прославляющих имя Его»: как бы так говорит: если должно исповедать Его, то не будем говорить ничего богохульного, ничего постыдного, ничего дерзкого, ничего безразсудного, ничего надменного; но будем всё делать и говорить со страхом и благоговением. Он говорит это не без причины, но потому, что знал об их страданиях; а в страданиях душа отчаивается и раздражается. Но мы, говорит, не будем так поступать. Здесь (апостол) опять говорит то же, что говорил выше в словах: «Не будем оставлять собрания своего» ([Евр.10:25](#)). Таким образом мы будем в состоянии – делать всё со страхом; часто ведь, стыдясь людей, мы воздерживаемся от многого дурного. «Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу» ([Евр.13:16](#))

3. Так говорил тогда Павел; так и я говорю теперь, и говорю не присутствующим только братьям, но и отсутствующим. Никто не отнял у вас имущества; а если и отнято что-нибудь, то оказывайте страннолюбие из остального. Какое мы будем иметь оправдание, когда и слушателям (Павла) сказано это уже после расхищения их имущества? И заметь: здесь он говорит: «Не забывайте также благотворения»; а выше сказал: «Страннолюбия не забывайте», – разумея не различное что-нибудь, но одно и то же выражая различно. Не сказал: не забывайте страннопримства, но: «страннолюбия», т.е. не просто принимайте странников, но с любовью. И не указал на будущее и предстоящее воздаяние, чтобы они опять не сделались беспечными, но (указал) на воздаяние, уже дарованное: «ибо через него некоторые, – говорит, не зная, оказали гостеприимство Ангелам». Впрочем, обратимся к вышесказанному.

«Брак у всех да будет, – говорит, – честен и ложе непорочно». Почему брак честен? Потому, что он сохраняет верующего в целомудрии. Здесь (апостол) имеет в виду иудеев, которые считали брачное ложе скверным и говорили, что всякий, вставши с ложа, нечист. Нет, безрассудный и бесчувственный иудей, не то скверно, что происходит от природы, но то, что – от воли. Если брак честен, то он и чист: как же ты думаешь, что им (человек) оскверняется? «Имейте нрав – говорит, – несребролюбивый». Так как многие, растратив имущество, стараются потом приобрести его под предлогом милостыни, то и говорит: «Имейте нрав несребролюбивый», т.е., будем искать только потребного и необходимого. А что, скажешь, если не будем иметь и этого? Нет, нет; сам (Господь) сказал, и сказал неложно: «не оставлю тебя и не покину тебя,

так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?». Как бы так говорит (апостол): ты получил обещание от самого (Бога), – не сомневайся же; Он сам обещал, – не колеблись. Слова: «не оставлю тебя и не покину тебя» – сказаны не только об имуществе, но и о всём прочем. «Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?» Не напрасно, он приводит слова пророка; ими он запечатлевает свои слова, чтобы (слушатели) больше ободрились и не отчаивались.

Будем и мы говорить то же при всех искушениях и не смущаться пред делами человеческими; если Бог благоволит к нам, то никто не преодолеет нас. Как тогда, когда Он противится нам, не будет никакой пользы, если бы даже все были нашими друзьями, так и тогда, когда Он расположен к нам, не будет никакого вреда, если бы даже все восстали против нас. Потому и сказано: «не убоюсь: что сделает мне человек? Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие». Здесь, мне кажется, он говорит и о взаимной помощи; таково именно значение слов: «которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их». Что значит: «взирая»? Постоянно обращаясь к тому, рассуждая в самих себе, размышляя, тщательно исследуя и испытывая, как угодно. Хорошо сказал он: «на кончину их жизни», т.е. жизнь до конца, – потому что жизнь их имела добрый конец. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же». Смысл этих слов следующий: не подумайте, что (Христос), тогда творивший чудеса, ныне не творит чудес; Он – тот же; а если Он – тот же, то нет времени, когда бы Он не мог совершать того же.

Может быть, это (апостол) и имел в виду, когда говорил: «Поминайте наставников ваших». «Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь», т.е. противное тому, что вы слышали от нас. «Различными», т.е. разнообразные; такие учения не имеют в себе ничего твёрдого, но бывают разногласны, особенно касательно различия в пище. Потому он прямо и указывает на это, продолжая: «хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами». Такие учения различны; такие учения странны. Здесь он осуждает за суеверное различие яств и показывает, что от такого соблюдения они впали в иноверие, увлеклись различными и странными учениями. И заметь: он не решается сказать об этом прямо, а говорит прикровенно: ««Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь»; и: «хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами»; это почти то же, что и Христос сказал: «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» ([Мф.15:11](#)). Он доказывает, что вера составляет всё; если она укрепляет, то сердце находится в

безопасности.

Вера укрепляет, а разум колеблет, потому что вера противна разуму. «От которых, – говорит, – не получили пользы занимающиеся ими». Какая польза, скажи мне, от такого различия? Не больше ли оно причиняет вреда? Не ввергает ли оно такого (человека) в грех? Если от чего нужно остерегаться, то – от того, от чего остерегающиеся могут получить пользу. Хорошо – остерегаться от зла, хранить правоту сердца, благоговение к Богу, правую веру. «От которых, – говорит, – не получили пользы занимающиеся ими», т.е. всегда соблюдавшие это. Одно соблюдение похвально – воздержание от греха. А в том какая польза, когда некоторые так нечисты, что не могут приобщаться жертвы? Ничто не спасает их, хотя они и стараются соблюдать себя (от некоторых яств); это нисколько не поможет им, потому что они не имеют веры. Далее (апостол) раскрывает преобразовательную жертву и обращает речь к первообразу: «как тела животных, которых кровь для *очищения* греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, – то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат». Следовательно, первое было прообразом последнего, и таким образом Христос исполнил всё, пострадав вне (врат). Здесь также (апостол) выражает, что (Христос) пострадал добровольно; доказывает, что и те жертвы установлены не просто, но были некоторым прообразом, и что самое домостроительство совершилось не без страданий, но кровь (Христова) вознесена на небо.

4. Видишь, что мы приобщаемся крови, вносимой во святое, в истинное святое, приобщаемся жертвы, которую употреблял один первосвященник? Таким образом мы приобщаемся истине. Мы не участвуем в поношении (Христовом), но участвуем в святыне. Поношение есть причина освящения, и как Он терпел поношение, так (должны терпеть) и мы. Потому мы сделаемся соучастниками Его, если выйдем к Нему. А что значить: «выйдем к Нему»? Будем соучастниками Его страданий; будем терпеть Его поношение. Не напрасно Он пострадал вне врат, но чтобы и мы взяли крест Его, пребывали вне мира и старались оставаться там. Он был поносим, как преступник; так будем и мы. «Будем через Него непрестанно приносить Богу жертву». О какой жертве он говорит? Он сам объясняет это, когда говорит: «плод уст, прославляющих имя Его», т. е. молитвы, песнопения, благодарение; это – плод уст. Те приносили овец и волов, отдавая их священнику; мы же будем приносить не что-нибудь подобное, а благодарность и подражание Христу во всём, сколько возможно: вот, что должно произрастать из наших уст!

«Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые

жертвы благоугодны Богу». Принесём Ему, говорит, такую жертву, чтобы Он вознёс её к Отцу; она и не возносится иначе, как Сыном, или, лучше сказать, сокрушенным сердцем. Всё это так говорит слушателям, которые были ещё весьма слабы; а известно, что благодать принадлежит и Сыну: иначе почему приписывается Ему равная честь (с Отцом)? «Дабы все чтили Сына, – говорит (Писание), – как чтут Отца» ([Ин.5:23](#)). А как будет воздаваться им равная честь, если с прославлением Отца не прославляется вместе и Сын? Если же «плод уст, прославляющих имя Его», состоит в благодарности Ему за всё, и за то, что Он пострадал за нас, то будем переносить с благодарностью всё, случится ли с нами болезнь, или бедность, или что-нибудь другое, – потому что Он один знает, что нам полезно. «Ибо мы не знаем, – говорит (апостол), – о чем молиться, как должно», ([Рим.8:26](#)). Если же мы не знаем, чего нужно просить, когда не научены Духом, то как можем знать, что нам полезно?

Итак, будем стараться воздавать Ему благодарность за всё, и мужественно переносить всё, случающееся с нами. Впадем ли в бедность, или в болезнь, – будем благодарить; злословят ли нас, – будем благодарить; страдаем ли мы, – будем благодарить. Это приближает нас к Богу; чрез это Бог делается должником нашим. А когда мы благоденствуем, тогда сами делаемся должниками и ответчиками пред Богом; иногда же, и часто, это служить к нашему осуждению, между тем как то – к очищению грехов. То (бедствие) располагает к милосердию и человеколюбию; а это (благоденствие) доводит до высокомерия, ввергает в беспечность, делает надменными и расслабляет. Потому и говорит пророк: «Благо мне, – Господи, – что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» ([Пс.118:71](#)). Когда Езекия получал благоденствия и был свободен от бедствий, тогда сердце его возгордилось; а когда впал в болезнь, тогда он смирился, тогда стал близок к Богу. «Когда Он убивал их, – говорит (Писание об иудеях), – они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу» ([Пс.77:34](#)). Напротив, когда «утучнел, отолстел и разжирел, (тогда) и оставил он Бога» ([Втор.32:15](#)); Господь познаётся тогда, когда творит суд.

Великое благо – скорбь. Путь (к небу) тесен; скорбь подвигает нас на этом тесном пути; а не терпящий скорби не может войти. Кто предаётся скорби на этом тесном пути, тот получает и утешение; а кто любить широту, тот и не входит в него, или мучится, как бы вталкиваемый насильно. Послушай, как вступил на этот тесный путь Павел. «Усмиряю и порабощаю, – говорит он, – тело мое» ([1 Кор. 9:27](#)). Он умерщвлял тело свое, чтобы иметь возможность вступить (на тот путь); поэтому он во всех своих страданиях постоянно благодарил Бога. Лишился ли ты имущества,

– это много убавило широты (пути твоего). Лишился ли славы, – она была также широтою. Подвергся ли клевете, верят ли тому, что наговорили на тебя, но чего сам ты не сознаешь за собою, – радуйся и веселись. «Блаженны вы, – сказал (Господь), – когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» ([Мф.5:11–12](#)). Чему ты удивляешься, когда постигает тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться от искушений? Павел желал освободиться от них и часто молил Бога, но не получил этого: «трижды» именно и значить часто. «Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но *Господь* сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»" ([2Кор.12:8–9](#)). Под немощью здесь разумеются скорби. Что же? Услышав это, он переносил их с благодарностью и говорил: «Посему я благодушествую в немощах» ([2Кор.12:10](#)), т.е. радуюсь, нахожу удовольствие в скорбях. Итак, будем благодарить за всё – и за утешение, и за скорбь; не будем роптать, не будем неблагодарными. Говори и ты: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» ([Иов.1:21](#)). Ты не родился славным – не ищи же славы; ты вступил в жизнь не имеющим не только богатства, но и славы и чести.

Представь, сколько зла часто происходит от богатства; или, лучше, послушай, что говорит Христос: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» ([Мф.19:24](#)). Видишь, к получению каких благ богатство служит препятствием; а ты хочешь обогатиться, и не радуешься, находясь в бедности, что уничтожено это препятствие? Так тесен путь, ведущий в царствие (небесное); так богатство широко, обременительно и стеснительно! Потому и сказал (Господь): «продай имение твое», чтобы тебе вступить на этот путь ([Мф.19:21](#)). Что желаешь ты богатства? Для того Бог и лишил тебя его, чтобы избавить тебя от рабства. Так и родные отцы, видя, что сын их развращается какою-нибудь блудницею и никакие увещания не убеждают его отстать от неё, прогоняют блудницу. Таково и обилие богатства. Потому Владыка, заботясь об нас и желая избавить нас от проистекающего отсюда вреда, лишает нас богатства. Не будем же считать злом бедность; зло – один только грех. Равно и богатство само по себе не есть благо; одно благо – угождать Богу. Итак будем желать бедности, будем искать её. Таким образом мы достигнем неба и получим небесные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 34

[Евр.13:17](#). Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая, ибо это для вас бесполезно.

1. Безначалие – везде зло, причина многих бедствий, начало беспорядка и смешения; особенно же в Церкви оно тем опаснее, чем власть её больше и выше. Если от хора удалишь начальника его, то хор не будет строен и согласен; если у отряда воинов отнимешь предводителя, то действия их не будут совершаться в стройности и порядке; если корабль лишишь кормчего, то потопишь корабль, – так и здесь: если у паствы не будет пастыря, то всё извратится и уничтожится. Безначалие есть зло и причина смятения; но не меньшее зло – и неповиновение подчиненных, так как и от него происходит то же самое. Народ, не повинующийся начальнику, – то же, что народ, не имеющий его, а может быть, и хуже; там (не имеющих начальника) можно извинить за беспорядок, а здесь (имеющие его) неизвинительны и достойны наказания. Но, скажет кто-нибудь, есть ещё третье зло, – когда начальник нехорош. Знаю; это немалое зло, и даже гораздо большее, нежели безначалие, – потому что лучше не управляться никем, нежели быть под управлением дурного начальника. В первом случае народ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается; в последнем же всегда находится в опасности и увлекается в пропасть.

Почему же Павел говорит: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны»? Он выше сказал: «и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» ([Евр.13:7](#)); а потом и говорит: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны». А что, скажешь, когда (начальник) нехорош, – тогда ненужно повиноваться ему? Нехорош, – в каком смысле говоришь ты? Если по отношению к вере, то беги от него и не общайся с ним, хотя бы он был не только человек, но даже ангел, сшедший с неба; если же по отношению к жизни, то не безпокойся об этом. Я приведу тебе пример не от себя, а из божественного Писания. Послушай, что говорит Христос: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи». Сказав о них прежде много обличительного, Он потом говорит: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте» ([Мф.23:2–3](#)). Они имеют, говорит, достоинство, но нечисты по жизни.

А вы обращайтесь внимание не на жизнь, но на слова, их; от поведения

же (других) никто не получит вреда. Почему? Потому, что оно явно для всех, и такой (человек), хотя бы он был тысячу раз нехорош, никогда не научит дурному. Но недостатки касательно веры неявны для всех, и дурной в этом отношении не постыдится учить (других). Также слова: «Не судите, да не судимы будете» ([Мф.7:1](#)), относятся к жизни, а не к вере, как показывают следующие за ними: «что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь» ([Мф.7:3](#))? «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» относится к деятельности, а не к вере, – «по делам же их не поступайте». Видишь, что здесь идет речь не о догматах, а о жизни и делах? Впрочем Павел наперёд представил их со стороны (достоинства), а потом и говорит: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет». Пусть выслушают не только подчинённые, но и начальники, что как подчинённые должны быть послушными, так и начальники должны быть бодрствующими и неусыпными. А ты что говоришь? Начальник бодрствует, навлекает опасности на свою голову, подлежит наказаниям за грехи твои, испытывает такой страх из – за тебя, а ты ленишься, противишься, тщеславишься и не хочешь повиноваться!

Потому (апостол) и присовокупляет: «чтобы они делали это с радостью, а не вздыхая, ибо это для вас бесполезно». Видишь, что начальник, если пренебрегают им, не должен мстить, но слезы и вздыхания его служат лучшим мщением? И справедливо. Так и врач, встречая неуважение от больного, не должен мстить, но плакать и вздыхать. Если твой начальник будет вздыхать, то отмстит за тебя Бог, потому что если, вздыхая о своих грехах, мы располагаем к себе Бога, то не тем ли более, вздыхая о гордости других и презрении от них? Видишь, что Он не попустит начальнику терпеть обиды? Видишь, какое любомудрие? Должно вздыхать тому, кого не уважают, презирают, плюют. Но и подчинённый не смей думать, что ты не будешь отмщён; вздыхание (начальника) хуже всякого мщения. Когда вздыхающий сам не может ничего сделать, тогда он призывает Владыку; как приучитель и воспитатель, когда дитя не слушается его, призывается другой, более строгий, – так точно и здесь.

О, какая опасность! Что сказать о тех несчастных, которые ввергают сами себя в такую бездну страданий? Ты, (начальник), должен дать отчет за всех, над кем начальствуешь, – за жен, мужей и детей; в такой огонь ты ввергаешь свою голову. Сомневаюсь, может ли кто из начальников спастись, и удивляюсь, когда вижу, как, при таких угрозах и настоящем нерадении, некоторые ещё домогаются и стремятся к этому бремену

правления. Ведь если побуждаемые необходимостью (к принятию власти) не получают прощения и оправдания, когда худо и нерадиво исполняют своё дело, – так Аарон по необходимости принял власть и подвергался опасности, и Моисей подвергался опасности, хотя неоднократно отказывался от власти, и Саул, получив особую власть после того, как отказывался от неё, подвергался опасности потому, что худо распоряжался ею, – то не гораздо ли более те, которые прилагают старание и сами стремятся к ней? Такой человек гораздо менее заслуживает какого-либо оправдания. Нужно бояться и трепетать, как по совести, так и по обременительности власти; не следует ни отказываться, когда привлекают к ней, ни стремиться самому, когда не привлекают, но убежать, представляя величие достоинства, а когда кто удержан, то проявлять благоговение. Ни в чём не должно быть неумеренности, но «все должно быть благопристойно и чинно» ([1Кор.14:40](#)). Прежде, нежели сделался (начальником), если ты предвидишь это, убегай, считая себя недостойным этого дела; а если удержан, то будь благоговейным, показывая во всём благоразумие. «Молитесь о нас, – говорит (апостол), – ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно» ([Евр.13:18](#)).

2. Видишь, что он оправдывается, как бы обращая речь к таким людям, которые были недовольны им, отворачивались от него, смотрели на него, как на отступника, и не хотели даже слышать его имени. От ненавидевших его он требовал того, чего другие могли бы требовать только от любящих, и потому говорит теперь следующее: «ибо мы уверены, что имеем добрую совесть». Не выставляй, говорит, против меня обвинений: совесть наша ни в чём не обвиняет нас; мы не сознаем за собою, чтобы мы вредили вам. «Потому что во всем желаем вести себя честно», т.е. не только между язычниками, но и между вами; мы не делали ничего по корыстолюбию, ничего по лицемерию. Вероятно, в этом его обвиняли. А что действительно клеветали на него, о том, послушай, как говорит Иаков: «о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея» ([Деян.21:21](#)). Пишу это, говорит (Павел), не как враг, и не как противник ваш, но как друг; это видно и из последующего: «Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам» ([Евр.13:19](#)). Так просить, чтобы они молились, свойственно только сильно любящему их. Не просто, говорит, молитесь, но со всем усердием, чтобы мне скорее прибыть к вам. Так желать прибыть к ним и просить, чтобы они молились за него, свойственно тому, кто ничего не сознаёт за собою. Потому, испросив наперед себе от них молитв, он потом

и сам просит им (у Бога) всех благ.

«Бог же мира»: говорит так потому, что между ними были несогласия. Если Бог есть Бог мира, то не отделяйтесь от нас. «Воздвигший из мертвых Пастыря овец» – это сказано о воскресении (Христовом), – «великого», – другое прибавление. Здесь и далее до конца он внушает им учение о воскресении. «Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа, да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его» ([Евр.13:20–21](#)). Опять свидетельствует об их великих (достоинствах), потому что совершается («усовершит вас») то, что имеет начало и продолжает исполняться; при том он молится об этом, следовательно весьма желает им этого. И заметь: в других посланиях он молится в начале, а здесь в конце. «Производя, – говорит, – в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь. Прошу вас, братия, примите сие слово увещания; я же не много и написал вам» ([Евр.13:21–22](#)). Видишь, что к ним он написал то, чего ни к кому не писал? «я же, – говорит, – не много и написал вам», т.е. не беспокою вас многословием. Мне кажется, что (евреи) не были враждебно расположены к Тимофею; потому (Павел) и поставляет его на первом месте. «Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас» ([Евр.13:23](#)). «Освобожден», – говорит. Откуда? Думаю, что он был посажен в темницу; а если не так, то «освобожден» из Афин, как повествуется об этом в Деяниях ([Деян.17](#)).

«Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Италийские. Благодать со всеми вами. Аминь» ([Евр.13:24–25](#)). Смотри, как (апостол) внушает, что добродетель происходит ни от одного Бога всецело, ни от одних нас; это он объясняет словами: «да усовершит вас во всяком добром деле», и последующими, – как бы так говорит: вы имеете добродетель, но нуждаетесь в усовершенении её. А когда он говорит: «во всяком слове и деле благом» ([2Сол.2:17](#)), то внушает, что нужно иметь и жизнь, и учение правые. Прекрасное сделал он прибавление: «производя в вас благоугодное Ему», говорит, потому что величайшая добродетель – делать благоугодное пред Богом. Так говорит и пророк: «по чистоте рук моих пред очами Его» ([Пс.17:21, 25](#)). Написав столько, (апостол) называет это малым, сравнивая с тем, что хотел написать, как и в другом месте он говорит: «(о чем я и выше писал кратко), то вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой» ([Ефес.3:3–4](#)). И посмотри на мудрость его. Не сказал: прошу вас, примите слово увещания, но: «примите сие слово утешения¹³», т.е. ободрения, поощрения; никто, говорит, не может тяготиться обширностью сказанного. Как? Неужели и этим они

тяготились? Нет; но он хочет внушить и сказать им: вы малодушны; таким именно (малодушным людям) свойственно тяготиться продолжительной речью.

«Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас». Этого достаточно было, чтобы они соблюдали кротость, если он сам с учеником готов был придти к ним. «Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых». Смотри, какую он оказал им честь, написав послание к ним, а не к этим (наставникам). «Приветствуют вас Италийские. Благодать со всеми вами. Аминь». То, что относилось ко всем, он сказал после всего. А когда благодать бывает с нами? Когда мы не оскорбляем этого благодетеля, когда не пренебрегаем этим даром. В самом деле, что такое благодать? Отпущение грехов, очищение; оно – с нами. Кто же, оскорбляя благодать, может сохранить её и не лишиться её? (Бог) даровал тебе отпущение грехов: как же пребудет с тобою благодать, т.е. благонастроение или действие Духа, если ты не будешь удерживать её добрыми делами? В этом причина всех благ, чтобы всегда пребывала с нами благодать Духа; она руководит нас ко всему (доброму); а когда она отлетает от нас, то мы остаемся покинутыми и погибаем.

3. Итак не будем удалять её: а от нас зависит, чтобы она осталась при нас, или удалась. Первое бывает тогда, когда мы заботимся о небесном; а последнее тогда, когда – о житейском. «Духа истины, – говорит (Господь), – Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его» ([Ин.14:17](#)). Миром называет Он порочную и постыдную жизнь. Видишь, что душа, преданная миру, не может иметь Духа? Много нужно усердия с нашей стороны, чтобы Он оставался с нами, устраивал все дела наши и сохранял нас в безопасности и совершенном мире. Как корабль, плывущий при попутном ветре, не встречает препятствий и не потопляется, пока пользуется благоприятным и постоянным ветром, но и после плавания приобретает себе славу у кормчих и путников, из которых первым он доставил покой и освободил от трудного действия веслами, а последних избавил от всякого страха, и самым течением своим доставил им приятнейшее зрелище, – так и душа, руководимая божественным Духом, стоит выше всех житейских треволнений, проходит путь, ведущий к небу, быстрее всякого корабля, – потому что паруса её чисты и наполняются не ветром, а самим Утешителем, – и всё расслабляющее и пагубное отвергает от своих помыслов. И как ветер, ударяя в слабо натянутый парус, не может действовать, так и Дух не может пребывать в душе слабой, но требует великого напряжения и усилия.

Потому нам нужно иметь ум пламенеющий и совершать действия

свои всегда с силою и напряжением. Например, когда мы молимся, то должны делать это с великим тщанием, напрягая душу к небу, не веревками, но сильным усердием. Также, когда мы совершаем дела милосердия, то должны действовать с напряжением, так чтобы ни забота о доме, ни попечение о детях, ни угождение жене, ни опасение впасть в бедность не ослабляли нашего паруса. Если мы будем со всех сторон напрягать этот парус надеждою благ будущих, то он будет хорошо принимать действие Духа; ничто тленное и скоропреходящее не войдёт в него, а если и войдёт, то нисколько не повредит ему, но тотчас отразится его твердостью и будет отброшено. Так, нам нужно великое напряжение, потому что и мы переплываем море великое и пространное, исполненное многих зверей и многих утесов, представляющее нам множество треволнений и среди ясной погоды воздвигающее жесточайшую бурю. Потому, если мы хотим плыть благополучно и безопасно, то должны натягивать наши паруса, т.е. нашу свободную волю: для нас достаточно и этого.

Так и Авраам напрягал свою преданность к Богу, представил свою совершенную волю – и имел ли нужду в чём-нибудь другом? Ни в чём; но «поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» ([Быт.15:6](#)). Вера же происходит от искреннего намерения. Он привёл сына и хотя не заклал его, но получил награду, как закланный; хотя дело не было совершено, но награда дарована. Пусть будут паруса наши чисты и новы, а не ветхи, – потому что всё «ветшающее и стареющее близко к уничтожению» ([Евр.8:13](#)), – и пусть будут не разодраны, чтобы они удерживали действие Духа: «Душевный человек, – сказано, – не принимает того, что от Духа Божия» ([1Кор.2:14](#)). Как паутина не может сдерживать дуновения ветра, так и душа, преданная миру, и человек душевный никогда не может принять благодати Духа. От этой (паутины) нисколько не отличаются наши суждения, которые представляют только видимую последовательность, в действительности же лишены всякой силы. Но не будут таковы наши (суждения), если мы будем бодрствовать; тогда, что ни случилось бы, человек перенесёт всё, будет выше всего, сильнее всякого вихря.

Человек духовный, хотя бы нападали на него бесчисленные бедствия, не колеблется и не уловляется ни одним из них. Но что я говорю? Пусть нападают на него бедность, болезнь, обиды, злословия, клеветы, раны, всякого рода наказания, всякого рода насмешки; поношения и оскорбления; но так как он живёт вне мира и свободен от телесных страстей, то он над всем будет смеяться. А что эти слова не хвастовство, на то я могу представить и теперь множество примеров, именно – в лице

людей, удалившихся в пустыни. Но это, скажешь, нисколько не удивительно? Тогда я скажу, что такие мужи есть и в городах, хотя ты и не подозреваешь их существования. Если же хочешь, то я могу указать на некоторых из древних. Чтобы ты убедился в этом, вспомни о Павле. Какого не испытал он бедствия? Чему не подвергался? Но всё перенёс мужественно. Будем подражать ему и мы; таким образом мы можем и благоугодить Богу, и достигнуть тихой пристани с великим прибытком. Устремим ум наш к небу, проникнемся этим стремлением, облечёмся в духовный огонь и оградим себя этим пламенем. Кто несёт с собою пламя, тот не боится встречающихся ему, будет ли то зверь, или человек, или множество сетей; пока он окружён пламенем, – всё уступает ему, всё удаляется от него. Это пламя невыносимо, этот огонь нестерпим и всеистребляющ. Облечём же себя этим огнём и будем воссылать славу Господу нашему Иисусу Христу, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

Абзацы в тексте расставлены нами. – Редакция «Азбуки Веры»

Ср. «Поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне» ([Деян. 22:18](#)).

Некоторые из ариан утверждали, что слово – Бог с членом (ὁ Θεός) употребляется в св. Писании только о Боге Отце, и отсюда заключали, что Сын Его, Иисус Христос, не есть истинный Бог. Святитель опровергает здесь и в других местах такое неправое учение.

В оригинале и в славянском тексте стоит «Сотворившему Его» (ποίησαντι αὐτόν). – и.Н.

В оригинале и в славянском тексте здесь присутствуют оттенки смысла. «Восприял» – т.е. получил через кого-то (или за что-то), а «приял» – просто получил.

Это слово можно также перевести как «утешайте» (παρακαλεῖτε), это значение ближе к толкованию Златоуста. – и.Н.

В указанном месте Евангелия этих слов нет, они есть в других местах, напр. [Иоан. 8:58, 10:1, 10:7](#), 12и т.д. – и.Н.

В синод. переводе «непричастный злу».

В синод. переводе «святой».

В синод. переводе «непорочный».

«Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их» ([Иоан. 17:20](#)). «не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои» ([Иоан. 17:9](#)).

(άποτυμπανισμός)

В синодальном переводе здесь стоит слово «увещания», но славянский ближе к оригиналу (утешения – «της παρακλησεως»), именно это значение и имеет ввиду Златоуст.

*

Беседы эти произнесены святителем в Константинополе, при конце его жизни, около 404 г. по Р. Х.